

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10(4)
2020

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- В.В. Калиновский, А.С. Пученков** — «Последний аккорд Серебряного века»: наука и культура в Крыму в 1920 г. 4
- Л.Н. Лобченко** — Становление и развитие экологического образования в России XIX—XX вв.: историко-правовой анализ..... 15

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.Б. Макеева, В.Г. Дацышен** — История деятельности совместных российско-китайских предприятий на территории регионов РФ и Северо-Востока КНР (2000—2010-е гг.) 31
- С.А. Буторов, А.С. Буторов, О.М. Каныгина** — Общественно-политическая мысль США о формах правления в государствах постсоветского пространства 42
- Ю.М. Гусейнов** — Радикализация молодежи Дагестана в постсоветское время 49
- Р.В. Костюк, Е.П. Каткова** — Франко-югославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970—80-е гг. 53
- Н.М. Игнатова** — Функционирование системы спецпоселений в протоколах совещаний спецкомендантов Вологодской области 1954—1955 гг. 67
- С.В. Виноградов, Ю.Г. Ещенко** — Промышленность Астраханской области в годы Великой Отечественной войны 76

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

А.Э. Бедель, М.В. Михеев — Медная промышленность Свердловской области в 1940—1953 гг. (данные статистики).....	85
В.В. Кулачков, И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин — Роль социальных коммуникаций в модернизации российской деревни 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской, Гомельской, Орловской и Курской губерний)	93
Л.С. Аджиева, С.В. Долецкая, Я.А. Ивлева — Становление курортологии в Евпатории в последней четверти XIX — первой трети XX в.	104
М.-П.Б. Абдусаламов — К вопросу о феодализме в кумыкских государственных образованиях (XVI—XVIII вв.)	120
Р.М. Валеев — Формы развития торговли в Волжской Булгарии в IX — начале XV вв.	130
И.И. Бахшиев — Культурная стратиграфия поселения эпохи бронзы Олаир в Башкирском Зауралье	137
Чжоу Гочан, Сунь Ичжи — Ликвидация советского присутствия в Шанхае 1927—1928 гг.	147
Тэн Юэ — Культура Ши Цзин династии Сун в Китае — Цы династии Сун в музыкальном контексте.....	159

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

М.В. Новиков, Т.Б. Перфилова — «Это был человек труда»: памяти М.М. Хвостова	166
Л.А. Ивкина — Патриот и гуманист: памяти кубинского ученого Эмилио Роига де Леучсенринга (1889—1964)	174

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

В.В. Машковцева — Дети старообрядцев как объект конфессиональной политики региональных властей во второй четверти XIX в. (на материалах Вятской губернии)	184
В.В. Михайлов, К.В. Лосев — Переход русинов Австро-Венгрии в лоно православия в конце XIX — начале XX вв.: упущенная для России перспектива	196
Г.М. Молотова, Э.М. Молотова — Концепт инсан-и камил в учении суфиев.....	206

Л.Е. Янгутов, М.В. Орбодоева — Буддизм в истории Китая периода Южных и Северных царств	216
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

С.С. Степанова — Политические партии России в общественно-политическом дискурсе в постперестроечный период (к истории вопроса)	226
---	-----

ИСТОРИЯ И ПРАВО

П.И. Иванов, А.С. Шитов — Коррупция и борьба с ней в исторической ретроспективе	236
--	-----

В.О. Лапин — Опыт борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями в годы новой экономической политики	245
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.Н. Шайдуров, Д.А. Коско — Польские ссыльные глазами современников (по материалам мемуаристики второй половины 1860-х — 1910-х гг.)	255
---	-----

В.И. Голдин, Ф.Х. Соколова, А.Е. Шапаров — Гражданская война и международная интервенция на Русском Севере: критическое суждение о книге израильского историка	265
---	-----

С.И. Подольский — Давыдов А.Ю. Третий фронт гражданской войны в России. Мешочничество	273
--	-----

М.К. Шелковенко — Е.В. Пчелов, И.М. Афонасенко. Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов	279
---	-----

А.С. Пученков — «Колокольчики», «юденьки» и «врангелевки»	282
--	-----

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi74 УДК 93/94

«Последний аккорд Серебряного века»: наука и культура в Крыму в 1920 г.

В.В. Калиновский, А.С. Пученков

Аннотация. Статья посвящена развитию науки и культуры в короткий период врангелевского Крыма — 1920 год. В это время на территории полуострова работали ярчайшие деятели русской культуры: О.Э. Мандельштам, М.А. Волошин, Б.Д. Греков, Г.В. Вернадский, В.И. Вернадский и другие. Статья содержит обзор жизни и деятельности русской интеллигенции в 1920 году в Крыму, составленный по материалам периодической печати — важнейшего источника для изучения истории Гражданской войны на Юге России, значение которого в полной мере еще не оценено исследователями.

Ключевые слова: П.Н. Врангель, Крым, Белое движение, наука, Гражданская война, Б.Д. Греков.

Abstract. This article is devoted to the development of science and culture in the short period of the Wrangel Crimea — 1920. At this time, the brightest figures of Russian culture of that time worked on the territory of the small Peninsula: O. E. Mandelstam, M. A. Voloshin, B. D. Grekov, G. V. Vernadsky, V. I. Vernadsky and others. The article provides an overview of the life and activities of the Russian intelligentsia in 1920 in the Crimea, based on materials of periodicals as the most important source for studying the history of the Civil war in the South of Russia whose value is to be fully evaluated.

Key words: P. N. Wrangel, Crimea, white movement, the science, Civil war, B. D. Grekov.

Развитие науки и культуры в Крыму в период правления П. Н. Врангеля, несмотря на яркость и самобытность этого феномена, продолжает оставаться одной из наименее изученных страниц отечественной истории. Развивая образ, предложенный литератором З. Прилепиным, можно сказать, что именно здесь прозвучал подлинный «последний аккорд Серебряного века». Ученые, писатели и деятели искусства получили в Крыму последнюю на родной земле возможность заниматься профессиональной деятельностью в том формате, к которому они привыкли в эпоху, пред-

Калиновский Владимир Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.kalinovskiyi@yandex.ru; *Пученков Александр Сергеевич* — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru.

Kalinovsky Vladimir V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Institute of History of Saint Petersburg State University. E-mail: v.kalinovskiyi@yandex.ru; *Puchenkov Alexander S.* — doctor of historical sciences, professor of the Institute of History of Saint Petersburg State University. E-mail: ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru.

шествовавшую военным и революционным потрясениям. Корректным, на наш взгляд, будет сравнение жизни и деятельности подвижников науки и культуры в этот период со своеобразной игрой, участникам которой предлагается сохранять свои привычные занятия в принципиально новых историко-политических условиях, делать вид, будто жизнь вернулась в мирное русло и неизбежно движется к новым успехам. В условиях голода, разрухи, инфляции и Гражданской войны делать это было весьма затруднительно, однако оказавшиеся на полуострове ученые и деятели культуры по мере сил и возможностей и вопреки обстоятельствам справлялись с данной задачей. В качестве доказательства этого утверждения обычно приводят мнение выдающегося русского историка, непосредственного свидетеля и участника «врангелевской эпопеи» Г.В. Вернадского. Он считал, что в этот период «в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни»¹ Действительно, в ту пору в Крыму оказались многие известные ученые, чьи имена были на слуху как в России, так и за ее пределами. Назовем лишь нескольких из них: философ, богослов и экономист С.Н. Булгаков, академик-естествоиспытатель В.И. Вернадский, историк Б.Д. Греков, филолог Н.К. Гудзий, математик Н.М. Крылов, геолог В.А. Обручев, философ Л.И. Шестов. Одних этих имен достаточно, чтобы признать, что концентрация научной элиты в Крыму при П.Н. Врангеле достигла небывалого уровня. При этом вершин своей работы достигли и местные кадры, в первую очередь — члены Таврической ученой архивной комиссии во главе с видным историком-крымоведом А.И. Маркевичем.

Наиболее серьезными исследованиями истории культуры и науки в Крыму в период режима П.Н. Врангеля следует признать изыскания Л.П. Кравцовой и А.В. Мальгина². Значительный вклад в расширение базы источников, касающейся этого явления, внес профессор С.Б. Филимонов, который републиковал и прокомментировал ряд материалов из газет, выходивших в Крыму в годы Гражданской войны³. Благодаря этому в научный оборот были возвращены многие статьи и заметки, которые расширяют представления о деятельности классиков отечественной литературы и науки. С.Б. Филимонов не случайно обратил внимание на газеты — в период Гражданской войны зачастую именно пресса становится единственным источником, своеобразной фотографией текущего момента, позволяющей восстановить и охарактеризовать многие события, происходившие на Юге России. При этом стоит отметить, что до настоящего времени крымская периодика времен «Русской Смуты» и «Русского Исхода» не изучена в полной мере, и ее информационный потенциал только начинает раскрываться исследователями. Этим обусловлено то, что в основу предлагаемой статьи положены именно публикации региональных газет.

Отсутствие возможности опубликовать результаты своих исследований, равно как и необходимость зарабатывать на жизнь, стимулировало проведение публичных лекций, диспутов и научных экскурсий. Чаще всего они соответствовали актуальным запросам публики и насущным общественным проблемам.

Однако в отдельных случаях лекции, хотя и читались учеными, но были крайне далеки от науки. Так, в конце апреля 1920 г. на сцене Театра

тра Таврического дворянства в Симферополе с циклом лекций «О масонстве» выступал профессор Петроградской Духовной академии Н.М. Малахов. Местные газеты отмечали, что данная тема «затрагивает один из животрепещущих вопросов современности, освещая истинный смысл текущих событий с совершенно новой стороны»⁴ Цикл состоял из трех лекций с характерными для конспирологических теорий названиями: «Тайный враг», «Масонство и евреи» и «Культе сатаны»⁵ Корреспондент А. Смирный охарактеризовал цель этого цикла следующим образом: «поднести толпе что-нибудь таинственное и пугающее, что, по словам поэта, ударило бы в голову, “шевели не мысль, а волосы”». <...> Та же атмосфера мистической загадочности, те же намеки тайные на то, чего не ведает никто, то же запугивание воображения»⁶ В Севастополе и Симферополе с докладом «Главнокомандующий, Правительство и общественные силы» выступал депутат первой Государственной думы и участник «быховского сидения» А.Ф. Аладьин⁷. С лекцией «Рубль, причины обесценения и меры его восстановления», явно продиктованной актуальной тогда ситуацией, выступал известный экономист, профессор П.П. Гензель⁸.

Наиболее резонансным как по составу участников, так и по общественной реакции стал диспут «Наше время в свете исторического процесса», который состоялся 18 мая 1920 г. в Театре Таврического дворянства в Симферополе⁹. В нем приняли участие профессора Р.И. Гельвиг, Б.Д. Греков, П.И. Новгородцев и И.П. Четвериков. Предполагалось участие в мероприятии и С.Н. Булгакова, но он не смог выступить в этот день. Диспут рассматривался как попытка отыскать скорейшие пути возрождения страны¹⁰. Ученые характеризовали современную им эпоху с точки зрения различных наук: биологии и эволюционной теории (проф. Р.И. Гельвиг), истории (проф. Б.Д. Греков), философии и государственного права (проф. П.И. Новгородцев), психологии и этики (проф. И.П. Четвериков). При этом диспута, то есть научного спора, в классическом понимании не было: все участники рассуждали о прошлом, настоящем и будущем страны. В частности, в заключительном слове профессор Р.И. Гельвиг заявил, что «Россия жила при искусственном освещении, потом попала во тьму, но скоро настанет для нее яркий солнечный день»¹¹. Будущий глава советской исторической науки Б.Д. Греков в ходе диспута попытался «найти такие черты, которые, несомненно, свидетельствуют о стойкости русской культуры, о крепкой спаянности отдельных племен русской нации между собой, о твердости государственного сознания в русском человеке, — черты, которые служат залогом того, что со своей нынешней болезнью наша родина все-таки справится»¹².

Успехи публичных мероприятий способствовали учреждению в мае 1920 г. «Кружка лектора», который был призван способствовать распространению научных знаний среди населения Крыма. В состав кружка вошли профессор Р.И. Гельвиг, С.Г. Сабинин, И.П. Четвериков и другие ученые. Предполагалось устроить высшие образовательные курсы в Симферополе и читать лекции в различных уголках Крыма, в том числе в войсках и военных учебных заведениях, а также среди рабочих и крестьян, осуществляя, таким образом, не только просветительскую, но и пропагандистскую деятельность¹³.

Отсутствие средств вынуждало ученых придумывать такие просветительские мероприятия, которые не требовали никаких затрат. Так, ректор Таврического университета Р.И. Гельви́г организовал экскурсию в горы для наблюдения за восходом солнца ¹⁴.

Еще одним способом заработать дополнительные средства для деятелей науки и культуры становилось участие в деятельности крымских газет. Так, с крупнейшим симферопольским изданием «Южные ведомости» сотрудничали такие значимые фигуры, как В.В. Вересаев, Г.К. Воблый, С.Я. Елпатьевский, С.С. Салазкин, К.А. Тренев, И.С. Шмелёв и другие ¹⁵.

Разумеется, в тех трудных условиях уходили из жизни многие ученые. Так, 26 апреля 1920 г. не стало одного из основателей научного лесоведения, профессора Г.Ф. Морозова ¹⁶. На смерть коллеги откликнулся академик В.И. Вернадский, который с тревогой отмечал: «Здесь, в небольшом уголке России, мы встречаемся почти каждую неделю с известиями о гибели культурных работников. А что делается там, в остальной России? И кто придет им на смену? Каждая такая смерть заставляет нас сознавать ответственность, лежащую на еще оставшихся. Надо смыкать ряды, еще интенсивнее продолжать культурную работу, ибо только на этом пути, по которому всю жизнь шел Г.Ф. Морозов, для нас спасение от наступающего одичания и варварства» ¹⁷.

Слова академика находили подтверждение в жизни — представители интеллигенции в буквальном смысле спасали своих известных современников, оказавшихся в бедственном положении. Так, правление литературного общества имени А.П. Чехова и редакция газеты «Таврический голос» организовали сбор средств для «короля фельетона», писателя В.М. Дорошевича ¹⁸. Однако тяжелые условия не позволяли собрать требуемые суммы: то же издание отмечало, что пожертвований в пользу литератора почти не поступало ¹⁹.

Желание сохранить жизнь и обеспечить себе привычные условия существования привело в Крым ряд известных артистов, которые ранее изредка приезжали сюда на гастроли, а иные до войны ни разу не бывали на полуострове. В соответствии с народной мудростью не было бы счастья, да несчастье помогло — крымская публика могла видеть премьеров столичных сцен. Однако крымские реалии далеко не всегда соответствовали даже минимальным запросам деятелей искусства. Как отмечал корреспондент газеты «Таврический голос», писавший под псевдонимом Профан, «жутко становится от того, в каких азиатских условиях беженства жрецам искусства приходится служить самым прекрасным достижениям человеческого гения» ²⁰. Однако, поскольку вопрос творчества становился равнозначным вопросу выживания, легенды сцены соглашались на выступления на любых подмостках. Так, частыми стали выступления знаменитого лирического тенора Л.В. Собинова ²¹. Они проходили в переполненных залах и пользовались колоссальным успехом ²². На сцене Театра Таврического дворянства выступали артист императорской оперы Л.М. Сибиряков и прима Петроградской музыкальной драмы А.М. Кропивницкая ²³. Резонанс вызвали выступления писателя А.Т. Аверченко, «невенчанного короля русского юмора», который до этого не баловал крымскую публику своим чтением: «Когда в другое время мы, симферопольцы, могли бы увидеть такого закоренелого петербуржца, как писа-

тель Аркадий Аверченко, каждое лето проводившего или в благословенной Венеции на Лидо, или Биаррице?»²⁴

При этом условия военного времени и социально-политической нестабильности неизбежно сказывались на упрощении сценического репертуара. Публика видела в театре отдушину от тягот жизни, поэтому там ставились в основном произведения легкого жанра. Так, в программу театра В.И. Снарского входили старинный водевиль «Беда от нежного сердца», оперетта Ф. Легара «Розеншток и Эдельвейс», скетч «Румынский вальс», музыкальный гротеск «Кузен, кузина и луна» и цыганские танцы²⁵. Показательно, что на самом закате врангелевской эпопеи, в октябре 1920 г., Отдел народного образования, «находя, что в последнее время в кинематографах и в театрах, где ставятся миниатюры и всякого рода “пьески”, культивируется разврат, чрезвычайно вредно отражающийся на молодежи», ходатайствовал перед высшей властью о введении цензуры пьес и кинолент²⁶.

Тягостное ощущение времени отражалось даже в объявлениях, приглашавших жителей в цирк. Удивительным образом, минуя военную цензуру, в прессе по этому поводу появлялись красноречивые сентенции такого рода: «Сегодня вы, конечно, пойдете в цирк... Пойдете не только потому, что вы уже давно не смеялись, как ребенок, от души, просто и весело, пойдете не только потому, что в радостном цирке, среди добродушных вечных скоморохов, можно больше, чем где-либо, отдохнуть от того мертвецкого цирка, каким стала теперь наша жизнь...»²⁷.

До сих пор не до конца исследованным остается пребывание на подконтрольных белому режиму территориях деятелей, для которых взлет карьеры пришелся на период правления И.В. Сталина, а потому крымская страница их биографии, как правило, остается наименее известной. Кроме упомянутого Б.Д. Грекова, в этот список можно внести еще целую плеяду известных имен. Так, именно во врангелевском Крыму состоялась премьера пьесы «Грешница» будущего лауреата Сталинской премии первой степени К.А. Тренёва. Как отмечала симферопольская газета «Южные ведомости», пьеса «блещет своеобразным юмором, которым отмечены все произведения автора “Владыки”, “Мокрой Балки”, “Батраков” и проникнута вместе с тем тонким характерным для таланта К. Тренёва лирическим чувством»²⁸. Огромным успехом у публики во врангелевском Крыму пользовалось злободневное обозрение «Там хорошо, где нас нет», автором которого был фельетонист и писатель-сатирик Я.П. Ядов (впоследствии — корреспондент ряда советских газет, сценарист агитационных фильмов, предполагаемый автор песни «Бублички» и учитель Д.И. Мечика, отца писателя С.Д. Довлатова)²⁹. Обозрение было настолько востребовано, что летом 1920 г. труппой В.И. Снарского было организовано турне с ее показом, в ходе которого представления состоялись в Ялте, Севастополе, Евпатории, Феодосии, Керчи и Мелитополе³⁰. Театр «Лукоморье», где демонстрировались отрывки из различных опер, был организован известным певцом, участником «Русских сезонов» Дягилева В.И. Касторским³¹. После окончания Гражданской войны он переехал в Ленинград, где преподавал в консерватории и театре оперы и балета.

Возобновили свою работу многочисленные научно-просветительские организации, проводили заседания и Религиозно-философское обще-

ство³², и Общество философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете³³. Крымское библиотечное общество пыталось организовать празднование «Дня книги»³⁴. При участии А.И. Маркевича преподавателями школ, университета и литературными работниками было открыто кооперативное товарищество авторов-издателей «Таврида», которое намеревалось публиковать книги и учебные пособия³⁵. Подлинный ренессанс переживала Таврическая ученая архивная комиссия, в состав которой вошли многие известные исследователи. Вышедший в мае 1920 г. 57-й том «Известий» комиссии был охарактеризован местной прессой как «роскошный подарок тем немногим в наши дни “оригиналам”, которые еще живут в чистом мире мыслей и бескорыстно интересуются наукой, а в частности — всем, любящим прошлое милой Тавриды»³⁶. Для сохранения культурного наследия полуострова, заведования музеями и проведения раскопок была учреждена Главная археологическая комиссия³⁷.

Комиссией по изучению производительных сил Крыма при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы готовился к изданию сборник, который должен был охарактеризовать основные природные ресурсы полуострова. Предполагалось, что работа будет переведена на иностранные языки, чтобы в странах Западной Европы ознакомились с природными богатствами региона. Сборник должен был состоять из семи разделов («Атмосфера», «Воды подземные и проточные», «Полезные ископаемые», «Почвы Крыма», «Растительный мир Крыма», «Животный мир Крыма», «Крым как курорт»), а в авторский коллектив входили В.И. Вернадский, В.А. Обручев, А.В. Вознесенский, Г.Н. Высоцкий, Н.Н. Кузнецов и другие авторитетные исследователи³⁸. К сожалению, сборник, который был бы актуален и сегодня, так и не увидел свет, а рукопись считается утраченной.

Во врангелевском Крыму продолжил свою работу и созданный в 1918 г. в Симферополе Таврический университет. Его первым ректором был профессор анатомии, ученик прославленного П.Ф. Лесгафта, Р.И. Гельвиг. Под его началом трудился профессорско-преподавательский состав, собранный из приезжих и местных кадров, и студенческий коллектив, многие члены которого попали в Крым в годы Гражданской войны. Для ученых, оказавшихся на полуострове, работа по специальности в высшем учебном заведении была счастливой возможностью выжить, не оставляя своего ремесла. Однако университетского жалования хватало далеко не всегда, поэтому приходилось, спасаясь от голода, заниматься торговлей папиросами и бубликами, распилкой дров и т. д.³⁹ Катастрофически не хватало учебников, иногда на весь Симферополь было два-три экземпляра необходимых пособий⁴⁰. При этом тяжелейшие условия способствовали созданию уникальной атмосферы единения в самом университете. Так, после последней семестровой лекции студенты всех факультетов устроили чествование Р.И. Гельвига, подчеркивая его внимательное отношение к учащимся, колоссальный труд, строгость и справедливость. При этом было отмечено, что «ни в одном из университетов не наблюдалось столь дружного единения между студенчеством и профессурой, как в Таврическом университете». Кафедра профессора была усыпана цветами, а его самого вынесли из аудитории на руках⁴¹. Демократичная

атмосфера проявлялась, в частности, в создании в университете паритетных комиссий, в состав которых входили профессора и студенты. Эти комиссии были призваны привлечь обучающихся к участию в решении тех вопросов академической жизни, которые непосредственно затрагивали интересы студенчества. С той же целью создавались и факультетские комиссии ⁴².

Авторитет Р.И. Гельвига был велик не только в среде студенчества, но и среди чиновников. Премьер-министр врангелевского правительства А.В. Кривошеин предлагал ему занять пост начальника управления ведомством народного просвещения, но в условиях военного времени правительство все же отказалось от идеи создания самостоятельного ведомства, которое курировало бы вопросы образования и науки ⁴³.

Деятельность Таврического университета в это время была полностью подчинена вызовам эпохи, в частности — необходимости снабжения Крыма продовольствием. По этой причине на агрономическом факультете были образованы две кафедры: метеорологии с климатологией и мелиорации, гидротехники и сельскохозяйственного строительства ⁴⁴. Для проведения практических занятий по различным областям садоводства и виноградарства университету был передан Никитский ботанический сад. Его директором был назначен профессор кафедры физиологии растений, академик В.И. Палладин ⁴⁵.

Жизнь Р.И. Гельвига оборвалась 19 сентября 1920 г. Он умер в 47 лет от тифа, которым заразился во время служебной поездки в Севастополь (в одном вагоне с профессором перевозили взятых в плен и зараженных этой опасной болезнью бойцов Красной армии). Профессор П.П. Гензель в некрологе обращался к усопшему со следующими словами: «Твои заветы нам дороги, твое дело не погибнет и твое имя навсегда крупными буквами запечатлено в истории Таврического университета, — того единственного университета Великой России, который уцелел от большевистского разгрома...» ⁴⁶

Наиболее очевидным кандидатом на пост ректора университета считался академик В.И. Вернадский. Просить его баллотироваться на эту должность отправлялись целые делегации преподавателей и студентов. Ученый был поставлен перед сложным выбором — отказаться ли от выезда за границу, к которому на тот момент готовился, в пользу университетского сообщества ⁴⁷. Решение было принято в пользу университета, и на собрании совета профессоров Таврического университета В.И. Вернадский был избран ректором (не единогласно — поступило 37 голосов за него и 9 против) ⁴⁸. Как писала в связи с этим газета «Таврический голос», имя В.И. Вернадского, «хорошо известное не только в России, но и во всей научной Европе, высоко подымает моральный авторитет единственного избежавшего большевистской разрухи рассадника науки» ⁴⁹.

В рассматриваемый период в Керчи действовал Боспорский университет, который содержался на частные пожертвования, поступавшие от городской власти, местного торгово-промышленного союза и купеческого общества. Университет, открывший свои двери в августе 1920 г., состоял из коммерческо-экономического и историко-археологического факультетов ⁵⁰.

Крайне тяжелым было положение оказавшихся в Крыму литераторов. Их центром притяжения на полуострове стал дом М. А. Волошина в Коктебеле. По сообщению севастопольской газеты «Крымский вестник», В. В. Вересаев занимался переводами древних поэтов «в стол», не имея возможности напечатать свои работы, П. С. Соловьева (писавшая под псевдонимом Allegro) была вынуждена вышивать шапочки на продажу, чтобы как-то существовать, а И. Г. Эренбург, по выражению корреспондента газеты, содержащему явную библейскую отсылку, «просто безработный и питается акридами и диким медом»⁵¹.

Для еще одного жильца дома М. А. Волошина, О. Э. Мандельштама, пребывание в Крыму едва не стало роковым. В конце июля 1920 г. он был арестован в Феодосии по подозрению в принадлежности к партии коммунистов-большевиков и едва не расстрелян⁵². Заступником поэта стал стихотворец-любитель, полковник А. В. Цыгальский, подражавший многим поэтам Серебряного века и выпустивший свои избранные произведения в сборнике «Душа русского гражданина». Благодаря отзыву И. Горева в газете «Таврический голос» до нас дошли строфы этого человека, спасшего жизнь великому поэту, в которых, по мнению рецензента, «действительно витает русская душа наших дней, измученная, заглянувшая в темные пропасти отчаяния, окрыленная огненными пророчествами»:

Сплошная язва, бред и скука.
Скиф и варяг.
Мечты, трагическая маска
Среди сермяг⁵³.

Одной из попыток возвращения к прежней, дореволюционной жизни стало возрождение литературно-художественных кабаре. Среди богемы начала XX века были популярны «Бродячая собака», «Привал комедиантов» и «Петрушка» — «те милые, интимные камельки, тот уголок от своего очага, около которого грелись вечные бродяги, одинокие странники — артисты, художники, поэты». Однако появившиеся в Крыму заведения подобного рода («Уголок артиста», «Дом артиста» и другие), по мнению корреспондента газеты «Таврический голос», «тотально вырождались в кабаки, пьяный, уличный и тупой»⁵⁴.

Последним заметным явлением научной жизни Крыма при П. Н. Врангеле стал съезд Таврической научной ассоциации, который состоялся в конце октября 1920 г. — за считанные недели до катастрофического поражения белых и Великого Русского Исхода. Повестка мероприятия соответствовала политическому моменту. Исключительное впечатление на делегатов произвело выступление профессора А. В. Репрева, «нарисовавшего мрачную картину питания современных горожан как в Крыму, так и в Совдепии, питания, имеющего все признаки неполного голодания, влекущего за собой вырождение и гибель»⁵⁵. Помимо докладов на съезде обсуждалась выработка воззвания к ученым всего мира от имени русских ученых, собравшихся в Крыму. В этом документе предполагалось обратить внимание общественности на катастрофическое положение русской культуры и науки, гибнущей в огне Гражданской войны, а также просить международной поддержки для ученых и деятелей культуры, оставшихся в Крыму⁵⁶.

Своеобразный итог деятельности русской интеллигенции был подведен на съезде в докладе В. И. Вернадского. В интерпретации газеты «Таврический голос» прославленный академик произнес следующее:

«Старая государственная форма России умерла и никогда не вернется. Мечтать о реставрации могут только люди, абсолютно лишенные чутья реальной действительности. Но не вернется и старая форма русской интеллигенции. Она погибла в обломках революции, и это хорошо, ибо вина за многое, что совершилось и совершается, лежит на ней, старой русской интеллигенции. <...> Новая Россия, будет ли она меньше в своих границах, чем раньше, как думают многие, или больше, как думаю я, но она будет единой. Может быть, федеративной, может быть, с широкой областной автономией, но единой. И новая интеллигенция будет понимать и ценить это единство. Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства. <...> Итак, создается новая интеллигенция, и грядет новая Россия. В ней не будет места Обломовым и героям Чехова. И соответственно новым задачам должна быть построена новая школа»⁵⁷.

В беседе с корреспондентом газеты «Южные ведомости» П. Н. Врангель заявил: «История оценит сама стремления и труды горсти русских людей в Крыму, которые в полном одиночестве на последнем клочке русской земли боролись за устои и счастье человечества, за отдаленные очаги европейской культуры»⁵⁸. Их борьба не увенчалась успехом, однако в тяжелейших условиях Гражданской войны подвижники науки и культуры не изменили своему призванию и старались до последнего сохранить верность долгу. Врангелевская же эпопея, несмотря на то, что закончилась катастрофическим разгромом белых, стала не только последним аккордом южнорусского Белого дела, но и уникальным временем, когда были фактически дописаны страницы истории культуры старой России.

Примечания

Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19—09—00430 «Врангелевский Крым в 1920 году: опыт государственно-культурного строительства и этно-конфессионального диалога».

1. ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Крым: воспоминания. — Крымский архив. 1994. № 1, с. 33.
2. МАЛЬГИН А. В., КРАВЦОВА Л. П. Культура Крыма при Врангеле — Крым. Врангель. 1920 год. М. 2006, с. 125—142; МАЛЬГИН А. В. Культура Крыма в период Гражданской войны. — Крымский Архив. 2007. № 10, с. 12—22.
3. ФИЛИМОНОВ С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917—1920): поиски и находки историковеда. Симферополь. 2006, с. 229; ЕГО ЖЕ. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь. 2010, с. 406.
4. Анонс. — Таврический голос. 1920. № 209 (359), 23 апреля (6 мая).
5. Таврический голос. 1920. № 212 (362), 26 апреля (9 мая).
6. СМИРНЫЙ А. Чудеса в решетке (лекция проф. Петроградской духовной академии Малахова). — Южные ведомости. 1920. № 90, 29 апреля.
7. А. Ф. Аладьин. — Таврический голос. 1920. № 241 (391), 2 июня (15 июня).
8. Лекция проф. П. П. Гензеля. — Таврический голос. 1920. № 233 (383), 23 мая (5 июня).
9. Таврический голос. 1920. № 229 (379), 17 мая (30 мая).
10. Интересный диспут. — Таврический голос. 1920. № 229 (379), 17 мая (30 мая).
11. Россия будет жить. Диспут в Дворянском театре. — Таврический голос. 1920. № 230 (380), 20 мая (2 июня).

12. Д-ий А. [Деревицкий А. Н. ?] Диспут. — Южные ведомости. 1920. № 107, 21 мая.
13. Кружок лекторов. — Таврический голос. 1920. № 230 (380), 20 мая (2 июня).
14. Экскурсия. — Таврический голос. 1920. № 228 (378), 16 мая (29 мая).
15. Объявление. — Южные ведомости. 1920. № 116, 31 мая.
16. Таврический голос. 1920. № 213 (363), 28 апреля (11 мая).
17. ВЕРНАДСКИЙ В. Памяти проф. Г.Ф. Морозова. — Таврический голос. 1920. № 214 (364), 29 апреля (12 мая).
18. ПОМОЩЬ В.М. Дорошевичу. — Таврический голос. 1920. № 285 (435), 24 июля (6 августа); От редакции. — Таврический голос. 1920. № 285 (435), 24 июля (6 августа).
19. Почему они молчат? — Таврический голос. 1920. № 287 (437), 26 июля (8 августа).
20. Профан. Вечер школы Л.В. Харченко. — Таврический голос. 1920. № 219 (369), 5 мая (18 мая).
21. Таврический голос. 1920. № 224 (374), 12 мая (25 мая).
22. Концерт Леонида Собинова. — Таврический голос. 1920. № 229 (379), 17 мая (30 мая).
23. Таврический голос. 1920. № 213 (363), 28 апреля (11 мая).
24. Зритель. Аркадий Аверченко. — Таврический голос. 1920. № 259 (409), 23 июня (5 июля).
25. Театр В.И. Снарского. — Таврический голос. 1920. № 217 (367), 2 мая (15 мая).
26. Цензура кинематографов и театров. — Крымский вестник. 1920. № 239 (9930), 28 октября (10 ноября).
27. З. Цирк. — Таврический голос. 1920. № 268 (418), 4 июля (17 июля).
28. Р. «Грешница». — Южные ведомости. 1920. № 74, 9 апреля.
29. Таврический голос. 1920. № 240 (390), 31 мая (13 июня).
30. Турне с обзорением Ядова. — Таврический голос. 1920. № 242 (392), 3 июня (16 июня).
31. Лукоморье. — Таврический голос. 1920. № 223 (373), 10 мая (23 мая).
32. Религиозно-философское общество. — Таврический голос. 1920. № 208 (358), 22 апреля (5 мая).
33. Таврический голос. 1920. № 208 (358), 22 апреля (5 мая).
34. Собрание библиотекарей. — Таврический голос. 1920. № 208 (358), 22 апреля (5 мая); День книги. — Таврический голос. 1920. № 228 (378), 16 мая (29 мая).
35. Новый издательский кооператив. — Таврический голос. 1920. № 222 (372), 9 мая (22 мая).
36. Новые книги. — Таврический голос. 1920. № 233 (383), 23 мая (5 июня).
37. Главная археологическая комиссия. — Крымский вестник. 1920. № 214 (9905), 27 сентября (10 октября).
38. Сборник «Производительные силы Крыма». — Южные ведомости. 1920. № 134, 21 июня.
39. Спасение русских ученых. — Таврический голос. 1920. № 227 (377), 15 мая (28 мая).
40. Без книги. — Таврический голос. 1920. № 221 (371), 7 мая (20 мая).
41. Чествование ректора Р.И. Гельвига. — Таврический голос. 1920. № 221 (371), 7 мая (20 мая).
42. Академическая жизнь. — Таврический голос. 1920. № 214 (364), 29 апреля (12 мая).
43. К предполагавшемуся назначению Р.И. Гельвига. — Южные ведомости. 1920. № 162, 25 июля (7 августа).
44. Новые кафедры. — Южные ведомости. 1920. № 122, 7 июня.
45. Оживление деятельности Никитского сада. — Южные ведомости. 1920. № 113, 28 мая.
46. ГЕНЗЕЛЬ П. + Р.И. Гельвиг. — Таврический голос. 1920. № 329 (479), 20 сентября (3 октября).
47. Еще делегации к академику В.И. Вернадскому. — Южные ведомости. 1920. № 209, 24 сентября (7 октября).
48. Выборы ректора. — Крымский вестник. 1920. № 216 (9907), 30 сентября (13 октября).
49. В университете. — Таврический голос. 1920. № 337 (487), 30 сентября (13 октября).
50. Боспорский университет. — Крымский вестник. 1920. 1 (14) июля. № 142 (9833).
51. Поэты в Крыму. — Крымский вестник. 1920. № 197 (9888), 5 (18) сентября.
52. ЗАРУБИН В.Г. К вопросу об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму. — Русская культура и Восток. Материалы. Симферополь. 1993, с. 78.
53. ГОРЕВ И. «Душа русского гражданина». — Таврический голос. 1920. № 270 (420), 7 июля (20 июля).

54. Зритель. «Гротеск». — Таврический голос. 1920. № 241 (391), 2 июня (15 июня).
55. Съезд научной ассоциации. — Таврический голос. 1920. № 358 (508), 27 октября (9 ноября).
56. Обращение к ученым всего мира. — Крымский вестник. 1920. № 236 (9927), 21 октября (3 ноября).
57. Русская интеллигенция и новая Россия (доклад акад. В. И. Вернадского). — Таврический голос. 1920. № 358 (508), 27 октября (9 ноября).
58. Беседа с главнокомандующим. — Южные ведомости. 1920. Экстренный выпуск, 6 июля.

Становление и развитие экологического образования в России XIX—XX вв.: историко- правовой анализ

Л. Н. Лобченко

Аннотация. Работа посвящена становлению и развитию экологического образования в России в период XIX—XX вв. Указаны основные причины, цели, направления деятельности государства по реализации экологического образования. Показано поэтапное развитие и становление правовой системы в области экологического образования, формирование и особенности реализации системы непрерывного экологического образования и воспитания подрастающего поколения в Мурманской области. Отмечены недостатки и просчеты в экологическом образовании современной школы. Показаны разнообразные формы реализации государственной экологической политики и идей устойчивого развития.

Ключевые слова: экологическое образование, реформы образования, экологизация образования и воспитания.

Abstract. The paper is dedicated to the establishment and development of environmental education in Russia in 19th-20th centuries, stating main reasons, goals, and commitments of the state in environmental education. The paper describes the stages of development and establishment of a legal framework in environmental education as well as the formation and implementation features of the system of continuous environmental education and personal development for new generations in Murmansk oblast, showing drawbacks and flaws in environmental education in modern schools and describing various ways to implement government environmental policies and sustainable development concepts.

Key words: environmental education, education reforms, greening the education and personal development.

Сегодня в условиях информационного общества средовой подход к образованию, зафиксированный в качестве перспективного на уровне ЮНЕСКО, позволяет расширить границы образовательных процессов, дает разнообразные возможности проявления потенциала личности во взаимодействии со средой¹. На современном этапе развития страны

Лобченко Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мурманский арктический государственный университет». E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

Lobchenko Liudmila N. — candidate of historical sciences, associate professor. Murmansk Arctic State University (Federal State-Funded Establishment for Higher Education). E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

особенно актуальна роль экологического образования как основы новой нравственности и опоры для решения многочисленных вопросов практической жизни людей.

В России с XVIII в. и до 1920-х гг. экологического образования практически не было. Отдельные экологические вопросы рассматривались только в рамках преподавания естествознания и основ сельскохозяйственного производства. Необходимость всеобщего экологического образования стала осознаваться мировой общественностью с 70-х гг. как единственно возможное условие предотвращения экологической катастрофы. В начале 1970-х гг. цель экологического образования отечественными специалистами понималась только как просвещение. Во второй половине 1980-х гг. на первый план вышло формирование экологической культуры и забота о защите природной среды, а не только информирование учащихся и молодежи ².

Развитие экологического образования в России имеет свою предысторию. Важной предпосылкой его становления стали природоохранные идеи русских натуралистов XIX в. (И. Г. Гмелина, Г. В. Стеллера, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, В. Ф. Зуева и др.), благодаря научной и образовательной деятельности которых уже с 50-х гг. XIX в. природоохранные знания получили распространение в образовательных заведениях всех уровней. Внедрение идей биологического направления в школьное естествознание послужило началом «экологического образования в учебных учреждениях России» ³.

Вместе с тем, экологическое образование не было принципиально новым и обособленным направлением в развитии образовательной системы. Процесс естественнонаучного образования, помимо сообщения учащимся биологических знаний, включал в себя и воспитание нравственного, эстетического, бережного отношения к природе. Эти вопросы нашли отражение в трудах целого ряда педагогов второй половины XIX — начала XX вв. (К. Д. Ушинский, Н. А. Корф, Н. Ф. Бунаков, Д. И. Тихомиров, П. Ф. Каптерев, В. П. Вахтеров, Д. Д. Семёнов). Проблемы естественнонаучного образования детей решались не столько за счет передачи естественнонаучных знаний, сколько за счет развития духовно-нравственных начал личности.

Знания из области биологии, благодаря деятельности целого ряда русских педагогов и методистов второй половины XIX — начала XX в., были переработаны, трансформированы с целью возможности изучения их в школе. Определелись требования к содержанию естественнонаучного материала, были разработаны дидактические основы преподавания курса естествоведения, включающего природоохранные вопросы, обоснования необходимости бережного, нравственного отношения к природе.

Весомый вклад в становление отечественного экологического образования, наряду с идеями русских натуралистов, внесли и зарубежные теоретики в этой области ⁴.

Следует отметить, что термин «экологическое образование» появился в 1948 г. и был введен Международным союзом охраны природы в качестве противовеса технократическому мышлению, порожденному научно-технической революцией. Именно 1948 г. принято считать датой официального зарождения экологического образования, совпавшего

со сложными политико-экологическими обстоятельствами (топливно-ресурсный кризис, экологические проблемы, приоритетность экономики по отношению к экологическим вопросам, кризисное положение в сфере образования и так далее ⁵.)

Таким образом, «рождение» экологического образования произошло не так давно, однако его значение изначально оценивалось высоко. Это объясняется тем, что во второй половине XX в. неразумность взаимоотношений людей с окружающей природной средой стала очевидной и осознаваемой. В 1946 г. появился первый в стране образовательный курс «Охрана природы», который преподавался в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В 60-е гг. прошлого века, когда общество столкнулось с ухудшением качества природы и «угрозой исчезновения многих видов флоры и фауны», «система образования», как пишут А.В. Каверин и Д.А. Массеров, «активно откликнулась на социальный заказ общества о повышении природоохранной культуры» ⁶.

Катастрофический ущерб, наносимый природному миру промышленным и сельскохозяйственным производством, а также безответственным поведением человека в условиях повседневности заставил общество задуматься о необходимости охраны природы, рациональном использовании ее ресурсов, что вместе с тем актуализировало вопросы экологического образования подрастающего поколения. Поэтому уже с конца 60-х гг. педагогическая наука стала активно прорабатывать задачи природоохранительного просвещения школьников.

Постепенно представления о социальных и педагогических аспектах решения экологических проблем расширялись и углублялись. Во многом это было связано с раскрытием собственно человеческих, социальных, сторон экологического кризиса. Общество осознавало, что преодоление противоречий между ним и окружающей средой невозможно без формирования у человека природоохранных ориентаций, без развития представлений о «самоценности природы», ответственного отношения к ней ⁷. Так было сформировано понятие *экологического воспитания* — педагогической деятельности, направленной на развитие у подрастающего поколения личностных характеристик, необходимых для установления гармоничных взаимоотношений с природой.

Благодаря интенсивному развитию экологии, накоплению знаний о взаимодействии природы и общества была сформулирована задача их адекватного отражения в содержании образования. Данный аспект изучения основ наук в школе получил название *экологического образования*. Отечественная система образования признала, что для осуществления качественного экологического образования следует включить вопросы охраны природы в состав как естественнонаучных, так и гуманитарных дисциплин. Проблемы экологии стали рассматривать в качестве некоего стержня, вокруг которого целесообразно организовать изучение смежных учебных дисциплин. Следовательно, в контексте решения вопросов организации экологического образования решалась не только задача воспитания экологической культуры, но и проблема комплексного усвоения знаний о взаимодействии природы и общества ⁸.

Следует отметить, что с самого начала осуществления экологического образования в нашей стране законодательно были закреплены право-

вые основы этого направления деятельности. В частности, еще в 1960 г. в законе РСФСР «Об охране природы в РСФСР» (от 27 октября 1960 г. № 40) указывалось:

— Статья 18. «Преподавание основ охраны природы в учебных заведениях»: «В целях воспитания у молодежи чувства бережного отношения к природным богатствам и навыкам правильного пользования природными ресурсами включить преподавание основ охраны природы в школьные программы и соответствующие разделы в учебники естествознания, географии и химии; ввести обязательные курсы охраны природы и воспроизводства ее ресурсов в высших и специальных средних учебных заведениях с учетом их профиля».

— Статья 19. «Пропаганда вопросов охраны природы» этого закона гласила следующее: «Культурно-просветительным учреждениям и организациям, издательствам, музеям, кино, радио, телевидению, редакциям газет и журналов, добровольным обществам широко пропагандировать задачи охраны природы и воспроизводства природных богатств»⁹.

Существенный вклад в развитие экологического образования внесла Конференция ООН в Стокгольме (1972). Результатом «Conference on the Human Environment» стала выработка программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), отразившей освещавшиеся на уровне правительств всемирные проблемы сохранения и преобразование окружающей среды. В рекомендациях конференции впервые была сформулирована настоятельная необходимость экологического образования и воспитания общества.

В 1975 г. в Белграде прошел международный экологический форум, в котором приняли участие все государства — члены ООН. Результатом работы стала «Белградская хартия», включившая фундаментальные формулировки целей и задач экологического образования. Белградская хартия не только констатировала значимость пробуждения сознания людей к восприятию проблем экологии и расширения их знаний о проблемах окружающей среды, но и указывала на необходимость осуществления последовательного экологического воспитания на всех уровнях образования.

Откликом на международную программу экологического образования стала Межгосударственная конференция в Тбилиси в 1977 г., проведенная по инициативе ЮНЕП и ЮНЕСКО. В ее итоговых документах утверждалось, что «экологическое воспитание следует традициям большинства стран в направлении развития образования в сторону большей связи с реальностью, к более тесным взаимоотношениям с природным и общественным окружением»¹⁰.

Существенное значение для развития экологического образования имела публикация работы «Наше общее будущее», подготовленной комиссией ЮНЕП (1987). Именно в этой работе впервые был сформулирован принцип экологически безопасного и устойчивого развития, который широко обсуждался на московской конференции (1987 г.) и всемирном форуме United Nations Conference for Environment and Development — UNCED (Конференция ООН по окружающей среде и ее развитию) в Рио-де-Жанейро (1992). Этот принцип был рекомендован конференцией ООН в качестве фундаментального основания для разработки национальных

стратегий развития. Конференция в Рио-де-Жанейро также подчеркнула значимость и необходимость распространения экологического воспитания во всемирном масштабе, что предопределило ориентированность государственной политики и отечественного экологического образования на реализацию принципа экологически безопасного и устойчивого развития ¹¹.

Ориентация на экологически безопасное и устойчивое развитие стимулировала разработку «Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», которая была утверждена Указом президента России № 440 от 01.04.1996 года. Президент поручил правительству РФ разработать проект государственной стратегии устойчивого развития и «формирование эффективной системы пропаганды, создания соответствующей системы воспитания и обучения» ¹².

Период с начала 1980-х до 1990-х гг. можно охарактеризовать как этап зарождения и формирования самостоятельных экологических специальностей, сменившийся затем этапом становления (с 1992 по 2000). С принятием в 2000 г. государственных образовательных стандартов второго поколения профессиональное экологическое образование перешло на этап совершенствования, а с 2010 г. вступило в новый этап международной унификации. Еще в 1995 г. «Экология» как самостоятельный предмет был введен в федеральный базисный учебный план и стал обязательным предметом во всех школах России.

Экологизация образования выступает неотъемлемой частью современной образовательной политики развитых стран (environmental education) в русле концепции «образования для устойчивого развития» (education for sustainable development). Она отражена в соответствующих международных и государственных программах. Так, период 2005—2014 гг. был объявлен ООН «Десятилетием образования в интересах устойчивого развития» (UN Decade of Education for Sustainable Development) ¹³.

Развитие экологического образования в условиях нарастающих экологических рисков ¹⁴ обусловило объявление Генеральной Ассамблеей ООН «Десятилетия образования в интересах устойчивого развития» (2005—2014). Основной целью образования в этот период являлось формирование мотивированной гражданской позиции по обеспечению социальной гармонии и сохранению природных основ жизнедеятельности общества.

На национальном уровне важной вехой на пути развития экологического образования стало принятие Конституции Российской Федерации в 1993 г., зафиксировавшей права человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42). Конституция определила обязанность каждого гражданина участвовать в охране окружающей среды, бережно относиться к природным богатствам своей страны (ст. 58).

Таким образом, обеспечение экологической безопасности стало рассматриваться как важнейшая государственная задача, обеспечивающая создание условий для устойчивого развития страны, достижения высокого уровня экологической культуры общества и каждого гражданина.

Формирование экологической культуры у населения страны осуществлялись в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Различные аспекты экологического образования, воспитания, формирования экологической культуры предметно расписаны в Федеральном законе «Об охране окружающей среды»¹⁵, в специальных законах субъектов Российской Федерации по охране окружающей среды, а также в специальных законах субъектов Федерации по экологическому образованию, просвещению и формированию экологической культуры.

Следует отметить, что в законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991) был выделен специальный раздел «Экологическое воспитание, образование, научные исследования».

Существенный вклад в развитие экологического образования внесли следующие принятые в России документы:

— «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечения устойчивого развития» (Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 г. № 236)¹⁶;

— «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»¹⁷, разработанная на I Всероссийском съезде по охране природы (1995).

Благодаря принятию этих документов, а также вследствие инициатив общественности и усилий Минприроды России, взявшего на себя, в соответствии с законом РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991), задачу организации системы всеобщего непрерывного экологического образования в стране, активизировалась деятельность многих как государственных, так и общественных учреждений образования, культуры, науки по экологическому образованию населения»¹⁸.

Реализации государственной экологической политики и идей устойчивого развития способствовала разработка Национального плана действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1994—2001 гг., который стал конкретным механизмом, включающим 76 мероприятий экологической направленности, в том числе 8 законопроектов, 39 федеральных целевых программ и 27 нормативных актов. Цели плана были направлены на оздоровление экологической обстановки в Российской Федерации, снижение ее неблагоприятного влияния на здоровье населения, сохранение жизнеобеспечивающих функций биосферы, эффективное участие России в международной природоохранной деятельности. Одной из первоочередных задач, предполагающих достижение этих целей, является: «Формирование эффективной системы непрерывного экологического образования, экологической культуры и экологического мировоззрения»¹⁹.

Большое внимание к законотворческой работе связано с особой значимостью разработки нормативно-правовых документов для осуществления деятельности по экологическому образованию и просвещению населения.

В частности, было принято постановление Правительства Российской Федерации от 03 ноября 1994 г. № 1208 «О мерах по улучшению экологического образования населения»²⁰, сыгравшее положительную роль в становлении и развитии экологического образования и просвеще-

ния в регионах страны. В пункте 1 данного постановления рекомендовалось органам управления на местах рассматривать развитие экологического образования в качестве приоритетного направления. В пункте 4 были прописаны рекомендации направлять до 10% средств экологических фондов на реализацию программ развития экологического образования, что обеспечило возможность целевого расходования средств экологических фондов на мероприятия по экологическому образованию и просвещению.

Разработка Национального плана действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1994—2001 гг. стимулировала не только законотворческую деятельность в области экологического образования, но и проведение предусмотренных этим планом мероприятий, в том числе всероссийских конференций по экологическому образованию и просвещению в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове и др. городах страны. Участники конференций констатировали, что Россия, как и мир в целом, подошла к опасной черте в своих взаимоотношениях с природой, требующих радикального изменения ценностно-мировоззренческих, экономических, технологических основ общественного развития.

После принятия соответствующих международных, национальных и правовых документов по устойчивому развитию возникла необходимость реформирования системы образования ²¹.

В СССР, а позднее и в России, несмотря на определенные успехи, развертывание экологического образования оказалось сложным, противоречивым процессом, столкнувшимся не только с организационными административными преградами, но и с трудностями, связанными с поверхностным пониманием значения экологических знаний в обеспечении необходимого качества жизни чиновниками и управленцами разных уровней. Непосредственные экономические интересы различных отраслей продолжают оставаться и сейчас приоритетными по сравнению с экологическими потребностями.

Разумеется, все это продолжает негативно сказываться на развитии экологического образования, просвещения, экологической культуры в стране, так и не получивших необходимой правовой и, как следствие, финансовой и материальной поддержки на федеральном уровне.

Несмотря на отсутствие федерального закона об экологическом образовании, в ряде субъектов Российской Федерации (Республика Башкортостан, Дагестан, Ивановская область, Саха (Якутия), Иркутская область, Костромская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский АО и др.) разработаны, приняты и действуют региональные законы, регулирующие сферу экологического просвещения. Активная работа по созданию новой стратегии развития экологической культуры, нормативно-правовой базы и механизмов ее регулирования проводилась на II Всероссийском съезде по охране природы (Саратов, 1999) ²².

В Мурманской области во второй половине 1990-х гг. начался процесс формирования системы непрерывного экологического образования и воспитания подрастающего поколения. Развивалось дошкольное экологическое образование, экологическое образование в общеобразовательных организациях, организациях дополнительного образования, профессиональных образовательных организациях.

В докладах за 2002 и 2003 гг. «дальнейшее развитие на территории области экологического образования, воспитания и просвещения» рассматривалось как один из путей решения экологических проблем в регионе ²³.

Для эффективного экологического образования и воспитания в регионе требовалось взаимодействие всех участников этого длительного и непростого процесса, включая дошкольное, школьное, вузовское обучение, обеспечение экологического просвещения населения через средства массовой информации, музеи, библиотеки, привлечение для этой цели научных кадров государственных заповедников и научно-исследовательских институтов.

С декабря 2001 г. в регионе было сформировано Мурманское отделение общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» (ВООП). 21 января 2003 г. Мурманскому отделению присвоен ОГРН. Региональным отделением ВООП практиковались следующие мероприятия: конкурсы методических материалов, конкурсы детских рисунков, декоративно-прикладного творчества и др.

Площадками по реализации программ экологического образования и воспитания в Мурманской области в 2008 г. стали: Мурманская областная детско-юношеская библиотека (МОДЮБ); Мурманский областной детский клуб «Природа и творчество»; ГАОУМО ДОД ЦДЮТ «Лапландия»; Мурманский областной краеведческий музей; Мурманская областная научная библиотека; ФГБОУ ВО «МАГУ»; ФГБОУ ВО «МГТУ».

В школах региона были созданы экологические уголки, в которых представлены разнообразные виды комнатных растений, материал для поделок из природного материала, адаптированные книги, фотоальбомы о природе, экологические игры. Проводились экологическая викторина «Мое Заполярье», конкурсы «Люблю тебя, мой Север Крайний!», «Чудеса Заполярья», фестиваль творческих экологических постановок «Северное сияние». Практиковались трудовые десанты по озеленению и благоустройству городской и школьной территорий ²⁴.

В целях формирования у дошкольников познавательного интереса к природе родного края, ее явлениям и объектам воспитателями ДОУ № 138 города Мурманска в течение ряда лет проводилась экспериментальная работа по внедрению регионального компонента в программу Н. Кондратьевой «Мы». В детских садах ряда городов получила широкое распространение такая форма экологического воспитания, как создание экологических троп.

В 2007/2008 учебном году в сети профильного обучения в общеобразовательных учреждениях Мурманской области доля классов естественно-научного профиля составляла 15%. Курсы «Основы экологии», «Экология», «Основы радиационной экологии», «Экология в экспериментах», «Социальная экология», «Биология, экология, эволюция» включены в учебные планы этих классов в качестве элективных. В рамках экологического образования в г. Мончегорске реализована программа «Экология» для учащихся 8—10 классов ²⁵.

Стало традицией проведение в Мурманской области экологических мероприятий: экологический субботник «Зеленая Весна»; акции «Нашим рекам и озерам чистые берега», «Сделаем вместе», День посадки леса, «Школа будущего», «А-элита» и др.

По информации Министерства образования и науки Мурманской области, в структуре основной общеобразовательной программы дошкольного образования усилена экологическая составляющая. Реализуются программы: «Маленькие фермеры», «Общество зеленых», «Объекты всемирного наследия ЮНЕСКО», «Юный эколог», «Окружающая среда и здоровье человека» и др. Свыше 80% дошкольных образовательных организаций Мурманской области реализуют программы экологической направленности ²⁶.

Начиная с 2014 г., в регионе проводится ряд мероприятий, направленных на воспитание экологически грамотной личности, наиболее значимыми из которых являются региональные этапы всероссийских мероприятий, включенных в Перечень мероприятий по государственной поддержке талантливой молодежи приоритетного национального проекта «Образование»:

- научная эколого-биологическая олимпиада обучающихся учреждений дополнительного образования детей; конкурс юных исследователей окружающей среды; юниорский лесной конкурс «Подросток»;
- олимпиада научно-исследовательских проектов детей и молодежи по проблемам защиты окружающей среды «Человек — Земля — Космос»;
- конкурс «Моя малая Родина: природа, культура, этнос»;
- конкурс исследовательских краеведческих работ обучающихся «Отечество»; конкурс «Юннат»; Российский национальный юниорский водный конкурс; Геологическая олимпиада школьников ²⁷.

Ежегодно более 25 тыс. обучающихся участвуют в тематических мероприятиях, в том числе природоохранных и экологических акциях («Месячник по охране лесов», «Мир дому твоему», «От чистого сердца к чистому лесу», «Праздник дерева», «Всемирный день животных», «Мусору нет!», «Час Земли», «Аллея дружбы», «Защитим леса Заполярья», «Поможем птицам», «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Всероссийский экологический субботник — Зеленая Россия»). Обучающиеся принимают участие в работе выездных экологических экспедиций и экскурсий по благоустройству территорий в местах захоронений солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны, посещают заповедники области, Полярно-альпийский ботанический сад-институт.

Органы и учреждения системы образования региона активно взаимодействуют с социальными партнерами по вопросам экологического просвещения детей и молодежи: Кольским региональным экологическим детским общественным фондом «Зеленая ветвь», межрегиональной общественной организацией «Природоохранный союз», «Союзом охраны птиц России», Мурманским региональным отделением Всемирного Фонда дикой природы, областным клубом флористов «Природа и творчество», региональным отделением Общероссийского детского экологического движения «Зеленая планета», Центром общественной информации Кольской атомной станции АО «Апатит», Полярно-альпийским ботаническим садом-институтом КНЦ РАН, Всероссийским обществом охраны природы и др. ²⁸. Современные средства массовой информации также играют значительную роль в распространении экологических знаний среди населения ²⁹.

В 2014 г. по сравнению с 2013 г. количество реализуемых дополнительных образовательных программ эколого-биологической направленности составляло 156 (в 2013 г. — 141, включая авторские), из них 15% — авторские (23 программы). Работа по реализации дополнительных образовательных программ экологической направленности с использованием медиа и интернет-технологий осуществлялась в 29% объединениях (в 2013 г. — 25%).

В 2014 г. функционировало свыше 183 эколого-биологических и туристско-краеведческих кружков (в 2013 г. — 190) на базе школ (в 2014 г. — 7,6% от общего количества школьных кружков), в которых занимались 2840 учащихся (в 2013 г. — 8,5% — 3050 обучающихся)³⁰.

В 2015 г. были организованы практические занятия на учебно-опытных участках. Подобные занятия проводились на базе 42 общеобразовательных организаций, 6 организаций дополнительного образования. В области также функционировали школьные лесничества (г. Полярный, г. Полярные Зори).

В стране продолжают действовать центры дополнительного экологического образования, где дети разных возрастов могут ближе общаться с природой, проводится Всероссийская олимпиада школьников по экологии. В 2015 г. в ней приняли участие десятки тысяч детей, при этом в процесс проведения олимпиады включается все больше регионов³¹.

Экологическое воспитание занимает значительное место и в системе дополнительного образования детей Мурманской области: 87% от общего количества организаций дополнительного образования реализуют программы эколого-биологической направленности, 14% от общего количества проводимых региональных мероприятий имеет экологическую направленность³².

Ежегодно в Мурманской области проводятся региональные этапы всероссийской олимпиады школьников по экологии и биологии. В области охраны окружающей среды реализуются 97 проектов.

В Мурманском областном дворце развития творчества детей и юношества «Лапландия» разработаны и реализуются авторская комплексная программа «Живая планета» для детей младшего школьного возраста, комплексная программа «Мастерская природы» для обучающихся среднего школьного возраста, модифицированная программа «Юный натуралист» для обучающихся дошкольного возраста, авторская программа «Я — исследователь», авторская программа «Аквариумное рыбоводство» для детей старшего школьного возраста и молодежи. Всего по перечисленным программам обучается 125 человек.

Вместе с тем региональный опыт в сфере экологического образования нуждается в обобщении и распространении. Это относится к многочисленным публикациям научного и популярного характера по вопросам развития экологического образования. Осознавая это, научная общественность еще на Первом Общероссийском экологическом форуме (Москва, 2001) разработала и приняла Экологическую доктрину Российской Федерации³³. Она включала основные принципы государственной политики в области взаимодействия общества и природы, направленные на обеспечение экологической безопасности страны, улучшение качества жизни и здоровья людей.

Основное направление государственной экологической политики — формирование общественного сознания и развитие экологического образования. Поскольку экологическое образование, по определению академика РАО И. Д. Зверева, это «непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, ценностных ориентаций, нравственно-этических и эстетических отношений, обеспечивающих экологическую ответственность личности за состояние и улучшение социоприродной среды»³⁴, то его организация требует не только разработки соответствующих нормативов и определения перспектив развития, но также тщательной проработки теоретических и практических шагов в достижении желаемых результатов.

Необходимость выверенных и обоснованных практических действий, направленных на экологизацию образования, обусловлена тем, что «сегодняшним подросткам и молодежи предстоит жить в условиях непредсказуемых последствий антропогенного воздействия человечества на природу»³⁵, и именно развитость системы экологического образования будет определять уровень адаптации молодых людей к быстро меняющимся условиям современного мира.

Следует отметить, что в процессе некоторых социологических исследований была выявлена достаточно высокая степень экологической неосведомленности молодежи. Низкий уровень экологической информированности, по мнению Ш. Ф. Фарахутдинова, является не только свидетельством незаинтересованности, но и результатом недостаточности природоохранительного просвещения и образования.

Весьма критично оценил состояние экологического образования в стране и Н. М. Мамедов, который отмечает, что в России состояние экологического образования не отвечает интересам населения и не соответствует мировым тенденциям в данной области. В государственных стандартах образования экологическим знаниям уделяется все меньше и меньше внимания. Проповедуется некий свободный, «демократический» принцип в экологическом образовании, когда незнание основ жизни и существования человека выдается за альтернативный педагогический путь. На деле — это путь, ведущий к экологической безграмотности и принятию опасных решений в самых различных областях человеческой деятельности. Здесь, по существу, проявляется некомпетентность людей, отвечающих за методологию, содержание, организацию образования в масштабах страны»³⁶. (где начало цитаты?) Такой подход к организации экологического образования свидетельствует не только о педагогической некомпетентности управленцев в сфере образования, но и их правовой неграмотности, ведь главным основанием экологического образования является право человека на благоприятную среду.

Экологическое образование должно содействовать перестройке образовательной системы, проникнув во все его уровни и формы. В некоторых учебных заведениях (в частности на географическом ф-те МГУ им. Н. П. Огарёва) практиковались специальные курсы по устойчивому развитию, целью которых была «подготовка общественного мнения к осознанию важности решения глобальных социально-экономических и экологических проблем для современной цивилизации»³⁷.

Очевидно, что проблема рационализации потребностей в условиях обострения глобальных проблем предполагает выработку целей, общих для всего человечества, разработку путей и форм распространения общечеловеческих ценностей, формирование экоориентированного глобального сознания, способного адекватно преломиться в сознании отдельных индивидов, ориентируя их устремленность на реализацию идей устойчивого развития в структурах социоприродного бытия. Это предполагает осуществление необходимых изменений в экологическом образовании и просвещении в контексте реформирования всей системы отечественного образования в интересах устойчивого развития.

Новая образовательная модель должна интегрировать в своем содержании не только отечественные традиции социализации, но и существенные основания экоориентированной образовательной парадигмы. В соответствии с методологическим утверждением П. Штомпки, «новые парадигмы не обесценивают старые, а добавляются к ним, в сумме обогащая наше видение»³⁸.

Определенная консервативность института образования связана с медленной сменой образовательных направлений и неготовностью к инновациям некоторых специалистов, работающих в этой сфере. «По мнению Е. Ю. Колесниковой это, с одной стороны гарантирует некоторую устойчивость данному институту в период трансформации. Но, с другой стороны, утрата прежних ориентиров и целей без обретения новых может привести к редукции понимания функции института образования (уходит, или сильно трансформируется, к примеру, воспитательная компонента), а также — к “расползанию” системы образования в разных направлениях»³⁹.

Следовательно, идеи устойчивого развития, будучи перспективами, к которым стремится общество, требуют изменения и самого института образования в соответствии с ними. К сожалению, идеи устойчивого развития еще не нашли отражения в новой образовательной модели, что, по мнению специалистов, является не столько кризисом образования, сколько кризисом «целеполагания в этой важной области»⁴⁰.

Поскольку главной задачей экологического образования является формирование у учащейся молодежи и общества в целом экологического мировоззрения на основе единства научных и практических знаний, ответственного и положительного эмоционально-ценностного отношения к своему здоровью, окружающей среде, улучшению качества жизни, удовлетворению потребностей человека, то необходимо решить следующие задачи:

- внедрять в процессе образования знания, необходимые для понимания;
- процессов, решения локальных социально-экологических проблем;
- воспитывать бережное отношение к природе, формировать активную;
- гражданскую позицию;
- развивать умение анализировать экологические проблемы и
- прогнозировать последствия деятельности человека в природе.

Трансформация образовательной системы в соответствии с идеями устойчивого развития предполагает создание единой экообразовательной

вертикали, охватывающей все возрастные категории населения. Это было предусмотрено Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». В разделе «Основы формирования экологической культуры» устанавливалась «система всеобщего и комплексного экологического образования, включающая в себя дошкольное и общее образование, среднее, профессиональное и высшее профессиональное образование, профессиональную переподготовку и повышение квалификации специалистов, а также распространение экологических знаний...». Впервые законодательно был определен весьма широкий круг участников распространения экологических знаний «в том числе... средства массовой информации, музеи, библиотеки, учреждения культуры, природоохранные учреждения культуры, природоохранные учреждения, организации спорта и туризма» (статья 71) ⁴¹.

Основанием экообразовательной вертикали, предусмотренной федеральным законом «Об охране окружающей среды», становилось экологическое воспитание в детских дошкольных учреждениях, которое должно отражать актуальные экологические проблемы того или иного региона и пути их решения; расширять и углублять экологические знания; формировать бережное отношение к окружающему миру.

Организация экологического образования в современной школе находится в состоянии поиска форм стандартизации и упорядочения ⁴².

В процессе школьного экологического образования особым приоритетом должны пользоваться практическая, самостоятельная, созидательная, учебно-воспитательная формы деятельности, включающие элементы учебно-исследовательской работы. По справедливому мнению И. Т. Суравегиной, «только всеобщее целенаправленно организованное экологическое образование позволит в эпоху построения гражданского общества решить задачу перевода внешних регуляторов поведения во внутренний план, реализовать то, о чем твердят педагоги, как школы, так и вуза: для того, чтобы человек выполнял свои социальные обязанности, в том числе следовал экологическим правилам, он должен не только их признавать и использовать, но и считать своими. Они должны стать его личной духовной потребностью» ⁴³.

Несмотря на то, что в последние годы развитие экологического образования стало объектом внимания общественности и специалистов ⁴⁴, педагоги отмечают несформированность ценностных экологических ориентиров у выпускников школы. У них «недостаточно развиты практические природоохранные умения, отсутствует потребность постоянного общения с природой, недостаточен уровень убежденности в необходимости охраны природы, осознания своей причастности к этому важнейшему общечеловеческому делу» ⁴⁵.

Недостатки и просчеты в экологическом образовании современной школы корректируются сферой профессионального образования, структура которого представлена начальным профессиональным обучением и высшим профессиональным образованием. Экологическое образование в системе высшей школы ведется по нескольким направлениям. Одно из основных направлений — непосредственная реализация профессионально-образовательных программ по подготовке специалистов экологического и природоохранного профиля. Число высших про-

фессиональных учебных заведений, осуществляющих их подготовку, с каждым годом возрастает.

Следующее направление — это создание фундамента научной базы экологического образования и просвещения в виде профильных кафедр, которые составляют значительный потенциал экологизации всех уровней образования и оказывают влияние на экологизацию экономики и инфраструктуры городов, районов, административных образований. В ВУЗах также создаются проблемные научные лаборатории, реализуются научно-исследовательские проекты, организуются международные стажировки молодых ученых, аспирантов и студентов. В рамках профессиональной подготовки большое место отводится научно-практическим конференциям, публикациям монографий, тезисов и научных статей, изданию научно-популярных журналов, созданию специализированных Веб-сайтов в Интернете, участию в общественных слушаниях по решению экологических проблем.

Еще одним направлением является экологическая подготовка руководителей организаций и специалистов в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. Обсуждение вопросов развития экологического образования на научных конференциях позволило констатировать: «Высшая школа объективно нуждается в реформировании в направлении большего соответствия вызовам времени»⁴⁶.

Дальнейшие изменения экологического образования должны быть связаны с экологизацией образовательной системы, проникновением во все ее уровни и формы. Только в этом случае реформирование образования будет соответствовать вызовам времени и необходимому в условиях современной экологической ситуации уровню развития экологического сознания.

Экологическое образование не является принципиально новым и обособленным направлением в развитии образовательных систем, а служит новым смыслом и целью образовательного процесса, который призван стать средством сохранения человеческой цивилизации.

Формирование экологического мышления и развитие природоохранных установок не должно замыкаться исключительно на процессе образования, оно должно охватывать все жизненные циклы, создавать условия для проявления экологической инициативы, способствуя максимальному самораскрытию человека, чувствующего свою неразрывную связь с природой.

Примечания

1. Эколого-образовательная среда региона, подходы к моделированию: Сборник научных статей (науч. ред. Е. Г. Митина). Мурманск. 2006, с. 3.
2. АБДУЛХАКОВА Э. А. Процесс становления экологического образования. В кн.: Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам II Международной научно-практической конференции № 2. Ч. I. Новосибирск. 2010, с. 10—14.
3. ФАРАХУТДИНОВ Ш. Ф. Институциональные основы формирования экологической грамотности. Дисс. ... канд. социолог. наук. Тюмень. 2006, с. 105.

4. BLOSSFELD H. P. Is the German dual system a model for a modern vocational training system? Badia Fiesolana. 1991; GAUFORD Ch. Science education and sustainability: A case-study in discussion-based learning. — Research in science and technological education. Abington. 1995. Vol. 13. № 2, p. 135—145; VERHAGEN F. C. Earth literacy education: why and how? Chapel Hill. 1995/96. Vol. 79. № 2, p. 157—163; Higher education reform processes in Central and Eastern Europe. Frankfurt am Main. 1995; International Strategy for action in the Field of Environmental Education and Training for the 1990's. UNESCO — UNEP Congress on Environmental Education and Training, Paris. 1987, p. 6.
5. ДЕВЮСТ Д., ХЕНС Л. Интеграция экологического образования и общего университетского обучения в Европе. — Высшее образование в Европе. 1990. Т. XV. № 4; ПЫСОВА Е. Б. Изучение экологии в школах во Франции. — Биология в школе. 1991. № 3; КУЗМЕНОК М. А. Становление экологического образования в Германии. — Биология в школе. 1997. № 6; ДОРНЕР М. Экологическое воспитание в Германии. — Педагогика. 1997. № 5.
6. КАВЕРИН А. В., МАССЕРОВ Д. А. Роль экологического образования в устойчивом развитии общества. — Интеграция образования. 2014. № 3, с. 46—51.
7. МАМЕДОВ Н. М. Статус образования в переходе общества к устойчивому развитию. — Вестник экологического образования в России. 2008. № 4, с. 2.
8. ВАСИЛЬЕВА В. Н. Институционализация экологического образования в России. В кн.: Экология образования в России: монография М. 2012, с. 51—83.
9. Закон РСФСР «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 г. № 40. Сборник нормативных актов (Сост.: Коган А. Г., Ромашева Л. М., под ред. Блинова В. М.) М. 1971, с. 10—19.
10. ДОРНЕР М. Экологическое воспитание в Германии. — Педагогика. 1997. № 5, с. 24.
11. ПАРФЁНОВ В. Ф. Формирование государственной политики по переходу России к устойчивому развитию. М. 1999, с. 5.
12. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Собрание законодательства Российской Федерации от 01.01.1996. № 15, с. 1572
13. WALS A. E., BRODY M., DILLON J, STEVENZSON R. B. Convergence between Science and Environmental Education. — Science. 2014. Vol. 344, p. 583—584.
14. ЯНИЦКИЙ О. Н. Экологический риск и его политическая интерпретация. — Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1, с. 26—42.
15. Федеральный закон от 10 января 2002 г. N7-ФЗ «Об охране окружающей среды». — Собрание законодательства Российской Федерации от 14 января 2002. № 2, с. 133.
16. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 1994 года № 236. — Российская газета. 1994. 09 февраля. № 26, с. 2.
17. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию»..., с. 1572
18. ЦЕРЦЕК Н. Ф. Правовые основы работы в области экологического образования, просвещения и формирования экологической культуры населения в Российской Федерации. — Вестник экологического образования. 2008. № 3, с. 13.
19. Государственная экологическая политика в Российской Федерации. — Экология и жизнь. 1999. № 2, с. 3.
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.11. 1994. № 1208 «О мерах по улучшению экологического образования населения». Собрание законодательства Российской Федерации от 01.01.1994, № 29, с. 3037.
21. МАМЕДОВ Н. М. Экологическое образование и просвещение в интересах устойчивого развития (глобальные и региональные аспекты). Ханты-Мансийск, 11—13 июня 2008 г. — Вестник экологического образования. 2008. № 3, с. 17.
22. Бюллетень Центра экологической политики России «На пути к устойчивому развитию России». 1999. № 21, с. 47.
23. Доклад о дальнейшем развитии экологического образования, воспитания и просвещения Мурманской области в 2002 г. В кн.: Управление природных ресурсов и охраны МПР России по Мурманской области. Мурманск. 2002, с. 79.
24. Экологическое воспитание и образование в Мурманской области. — Журнал «СЕВЕР строительный». 2008. URL: <https://helion-ltd.ru/>

25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. ВАСИЛЬЕВА В.Н., ЛОБЧЕНКО Л.Н. Роль информации в формировании и развитии экологической культуры населения. — Электронный журнал Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. СПб. 2018. Вып. 4, с. 29—46.
30. МЕЛЬНИКОВА Р.М., ЛАВРУШЕВА М.В. Анализ состояния эколого-образовательной среды региона (на примере мурманской области). В кн.: Материалы VIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016018762>
31. ХУРРАМОВ И.А. Проблемы экологического образования и воспитания на примере мирового сообщества. — Молодой ученый. 2012. № 11, с. 493—496.
32. Эколого-образовательная среда региона: подходы к моделированию, с. 59.
33. Экологическая доктрина РФ. — Поиск. 2001. 25 мая. № 20.
34. ЗВЕРЕВ И.Д. Приоритеты экологического образования. В кн.: Материалы 1-й Московской научно-практической конференции по непрерывному экологическому образованию. М. 1995, с. 17.
35. МАРФЕНИН Н.Н. На стыке медицины и антропоэкологии. — Вестник экологического образования в России. 2009. № 1, с. 2.
36. МАМЕДОВ Н.М. Статус образования в переходе общества к устойчивому развитию, с. 2.
37. КАВЕРИН А.В. МАССЕРОВ Д.А. Уж. соч., с. 46—51.
38. ШТОМПКА П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии. — Социс. 2009. № 8, с. 12.
39. КОЛЕСНИКОВА Е.Ю. К вопросу о кризисе в системе образования в России: социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология»: новые реалии и новые идеи». 27—30 сентября 2000 г. СПб. 2000, с. 548.
40. Там же, с. 548.
41. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» Собрании законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г., с. 133.
42. МЕДВЕДЕВА М.В. Состояние экологического образования и просвещения в регионах России. — Экологическое образование. 2007. № 3, с. 54—55.
43. СУРАВЕГИНА И.Т. Социум и экологическое образование. — Экологическое образование. 2009. № 4, с. 22.
44. ДЗЯТКОВСКАЯ Е.Н. Направления реализации Указа Президента РФ по включению экологических знаний в Государственный стандарт общего среднего образования. — Экологическое образование. 2009. № 1, с. 3—16.
45. ПАВЛОВ А.А. Формирование и развитие экологической культуры учащихся. — Экологическое образование. 2009. № 1, с. 43.
46. МЕДВЕДЕВА М.В. Образование для устойчивого развития в высшей школе России: научные основы и стратегии развития. — Экологическое образование. 2007. № 3, с. 59.

История деятельности совместных российско-китайских предприятий на территории регионов РФ и Северо-Востока КНР (2000—2010-е гг.)

С.Б. Макеева, В.Г. Дацышен

Аннотация. В статье на основе использования системного подхода и сравнительно-исторического метода исследования, перевода с китайского языка и обобщения статистических и нормативно-правовых актов Северо-Восточного региона КНР представлена попытка анализа истории деятельности региональных совместных российско-китайских предприятий на территории регионов РФ и Северо-Востока КНР. В современный период истории особое распространение получают совместные российско-китайские предприятия в таких сферах как деревообрабатывающая промышленность, лесохозяйственная деятельность, совместные проекты по добыче полезных ископаемых, автомобилестроение, производство и продажа строительного оборудования, торговля и строительство.

Ключевые слова: совместное предприятие, экономическая история, межрегиональное сотрудничество, предпринимательская деятельность, филиалы компаний, регионы РФ, северо-восточные провинции КНР.

Abstract. Based on the use of a systematic approach and a comparative historical research method, translation from Chinese and generalization of statistical and regulatory acts of the Northeast Region of the PRC, an attempt is made to analyze the activities of regional joint Russian-Chinese enterprises in the Russian Federation and Northeast of the PRC. In the modern period of history, joint Russian-Chinese enterprises in such areas as the woodworking industry, forestry, joint projects for the extraction of minerals, the automotive industry, the production and sale of construction equipment, trade and construction are particularly widespread.

Key words: joint venture, economic history, interregional cooperation, entrepreneurial activity, company branches, regions of the Russian Federation, northeastern provinces.

Создание совместных китайско-российских предприятий на территории регионов России и Северо-Востока Китая в начале XXI в. приобретает большое значение для развития межрегиональных экономических связей двух стран. Согласно определению внешнеэкономического толкового словаря, совместное предприятие — это предприятие, в работе которого участвуют фирмы других стран, организационно оформленное как единое, общее предприятие¹. Кроме того международным совместным предприятием является фирма, находящаяся в совместной собственности двух или более владельцев (юридических и физических лиц) из разных стран. Создание и функционирование совместных предприятий России

и Китая — это одна из форм межрегионального экономического сотрудничества двух стран. Среди российских ученых, занимающихся исследованием проблематики межрегионального российско-китайского экономического взаимодействия, необходимо отметить М. А. Александрову², А. В. Верченко³, Ю. М. Галеновича⁴, В. Л. Ларина⁵. Современное состояние и перспективы развития китайско-российских экономических связей находят отражение в работах китайских исследователей, таких как Ли Шэн, Цзя Цзяньфэй, Син Гуанчэн, Люй Ижань⁶. Особое значение имеет исследование западноевропейского ученого Дэниела Йохансона посвященное анализу межрегиональных связей КНР с другими странами, включая Россию⁷.

Целью данной статьи является анализ истории и современного состояния совместных российско-китайских предприятий, функционирующих как в регионах России, так и на территории Северо-Востока КНР. Хронологические рамки исследования охватывают два десятилетия XXI в., территориальные — фокусируются на всех регионах РФ и на трех приграничных с Россией северо-восточных провинциях КНР (Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин). На основе использования системного подхода и сравнительно-исторического метода исследования, перевода с китайского языка и обобщения статистических и нормативно-правовых актов Северо-Восточного региона КНР представлена попытка анализа деятельности региональных совместных российско-китайских предприятий на территории РФ и Северо-Востока КНР в современный период истории.

Межрегиональное взаимодействие России и Китая является объектом исследования не только специалистов в области истории, политологии, экономики и культурологии, но также руководителей разных уровней в восточных регионах России⁸. Даже главы регионов посвящают этой проблеме специальные исследования. Так, губернатор Хабаровского края в своем труде, изданном в 2005 г. в Российской академии наук, назвал развитие межрегионального российско-китайского сотрудничества ключевой задачей. В главе «Внешний фактор в экономике современной России» имеются параграфы «Региональное сотрудничество — важный вектор внешней политики России» и «Дальний Восток как субъект внешней политики России». Однако конкретные примеры и анализ сотрудничества на уровне регионов России и Китая в работе отсутствуют⁹.

В современной России многие китаеведы, живущие в приграничных регионах, изучают проблемы русско-китайских отношений на региональном уровне, опираясь на личный опыт участия в процессах нормализа-

Макеева Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. E-mail: msbmag9581@yandex.ru; *Дацышен Владимир Григорьевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета. Красноярск. E-mail: dazishen@mail.ru

Makeeva Svetlana B. — candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS). E-mail: msbmag9581@yandex.ru; *Datsyshen Vladimir G.* — doctor of sciences (History), professor, head of the Department of General History, Siberian Federal University. Krasnoyarsk. E-mail: dazishen@mail.ru.

ции советско-китайских отношений. Глава корпорации дальневосточных китаеведов В.Л. Ларин в ряде своих публикаций обобщил опыт восстановления и развития русско-китайских отношений на уровне регионов¹⁰. В начале 2000-х гг. прекрасное исследование по истории восстановления русско-китайских отношений в забайкальском регионе выполнил непосредственный участник изучаемых событий китаевед А.П. Тарасов¹¹. В последние годы проблемам отношений с соседями неизменно много внимания уделяют ученые и общественность Забайкалья и Приамурья¹². Особенно это характерно для Забайкальского края, где в 2016 г. был создан Центр исследований российско-китайских отношений, призванный оказывать консультационную помощь по развитию приграничных связей с провинциями КНР. В целом исследования забайкальских ученых ориентируются на анализ проблем регионального уровня российско-китайских отношений, влияния культурной регионализации на развитие приграничных территорий¹³. Так, забайкальский исследователь Т.Е. Бейдина утверждает: «Сотрудничество на региональном уровне между Забайкальским краем и КНР превратилось в контактную зону, где происходит не только развитие торгово-инвестиционных отношений между странами, но и активное взаимодействие культур и туристических отношений»¹⁴.

В основу стратегии взаимодействия северо-восточных провинций Китая с Россией положена идея экономической взаимодополняемости соседних территорий. Весной 1979 г. Дэн Сяопин провозгласил «четыре основных принципа» (сы сян цзибэнь юаньцзэ). Важное место в новой политике отводилось регионам, в том числе и пограничным. Наиболее четко политика в области реорганизации хозяйственного механизма была сформулирована председателем Госплана КНР Яо Илинем (1981): «В ходе проведения урегулирования следует на макроуровне придерживаться централизации и единства, а на микроуровне — добиваться оживления экономики». Уже в рамках реализации задач седьмой пятилетки (1986—1990) экономического и социального развития КНР, в пограничных районах Китая уделялось значительное внимание строительству инфраструктуры. В ходе выполнения восьмого (1991—1995) и девятого (1996—2000) пятилетних планов в северо-восточных приграничных китайских районах, значительное место отводилось формированию национальной базы предприятий тяжелой, химической промышленности и национальной базы сельского хозяйства. На первой сессии десятого Всекитайского собрания народных представителей в марте 2003 г. было выдвинуто предложение о реализации Программы поддержки ускоренного развития Северо-Восточного Китая и других старых промышленных территорий. Согласно планам одиннадцатой пятилетки национального социально-экономического развития КНР, в октябре 2005 г. Северо-Восточный Китай должен был ускорить перестройку промышленной структуры, провести ее реорганизацию и трансформацию, а также осуществить реформу государственных предприятий, развивать современное сельское хозяйство, машиностроение и обрабатывающую промышленность, содействовать налаживанию экономики городов, исчерпавших свои ресурсы, добиться успеха реформ и политики открытости.

В первом десятилетии XXI в. уровень экономического сотрудничества с регионами РФ у трех северо-восточных провинций КНР был

разным. На общем фоне значительно выделялась провинция Хэйлунцзян. Она лидировала в инвестиционном межрегиональном китайско-российском экономическом сотрудничестве. По состоянию на первый квартал 2006 г. провинция Хэйлунцзян зарегистрировала 145 предприятий на территории России (в том числе 3 представительства), инвестировала в 142 промышленных проекта 51,21 млн долларов. Большинство из этих инвестиционных проектов размещались на Дальнем Востоке России и в Сибири. Выступая 1 июля 2017 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ), губернатор провинции Хэйлунцзян Лу Хао отметил: «За прошедшие годы общий объем инвестиций из провинции Хэйлунцзян на Дальний Восток России составил 9,8 млрд долларов. Это не огромная сумма, но у нее есть огромный потенциал». 68 ключевых предприятий СВК сделали инвестиции в проекты на Дальнем Востоке, среди них 26 — в Приморском крае, 16 — в Хабаровском крае, 9 — в Еврейской автономной области, 5 — на Сахалине, 4 — в Забайкальском крае, 3 — в Чите, 6 — в Сибирском федеральном округе (не включая Забайкальский край) и 3 — в Новосибирске¹⁵.

Анализ китайских статистических данных и нормативно-правовых актов показывает, что еще одна северо-восточная провинция — Цзилинь — за последние десятилетия наращивала темпы межрегионального экономического сотрудничества с регионами РФ. По состоянию на 2019 г. в Приморском крае работали 65 предприятий с инвестициями провинции Цзилинь. Общий объем инвестиций составил 393 млн долл., среди них доля Китая — 235 млн долларов¹⁶. Большинство инвестиционных проектов провинции Цзилинь в России также сосредоточены на Дальнем Востоке (65%): в Приморском крае, Хабаровском крае, Амурской области, на Камчатке, небольшая часть — в Сибири, например, в Иркутской области, Новосибирской области, Республике Бурятия, а также в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме того, необходимо отметить, что северо-восточная провинция Ляонин также усилила межрегиональное экономическое сотрудничество с РФ. Только за первое десятилетие XXI в. она направила инвестиции в 145 российских предприятий¹⁷.

Особую роль в расширении деятельности региональных совместных российско-китайских предприятий на территории РФ и Северо-Востока КНР сыграли изменения в законодательстве РФ во втором десятилетии XXI века. Создание на территории России предприятий с иностранным капиталом регулируется Федеральным законом от 09.07.1999 г. № 160 «Об иностранных инвестициях в РФ», а также международными договорами РФ. 2015 год стал благоприятным для создания совместных предприятий на территории России ввиду изменившегося законодательства. Гражданский кодекс РФ (ч. 1, гл. 4 «Юридические лица»), федеральный закон от 09.07.1999 № 160 «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и Федеральный закон от 29.04.2008 № 57 «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» свидетельствуют о том, что для совместных предприятий на территории РФ действует национальный режим. Иностранный инвестор пользуется теми же правами и несет те же обязанности, что и гражданин РФ. Законы также предоставляют гарантии в случае возникновения таких

ситуаций, как национализация, изменение налогового режима и так далее. При создании совместного предприятия на территории РФ партнеры заключают корпоративное конфиденциальное соглашение. Регистрация совместного предприятия происходит так же, как и обычного предприятия на территории России, однако необходима выписка из реестра иностранных юридических лиц соответствующей страны происхождения или иное равное по юридической силе доказательство юридического статуса иностранного юридического лица-учредителя. Совместное предприятие может быть создано в течение недели и чаще всего имеет форму общества с ограниченной ответственностью ¹⁸.

Совершенно иные условия создания и регистрации совместных предприятий демонстрирует законодательная база КНР. Деятельность совместных предприятий на ее территории регулируется следующими законами: «О компаниях», «О регулировании регистрации компаний», «О паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала» в редакции от 03.09.2016, «О контрактных совместных предприятиях китайского и иностранного капитала» в редакции от 07.11.2016 года ¹⁹.

Анализ данных нормативно-правовых актов показывает, что совместные предприятия обязаны подчиняться законодательству КНР. Сфера их деятельности строго регламентирована учредительными документами, в России же предприятия могут заниматься различными видами предпринимательской деятельности. Процедура регистрации совместного предприятия в Китае сложнее и требует задействования большего количества государственных органов, чем в России. Для регистрации предприятия с полностью иностранным капиталом необходима регистрация органами промышленно-торговой администрации, затем постановка на учет в различных государственных органах — полиции, управлении по контролю качества, налоговых органах, управлении статистики, органах Министерства труда и социальной защиты, таможни.

«Закон Китайской Народной Республики о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом» был принят второй сессией Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 1 июля 1979 г. и пересмотрен 4 апреля 1990 года. Согласно данному закону, соглашения между партнерами и устав предприятия должны быть утверждены специальными государственными структурами (срок получения ответа об утверждении или отказе может длиться до трех месяцев). В России данная процедура занимает значительно меньший промежуток времени. Согласно закону, доля инвестиций иностранного партнера не должна быть ниже 25%. Период деятельности предприятий может быть ограничен по срокам ²⁰. Сравнительно-исторический анализ законодательной базы РФ и КНР по созданию необходимых условий для открытия и регистрации совместных российско-китайских предприятий показывает, что совместные предприятия возможно открывать как на территории РФ, так и на территории КНР, только с разными процедурными возможностями.

В настоящее время большая часть совместных российско-китайских инвестиционных предприятий относится к малым и средним. Большинство российско-китайских совместных предприятий в России в основном расположены в Москве, Санкт-Петербурге, в Сибирь и на Дальнем Востоке. Значительная часть совместных предприятий охватывает такие сферы

деятельности, как деревообработка, обслуживание машин и оборудования, продажа строительного оборудования и материалов, строительство. Все большую популярность у китайских инвесторов приобретают проекты по добыче полезных ископаемых, к примеру — освоение Березовского железорудного месторождения, Нойон-Тологойского месторождения полиметаллических руд, Удоканского месторождения меди на территории Забайкальского края.

Большое количество совместных российско-китайских предприятий, задействованных в деревообрабатывающей отрасли и лесохозяйственной сфере деятельности, расположены в Дальневосточном регионе и в Сибири. К данным предприятиям можно отнести: Общество с ограниченной ответственностью по деревообработке «Хэйлунцзян и Дальний Восток». Данная организация была официально зарегистрирована 17 ноября 2005 г. в уезде Биньси, Харбин. Занимаемая площадь — 15 тыс. кв. км. Основная сфера деятельности направлена на производство и сбыт ламината и напольных покрытий из натурального дерева. Более 90% продукции компании экспортируется в Европу, США и другие страны ²¹.

В 2015 г. было основано ООО «Восточно-Байкальская лесная компания», расположенное в республике Бурятия, которое также является примером совместного российско-китайского предприятия, осуществляющего деятельность в сфере лесного хозяйства и лесоводства ²².

Одной из наиболее распространенных сфер деятельности совместных предприятий Северо-Восточного Китая и приграничных регионов России, в особенности Дальневосточного региона, является сфера автомобильного обслуживания, производства и продажи запчастей для автомобилей. К примеру, компания сервисного обслуживания тяжелых грузовиков в Хэйхэ занимается производством и продажей запчастей собственного производства. Одним из наиболее перспективных совместных российско-китайских предприятий в сфере обслуживания автомобилей является общество с ограниченной ответственностью по производству и продаже автозапчастей. На территории г. Благовещенска функционирует совместное российско-китайское предприятие — компания «Спецтехмастер» — занимающееся поставкой спецтехники (бульдозеры, погрузчики, самосвалы, автокраны и др.), а также запасных частей производства КНР ²³.

К совместным российско-китайским предприятиям, специализирующимся на производстве и продаже строительного оборудования, можно отнести строительно-инженерное объединение «Хэйлунцзян — Дальний Восток». Компания зарегистрирована в г. Цзямуся провинции Хэйлунцзян. По состоянию на 2009 г. суммарные активы компании составили более 100 млн юаней. Еще одним российско-китайским совместным предприятием в сфере строительства является компания «Сити-строй», зарегистрированная в 2007 г. в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия). Сфера деятельности компании затрагивает строительство зданий и сооружений. В Улан-Удэ также зарегистрировано общество с ограниченной ответственностью «КР Дженькей», которое является совместным российско-китайским предприятием. Сфера его деятельности ориентирована на производство сборных деревянных строений. Генеральный директор данного предприятия — Ли Шубо ²⁴.

В начале XXI в. на территории РФ получили распространение предприятия по привлечению зарубежных инвестиций. 11 марта 2016 г. в г. Якутске была создана совместная российско-китайская «Северная проектная компания». Согласно документам, 60% акций предприятия принадлежат Хэйлунцзянской компании по развитию экономики и технологий, 40% акций — «Республиканской инвестиционной компании» («РИК»). Головной офис компании располагается в Якутске. Одним из приоритетных проектов, которые реализует российская и китайская стороны, является освоение россыпного месторождения олова «Ручей Тирехтах»²⁵.

Приморский край РФ за последние десятилетия стал регионом повышенного интереса иностранных государств, в особенности КНР. Согласно данным Приморского краевого комитета государственной статистики, на территории края зарегистрировано свыше 573 предприятий с участием китайского капитала. Многие из них занимаются рыбоводческой деятельностью, к примеру, — ООО «Корпорация Прим Хуньчунь». Компания создана совместно с провинцией Цзилинь. Головной офис зарегистрирован во Владивостоке²⁶.

Помимо совместных российско-китайских предприятий, активное развитие в последние годы получают так называемые совместные экономические зоны в приграничных районах Китая, к примеру, промышленный парк в Хуньчуне, зона торговли и туризма в Маньчжурии, зона приграничной торговли Хуши, технопарк в Харбине, технопарк в Чанчуне, технопарк в Шэньяне, зона промышленного освоения новых высоких технологий Яньтай, зона сельскохозяйственного производства в Муданьцзяне. В приграничном регионе России также распространены социально-экономические зоны (СЭЗ). Например, торгово-экономическая зона в Уссурийске; трансграничные СЭЗ: «Суйфэньхэ — Пограничный», зона приграничной торговли Дуннин — Полтавка, зона строительства Хэйлунцзянского моста.

На территории КНР промышленный парк в Хуньчуне является территорией создания русско-китайских предприятий по переработке древесины, производству продуктов, строительных материалов, оборудования на основе ресурсной базе регионов РФ. Целью является привлечение китайских и иностранных инвесторов для продвижения предприятий на китайском и российском рынках. В технопарке на данный момент зарегистрировано 257 предприятий, среди них 71 — с иностранным капиталом. Российско-китайская торговая зона в Технопарке, занимающая площадь 9,6 га, была официально открыта в 2005 г., общий оборот составил 2,3 млрд юаней²⁷.

Зона приграничной торговли Хуши, расположенная в г. Хэйхэ, была создана в 1997 г., однако ее стремительное развитие началось с 2004 года. На территории данной зоны был создан международный торговый центр, основана площадка по продаже русских товаров «Эпиньдо», в которую вошли три российских производителя и 37 предпринимателей, занимающихся импортом и экспортом товаров. Сумма товарооборота составляла 3,2 млрд юаней.

С целью содействия научно-техническому межрегиональному сотрудничеству, реализации научно-технических разработок и созданию

на этой базе совместных российско-китайских предприятий, в начале 2000-х гг. был создан технопарк в Харбине, который являлся отделением российско-китайского Технопарка «Дружба» в Москве. В 2006 г. был открыт российско-китайский Технопарк в г. Чанчуне (провинция Цзилинь), основной целью создания которого являлось поддержание российско-китайского сотрудничества в сфере высоких технологий, в особенности — фармацевтических и лазерных технологий. Учредителями стали правительство провинции Цзилинь, Академия наук КНР, администрация Новосибирской области, Сибирское отделение РАН. Основными направлениями деятельности Технопарка в Шэньяне являлось развитие аграрных, лазерных, космических и авиационных технологий ²⁸.

Зона промышленного освоения новых высоких технологий «Яньтай» была создана в 2000 г. для поддержания российско-китайского сотрудничества в сфере высоких технологий, реализации высокотехнологичной продукции на рынках КНР и РФ. Зона сельскохозяйственного производства в Муданьцзяне ориентирована на развитие российско-китайского сотрудничества в научно-технической сфере, сфере переработки и экспорта сельскохозяйственной продукции ²⁹.

Анализируя деятельность региональных совместных российско-китайских предприятий, функционирующих на территории РФ и трех северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), необходимо выделить в отдельную категорию предприятия, зарегистрированные на территории Северо-Восточного Китая и имеющие свои филиалы по всей России. Большинство данных предприятий специализируются в таких сферах, как торговля, строительство, химическая промышленность, сельское хозяйство, деревообработка, авиа- и автоперевозки.

К компаниям Северо-Восточного Китая, занимающимся сельскохозяйственной деятельностью и имеющим свои филиалы на территории России, следует отнести: представительство Цзилиньской сельскохозяйственной компании по внешнеэкономическому и техническому сотрудничеству в Иркутске; представительство Цзилиньского Сельскохозяйственного Объединения (Jilian Agricultural) в Иркутске; представительство ООО «Синьшанду» (г. Харбин) в Москве ³⁰.

К компаниям Северо-Восточного Китая, специализирующимся в сфере деревообработки и имеющим свои филиалы в России, можно отнести: Иркутскую государственную компанию ООО «Бонус» — представительство компании ООО Цзилинь Цзюньфа по деревообработке; представительство «Цзилиньской торговой компании Шуанху» в Иркутске.

Филиалами китайских северо-восточных компаний, специализирующихся на нефтедобыче и продаже нефтепродуктов, являются представительство компании «Дацин Нефть» в Иркутске и представительство компании «Harbin foreign trade NBEC» в Москве ³¹. Китайские северо-восточные компании, осуществляющие торговую и строительную деятельность, имеют филиалы на территории регионов РФ. Например, Даляньская металлургическая торговая компания с ограниченной ответственностью Саньлинь (Dalian Sanlin steel), сферой деятельности которой является продажа стройматериалов, имеет филиал в Москве. Компания Хуа-юй (Hwa-Yuu), расположенная в г. Дуннин провинции Хэйлунцзян, занимающаяся импортом и экспортом товаров, имеет свой филиал во Вла-

дивостоке. В Москве расположено представительство Харбинской компании «Ян гуан» (Yang Guang), специализирующееся на торговле. Филиал Внешнеторгового экспортно-импортного объединения провинции Цзилинь (г. Чанчунь) (Jilin Province Foreign Trade Export-Import Amalgamation) расположен в Иркутске. В Красноярске размещается филиал ОАО Экономической торговли «Сун Цзян», зарегистрированной в Харбине, специализирующейся на торговой и строительно-монтажной деятельности. Представительство Хуньчуньской компании Всекитайского Цзилиньского объединения по международному технико-экономическому сотрудничеству функционирует в г. Спасск-Дальний Приморского края.

Особое распространение на территории регионов РФ получает открытие филиалов компаний Северо-Востока КНР, специализирующихся в сфере химической промышленности. Харбинская деловая компания с ограниченной ответственностью «Цзиньи» (Harbin Jinyi industrial), сферой деятельности которой является производство химпромысла, имеет представительство в Москве. Представительство компании Harbin Long Way chemicals «Лонвай», также занимающейся производством химпродуктов и стройматериалов, имеет свой филиал в Москве.

На территории РФ расположены филиалы северо-восточных китайских предприятий, занятых в таких сферах, как электроэнергетика (Представительство компании «Inner Mongolia electric power, г. Москва); программное обеспечение (Corporation Banner of Harbin Institute of Technology, г. Москва); компании, оказывающие консультационные услуги (Хэйлунцзянская компания консалтинга и сервиса иностранным предприятиям (Heilongjiang Consult, г. Москва)); а также компании, занимающиеся рекламной деятельностью (представительство в Москве Цзилинского объединения по международному технико-экономическому сотрудничеству, г. Чанчунь) ³².

Таким образом, анализ деятельности совместных российско-китайских предприятий на территории РФ и Северо-Востока КНР показывает, что большинство компаний расположены в Москве, Московской области, Сибири, на Дальнем Востоке. Особое распространение получают совместные российско-китайские предприятия в таких сферах как деревообрабатывающая промышленность, лесохозяйственная деятельность, совместные проекты по добыче полезных ископаемых, автомобилестроение, производство и продажа строительного оборудования, торговля и строительство. Создание и функционирование совместных российско-китайских предприятий оказывает значительное влияние на расширение межрегионального российско-китайского экономического сотрудничества.

Примечания

Исследование осуществляется при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект «Влияние неравномерного развития регионов России и Китая на межрегиональное двустороннее сотрудничество: сравнительно-историческое исследование» № 20—014—00010

1. Совместное предприятие. — Академик. 2001. URL: https://foreign_economic.academic.ru/1532

2. АЛЕКСАНДРОВА М.А. Российско-китайское межрегиональное и приграничное сотрудничество: новые тенденции и проблемы. В кн.: КНР: политика, экономика, культура. М. 2016, с. 221—254.
3. ВЕРЧЕНКО А.Г. Российско-китайское сотрудничество в образовании и науке на рубеже XX—XXI веков: состояние, проблемы, перспективы. В кн.: Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. Пекин. 2014, с. 225—237.
4. ГАЛЕНОВИЧ Ю.М. Российско-китайские отношения, конец XIX—XXI вв. М. 2007, с. 271.
5. ЛАРИН В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. 80-е годы XX — начало XXI вв. М. 2005, с. 390.
6. ZHANG FENGMING. The history of economic relations between Northeast China and Russia (Soviet Union). In: Publishing House of Social Sciences of China. 2003, p. 204 (in Chinese).
7. New Perspectives on China's Relations with the World: National, Transnational and International (edited by Daniel Johanson, Jie Li and Tsunghan Wu). In: E-International Relations. 2019, p. 197.
8. Из истории взаимоотношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке (1860—2008): тематический аннотированный перечень документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск. 2009, с. 208.
9. ПЛЕШИВИЦЕВ А.В. Особенности развития торговых связей Амурской области с КНР. В кн.: Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск. 1999, с. 116—123.
10. ЛАРИН В.Л. Ук. соч., с. 390.
11. ТАРАСОВ А.П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита. 2003, с. 432.
12. РОМАНОВА Г.Н. Российско-китайские торгово-экономические и научно-технические связи в 80-е гг. XX в. В кн.: Из истории российско-китайских отношений. Благовещенск. 1999, с. 112—115.
13. КУЧИНСКАЯ Т.Н. Форсайт социокультурного пространства российско-китайского трансграничья в процессе региональной модернизации. — Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3, с. 338—344.
14. БЕЙДИНА Т.Е. Региональная политика в Забайкальском крае: монгольский и китайский факторы. — Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 3 (22), с. 42—49.
15. Law of the People's Republic of China on Sino-Foreign Joint Ventures (Revised 1990). URL: <http://www.stats.gov.cn/> (in Chinese).
16. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. URL: <http://www.Stats.Gov.Cn/> (in Chinese).
17. New opportunities, status quo, existing problems and countermeasures for economic and trade cooperation between Liaoning province and Russia in a new era. — China-Russia Information Network. 2010. URL: <http://www.Chinaru.Info/zhongejmyw/jingmaotegao/40159.shtml> (in Chinese).
18. Советы экспертов: Юридические аспекты организации совместных предприятий. — Сибирская юридическая компания. 2017. URL: <https://www.sibucor.ru/publ/3/976/>
19. Law of the People's Republic of China on Sino-Foreign Joint Ventures (Revised 1990).
20. Ibidem.
21. Хэйлуницян и Цзилинь: исследование возможностей по организации бизнеса и инвестированию в приграничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая. — Генеральное консульство Российской Федерации в городе Шэньян. 2010. URL: <http://rcsy.org/documents/research.pdf>
22. The Ministry of Agriculture of China and Russia signs a memorandum of cooperation in the field of agricultural cooperation between China and Russia. — News of China. 2014. URL: <http://www.Chinanews.Com/gn/2014/07—01/6339855.Shtml> (in Chinese).
23. Wang Yang and Russian Deputy Prime Minister Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Committee for Cooperation between Northeast China and the Far East of Russia and the Baikal Region. — Central People's Government of the People's Republic of China. 2017. URL: http://www.Gov.Cn/guowuyuan/2017—09/09/content_5223795.htm (in Chinese).

24. Хэйлунцзян и Цзилинь: исследование возможностей по организации бизнеса и инвестированию в приграничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая.
25. Wang Yang and Russian Deputy Prime Minister Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Committee for Cooperation between Northeast China and the Far East of Russia and the Baikal Region.
26. Ibidem.
27. Хэйлунцзян и Цзилинь: исследование возможностей по организации бизнеса и инвестированию в приграничных с Россией провинциях Северо-Восточного Китая
28. Wang Yang and Russian Deputy Prime Minister Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Committee for Cooperation between Northeast China and the Far East of Russia and the Baikal Region.
29. The Ministry of Agriculture of China and Russia signs a memorandum of cooperation in the field of agricultural cooperation between China and Russia.
30. Wang Yang and Russian Deputy Prime Minister Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Committee for Cooperation between Northeast China and the Far East of Russia and the Baikal Region.
31. History of Sino-Russian Oil and Gas Cooperation. — International Gas Network. 2015. URL: <http://Gas.In-en.Com/html/gas-2295798.Shtml> (in Chinese).
32. Wang Yang and Russian Deputy Prime Minister Trutnev held the first meeting of the Intergovernmental Committee for Cooperation between Northeast China and the Far East of Russia and the Baikal Region.

Общественно-политическая мысль США о формах правления в государствах постсоветского пространства

С. А. Буторов, А. С. Буторов, О. М. Каныгина

Аннотация. В статье рассмотрены взгляды отдельных представителей общественно-политической мысли США на политическую форму правления в государствах постсоветского пространства. Важное место в статье отводится разбору мифологема об угрозе странам Запада со стороны «глобального» авторитаризма в лице России, Китая и др. Анализируя американские первоисточники, авторы особое внимание уделяют характеристике постсоветского авторитаризма, его отличию от авторитарного режима эпохи СССР.

Ключевые слова: авторитаризм, система международных отношений, противостояние, демократические ценности, политическая система, мифологема, трансформация, постсоветское пространство, истеблишмент, оппозиция.

Abstract. The article attempts to examine the views of some representatives of US socio-political thought on the political form of government in the post-Soviet states. A significant place in the article is given to the description of the mythologeme about the threat to Western countries from the “global” authoritarianism in the person of Russia, China and other countries. The authors pay special attention to the characteristic features of post-soviet authoritarianism, which distinguish it from the authoritarian regime of the USSR era.

Key words: authoritarianism, system of international relations, confrontation, democratic values, political system, mythologem, transformation, post-Soviet space, establishment, opposition.

Формы государственного правления в странах, образовавшихся на постсоветском пространстве, на протяжении последних нескольких лет являются предметом исследования представителей научной и общественно- политической мысли США. После распада СССР у американ-

Буторов Сергей Алексеевич — доктор философских наук, профессор Института сервисных технологий Российского государственного университета туризма и сервиса (РГУТИС). E-mail: lex1989@yandex.ru; *Буторов Алексей Сергеевич* — кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: butorov_as@pfur.ru; *Каныгина Ольга Михайловна* — старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. E-mail: kanygina-om@rudn.ru.

Butorov Sergey A. — doctor of philosophy, professor, Institute of Service Technologies of Russian State University of Tourism and Service. E-mail: lex1989@yandex.ru; *Butorov Aleksey S.* — PhD (History), Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: butorov_as@pfur.ru; *Kanygina Olga M.* — Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: kanygina-om@rudn.ru.

ского истеблишмента сформировалось представление, что в большинстве государств, провозгласивших независимость, в том числе России, установились авторитарные режимы, которые не далеко ушли от принципов и практики советского авторитаризма. Изучению авторитарного режима как вида политической системы, который многие годы господствовал в Советском Союзе, а затем трансформировался в постсоветский авторитаризм, посвятили свои работы ряд известных американских политологов и обществоведов ¹.

Тема авторитаризма на постсоветском пространстве, несмотря на свою табуированность, оказалась в сфере научных интересов и ответственных ученых и политиков ².

Официальная оценка американским правительством системы правления в государствах постсоветского пространства содержится в «Страновых докладах о правах человека за 2019 год», подготовленных Государственным департаментом США ³. Разработчиками документа в качестве авторитарных рассматриваются Республика Беларусь, Россия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. «Беларусь — авторитарное государство, где президент А. Лукашенко установил свое господство над всеми институтами и подорвал верховенство закона авторитарными средствами», говорится в докладе ⁴. «Российская Федерация имеет высокоцентрализованную, авторитарную политическую систему, в которой доминирует президент В. Путин», подчеркивается в документе ⁵. Авторитаризм в Казахстане, по мнению авторов доклада, характеризуется предоставлением бывшему президенту Н. Назарбаеву широких, пожизненных полномочий по ряду государственных функций, а также контролем исполнительной властью законодательных и судебных органов ⁶. Таджикистан — также авторитарное государство, в котором политически доминируют президент Э. Рахмон и его сторонники ⁷. Туркменистан конституционно является светской демократией, хотя президент Г. Бердымухамедов — авторитарная фигура, которая эффективно контролирует страну совместно с небольшим внутренним кругом, отмечается в документе ⁸. Узбекистан представляет собой конституционную республику с политической системой, где верховенствуют президент Ш. Мирзиёев и его сторонники ⁹.

Анализ работ американских исследователей и экспертов по авторитаризму показывает, что в них доминирует тема нарастающей угрозы Западу со стороны авторитарных государств. «Сегодня Россия настаивает на альтернативной недемократической модели, способной конкурировать с преобладающей западной демократической моделью, — пишет профессор политологии Мэрилендского университета Б. Гродски. — Самый большой успех Путина — посеять беспорядки в самих западных демократиях» ¹⁰. О «выключении» демократизации из мирового процесса Б. Гродски говорит и в одной из своих последних книг ¹¹.

По мнению сотрудника Брукингского института Р. Кагана, на сегодняшний день «авторитаризм выступает в качестве величайшего идеологического и стратегического вызова демократическому миру». Американский исследователь рассматривает его как «самую мощную и долговременную угрозу либерализму», которая исходит от таких мощных держав, как Китай и Россия, «продвигающих антилиберальные идеи в качестве альтернативы пошатнувшейся гегемонии демократии» ¹².

Тема угрозы западной демократии со стороны авторитарных государств является сквозной в статье политолога Кембриджского университета Р. Фoa и сотрудника Гарвардского университета Я. Моунка, опубликованной в 2019 г. на страницах «The Wall Street Journal»¹³. По мнению исследователей, в прошлом государства с авторитарной формой правления могли дать своим гражданам только «бедность, убогий быт, нормированное потребление и дефицит». В современном же мире происходят кардинальные изменения. По их оценкам, в 2019 г. на западные демократии приходилось треть мировой экономики. При этом сегодня 376 млн человек живут в «глубоко несвободных» странах — России, Казахстане и государствах Персидского залива, чей ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составляет более 20 тыс. долларов США. По прогнозам Международного валютного фонда, в 2020 г. этого уровня достигнет Китай. Это будет означать, что 1,8 млрд человек в мире будут жить в «процветающих авторитарных государствах»¹⁴.

На наш взгляд, для дальнейших исследований природы постсоветского авторитаризма большой интерес представляет книга профессора Рэдфордского университета Г. Иоффе «Переоценивая Лукашенко»¹⁵. «В процессе реализации своих политических целей, — пишет Г. Иоффе, — глава государства (А.Г. Лукашенко. — С.Б., А.Б.) находится в гармонии со значительной частью белорусского общества. Ни демократия, ни авторитаризм не могут быть внедрены внешними силами, а являются объективными потребностями общества»¹⁶. Трудно не согласиться с автором в том, что организация политического устройства государства определяется волеизъявлением его граждан. Для многих народов стран постсоветского пространства авторитаризм вполне приемлем, поскольку исторически им известна лишь эта форма правления, основанная на сильной централизованной власти одной личности.

Авторитаризм в государствах постсоветского пространства, несмотря на некоторые — прежде всего национальные — отличия, имеет ряд общих черт. Первая из них — система построения вертикали власти. Практически во всех них глава государства — президент — наделен, по сути, неограниченными полномочиями, что дает ему возможность изменять законодательную базу страны на свое усмотрение и оставаться несменяемым на протяжении десятилетий. Сохранение за собой политической власти путем внесения поправок в тексты конституций стало для этих стран общей тенденцией. И. Каримов возглавлял Узбекистан с момента обретения республикой независимости в 1991 г. вплоть до своей смерти в 2016 г., четырежды побеждая на президентских выборах и дважды продлевая срок полномочий в результате национальных референдумов.

Другим автократом на постсоветском пространстве является Н. Назарбаев, бессменный президент Казахстана с 1990 по 2019 г., сохранивший за собой власть в стране в качестве председателя Совета безопасности и правящей партии «Нур Отан». Следует признать, что американские аналитики за несколько лет до транзита власти в Казахстане спрогнозировали его неизбежность и мирный исход¹⁷.

В 2001 г. З. Бжезинский, сделав упор на то, что на Украине лишь складываются основы демократического общества, а часть новой элиты коррумпирована, не исключил появления авторитаризма в этой бывшей

советской республике¹⁸. В 2000 г. на Украине состоялся референдум по вопросу расширения полномочий президента по роспуску парламента. Однако Верховная рада проигнорировала результаты голосования. В 2004 г. полномочия главы государства были «урезаны» в пользу парламента и правительства. Между тем в 2010 г., в период президентства В. Януковича, Украина ненадолго вернулась к прежней форме правления. В 2014 г., после политического кризиса в стране, функции президента были вновь сокращены и Украина вернулась к конституции 2004 года.

Благодаря поправкам, а также отмене ограничений на количество сроков, на протяжении четверти века А. Лукашенко бессменно возглавляет Республику Беларусь, Э. Рахмон — Республику Таджикистан, а И. Алиев уже 16 лет руководит Азербайджаном. В Грузии М. Саакашвили во время второго срока на посту президента инициировал передачу ключевых полномочий от главы государства парламенту и правительству. Грузинская оппозиция обвинила его в попытке сохранить власть, став премьер-министром. Президент Армении С. Саргсян во время второго президентского срока выступил с инициативой проведения референдума о переходе к парламентской республике. В России в 2008 г. срок президентских полномочий был увеличен до шести лет.

Другой чертой, объединяющей большинство стран постсоветского пространства, является nepoтизм (передача власти по наследству). В ряде из них фактически оказалась сформированной традиция передачи власти преемнику. К их числу относится и Россия, где в 1999 г. Б. Ельцин передал власть В. Путину. В 2008 г. Путин после двух сроков пребывания на посту главы государства «уступил» свое место председателю правительства Д. Медведеву. В Узбекистане президента И. Каримова в 2018 г. сменил его преемник Ш. Мирзиёев, а Н. Назарбаева в 2019 г. в Казахстане — К. Токаев.

Принцип наследования власти был применен в Азербайджане, где в 2003 г. президента Г. Алиева после кончины сменил его сын И. Алиев. С большой долей уверенности можно предположить, что этот же принцип будет использован в Таджикистане. Э. Рахмон, находящийся у власти с 1992 г., активно готовит своего сына Р. Эмомали занять высший государственный пост. В апреле 2020 г. Р. Эмомали был избран председателем верхней палаты парламента страны и официально стал вторым лицом государства.

Еще одной особенностью авторитаризма на постсоветском пространстве является бескомпромиссная борьба властвующих элит с оппозицией, что в некоторых государствах исключает любую возможность налаживания диалога с ее представителями.

В авторитарном государстве может существовать многопартийная система, однако партия власти всегда играет главенствующую роль. В Республике Беларусь официально зарегистрировано 15 политических партий, придерживающихся разной идеологии и позиций. Ряд из них демонстрируют лояльность к действующей власти, другие придерживаются центристских позиций. Политический спектр Беларуси включает партии и движения, которые выступают против авторитарной системы правления в республике, однако их деятельность крайне ограничена. Бывший госсекретарь США К. Райс в 2005 г. назвала Республику Беларусь «последней диктатурой Европы», и с тех пор эта характеристика превратилась

в клише¹⁹. В то же время США поддерживают позицию А. Лукашенко, который и сегодня не признает независимость Абхазии и Южной Осетии, а также присоединение Крыма к России²⁰.

В некоторых странах постсоветского пространства с авторитарной формой правления под прикрытием борьбы с международным терроризмом введен запрет на деятельность политических партий с оппозиционной направленностью. В 2015 г. в Республике Таджикистан была запрещена деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая являлась единственной исламистской политической партией в Центральной Азии. Правящие элиты различными методами создают барьеры для регистрации оппозиционных политических партий и общественных движений.

Между советской формой авторитаризма и аналогичной системой правления в государствах постсоветского пространства немало общего. В частности — конструирование мифологем, которые в советский период на протяжении десятилетий служили идеологической основой государства. Н. Хрущёв в 1961 г. заверил советский народ, что к 1980 г. в СССР будет построен коммунизм. М. Горбачёв в 1986 г. пообещал, что к 2000 г. каждая советская семья будет жить в отдельной квартире. Логика осознания степени реалистичности обещаний видных государственных деятелей, вне зависимости от их принадлежности к числу демократов или автократов, на наш взгляд, содержится в словах А. Шопенгауэра: «У толпы есть глаза и уши, но крайне мало рассудка и столько же памяти. Одни заслуги лежат вне сферы ее понимания, другие ей понятны, она аплодирует в момент их совершения, но вскоре забывает их»²¹.

В авторитарных государствах постсоветского пространства формируются мифологемы, которые в первую очередь связаны с непомерным возвеличиванием руководителей этих стран. Президент Туркменистана С. Ниязов носил официальный титул «туркменбаши» («глава туркмен». — С.Б., А.Б.), а его преемник Г. Бердымухамедов — «аркадаг» («покровитель». — С.Б., А.Б.). И. Каримов неофициально именовался «юртбаши» («глава страны». — С.Б., А.Б.). В 2010 г. парламент Казахстана принял конституционный закон, в соответствии с которым Н. Назарбаев был наделен статусом «единственного и пожизненного лидера нации — отца народа («елбасы»))» и который обеспечивал ему и членам его семьи неприкосновенность²².

В 2015 г. парламент Таджикистана утвердил законопроект «Об основоположнике мира и единства и лидере нации», официально провозгласивший действующего президента Э. Рахмона «спасителем таджикской нации» и пожизненным лидером таджиков²³.

В 2003 г. политолог В. Никонов ввел в научный оборот термин «путинизм», который определил как политическую систему и идеологию, установившуюся в России в 2000 г. после прихода к власти В. Путина²⁴. В общественно-политическую лексику США этот термин вошел после статьи журналиста и президентского спичрайтера У. Сафира в газете «New York Times»²⁵. Как утверждает профессор политологии Калифорнийского университета (Беркли) М. Стивен Фиш, «путинизм — это форма самодержавия, которая является консервативной, популистской и персоналистской. Его консерватизм означает, что путинизм отдает приоритет сохране-

нию статус-кво и предотвращению нестабильности. Как персоналистское самодержавие, путинизм опирается на единоличное правление»²⁶.

Необходимо отметить, что американская общественно-политическая мысль, классифицируя государства с демократической и авторитарной формой правления, нередко применяет так называемые двойные стандарты. Представители американского политического истеблишмента меняют свои позиции в оценке даже самого одиозного лидера или события в той или иной стране, как только затрагиваются национальные интересы самих США. Так, практически сразу после провозглашения государственной независимости Узбекистана в США стал формироваться имидж этой страны, где отмечались многочисленные случаи нарушения прав человека, отсутствие демократических свобод. В 2006 г. в США вышла книга «Тираны: 20 худших живых диктаторов мира», одна из глав которой посвящена президенту Узбекистана И. Каримову²⁷. При этом бывший госсекретарь США К. Пауэлл после встречи с И. Каримовым во время проведения вооруженными силами международной коалиции контртеррористической операции в Афганистане заявил: «Президент Каримов хочет создать новое поколение, которое понимает демократию»²⁸.

США явно преувеличивают масштабы угрозы западным либеральным ценностям, которая якобы исходит со стороны «глобального авторитаризма» в лице России и других государств. Под прикрытием мифа о нарастающей опасности демократическим институтам американцы стремятся ослабить влияние России в мире.

Кроме того, считаем необходимым подчеркнуть, что не разделяем точку зрения американских исследователей на В. Путина как на политика, установившего в России авторитарный режим. Политическая форма правления унаследована им от автократа Б. Ельцина, который был привержен демократическим ценностям лишь на словах. Сокрушив главную идеологическую институцию общества — КПСС, Ельцин сохранил практически неизменной партийно-советскую систему, которая в годы его правления трансформировалась в государственно-олигархическую структуру власти.

Распад советской тоталитарной системы носил эволюционный характер. Подавляющая часть политических элит государств постсоветского пространства прибегла к авторитарно-либеральной форме правления. Подвергая их жесткой критике, США в то же время оказывают им существенную финансовую помощь. Известны случаи открытого вмешательства американцев во внутренние дела этих государств. Формирование системы власти в каждой из этих стран находится в прямой зависимости от общественных настроений ее граждан, их участия в политической жизни, традиций и особенностей национального менталитета. Форма правления определяется выбором народа конкретной страны, и любая внешняя попытка изменить ее противоречит принципам международного права и сложившегося миропорядка.

Примечания

1. Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy devoted their works to the study of the authoritarian regime as a type of political system that for many years dominated the

- Soviet Union and then transformed into post-Soviet authoritarianism. John Hopkins University Press. 2016; *Between Dictatorship and Democracy: Russian Post-Communist Political Reform*. Kindle Edition (by M. Mc. Fall, N. Petrov, A. Ryabov). Washington D.C. 2004; FRIEDRICH C.J., BRZEZINSKI Z. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge. 1956; KIRKPATRICK J. *Dictatorships and Double Standards: Rationalism and Reason in Politics*. N.Y. 1982; *Putinism: Russia and its Future with the West*. N.Y. 2015; KAGAN R. *The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World*. N.Y. 2018; ХАНТИНГТОН С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. 2003.
2. ЛУКЬЯНОВА Е., ШАБЛИНСКИЙ И. Авторитаризм и демократия. М. 2019; МЕДУШЕВСКИЙ А. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. 2015; ФАЛИН В. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М. 2016; ЯВЛИНСКИЙ Г. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М. 2015; ВОРОЖЕЙКИНА Т. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и различия. — *Вестник общественного мнения*. 2009. № 4 (102); КОЧЕТКОВ А.П. Авторитаризм: ретроспектива и реальность. — *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2010. № 2, с. 60—70; ШКЕЛЬ С.Н. Новая волна: многообразии авторитаризма в отражении современной политической науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>; ЕГО ЖЕ. Современные типологии постсоветского авторитаризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tipologii-postsovetskogo-avtoritarizma>
 3. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/>
 4. Ibidem.
 5. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/russia/>
 6. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-country-reports-on-human-rights-practices/>
 7. Ibidem.
 8. Ibidem.
 9. Ibidem.
 10. URL: <http://theconservation.com / russia-putin-lead-the-way-in-exploiting-democracy-lost-promise-94798>
 11. GRODSKY B. *The Democratization Disconnect: How Recent Democratic Revolution Threaten the Future of Democracy*. Lanham — Boulder — N.Y. — London. 2016.
 12. KAGAN R. *The Strongmen Strike Back*. — *The Washington Post*. April 1. 2019.
 13. FOA R.S., MOUNK Y. *When Democracy Is No Longer The Only Parth to Prosperity?* — *The Wall Street Journal*. March 1. 2019.
 14. Ibidem.
 15. IOFFE G. *Reassessing Lukashenka: Belarus in Cultural and Geopolitical Context*. London. 2014.
 16. Ibidem.
 17. URL: <http://caravan.kz/news/kazakhstanom-interesuetsya-amerika-337863/>
 18. URL: <http://news.liga.net/all/news/bzhezinskiy-ne-isklyuchaet-vozniknoveniya-avtoritarizma-v-ukraine>
 19. URL: [http:// theguardian.com/world / 2014 / sep / 12 / belarus-no-longer-europe-last-dictatorship](http://theguardian.com/world / 2014 / sep / 12 / belarus-no-longer-europe-last-dictatorship)
 20. URL: <https://www.theguardian.com / commentsfree / cifamerica / 2008 / oct / 09 / usabelarus.russia.diplomacy>
 21. ШОПЕНГАУЭР А. Афоризмы житейской мудрости / Избранные произведения. М. 1993.
 22. URL: http://news.ru/com/world/20 mar 2019/father_nation.html
 23. URL: <http://today.tj>Tadzhikistan...emomali-rachmona-spasitelem...>
 24. НИКОНОВ В. Путинизм. — *Современная российская политика: Курс лекций* / Под ред. В. Никонова. М. 2003.
 25. SAFIRE W. *Putinism Looms*. — *The New York Times*. Jan. 31. 2000.
 26. FISH STEVEN M. *The Kremlin Emboldened: What Is Putinism?* — *I Journal of Democracy*. October 2017. Vol. 28. Issue 24. p. 61—75.
 27. WALLECHINSKY D. *Tyrants: The World's 20 Worst Living Dictators*. N.Y. 2006.
 28. URL: [www.http://state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/dec/6749.htm](http://state.gov/secretary/former/powell/remarks/2001/dec/6749.htm)

Радикализация молодежи Дагестана в постсоветское время

Ю. М. Гусейнов

Аннотация. В статье на основе архивных документов и полевого этнографического материала рассматривается проблема радикализации молодежи Дагестана в постсоветский период. В XXI в. начался процесс вербовки молодежи в ряды террористов. Однако благодаря официальному духовенству (муфтияту Республики Дагестан), органам государственной власти, общественным объединениям республики процесс радикализации молодежи прекратился.

Ключевые слова: шариат, адат, ислам, идеология, ваххабизм, салафиты, Губден.

Abstract. The article is based on archival materials, field ethnographic material and examines the problem of youth radicalism in the post-Soviet period. In the XXI century the second regular process of recruiting young people into the ranks of terrorists began. However, thanks to the official clergy (the Muftiate of the Republic of Dagestan), state authorities, public associations of the Republic, the process of radicalization of young people has stopped.

Key words: Sharia, adat, Islam, ideology, wahhabism, Salafis, Gubden.

После развала Советского Союза в Дагестан хлынули представители всевозможных идеологических течений и экстремистских группировок из различных регионов мира. В 1990-е гг. в некоторых населенных пунктах республики стали набирать популярность секты, идеологическую основу которых составляло религиозное миропонимание. Взяв за основу шариат, трансформировав и видоизменив некоторые его постулаты, радикалисты получили относительно новую экстремистскую идеологию, которая противоречила официальным исламским воззрениям. Особенно популярной среди молодежи стала идеология ваххабизма.

Идейным вдохновителем салафитского течения в Дагестане стал Багауддин Кебедев, более известный как Багауддин Мухаммад. Проповедовать ваххабизм он начал в Кизилюртовском районе (п. Комсомольский), и вскоре эта идеология получила распространение в горном и предгорном Дагестане.

Радикальная идеология, подпитываемая финансами из-за рубежа, получила широкий размах в Дагестане. В 1990-е гг. существовали отдельные анклавные территории, которые не признавали официальную власть, а в вопросах семейного и общественного быта использовали трансформированный

Гусейнов Юсуп Магомедович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства. E-mail: g.usup@mail.ru.

Guseynov Yusup M. — PhD (History), associate professor of the Department of Humanities of the Dagestan state University of national economy. E-mail: g.usup@mail.ru.

шариат радикального толка. Одной из главных идей ваххабитского течения являлось неподчинение республиканской и федеральной власти.

По официальным данным, в 1996 г. произошли столкновения между сторонниками ваххабизма и традиционными верующими в с. Миатли Кизилюртовского района, в селениях Цумадинского района. Центры ваххабизма в Республике Дагестан находились в следующих районах: Кизилюртовском (села Кироваул, Комсомолец, Старое и Новое Миатли), Хасавюртовском (Первомайское, Муцалаул, Теречное, Советское), Казбековском (Инчха, Гертма), Гунибском (Кудали, Софатль), Карабудахкентском (Губден). Под контролем ваххабитов в республике функционировали 14 медресе (мусульманских школ) ¹.

Наиболее крупным анклавом ваххабизма стал так называемый «Кадарский треугольник», образованный в Буйнакском районе в селениях Карамахи, Чабанмахи, Кадар. Там в 1997—1998 гг. «группы исламских радикалов стали активно внедрять шариат в нескольких селах Кадарской зоны, а летом 1998 г. (террористы. — Ю.Г.) объявили о создании самостоятельной территории, в границах которой российское законодательство было фактически заменено законами шариата, исполнявшимися специальным шариатским судом» ².

Манипулирование религиозными текстами и ссылки на известных богословов в сочетании с представлением искаженной информации использовались ваххабитами для создания эмоционального дискомфорта и подавления способности человека критически мыслить и трезво оценивать происходящее. Подобные манипуляции вербовщики использовали в основном в отношении молодежи. Число радикализированных молодых людей неуклонно росло.

Создание квазигосударственной «шариатской» территории явно противоречило Конституции Российской Федерации. В августе 1999 г. началось восстановление конституционного порядка в «кадарском треугольнике». В начале сентября в результате боевых действий в селе Карамахи 95% строений — 1850 домов — были практически разрушены. 150 ваххабитов бежали из Кадарской зоны ³.

В августе 1999 г. началось вторжение террористических бандформирований в Ботлихский и Новолакский районы Республики Дагестан с целью создания независимого от России государства. Однако с помощью дагестанских ополченцев и федеральных войск террористов удалось изгнать за пределы Дагестана.

Осознав всю опасность ваххабитской идеологии, в сентябре 1999 года Народное Собрание Республики Дагестан приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» ⁴. Несмотря на официальный запрет ваххабитской идеологии, она продолжала функционировать подпольно.

Не принимая во внимание официальную позицию ислама, салафиты продолжали дискредитировать ислам и вместе с ним шариат. В начале 2000-х гг. развернулась настоящая война против представителей правоохранительных органов и местного духовенства (Духовного управления мусульман Дагестана). Было убито несколько сотен полицейских и военнослужащих. Только в 2015 г. в Дагестане было совершено 679 преступлений террористического характера (ст. 205—208, 277 и 360 УК РФ),

а в 2014 г. — 472. «Преступлений экстремисткой направленности совершено в 2015 г. — 82, против 50 в 2014 году»⁵.

В 2013 г. создается «Исламское государство» (ИГИЛ, ДАИШ, ИГ) — террористическое квазигосударственное образование с сетевой инфраструктурой, имеющее корни в структурах террористической организации Аль-Каиды. На территории Ближнего Востока ИГ контролировало значительные территории Ирака и Сирии, в том числе нефтеносные и богатые историческими памятниками, население которых составляло от 8 до 10 млн человек⁶.

Несмотря на свое название, данное квазигосударственное образование не вытекало из шариатских норм. Вопреки исламскому законодательству террористы массово казнили представителей разных конфессий. Особенно жестоко они расправлялись с правительственными войсками Сирии, хотя официальный шариат запрещал убивать любого человека, вне зависимости от его религии и конфессиональной принадлежности.

После образования ИГ благодаря лжепроповедникам, призывавшим к «священной» войне в Сирии, молодежь Дагестана начала массово отправляться в Сирию и воевать на стороне террористов. По сведениям исследователя С. Я. Суцего: «Данные о числе выходцев с Северного Кавказа, пополнивших ряды боевиков ДАИШ (ИГИЛ) существенно разнятся. Не вызывает сомнения только одно — речь идет о многих сотнях человек (возможно, 1,5—2 тыс.), общая численность которых значительно превосходит размеры всего регионального террористического бандподполья»⁷ Фарман Кулиев отмечал, что, по неофициальным данным, на территорию запрещенной в России организации поехало воевать около пяти тысяч человек из СКФО⁸.

Следует также учитывать, что молодые люди (возраст отправившихся с Кавказа в ИГ в основном от 18 до 28 лет) выезжали не только напрямую из регионов Северного Кавказа. Некоторые прибывали с российского Севера, а также из крупных городов юга России, из средней полосы, Москвы и Санкт-Петербурга.

Из Кизлярского района Республики Дагестан по состоянию на конец 2014 г. в Сирию уехало 15 чел., из них как минимум четверо — из ХМАО, куда они мигрировали в поисках заработка. «Таким образом, следует признать, что уязвимым в отношении ИГ был не только Северный Кавказ, но и российский Север, и крупные российские города», — отмечает А. А. Ярлыкапов⁹.

На территории центральных регионов Российской Федерации велась активная борьба с бандподпольем ИГИЛ. В мае 2016 г. в Москве сотрудники МВД России и ФСБ России задержали активного участника международной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами».

В начале апреля 2016 г. правоохранительные органы пресекли в Волгоградской области деятельность «Палласовского джамаата», занимавшегося вербовкой местных жителей в «Исламское государство». Также были задержаны исламисты, готовившие теракт в регионе. Задержания, связанные с ИГ и другими террористическими организациями боевиков, регулярно происходили в различных субъектах РФ. 17 марта 2016 г. силами правоохранительных органов в Хасавюртовском районе Дагестана были задержаны три человека, связанные с ИГ¹⁰.

После разгрома террористического государства ИГИЛ в Дагестане установилось относительное спокойствие. Органами государственной власти республики оперативно разрабатываются мероприятия, в том числе превентивного характера, по предотвращению угроз терроризма, осуществляется прогнозирование социально-политических процессов в обществе.

Важным шагом в борьбе с экстремизмом стало принятие комплексной программы противодействия терроризму в Республике Дагестан на 2016—2020 гг. Основными целями программы являются:

- реализация государственной политики в области противодействия экстремизму и терроризму;
- реализация системы мер, направленных на профилактику экстремизма и терроризма;
- координация деятельности органов государственной власти республики, органов местного самоуправления, общественных и религиозных объединений в сфере противодействия экстремизму и терроризму;
- защита жизни и здоровья граждан, их имущественных и других интересов от преступных посягательств.

Таким образом, после распада СССР на фоне идеологического и мировоззренческого вакуума произошло усиление радикально настроенных группировок. В середине 1990-х гг. создаются анклавы террористов, которые отказываются подчиняться официальной власти.

В 1999 г. на территорию Дагестана вторглись банды международных террористов, целью которых было отделение Дагестана от Российской Федерации. Однако усилиями федеральных войск и народных ополченцев Дагестана террористы были изгнаны.

Сегодня в Дагестане установилось спокойствие. Руководство республики и органы государственной и муниципальной власти активно ведут работу по предотвращению распространения асоциальных проявлений среди молодежи.

Примечания

1. ЯРЛЫКАПОВ А.А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа». — Этнографическое обозрение». 2006. № 2, с. 67.
2. СЮКИЯЙНЕН Л.Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? — Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3, с. 19.
3. МАКАРОВ Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М. 2000, с. 62.
4. Там же.
5. ГАДЖИЕВ Д.М. Основные мероприятия по противодействию экстремистской деятельности: проблема оценки эффективности. В кн.: Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде: формы, эффективные методы, реализация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала. 2015, с. 21.
6. ЯРЛЫКАПОВ А.А. ИГ («Исламское государство») и безопасность России. Там же, с. 7.
7. СУЩИЙ С.Я. Террористическое подполье Северного Кавказа — современное состояние и возможные сценарии развития. Ростов-на-Дону. 2012, с. 37.
8. КУЛИЕВ Ф.М. К вопросу о противодействии религиозному экстремизму в молодежной среде в СКФО. В кн.: Противодействие распространению идеологии экстремизма..., с. 37.
9. ЯРЛЫКАПОВ А.А. ИГ («Исламское государство») и безопасность России..., с. 9.
10. КУЛИЕВ Ф.М. К вопросу о противодействии..., с. 39.

Франко-югославские отношения в контексте эволюции мировой политики в 1970—80-е гг.

Р.В. Костюк, Е.П. Каткова

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции двусторонних франко-югославских отношений в течение двух последних десятилетий «холодной войны». Несмотря на то, что по ряду международных вопросов позиции Парижа и Белграда были солидарными, довольно часто между странами возникали противоречия, которые тем не менее удавалось достаточно быстро разрешать. После прихода в начале 1980-х гг. к власти во Франции социалистов двусторонние контакты стали еще более интенсивными, хотя политика Франсуа Миттерана в отношении Югославии порой отличалась некоторой непоследовательностью.

Ключевые слова: Франция, Югославия, Союз коммунистов Югославии, «холодная война», социалистический лагерь, Движение неприсоединения, самоуправленческий социализм, третий мир.

Abstract. The article is devoted to the main trends and features of bilateral Franco-Yugoslav relations in the last two decades of the Cold War. Despite the fact that the positions of Paris and Belgrade were in solidarity on a number of international issues, quite often contradictions arose between the two countries, which, nevertheless, could be resolved quickly enough. After coming in the early 1980s. socialists came to power in France, bilateral contacts became even more intense, although Francois Mitterrand's policy towards Yugoslavia was sometimes notable for its inconsistency.

Key words: France, Yugoslavia, Union of Communists of Yugoslavia, cold war, socialist camp, non-aligned Movement, self-governing socialism, third world.

Во второй половине XX столетия Французская Республика и Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) играли довольно своеобразную роль в системе международных отношений и внутри западного и социалистического лагерей, к которым соответственно принадлежали. То, что эти страны обладали внутри данных «подсистем» эпохи холодной войны реальной внешнеполитической самостоятельностью, независимо от более мощных союзников формулировали свою

Костюк Руслан Васильевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: rouslan_k@mail.ru; *Каткова Екатерина Петровна* — аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, факультет международных отношений. E-mail: ekaterinak.17@gmail.com.

Kostiuk Rouslan V. — doctor of historical sciences, professor, St. Petersburg State University. E-mail: rouslan_k@mail.ru; *Katkova Ekaterina P.* — postgraduate student, St. Petersburg State University, Faculty of international relations. E-mail: ekaterinak.17@gmail.com.

международную политику, делало их своего рода диссидентами в капиталистическом и коммунистическом лагерях.

Размышляя о развитии франко-югославских отношений в период холодной войны, следует не забывать и об исторических и культурных связях между Францией и Югославией (Сербией) в прошлом. Как отмечается в предисловии к коллективной монографии «Сербия и Франция. Атипичный альянс. Политические, экономические и культурные отношения в 1870—1940 гг.», это был альянс, который «никогда не был формализован, границы которого никогда не были очерчены, но его эффективность сопротивлялась всяким испытаниям...»¹ В то же время после Второй мировой войны «франко-сербская память и история были забыты в коммунистической Югославии. Они вновь выйдут наружу с запозданием и скромно, введенные в оборот группой бывших комбатантов двух мировых войн, близких режиму»².

Вместе с тем эта реальная внешнеполитическая автономия соответственно от США и СССР способствовала поддержанию серьезного внешнеполитического авторитета и влияния Франции и Югославии. Франция в рассматриваемый период продолжала оставаться одной из великих держав, постоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН, одной из стран-лидеров западного мира и Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

В свою очередь, Республика Югославия, являясь одним из лидеров Движения неприсоединения, принимала не менее деятельное участие в международной политике, благодаря чему приобрела солидную репутацию и политическое влияние в мире. В 1967 г. Югославия осудила агрессию Израиля против арабских стран и в дальнейшем последовательно выступала в поддержку последних, а также приветствовала создание самостоятельной палестинской государственности. Руководители СФРЮ решительно высказывались против вмешательства стран Организации Варшавского договора во внутренние дела Чехословакии в 1968 г., настаивая на необходимости соблюдения принципов суверенитета и национальной независимости, права каждого народа самостоятельно решать свою судьбу. Данная политика работала на сближение подходов Белграда и Парижа.

На VI конференции Движения неприсоединения в Гаване летом 1979 г. Иосип Броз Тито особо подчеркнул: «Неприсоединение никогда не было и не может быть чьим-либо резервом, потому что это противоречит его сущности. Палестинский народ имеет право на свое независимое государство. Неприсоединение не может мириться со стремлением некоторых государств к военным интервенциям. Политика разрядки не может быть причиной давления на какую-либо страну. Движение неприсоединения имеет устойчивые устремления и цели в борьбе за новый международный политический и экономический порядок, за мир, равноправие и независимость народов»³. В этой цитате, на наш взгляд, заключены основные принципы внешней политики Югославии как при Тито, так и при его преемниках.

Следствием активной позиции СФРЮ по ряду международных вопросов стало энергичное участие страны в работе ООН, где «неприсоединившиеся» страны составляли большинство. Югославия последователь-

но выступала за углубление сотрудничества и переговорных процессов между всеми членами организации в целях принятия приемлемых для всех решений по наиболее острым вопросам международной повестки.

Особое место, которое ситуация «холодной войны» предоставила Франции и Югославии, ставит вопрос о характере взаимоотношений между этими странами. Цель нашей статьи — выявить основные тенденции в двусторонних франко-югославских отношениях в течение двух последних десятилетий «холодной войны» и вместе с тем показать сходства и различия подходов этих государств к наиболее важным проблемам мировой политики 1970—80-х гг.

Проблема франко-югославских отношений интересна не только в контексте политической и дипломатической истории бывшей Югославии и современной Сербии, но и с точки зрения изучения общественного, экономического, культурного сотрудничества двух стран, того влияния, которое Париж оказывал на югославскую повседневность. Между тем, постюгославская историография сравнительно мало внимания уделяет анализу отношений Франции и Югославии, и особенно это касается послевоенных десятилетий, когда их интенсивность снизилась по сравнению с межвоенным временем.

В 2000-х гг. состоялось несколько специальных научных конференций, посвященных югославско-сербско-французским отношениям. В частности, в 2004 г. Архивом Сербии и Обществом сербско-французского культурного сотрудничества была организована конференция «Сербско-французские отношения. 1904—2004 гг.», в рамках которой было сделано порядка 35 докладов, посвященных не только политическим вопросам, но и сербско-французскому сотрудничеству в области науки, искусства, литературы и т. д.⁴ В 2007 г. в Балканском институте Сербской академии наук и искусств была проведена конференция под названием «Атипичный союз. Французско-сербские отношения в 1878—1940 гг.». В 2011 г. в Архиве Югославии в Белграде состоялась конференция «Югославско-французские отношения в 1918—1941 гг.». Из названий упомянутых международных конференций следует закономерный вывод, что сербские историки отдают предпочтение исследованию сербско-французских отношений в довоенный период, когда они носили однозначно союзнический и дружественный характер. В рассматриваемые же нами в статье десятилетия двусторонние отношения между Югославией и Францией были достаточно сложными.

Следует отметить, что в 70-е гг. XX в. и Франция, и Югославия входили как государства хоть и принадлежавшие к разным социально-экономическим системам, но обладавшие реальным внешнеполитическим суверенитетом и «свободой рук» на международной арене. Об этом свидетельствовала и встреча президентов двух стран, состоявшаяся в октябре 1970 г. в Париже. Интересно отметить, что это был первый визит Иосипа Броз Тито в V Республику. Ранее лидер Югославии посещал Париж с визитом в 1956 г., тогда его принимал председатель Совета министров и один из лидеров французских социалистов Ги Молле. Но «пока де Голль оставался у власти, такой визит не был на повестке дня: не возможно было себе представить для генерала пожать руку тому, кто решил столь недостойно участь Драгана Михайловича...»⁵ Де Голль принципиально

отказывался встречаться с Тито на протяжении своего пребывания в Елисейском дворце, хотя признавал общность судеб Франции и Югославии, а также заслуги маршала: «Какие еще европейские страны были настолько близки друг другу в годы двух великих драм текущего столетия? Во время Первой мировой войны Франция и Сербия, в годы Второй мировой войны — Франция и Югославия — вместе боролись и вместе победили... Хозяйки своей судьбы, они все еще убеждены в том, что вместо системы блоков, гегемонии, холодной войны и железных занавесов, из-за которых случаются потрясения сродни событиям в Чехословакии, должна произойти разрядка напряженности, развиться сотрудничество между всеми народами нашего континента... Выражаю господину маршалу Броз Тито, президенту Социалистической Югославии, мое высочайшее и сердечное уважение. Оно адресовано борцу, сумевшему одержать победу в большом споре по поводу будущего своей родины; государственному деятелю, чьи ясные взгляды и активная деятельность в области международных отношений соответствуют тому, что правительство Франции считает справедливым и необходимым»⁶.

Для преемника и политического наследника де Голля — президента Жоржа Помпиду — официальный визит лидера Югославии, напротив, был не только уместен, но логичен и желателен. Об этом говорит тот факт, что, как пишет известный французский историк Морис Вайсс, Ж. Помпиду приветствовал Броз Тито такими словами: «Франция и Югославия имеют много общего, начиная с их воли к независимости»⁷. В свою очередь, Тито выразил от имени Югославии принципиальную поддержку выходу Французской Республики из военной организации НАТО. На момент этого визита ни один французский лидер, начиная с 1945 года, ни разу не посещал югославское государство. Лидер Югославии официально пригласил Ж. Помпиду приехать в страну в 1973 г., но тяжелая болезнь последнего помешала этим планам осуществиться⁸.

В марте 1971 г. премьер-министр Франции Жак Шабан-Дельмас в сопровождении министра иностранных дел Мориса Шумана совершили визит в Югославию. Среди рассмотренных тем, относящихся к сугубо двусторонним отношениям, обсуждались, в частности, вопросы взаимной выдачи преступников и уточнения статуса югославских иммигрантов во Франции. Следует отметить, что во Франции к началу 1970-х гг. проживали не только политические иммигранты из Югославии, бежавшие туда из-за преследований коммунистов. С 1965 г. руководство Югославии разрешило трудовую миграцию за рубеж, чтобы уменьшить показатели безработицы и повысить качество жизни граждан. В случае с Францией значительная часть трудовых югославских мигрантов «состояла из рабочих текстильной промышленности, рабочих автомобилестроения, строительства, сконцентрированных к востоку от Парижа, в Сен-Сен-Дени, и, в меньшей пропорции, на Востоке Франции»⁹. Причем в Париже и окрестностях, по данным переписи населения 1984 г., концентрировалось порядка 61,17% югославских рабочих от их общего числа во Франции¹⁰. Трудовыми мигрантами из Югославии в основном были молодые люди в возрасте 20—35 лет (80%) мужского пола (81,8%), имеющие невысокую профессиональную квалификацию¹¹. Однако Париж, будучи одним из европейских культурных центров, в это время привлекал

не только экономических мигрантов, но и югославских интеллектуалов. В число поселившихся там входили знаменитый сербский поэт Данило Киш и прославленный сербский художник Владимир Величкович, а также многие представители творческой интеллигенции хорватского и словенского происхождения.

В целом во Французской Республике в 1970-е гг. проживало до ста тысяч югославских трудовых мигрантов. Первое межгосударственное соглашение по регулированию занятости югославских рабочих во Франции было подписано еще в 1965 г. Согласно статистике, в течение 1970-х гг. две трети приехавших на заработки во Францию из Югославии были выходцами из Сербии, а точнее из Сербии приехали 63,5% иммигрантов¹². Причем сербская эмиграция во Францию, по сравнению с хорватской и словенской, началась сравнительно поздно и охватывала преимущественно сельское население. Так, согласно переписи 1971 г., 66,5% мигрантов из Сербии имели сельское происхождение¹³.

Численность трудовых мигрантов из других республик Югославии во Франции была незначительна. Отдельного упоминания достойна разве что достаточно сплоченная словенская диаспора во Франции, включавшая в себя словенских эмигрантов в четвертом поколении, чьи предки покинули родину еще после Первой мировой войны. В 1920-е гг. словенцы организовали здесь рабочие, культурные и исторические общества, благодаря деятельности которых сохраняли свою национальную и культурную идентичность, пропагандировали необходимость изучения словенского языка молодежью.

Исследователь югославской общины во Франции К. Кристоф отмечает, что югославское коммунистическое государство «в 70—80-е годы пыталось сохранить контроль над экономической иммиграцией посредством сети культурных ассоциаций и школ во Франции. Первые организовывали серию активной деятельности (музыка, театр, танцы...) для всех возрастных категорий, тогда как вторые предлагали югославское образование детям иммигрантов вечером в пятницу или в субботу, в дополнение к французскому школьному обучению»¹⁴. Подобные учреждения являлись по сути суррогатом настоящих социальных связей и контактов, которых югославские эмигранты уже лишились в Югославии и которыми еще не успели обзавестись во Франции.

Следует отметить, что Белград был заинтересован в возвращении югославских рабочих на родину. И в 1970-е гг. этот процесс имел место. Так, согласно переписи 1982 г., во Франции проживали 64 240 югославов, в том числе 30 180 женщин. По отношению к 1975 г. общее число югославов сократилось на 8,3%, хотя число женщин при этом увеличилось на 2,1%, что было следствием не столько женской эмансипации, сколько воссоединения югославских семей¹⁵. В 1986 г. между Францией и СФРЮ был подписан специальный двусторонний протокол, в котором всем лицам югославского происхождения, возвращающимся из Франции, гарантировалась финансовая помощь в процессе решения проблем реинтеграции.

Большая часть югославских переселенцев рассматривала Францию как временное прибежище и источник материального благополучия. Как правило, во Франции они много трудились и экономили, а на родине по-

купали дома и автомобили. Югославские иммигранты в первом поколении не стремились овладеть французским, мало читали на языке и почти совсем не умели писать, поэтому теряли возможность полноценной интеграции во французское общество и политическую жизнь страны. Тем самым они почти добровольно закрепляли свой маргинальный статус. Держась обособленно и общаясь лишь друг с другом на родном языке, они редко вступали в контакты с французскими гражданами и выходцами из других стран. Из-за страха потерять работу и стабильный заработок югославские рабочие почти никогда не принимали участия в деятельности профсоюзов и не выражали интереса к борьбе за свои права.

В свою очередь, возвращению в Югославию препятствовали не только объективные причины (экономические проблемы в стране, нестабильность на внутреннем югославском рынке, административные проволочки, недостаточная мотивация со стороны государства), но и страх повторной социализации и интеграции в югославское общество. Представителей старшего поколения, испытывающих ностальгию, останавливали размышления о будущем детей, выросших и получивших образование во Франции и не знающих специфики и обычаев своей родной страны. Разлука же с детьми казалась невозможной. С другой стороны, именно в Югославии эмигрантская молодежь имела реальный шанс на повышение социального положения, тогда как во Франции за ними закреплялся статус экономических мигрантов.

Доктор истории, профессор Сорбонны Жиль Труде указывает, что на встрече Ж. Помпиду с И. Броз Тито в 1970 г. «разговор шел преимущественно о ситуации на Ближнем Востоке»¹⁶. На ближневосточном направлении Париж и Белград занимали достаточно близкие позиции, хотя Югославия была настроена в отношении позиции Израиля критически. Однако и Франция в 1970-е гг. продолжала негативно оценивать израильские захваты палестинских территорий во время арабо-израильской войны 1967 г., а во время очередной войны 1973 г. Париж, с одной стороны, критиковал действия Египта и Сирии, а с другой — потребовал вывода израильских войск с Синайского полуострова. Как отмечал представитель Франции в СБ ООН, факт оккупации, поскольку создает неравные отношения, «составляет главное препятствие в деле совместного поиска урегулирования на основе переговоров»¹⁷.

Первая половина 1970-х гг. рассматривается историками как апогей процесса разрядки, значительный вклад в развитие которого внесли соответственно Франция и Югославия. Напомним, что именно Париж предложил трехступенчатую парадигму проведения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Министр иностранных дел Франции Мишель Жобер в 1973 г. заявил: «Европа не может быть особой зоной, такой площадкой, где друг друга уравнивают внешние силы»¹⁸. В 1973—1975 гг. и Париж, и Белград активно работали над созывом хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

После успешного саммита в Хельсинки, на котором был подписан Заключительный акт СБСЕ, франко-югославские отношения продолжали развиваться по нарастающей. В декабре 1976 г. новый Президент Франции Валери Жискар д'Эстен нанес визит в Югославию. Главным посы-

лом президента Франции была мысль о том, что «подлинная разрядка по-коится на установлении диалога, проводимого на основе независимости и суверенного равенства»¹⁹. Во время поездки в Югославию глава Французской Республики, выступая на пресс-конференции, заявил: «Визит, который я сделал маршалу Тито, имел для меня исторический характер, поскольку это был первый визит Президента Французской Республики в Югославию...»²⁰ Встреча была прекрасно подготовлена югославской стороной, что отмечали зарубежные журналисты и сами французские гости. Во время пребывания в Белграде французский президент подчеркнул не только выдающиеся «исторические заслуги» маршала Тито, но и тот позитивный вклад, который продолжает вносить СФРЮ под его руководством в дело укрепления мира. «Переговоры были очень откровенные, мы говорили обо всех проблемах», — заявил Жискара д'Эстен по окончании переговоров²¹.

Конкретно на югославско-французской встрече в верхах речь шла о разрядке, развитии международного сотрудничества по линии «Север — Юг», характере двухсторонних отношений и отношениях СФРЮ с ЕЭС. То, что франко-югославские отношения носили в середине 1970-х гг. экстраординарный характер, проявилось в факте, что уже в октябре 1977 г. Президент Югославии И. Броз Тито нанес очередной визит во Францию.

Встречая Тито, Президент Франции Жискара д'Эстен заявил, что приветствует в лице руководителя СФРЮ «страну — большого друга» и что «между Францией и Югославией диалог является настоящим и необходимым»²². Очередной визит маршала Тито прошел в дружеской обстановке. Глава Французской Республики во время торжественного приема президента СФРЮ, обращаясь к Тито, заявил: «Мы, обе страны, будем работать, чтобы обеспечить согласие на нашем континенте, и содействовать наступлению более справедливого мира. Ваш визит, господин Президент, имеет целью служить сближению двух независимых, отважных и дружественных народов и в то же время способствовать миру»²³.

На самом деле во второй половине 1970-х гг., несмотря на кризис разрядки, Франция и Югославия имели достаточно близкие позиции по различным темам мировой политики. Обе страны исходили из принципа следования основам национальной независимой обороны, хотя все-таки учтем, что Франция оставалась членом политической организации НАТО, тогда как СФРЮ никогда не участвовала в деятельности ОВД. Франция и Югославия выступали в поддержку реформирования международных валютных организаций. Несмотря на либеральные убеждения, В. Жискара д'Эстен провозглашал необходимость борьбы за новый международный экономический порядок и развитие диалога «Север — Юг»²⁴.

Париж и Белград имели схожие позиции в оценке процессов в различных горячих точках в странах третьего мира. Обе страны выступили против действий Советского Союза в Афганистане. Даже если В. Жискара д'Эстен занял по этому вопросу более взвешенную позицию, чем лидеры других ведущих стран Запада, «слова Президента Республики рассматривались как жесткие, по мере того, когда акцент ставился главным образом на необходимости положить конец оккупации Афганистана»²⁵. Ввод советских войск в Афганистан стал причиной очередного кризиса

в советско-югославских отношениях. Югославия, продолжавшая отстаивать принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств, подвергла жесткой критике внешнюю политику СССР на средневосточном направлении.

Что же касалось военного вмешательства Франции в дела различных африканских государств (Центрально-Африканская Республика, Чад, Заир), югославская дипломатия, активно работавшая в рамках Движения неприсоединения, занимала иные позиции. Франция и Югославия стояли на различных точках зрения относительно возможности развития экономических отношений с ЮАР и национально-освободительного движения в Южной Африке, где, например, правительство Франции «неявно поддерживало Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА)»²⁶.

Противоречия по «африканскому» вопросу были далеко не единственными в двусторонних франко-югославских отношениях в 1970-е гг. Очередным камнем преткновения между двумя странами стал вопрос о допустимости ядерных испытаний. Несмотря на недовольство Парижа, Белград поддержал резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 6 декабря 1973 г., призывавшую приостановить все испытания ядерного и термоядерного оружия. Впоследствии министр иностранных дел Франции Мишель Жобер в знак протеста отменил уже согласованный визит в Белград.

В конце 1970-х гг. из Югославии были высланы десятки французских граждан, заподозренных властями в антигосударственной деятельности. Франция выразила решительный протест против действий югославского правительства, а посольство страны предупредило СФРЮ о серьезных последствиях, которые будет иметь депортация для франко-югославских отношений²⁷.

Возможно, именно охлаждением франко-югославских политических отношений в конце 1970-х гг. можно объяснить тот факт, что, в отличие от многих президентов и премьер-министров капиталистических стран, В. Жискард д'Эстен не прибыл на похороны Тито 1 мая 1980 года²⁸.

Приход к власти левых сил во главе с социалистической партией (СП) во Франции способствовал большему оживлению политических и экономических отношений между Парижем и Белградом. Для этого были определены политические основания. Дело в том, что французские социалисты в 70-е гг. XX в. с большим интересом и симпатией относились к югославскому опыту «самоуправленческого социализма». Для французских социалистов, относившихся в то время к левому крылу западноевропейской социал-демократии, югославская модель представлялась весьма близкой во многом потому, что она находилась в спектре между традиционной коммунистической этатистской системой и социал-демократической политикой. Кроме того, в 1970-е гг. на восточноевропейском направлении социалисты Франции «особое внимание уделяли развитию отношений с Югославией, Румынией и Венгрией»²⁹.

Но если отношения между югославскими коммунистами и французскими социалистами имели дружественный характер, то в отношениях между Французской коммунистической партией (ФКП) и Союзом коммунистов Югославии (СКЮ) вплоть до конца 1970-х гг. наблюдался стойкий

кризис, вызванный отсутствием взаимопонимания и принципиальностью занимаемых политических позиций. Дело в том, что после своего визита в Югославию в октябре 1972 г. и ряда встреч в верхах лидер французских коммунистов Жорж Марше неожиданно подверг острой критике югославскую экономическую самоуправленческую модель, заявив, что она «ведет к анархии»³⁰. Достаточно резкое заявление Марше привело к бурной реакции югославской прессы. Печатный орган СКЮ газета «Коммунист» обвинила ФКП в закостенелости, сталинизме и зависимости от Москвы, а также во вмешательстве во внутренние дела суверенных государств. Ситуация в очередной раз показала, что СКЮ была решительно не готова мириться с какой-либо критикой в свой адрес со стороны других коммунистических партий. Тем не менее, высокий авторитет ФКП внутри европейского коммунистического движения и ее многочисленность вынуждали СКЮ искать пути для улучшения межпартийных связей. В ноябре 1978 г. секретарь Исполнительного бюро Президиума СКЮ Стане Доланц нанес официальный визит Жоржу Марше. Переговоры выявили «общие взгляды по ряду международных вопросов»³¹. Марше принял приглашение Доланца посетить Югославию с ответным визитом.

В первой половине 1980-х гг. лидеры западных стран очень редко посещали «коммунистические» страны Восточной Европы, но как раз во француско-югославских отношениях подобный визит имел место. С 13 по 16 декабря 1983 г. Франсуа Миттеран совершил официальный визит в СФРЮ и был тепло принят югославским руководством. Тогда же ему было присвоено звание почетного гражданина Белграда. В ходе визита глава Французской Республики заявил, что «Югославия и Франция являются двумя независимыми странами»³². Вместе с тем Ф. Миттеран отметил присутствие духа боевого товарищества во франко-югославских отношениях и напомнил французам о том «неоплатном долге, который имеется у них в отношении Красной армии...»³³

На переговорах в верхах обсуждались вопросы двусторонних отношений, сотрудничества Франции и СФРЮ в сфере промышленности и банковской системы. Кроме того, стороны сопоставили свои позиции по ключевым проблемам мировой политики. Во время визита в Белград Ф. Миттеран дал югославскому телевидению интервью, в котором выразил глубокое уважение к югославскому народу и внешней политике страны, а также той роли, которую играет СФРЮ в Движении неприсоединения. Ф. Миттеран особо подчеркнул важность развития двусторонних отношений в гуманитарной сфере. По этой теме он, в частности, заявил: «В культурном отношении французское присутствие в Югославии нуждается в том, чтобы быть усиленным в плане нашего языка, нашей культуры... Для большего присутствия нужно иметь больше преподавателей, больше книжных магазинов, проводить больше конференций, интересоваться очень богатой культурой вашей страны...»³⁴

Что же касается актуальных вопросов мировой политики, то между левыми правительствами двух стран имелись как общие подходы, так и заметные отличия. Париж и Белград критически оценивали действия Советского Союза в Афганистане и Вьетнама в Камбодже (Кампучии). Обе страны в начале 1980-х гг. выступали за скорейшее прекращение ирано-иракской войны. Югославия и Франция осуждали интернациона-

лизацию гражданских конфликтов в Никарагуа и Сальвадоре и агрессивную политику Вашингтона в Центральной Америке. Левое правительство Франции изменило курс в отношении событий в Южной Африке и точки зрения Белграда и Парижа относительно агрессивной внешней политики расистского режима ЮАР в первой половине 1980-х гг. заметно сблизились. Так, в 1985 г. именно по инициативе Парижа СБ ООН проголосовал за резолюцию, усиливающую в отношении ЮАР экономические санкции³⁵.

Вместе с тем Югославия и Франция по-разному оценивали ответственность великих держав за обострение международного положения в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Если Югославия оставалась в оси неприсоединения, то Франция, несмотря на всю сохраняющуюся автономность, действовала как составная часть «западного блока». Париж и Белград имели неодинаковые позиции по ситуации в отдельных регионах Африки (французское вмешательство в дела многих экс-колоний Франции продолжалось, хотя глава внешнеполитического ведомства Клод Шейсон обещал, что «мы не будем теперь действовать, как Соединенные Штаты в Гондурасе и Никарагуа») ³⁶ и на Ближнем Востоке, в частности по конфликту вокруг Ливана.

Разногласия случались и по ряду других причин. В разгар беспорядков в Косово 1—2 апреля 1981 г. французский посол в СФРЮ отправился в Приштину, но был незамедлительно возвращен в Белград югославской полицией. Властями подобное действие было воспринято как вмешательство во внутренние дела Югославии. В июне того же года группа политических эмигрантов в Париже запланировала демонстрацию у здания югославского посольства. Югославия рассчитывала, что Франция запретит подобную акцию, однако Париж в этом вопросе не проявил солидарности с Белградом. Несколько сотен протестующих, в основном хорватских и албанских националистов, встали у стен югославского посольства с флагами Независимого государства Хорватии (НГХ) и Албании ³⁷. В октябре 1981 г., после того как стало известно, что планируется организовать диверсионную акцию в югославском клубе в Париже, югославские спецслужбы ликвидировали одного из организаторов демонстрации Мате Колича. Несколькоими годами раньше Франция предоставила гражданство Мирко Видовичу, который в конце 1981 г. был избран президентом Хорватского народного веча ³⁸. Приблизительно в то же время албанская диаспора во Франции при поддержке французского парламентария Жерара Израеля подала в Европейский парламент Меморандум антиюгославской направленности ³⁹.

В апреле 1982 г. Франция отказалась запретить празднование 41-й годовщины создания НГХ. Югославской общественности было трудно понять, почему французское левое правительство заняло в этом вопросе ультраправую позицию. В том же месяце в Париже состоялась очередная антиюгославская хорватско-албанская демонстрация, когда митингующие вышли к зданию югославского посольства, выкрикивая оскорбительные слова в адрес СФРЮ ⁴⁰.

Но общий позитивный заряд и «запас прочности» во франко-югославских отношениях помогли пережить непростой период обострения, и с середины 1980-х гг. положительная динамика вновь берет верх.

В условиях быстрой нормализации отношений между Западом и Востоком расширение франко-югославских торгово-экономических, культурных и научных контактов, о чем говорил во время визита в СФРЮ Ф. Миттеран в 1983 г., пошло стремительными темпами.

По подавляющему большинству вопросов международных отношений позиции Французской Республики и Югославии на заключительном этапе холодной войны были достаточно близки. Это касалось поддержки советско-американских договоренностей по ядерному разоружению, переговорного процесса между НАТО и ОВД по сокращению конвенционального оружия, интенсификации деятельности СБСЕ, отношения к мирному объединению Германии.

В ООН Париж и Белград занимали близкие позиции и в отношении прекращения внешнего вмешательства в гражданскую войну в Афганистане, завершения ирано-иракской войны, подготовки международной мирной конференции по ближневосточному урегулированию, прекращения политического конфликта в Камбодже, деэскалации международной ситуации в Южной Африке и оказания давления на ЮАР с целью отказа от агрессивной внешней политики, апартеида и оккупации Намибии. Югославская и французская дипломатические миссии в конце 1980-х гг. поддержали международные миротворческие действия, направленные на прекращение гражданских конфликтов в ряде стран Центральной Америки.

Несмотря на общую позитивную направленность двусторонних отношений в это десятилетие нельзя упускать из виду, что французский и югославский режимы оставались антагонистическими по своей сути. Наблюдая за польскими событиями и деятельностью профсоюза «Солидарность», представители французской элиты рассчитывали на скорое падение коммунистического режима в Югославии, где, по их мнению, существовало серьезное сербское сопротивление и недовольство, вызванное регулярным попранием сербского национального чувства со стороны партии и государства. Таким образом, многие французские политики отводили главную роль в деле гипотетического мирного реформирования Югославии именно сербам, что, на первый взгляд, было весьма взвешенной и обоснованной позицией. Сербский народ традиционно рассматривался как двигатель истории и прогресса в южнославянском мире. Именно под руководством сербского короля Александра Карагеоргиевича Югославия стала членом Малой Антанты, что привело к беспрецедентному развитию и интенсификации франко-югославских отношений в межвоенный период. Сам Франсуа Миттеран, находясь в немецком военном плену в годы Второй мировой войны, наблюдал страдания сербских заключенных и впоследствии отмечал неоценимый вклад сербского народа в победу над фашизмом, вменяя в вину хорватам усташское движение и создание Независимого государства Хорватии.

Однако последующие события и быстро набирающий обороты республиканский словенско-хорватский сепаратизм показали ошибочность подобных расчетов. Как отмечает историк М. Вайсс, к середине 1980-х гг. «для Ф. Миттерана наиболее тревожащим вопросом становится Балканская Европа, что связано с деградацией положения в Югославии»⁴¹.

В угрожающей миру и стабильности на континенте ситуации полу-распада Югославии Франция ожидала, что белградские власти пойдут по пути смягчения и реформирования режима, его преобразования в социал-демократию, что закономерным образом запустит аналогичные процессы в Любляне, Загребе и Сараево. К 1987 г. в рядах Союза коммунистов Сербии произошло четкое разделение на сторонников Ивана Стамболича, Драгиши Павловича и Слободана Милошевича, причем французской стороне позиция и доводы «умеренных» Стамболича и Павловича казались разумнее и убедительнее⁴². Однако VIII Съезд ЦК Союза коммунистов Сербии, состоявшийся 23—24 сентября 1987 г., полным разгромом противников Милошевича развеял иллюзии относительно мирного сценария событий в Югославии.

Слободан Милошевич в глазах французской общественности выглядел «представителем примитивного марксизма и популизма»⁴³, «узурпатором титовского наследия»⁴⁴, в то время как сам Иосип Броз Тито своим разрывом со Сталиным, независимой позицией по ряду международных вопросов и принятием Конституции 1974 г., даровавшей равные права республикам, заслужил непререкаемый авторитет на Западе. Приход Милошевича к власти в 1989 г. не разделил общественное мнение Франции на его противников и сторонников: и французские левые, и французские правые критиковали президента Сербии за манипулятивный и репрессивный характер его власти, давление на средства массовой информации и начатую им идеологическую войну против всех несогласных.

Между тем, несмотря на фактор Милошевича, Франсуа Миттеран проявлял себя как политик, симпатизирующий сербам и сербским интересам, что, однако, не повлекло соответствующих действий по защите Сербии с его стороны в годы гражданской войны в бывшей Югославии. В данной ситуации, независимо от личных симпатий, Миттеран был вынужден прислушиваться к мнению политического большинства, которое поддержало распад Югославии.

Подводя общий итог, мы можем констатировать, что франко-югославские международные отношения в 1970—1980-е гг. носили неоднозначный и диалектический характер. Будучи своеобразными диссидентами в своих лагерях, Франция и СФРЮ способствовали улучшению общего климата в международных отношениях, и это обстоятельство, разумеется, оказывало позитивное воздействие не только на дело мира в Европе, но и на эволюцию самих франко-югославских взаимоотношений. Судя по всему, апогей разрядки (начало 1970-х гг.) и первые годы нахождения левых у власти во Франции (начало 1980-х гг.) были наиболее благоприятными и успешными периодами для развития двусторонних отношений. В то же время по различным вопросам как мировой политики, так и собственно двусторонних взаимоотношений между Белградом и Парижем сохранялись серьезные противоречия, что также оказывало воздействие на отношения между Францией и Югославией.

1. La Serbie et la France. Une alliance atypique. Relations politiques, économiques et culturelles 1870—1940. Belgrade. 2010, p. 7.
2. SRETENOVIC S. Ruptures et continuités de la mémoire serbe de la Grande Guerre. 1945—2014. — Matériaux pour l'histoire de notre temps. Paris. 2014, p. 113—114.
3. ПЕТРАНОВИЋ Б., ЗЕЧЕВИЋ М. Југославија 1918—1988, Тематска збирка докумената. Београд. 1988, с. 1083.
4. КОЦИЋ Е. Југословенско-француски односи у савременој српској историографији. — Зборник радова са научног скупа Хуманизација универзитета. Ниш. 2013, с. 529.
5. Widlund-Fantini A.-M. Danica Seles Kovitoh. Interprète et témoin du XXe siècle. Lausanne. 2007, p. 138.
6. Discours et Messages. Paris. 1970, p. 369.
7. VAÏSSE M. La puissance ou l'influence? La France dans le monde depuis 1958. Paris. 2009, p. 259.
8. TROUDE G. La Yougoslavie titiste vue par les diplomates français (1955—1974). URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350—7653/2009/0350—765309401654.pdf>
9. COLERA Ch. Tensions franco-yougoslaves et constructions identitaires des Serbes en France. — Réseaux sociaux en migration. — Hommes & Migrations. Paris. 2004. № 1250, p. 62.
10. ČAČIĆ J., KUMPES J. Između Jugoslavije i Francuske (Pogled na jugoslovenske migracije u Francusku). — Migracijske teme. 5. Zagreb. 1989, s. 291.
11. Ibidem.
12. CACIK-KUMPES J., KUMPES J. Approche socio-historique des migrations yougoslaves en France. — Revue Européenne des Migrations Internationales. 1990. № 6—2, p. 73.
13. ČAČIĆ J., KUMPES J. Op. cit., p. 295.
14. COLERA Ch. JOp. cit., p. 65.
15. CACIK-KUMPES J., KUMPES J. Op. cit., p. 71.
16. TROUDE G. La Yougoslavie titiste vue par les diplomates français (1955—1974). URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350—7653/2009/0350—765309401654.pdf>
17. Ibidem.
18. JOBERT M. Memoirs d'avenir. Paris. 1974, p. 247.
19. SCHREIBER Th. Les actions de la France à l'Est ou les alliances de Marianne. Paris. 2000, p. 149.
20. Conférence de presse de M. Valéry Giscard d'Estaing à Belgrade le 7 décembre 1976. URL: <http://discours.vie-politique.fr/notices/767016000.htm>
21. Ibidem.
22. Allocution de M. Valéry Giscard d'Estaing, l'occasion de la visite officielle en France de son Excellence M. Josip Broz Tito, président de la République socialiste fédérative de Yougoslavie, Aéroport d'Orly — mercredi, 12 octobre 1977. URL: <http://www.vie-publique.fr/cdp/notices/777012900.html>
23. Ibidem.
24. VAÏSSE M. Op. cit., p. 505.
25. Froment-Meurice H. Vue de Quai, Mémoires, 1945—1983. Paris: Fayard, 1998, p. 572.
26. VAÏSSE M. Op. cit., p. 318.
27. GUIKOVATY E. Tito. Paris. 1979, p. 169—176.
28. VAÏSSE M. Op. cit., p. 260.
29. КОСТЮК Р.В. Внешнеполитические установки Французской коммунистической партии и Социалистической партии (Франции) в 1970-е годы. Сравнительный анализ. СПб. 2010, с. 101.
30. Komunist, 21. oktobara 1974.
31. Tanjug, 7. novembra 1978.
32. Entretien accordée par M. François Mitterrand à la television yougoslave, notamment sur les relations internationals. Paris, mercredi 14 décembre 1983. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/847000200.html>
33. VAÏSSE M. Op. cit., p. 273.

34. Entretien accordée par M. François Mitterrand à la television yougoslave, notamment sur les relations internationaux. Paris, mercredi 14 décembre 1983. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/847000200.html>
35. VAÏSSE M. Op.cit., p. 326.
36. COHEN S. La Monarchie nucléaire, les coulisses de la politique étrangère sous la Ve République. Paris. 1986, p. 149.
37. MRE, Sous-Direction d'Europe Orientale, Note A/S: Activités de l'émigration politique en France, 18 November 1981.
38. MAE, Sous-Direction d'Europe Orientale, Note A/S: M. Vidovic, 29 May 1980.
39. MAE, Sous-Direction d'Europe Orientale, Note A/S: Démarche Yougoslave sur l'activité de l'immigration en France, 13 March 1982.
40. TD BELGRADE096, 25 March 1982.
41. VAÏSSE M. Op. cit., p. 279.
42. SRETENOVIĆ S. Francusko-srpski odnosi u XIX i XX veku. — MP 4, 2009. Str. 555.
43. Ibidem.
44. Ibidem.

Функционирование системы спецпоселений в протоколах совещаний спецкомендантов Вологодской области 1954—1955 гг.

Н.М. Игнатова

Аннотация. Статья посвящена анализу исторического источника, не описанного ранее в научной литературе, — протоколов заседаний комендантов спецпоселков, в которых под административным надзором находились граждане, принудительно высланные в административном порядке на спецпоселения с ограничением прав (спецпереселенцы). Документы хранятся в Архивном отделе Информационного центра УМВД по Вологодской области, относятся к рассекреченным документам. Анализ протоколов позволяет выявить основные проблемы низового и среднего звеньев административно-контрольного управления системой спецпоселений.

Ключевые слова: принудительные миграции, спецпереселенцы, спецпоселки, коменданты, спецкомендатуры.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a historical source not previously described in the scientific literature — the minutes of meetings of commandants of special settlements, in which under administrative supervision there were citizens who were forcibly sent administratively to special settlements with limited rights (forced migrants). Documents are stored in the Archival Department of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of the Vologda Oblast; they are classified as declassified documents. The analysis of the protocols allows us to identify the main problems of the lower and middle levels of administrative control of the special settlements system.

Key words: forced migration, forced migrants, special settlements, commandants, special commandant's offices.

Изучение делопроизводственной документации, в состав которой входят протоколы совещаний и собраний разного уровня, является важным и необходимым этапом для анализа деятельности государственного

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, зав. сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). E-mail: ignatova11@rambler.ru.

Ignatova Nadezhda M. — PhD (History), head of the Department of Historical-Demographic and Historical-Geographical Studies of the Russian North, Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ILLH FRC Komi SC UB RAS). E-mail: ignatova11@rambler.ru.

административного управления. Интерес к протоколам, как к историческому источнику, неизменен. Большое внимание исследователи уделяют документам советского периода, в частности протоколам государственных и партийных органов. Э.Б. Генкина описывает протоколы Совнаркома РСФСР за 1917—1922 гг. как «первостепенный и основополагающий источник» по истории советского общества и государства, который содержит разнообразный и ценный материал ¹. В книге, посвященной внешнеполитической деятельности Политбюро ЦК ВКП(б) авторы О.Н. Кен и А.И. Рупасов называют протоколы Политбюро «первоклассным историческим источником» и посвящают им отдельную главу ². С исторической точки зрения протоколы заседаний и собраний интересны тем, что содержат записи не только выступлений, но и различных мнений, вопросов, возможных дискуссий и активных обсуждений. Анализ протоколов способствует выявлению ответной реакции управленческого звена на директивные документы при реализации мероприятий. В.А. Бондарь, анализируя протоколы партийных собраний 1920-х гг., подчеркивает, что данный источник можно рассматривать при изучении не только истории партийных организаций, но и для анализа управленческих практик, выявления актуальных вопросов в работе местных партийных организаций и их реакции на указания вышестоящих органов ³. В.В. Филатов при анализе обширного ряда протоколов уральских колхозных собраний ставил задачу по выявлению фактического участия крестьян в органах колхозного самоуправления Уральского региона в 1930-е годы. В итоге автор приходит к выводу, что протоколы колхозных собраний, сохранившиеся в архивах, являются важнейшими документами советской эпохи и позволяют воссоздать некоторые аспекты жизни колхозного крестьянства в период социалистического переустройства села, их отношения к внутриколхозным проблемам, уровень активности колхозников на собраниях, значимость принимаемых решений ⁴.

Протоколы совещаний комендантов спецпоселков — исключительно редкий исторический источник, не освещенный в научной литературе, так как сохраниться он мог только в ведомственных архивах. В статье анализируются четыре протокола собраний с участием комендантов спецпоселков Вологодской области 1954—1955 гг. из фондов Архивного отдела Информационного центра УМВД по Вологодской области: Протокол оперативного совещания сотрудников отделения «П» и спецкомендантов УМВД Вологодской области от 9 августа 1954 г.; Протокол совещания спецкомендантов и работников отделения «П» совместно с ответственными работниками лесной промышленности Вологодской области (заместителями директоров леспромхозов) от 11 августа 1954 г.; Протокол совещания оперработников отделения «П» УМВД и комендантов спецкомендатур Харовского р-на по проверке работы спецкомендатур от 26 октября 1954 г.; Протокол оперативного совещания сотрудников 4-го спецотделения, комендантов спецкомендатур и начальников горрайотделений милиции УМВД Вологодской области, которое проходило 1—2 августа 1955 года. Документы подшиты в одном деле в хронологическом порядке, имеют гриф «секретно», оформлены по единому образцу, с указанием повестки дня и фамилий выступавших, но без указания их должностей, имеют подпись начальника отделения «П» УМВД, ответственно-

го за работу со спецпереселенцами, или секретаря. Наиболее обширным является первый документ от 9 августа 1954 года.

Основной контингент в спецпоселках Вологодской области составляли советские немцы, высланные на спецпоселения в силу различных причин. Это были репатриированные немцы (граждане СССР, высланные в 1944—1946 гг. из прифронтовых территорий). На 1 января 1950 г. в Вологодской области насчитывалось 9339 немцев, в том числе 1935 мужчин, 4109 женщин и 3295 детей до 16 лет, а также 824 члена семей ОУНовцев, в том числе 191 мужчина, 487 женщин и 146 детей. К спецпереселенцам относились и двое мужчин категории «власовцы»⁵ На 1 декабря 1955 г. в Вологодской области было учтено 5559 спецпоселенцев-немцев, 17 членов семей ОУНовцев, 2 спецпоселенца-эстонца и 9 ссыльнопоселенцев, всего 5587 человек⁶.

Запротоколированные совещания были посвящены реализации директивных документов центральных органов власти, направленных на ослабление режима отдельных категорий спецпереселенцев⁷. По постановлению Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» № 1439—649с от 5 июля 1954 г., в частности, разрешалось «лицам, состоящим на учете спецпоселений, занимающимся общественно полезным трудом, право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам — право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях»; регистрация в комендатуре вместо одного раза в месяц — один раз год; дети до 16 лет и старше, выехавшие на обучение, считались свободными; также отменялись аресты и штрафы за нарушение режима спецпоселения. Постановление затрагивало спецпоселенцев-немцев, размещенных в Вологодской области⁸. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 г. «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» освободил спецпереселенцев от 20 лет каторжных работ за побег и заменил ответственностью до трех лет лишения свободы⁹. Приказ МВД ССР № 00597 от 16 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» вводил некоторые пояснения к Постановлению Совета Министров, в частности, уточнялось, что детей спецпоселенцев всех категорий, родившихся после 31 декабря 1937 г., необходимо в месячный срок снять с учета органов МВД и далее на учет спецпоселения не брать. Также было разъяснено положение о смене места жительства: «Спецпоселенцы при изменении постоянного места жительства обязаны сняться с учета в спецкомендатуре, а по прибытии к новому месту жительства — встать на учет в органах МВД. О выезде в командировку за пределы области, края, республики спецпоселенцы обязаны сообщать в соответствующую спецкомендатуру МВД»¹⁰.

В протоколе оперативного совещания сотрудников отделения «П»¹¹ и спецкомендантов УМВД Вологодской области от 9 августа 1954 г. в «повестке дня» значились два вопроса: изучение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1954 г., Постановления Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. и приказа МВД СССР от 16 июля 1954 г.

и отчеты о работе комендантов. Были заслушаны доклады начальника отделения «П» УМВД Вологодской области и трех комендантов спецкомендатур. (Районные и поселковые спецкомендатуры являлись аппаратами НКВД по обслуживанию спецпереселенцев. Районные дислоцировались в районных центрах при РО НКВД, поселковые — в центре расселения спецпереселенцев, обслуживаемых поселковой спецкомендатурой¹²). В протоколе отмечено, что присутствовал 21 человек. Из контекста зафиксированных выступлений можно сделать вывод, что помимо начальника и сотрудников Отделения «П» УМВД присутствовали оперработники УМВД и коменданты спецкомендатур г. Великий Устюг (на учете на момент совещания состояло 206 спецпоселенцев), г. Тотьма (154 чел.), г. Бабаево (190 чел.), г. Красавино (555 чел.), Междуреченского и Лежского районов (число спецпоселенцев не указано) и другие¹³.

В обширном докладе начальник отделения «П», помимо ознакомления с директивными документами, сказал об оформлении личных учетных дел спецпоселенцев, работе с агентурой в спецпоселках, «разборе» жалоб и заявлений от спецпереселенцев и о «наличии на спецпоселениях незаконно содержащихся лиц не немецкой национальности». По ведению учетных дел было отмечено, что в некоторых спецкомендатурах «много всякого рода недочетов и даже безобразных явлений», в частности, в г. В. Устюг, документы в личных делах «не подшиты, не пронумерованы, не подписаны начальниками органов МВД», в отдельных делах «нет полного комплекта документов, являющихся основанием для содержания спецпоселенцев на спецпоселениях», также отмечалось наличие искажения фамилий, имен и отчеств, неправильное определение национальности¹⁴.

По вопросу незаконного содержания лиц не немецкой национальности было сказано, что в ряде спецкомендатур, например, «в Великом Устюге таких лиц 50 человек, в Вологде до 10, в Бабаево до семи и в ряде других районов» есть среди членов немецких семей граждане русской, белорусской, украинской и других национальностей, которые остались «без необходимой документации», из-за «безответственного отношения к делу со стороны комендантов». Делая вывод по этому вопросу, руководитель возлагал вину частично и на свое отделение: «Было бы неправильным обвинять в этих ошибках одних комендантов. В этом главная вина руководителей бывшего отдела спецпоселений (ОСП), 9 отделения, отделения «П». Они не давали необходимых указаний комендантам. Я просмотрел все директивы УМВД за 1952—1953 гг. и не нашел не одного указания по этому поводу. А результат от этого таков, сейчас прежде чем освободить незаконно содержавшегося на спецпоселения человека мы вынуждены вначале провести документацию по делу и собрать необходимые документы, а эта документация занимает очень много времени, (одно) дело, например, документируется восьмой месяц»¹⁵.

Среди спецпереселенцев вербовались люди, которые доносили коменданту сведения о настроениях спецпереселенцев, каких-либо антисоветских высказываниях и побеговых намерениях. Эти люди составляли агентуру комендантов. При характеристике работы комендантов спецпоселков, их деятельность характеризовалась в докладе начальника отделения «П» как несерьезная: «Например, тов. Т... из Камчуги за 4 ме-

сяца 1954 г. из 75 запланированных по графику явок сорвал 28 явок, из 47 состоявшихся явок 19 были пустыми, без материалов, 28 встреч оказалось более или менее плодотворными за 100 дней работы. Некоторые товарищи коменданты не только не работают с агентурой, но ухитряются подолгу и в спецпоселках не бывать. Например, в Тотьме тов. М... в поселках колхоза «Объединение» за пять месяцев 1954 г. ухитрился побывать всего три раза. А оперуполномоченный тов. Ф... в этих поселках не был месяцев восемь без всяких на то причин». Также в спецпоселках определялись старшие по бараку или старшие на 10 дворов, которые в помощь коменданту должны были способствовать поддержанию режима на спецпоселениях, проведению «разъяснительной и профилактической работы». деятельность комендантов была оценена как неравномерная: «кто-то ограничивается вопросом “Как дела?”, а кто-то смог воспитать помощников», к последним были отнесены спецкомендатуры в г. Красавино, г. Череповце и п. Камчуга ¹⁶.

Вопрос, которому в докладе начальника Отделения «П» УМВД ВО было уделено наибольшее внимание, был связан с жалобами и заявлениями спецпоселенцев. Отмечалось, что «жалобы и заявления спецпоселенцев порождаются как правило плохой работой администрации предприятий, где работают спецпоселенцы, профсоюзных и партийных организаций, плохой работой комендантов». Особо отмечалось, что именно от комендантов «зависит очень многое»: «Потоки жалоб и заявлений от спецпоселенцев мы имеем и из ряда др. районов и главным образом оттуда, где существует беспорядок в трудовом использовании спецпоселенцев, где товарищи коменданты плохо занимаются делами трудоустройства и трудоустройства спецпоселенцев, где коменданты забыли о своих обязанностях и задачах. Примером может служить следующее: В Тотемском районе в колхозе “Объединение” проживает и работает три десятка спецпоселенцев. Люди мало зарабатывают, жилищные условия у некоторых из них не удовлетворительные, скота, огородов почти не имеют. У людей нет никаких перспектив на обеспечение семьи и себя хотя на ближайшее будущее. В результате Правительственные органы и областные организации в этом году спецпоселенцы из этого колхоза буквально заваливали жалобами и заявлениями о переводе на жительство куда угодно лишь бы не быть в (этом) колхозе». При этом в большинстве комендатур положение «с разбором и прохождением жалоб и заявлений» признавалось «нормальным», заявления учитывались, регистрировались и по ним давались ответы. В заключении доклада было сказано о том, что указания и директивы УМВД со стороны комендантов должны исполняться к установленному сроку, а отчетность предоставляться к 3-му числу каждого месяца ¹⁷.

После доклада, цитирования и разъяснения документов со стороны комендантов последовали вопросы, которые касались в основном оформления документов, паспортов, справок, порядка их выдачи. Далее были заслушаны доклады по трем спецкомендатурам — г. Великий Устюг, г. Тотьма, г. Бабаево. В основном спецкоменданты докладывали о трудовой деятельности спецпоселенцев, жилищно-бытовых условиях, поступлении жалоб и заявлений, работе с агентурой, оформлении учетных личных дел. Например, было отмечено, что в Удимском ЛПХ-зе (спец-

комендатура г. Великий Устюг) «бытовые условия удовлетворительные, живут скученно по 2—3 семьи. Работают неплохо». В оправдание недостатка документов по репатриации в личных делах спецпоселенцев (немцев), было сказано, в частности, по спецкомендатуре г. Великий Устюг, что «ряд документов были изъяты оперработниками КГБ»¹⁸.

В конце заседания состоялась дискуссия с обсуждением вопроса, который был наиболее болезненно воспринят оперработниками и спецкомендантами. Один из комендантов обратился непосредственно к руководству: «В делах мобилизованных немцев имеются справки, ссылаясь на приказ МВД СССР и Прокуратуры. По-моему этого достаточно, для того, что они состоят на учете. Тов. (Начальник отделения «П») предлагает разыскать все документы в Райвоенкоматах о направлении их в промышленность... нам таких указаний ранее не было.» Была им предъявлена и личная «претензия к руководству»: «Коменданты у нас в большинстве работают по 10—20 лет, но путевки получить очень трудно. Я не могу получить путевки на лечение или хотя бы денежной помощи. Заботиться о работниках спецкомендатур, по-моему, тоже надо»¹⁹.

Также высказался и один из сотрудников Отделения «П»: «О фильтрационных материалах, этот вопрос сложный, нам обвинять комендантов нет оснований. Надо иметь ввиду, что в приказе МВД СССР установлена форма личного дела, фильтрационный материал — это анкета. Основным документом является анкета, и это вполне достаточно для репатриированных немцев, считать их на спецпоселении или нет, законно или незаконно они содержатся на спецпоселении. К нам в 1952 г. приезжали два работника МВД СССР и на этот недостаток нам не указали. Как считать законно или не законно мы содержим на спецпоселении лиц не немецкой национальности. В 1949 г. были взяты все репатриированные на учет. О снятии с учета их нам ничего по МВД СССР не поступало, т. е. никаких указаний не было. В сводках мы даем данные о лицах не немецкой национальности, и до июня 1953 г. Москва с учета русских, украинцев и др. не снимала. Не законно содержащихся на спецпоселении я не нахожу, потому что это все доказано документами. Но мы должны установить национальность документами, на лиц не немецкой национальности (русских, украинцев и др.)» Начальник Отделения «П» в заключительном слове в том числе ответил на выступления: «Некоторые товарищи и пытались доказывать недоказуемое, а по существу прикрывали свою плохую работу за прошлое время... якобы личные учетные дела в комендатурах оформлены в соответствии с приказом МВД СССР и что для репатриированных основным документом, являющимся основанием для содержания людей на спецпоселении, является анкета. ... одной анкеты в личном учетном деле спецпоселенцев репатриантов недостаточно, надо обязательно собрать и приобщить к делам фильтрационные и другие материалы, это предусмотрено приказом. Poleмика по этому вопросу... неправильна... В своих выступлениях (коменданты) высказали какую-то боязнь работы в новых условиях... Трусить не надо. Мы должны сейчас быстро перестроить свою работу в новых условиях... Аппарат отделения «П» вам поможет в этом»²⁰.

Совещание спецкомендантов и работников отделения «П» совместно с ответственными работниками лесной промышленности Вологодской

области прошло 11 августа 1954 года. В повестке дня значился один вопрос — «Информация о снятии со спецпоселенцев некоторых ограничений и задачах директоров Леспромхозов и комендантов спецкомендатур по сохранению рабочей силы в лесной промышленности области». На заседании присутствовали начальник и сотрудники Отделения «П», заместители директоров леспромхозов и спецкоменданты. В протоколе отразилось десять выступлений. Основную мысль выразил представитель лесозаготовительного треста Вологодбумлес: «В связи с постановлением Совета Министров СССР о снятии некоторых ограничений со спецпоселенцев перед нами стоит задача удержать спецпоселенцев за лесоучастками... надо сохранить 3500 человек рабочих кадров спецпоселенцев»²¹. Основное внимание им и другими выступавшими предлагалось уделить улучшению жилищных условий. При этом приводились удручающие примеры социально-бытовой ситуации в некоторых спецпоселках: «На участке Тафта жилищные условия очень плохи. Редко найдешь квартиру, где можно спастись от дождя, даже в самой конторе леспромхоза. Полы в квартирах провалились. На 450 человек есть баня и та неважная, а зимой негде мыться, до сих пор к строительству бани не приступили»; «В Бабаеве дома разрушены, полов нет. Сами спецпоселенцы ремонтируют квартиры. Культурное обслуживание — библиотек нет, нет радиоточек, клуб в запущенном состоянии...»²² Предлагалось также обеспечить возможность иметь спецпереселенцам домашний скот, отправлять молодежь на курсы обучения, выдавать ссуды на строительство, обеспечить нормальное снабжение продуктами питания, а также улучшить условия работы. Все были согласны с тем, что «если не работать в отношении материального производства, они могут уехать в другие области»²³.

В присутствии начальника отделения «П» УМВД Вологодской области прошло 26 октября 1954 г. небольшое совещание оперработников Отделения «П» и комендантов спецкомендатур Харовского района по проверке работы спецкомендатур. В повестке дня был обозначен один вопрос — «О результатах обследования спецкомендатур Харовского района». Обсуждались оформление личных дел, трудоустройство и социально-бытовое обустройство спецпереселенцев. В протоколе зафиксировано выступление пяти человек, в том числе двух комендантов спецкомендатур. Комендантом по спецкомендатуре № 11 было сказано, что из 461 чел. на спецпоселениях «все благоустроены, 50 семей имеют коров, все имеют от двух до десяти соток земли. Несколько семей имеют собственные дома. Ехать никуда не собираются»²⁴. Относительно недостатка документов в личных делах комендант сказал, что во многих делах нет фильтрационных материалов, так как «справки о прохождении фильтрации в 1947—48 гг. бывшим оперуполномоченным были сожжены — около 2000 штук»²⁵.

Оперативное совещания сотрудников 4-го спецотделения (преобразованного Отделения «П»), комендантов спецкомендатур и начальников Горрайотделений милиции УМВД по вопросу о снятии ограничений со спецпереселенцев шло два дня, «в период 1—2 августа 1955 г. в клубе УМВД». Оно состоялось через год после первого совещания, посвященного изучению документов о снятии ограничений. На совещании были заслушаны доклады семи комендантов спецкомендатур, но их содер-

жания протокол не зафиксировал, нашли отражение пункты «повестка дня» и «прения». В повестку дня помимо докладов спекомендантов был включен доклад по изучению вопросов о ведении секретного делопроизводства, разборе писем и жалоб. В конце заседания выступил начальник 4-го спецотделения УМВД: «Каковы же итоги нашей работы за истекший год — с августа 1954 г. по август 1955 г.? Сотрудниками отделения и спецкомендатур проделано следующее: оформили материалы и освободили со спецпоселения 60 человек лиц не немецкой национальности, 149 мобилизованных немцев и местных немцев, более 50 учащихся высших и средних учебных заведений, 30 ссыльных и ссыльно-поселенцев. Коренным образом изменено отношение к жалобам и заявлениям спецпоселенцев. Ранее мы в отделении всегда имели в производстве более 100 заявлений и жалоб спецпоселенцев. Сейчас не превышает 10—15 штук. Время на исполнение замечаний и жалоб резко сокращено... У нас еще много недочетов в работе. Нужно ликвидировать элементы попираательства прав спецпоселенцев (необоснованные вызовы в спецкомендатуры, переводы с одного на другое местожительство по желанию коменданта и т.п.)»²⁶ Сотрудники УМВД в выступлениях говорили о важности правильного ведения учетных дел, так как это влияет на проведении работы по освобождению от режима спецпоселения, необходимости оперативной работы с жалобами и заявлениями. Спецкоменданты в свою очередь высказали просьбу о проведении инструктажа по ведению делопроизводства²⁷.

Через полгода после августовского совещания 1955 г. эпоха спецпоселений в Вологодской области закончилась. В декабре 1955 — феврале 1956 г. по исполнению директивных указаний было освобождено от административного надзора из спецпоселений 5524 человека. К 15 февраля 1956 г. проживающими в области в режиме спецпоселения осталось 27 человек (11 членов семей ОУНовцев, 13 ссыльнопоселенцев, 3 спецпоселенца-эстонца)²⁸.

В итоге можно сказать, что протоколы совещаний комендантов спецпоселков — интересный источник, наполненный фактами, событиями, актуальными проблемами функционирования системы спецпоселений, которые отражают включенность в работу сотрудников разного уровня и знание ситуации на местах, позволяют выявить общие черты и региональные особенности управления спецпоселениями. Из протоколов совещаний спецкомендантов видно, что, несмотря на масштабную работу, проделанную МВД СССР в 1949 г. по упорядочиванию учета граждан, находящихся на спецпоселениях, в частности, проведения всероссийского переучета и создания центральной всесоюзной картотеки спецпоселенцев и выселенцев, на местах, в отделениях, отвечающих за работу со спецпереселенцами в региональных структурах МВД, директивные документы трактовались по-разному даже сотрудниками одного подразделения. При этом документы, которые должны были находиться в личных делах спецпереселенцев, могли быть изъяты или уничтожены в массовом порядке оперработниками без видимых причин и каких-либо указаний руководства. Также анализ протоколов демонстрирует важность кадрового вопроса в низовом управленческом звене. Коменданты спецпоселков были, с одной стороны, самым важным инструментом в ре-

ализации государственной политики спецпереселений, а, с другой, от их работы, компетенции и ответственности зависели социально-бытовое устройство в спецпоселках и жизнедеятельность спецпереселенцев, уровень которых был разным в рамках одного региона.

Примечания

1. ГЕНКИНА Э.Б. Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М. 1982.
2. КЕН О.Н., РУПАСОВ А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934. СПб. 2000.
3. БОНДАРЬ В.А. Информационный потенциал протоколов партийных собраний 1920-х гг. в исследованиях по истории раннесоветского общества. В кн.: Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург. 2018, с. 368—372.
4. ФИЛАТОВ В.В. Протоколы уральских колхозных собраний как важный архивный источник по истории крестьянства 1930-х гг. — Вестник архивиста. 2019. № 2, с. 375—383.
5. Информационный центр УМВД по Вологодской области. Архивный отдел (Архив УМВД ВО), ф. 24, оп. 1, д. 9, л. 139, 142.
6. Там же, д. 16, л. 20, 21.
7. Спецпереселенцы — объединяющий термин для всех категорий насильственно выселенных, которые определялись, в том числе, как спецпоселенцы, выселенцы, ссыльнопоселенцы.
8. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956. М. 2000, с. 158—159.
9. ЗЕМСКОВ В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. (1954—1960 гг.) — Социологические исследования. 1991. № 1, с. 11.
10. Красноярское общество «Мемориал». Документы. URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/540716.htm>
11. Преобразованный Отдел Специальных поселений (ОСП).
12. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М. 2004, с. 209.
13. Архив УМВД ВО, ф. 24, оп. 1, д. 3, л. 43, 44.
14. Там же, л. 35.
15. Там же, л. 37.
16. Там же, л. 38, 39.
17. Там же, л. 40.
18. Там же, л. 43.
19. Там же, л. 46.
20. Там же, л. 48.
21. Там же, л. 50.
22. Там же, л. 52.
23. Там же, л. 50, 55.
24. Там же, л. 57.
25. Там же, л. 56.
26. Там же, л. 60.
27. Там же, л. 59, 60.
28. Там же, д. 16, л. 29, 30.

Промышленность Астраханской области в годы Великой Отечественной войны

С.В. Виноградов, Ю.Г. Ещенко

Аннотация. В статье, написанной на основе архивных документов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, и новейших работ российских специалистов по Второй мировой войне, представлен новый взгляд на роль экономики Астраханского округа/области в период Великой Отечественной войны. Авторы приходят к выводу о том, что руководству СССР удалось эффективно распорядиться природными богатствами и геополитическим положением этой территории, усилив тем самым военный и экономический потенциал страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Астраханский округ, Сталинградская битва, Баку, Каспийское море, промышленность, нефть, судостроение, железная дорога.

Abstract. Based on a large number of archival documents, some of which are being put into scientific circulation for the first time, and the latest works of Russian historians and specialists on World War II, the article gives a new look at the role of the economy of the Astrakhan district/region during the Great Patriotic War. The authors came to the conclusion that the Soviet leadership managed to effectively dispose of the natural resources and geopolitical position of this territory, thereby strengthening the country's military and economic potential.

Key words: Great Patriotic war, Astrakhan district, battle of Stalingrad, Baku, Caspian Sea, industry, oil, shipbuilding, railway.

Перестройка экономики на военные рельсы в масштабах всей страны началась с первых дней Великой Отечественной войны. Отступление Красной армии, потеря индустриально развитых районов на западе страны привели к необходимости скорейшей перестройки советской экономики и быстрого развертывания эвакуированного промышленного оборудования на территориях, не затронутых боевыми действиями и, как казалось в 1941 году, удаленных от линии фронта ¹.

Сталинградская область на начальном этапе войны вместе с другими регионами Поволжья тоже стала местом эвакуации оборонных предприятий ². Однако летом 1942 г. линия фронта приблизилась к этой терри-

Виноградов Сергей Вадимович — доктор исторических наук, профессор. Астраханский государственный университет. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru; *Ещенко Юлия Геннадьевна* — кандидат исторических наук. Астраханский государственный университет. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru.

Vinogradov Sergey V. — PhD (History), professor, Astrakhan State University. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru; *Eshchenko Yuliya G.* — PhD (History), Astrakhan State University. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru.

тории вплотную. Сталинграду предстояло стать местом самой грандиозной битвы Второй мировой войны. Это было не только сражение армий, полководцев, техники, но и битва экономик и тружеников тыла противостоявших сторон. Особую роль в снабжении Красной армии в ходе Сталинградской битвы стали играть прилежащие к городу территории, в том числе Астраханский округ Сталинградской области ³.

В Астраханском округе, как и во всей стране, шла военная перестройка промышленности. Отсутствие металлургических предприятий, тяжелой и оборонной индустрии компенсировалось мощностью таких отраслей народного хозяйства как рыбная, судостроительная, судоремонтная, кожевенная, бондарная, пищевая и т.д. Расположенному в глубине страны, далеко от западных границ, Астраханскому округу в преддверии Сталинградской битвы предстояло сыграть важнейшую роль в снабжении сражавшихся войск и промышленных центров страны топливом и продовольствием.

К началу войны Астраханский округ располагал самой мощной в Советском Союзе рыбной промышленностью ⁴. Значение ее дополнительно возросло в связи с тем, что уже в первые месяцы войны были сокращены многие рыбные промыслы на Балтийском, Баренцевом и Черном морях. В связи со сложной продовольственной ситуацией Государственный комитет обороны СССР поставил перед Волго-Каспийским государственным рыбопромышленным трестом Народного комиссариата рыбной промышленности СССР (ВК Госрыбтрест) ряд стратегических заданий по обеспечению населения и действующей армии пищевыми продуктами длительного хранения, такими как рыбная мука, крупа, хлопья, концентраты, копчености и т.д. В рамках выполнения задания ГКО СССР рыбные предприятия округа в короткие сроки освоили производство такой продукции. Предприятия Волго-Каспийского треста за три последних месяца 1941 г. выработали рыбной муки — 963 ц, сухарей — 2336 ц. Комбинат им. Микояна за 1941 г. произвел рыбной муки 108,7 т, крупы 46,8 т, сухарей 40,9 т, хлопьев 11,3 т ⁵.

Другим важным заданием ГКО СССР, поставленным перед ВК Госрыбтрестом, стало создание резервного запаса рыбы крупных частичковых пород для снабжения действующей армии. Работы по созданию такого резерва осуществлялись крупнейшими рыбообработывающими предприятиями округа, такими как рыбозавод им. С.М. Кирова, Камарданский рыбозавод, Оранжерейный комбинат, Тумакский рыбозавод и другие ⁶.

Астраханский консервный завод, помимо рыбной продукции, сумел в первые месяцы войны значительно расширить ассортимент. На предприятии было запущено массовое производство гороха с мясом, гороха с салом, гороха в бульоне, риса в томате, риса с мясом, пшена с мясом, пшена в бульоне, мандаринового компота, мандаринового натурального сока. Помимо основной консервной продукции заводу пришлось освоить производство тары для различных видов консервов из белой и черной жести ⁷.

28 июля 1941 г. было принято Постановление № 84/41 Астраханского окружкома ВКП(б) об изготовлении на предприятиях местной промышленности и промкооперации предметов военного обмундирования из местного сырья. Все промышленные предприятия получали спецзадания на выпуск военной продукции ⁸.

С третьего квартала 1941 г. в округе начали изготавливать валенки, меховые рукавицы, овчинные шапки-ушанки, полушубки, стеклянные фляги, шерстяные перчатки и т.д. по образцам и техническим условиям РККА. Шерстяные изделия изготавливались силами колхозов из шерсти, оставшейся после выполнения госпоставок. Астраханский кожевенный завод из имевшегося сырья начал пошив патронных сумок, овчинный завод — армейских полушубков ⁹.

Бондарные и консервные предприятия ВК Госрыбреста в течение второй половины 1941 г. частично переориентировались на выпуск военной продукции. Бондарные заводы им. Дзержинского, им. И. Сталина за 1941 г. изготовили 700 кабин для аэросаней. Харабалинский консервный завод им. Калинина в 1941 г. произвел по спецзаданию 30 минометов и 8,3 тыс. ручных гранат ¹⁰, в ремонтных мастерских рыбокомбината им. Микояна наладили изготовление некоторых образцов вооружения: 50-миллиметровых минометов, пистолетов-автоматов Шпитального, корпусов гранат Ф-1, кавалерийских клинков, ружейно-противотанковых гранат и др. ¹¹ Астраханские судостроительно-судоремонтные заводы освоили производство фугасов, мин, взрывателей, понтонов, аэросаней и т.д. ¹²

В связи с активизацией боевых действий на Волге и ввиду отсутствия в распоряжении Астраханской военно-морской базы (АВМБ) Каспийской военной флотилии ремонтных баз и средств, необходимых для организации работ по ремонту военных кораблей, Астраханский городской комитет обороны 9 ноября 1942 г. принял решение возложить осуществление текущего ремонта кораблей АВМБ на астраханские судостроительные и судоремонтные заводы им. К. Маркса, завод № 638 им. И. Сталина, судовой верфь им. С.М. Кирова ¹³.

На судовой верфь им. Кирова было возложено выполнение заказов Каспийской и Волжской флотилий по перевооружению судов и их приспособлению для борьбы с немецкой авиацией и войсками. Кроме того, верфи было дано задание переоборудовать ряд судов для целей траления и снабдить их соответствующими тральными средствами. С августа 1942 г. на верфи осуществлялся ремонт действовавших, а также подорвавшихся кораблей параллельно с постройкой новых судов для ВМФ. Всего за период с августа 1942 г. по сентябрь 1943 г. судовой верфь построила, переоборудовала и отремонтировала 212 судов. Для обеспечения нефтяных перевозок по Волге судовой верфь за период с января по август 1943 г. починила и переоборудовала 162 судна. Ряд судов был отремонтирован в рекордно короткие сроки. Работы велись в исключительно трудных условиях: при остром дефиците материалов, особенно металла, недостатке рабочих рук, постоянных налетах немецкой авиации. Выполнение задания ВМФ позволило обеспечить бесперебойность нефтяных перевозок по Волге. В 1942 г. судовой верфь успешно выполнила ряд оборонных заказов (заказ № 3800 — военно-морские охотники за подводными лодками; заказ № 3900 — минные баржи; заказ № 5200 — аэросани; заказ № 7200 — понтоны и др.), в том числе и для Сталинградского фронта, за что некоторые работники получили благодарность от командующего 28-й армией генерал-майора В.Ф. Герасименко ¹⁴.

Помимо судоремонта, постановлением Астраханского городского комитета обороны в Астрахани была развернута работа бронетанковой ре-

монтажной базы № 7. Производственные цеха и оборудование размещались на бывшей картонной фабрике. Комплектование кадрами осуществлялось за счет прикрепления 300 чел. Из числа учеников ремесленных училищ, а также 75 квалифицированных строителей, перераспределенных Окрпланом с других предприятий. Для работы ремонтной базы выделялись строительные материалы (кирпич, лесоматериалы, асбест, стекло), а также бензин, авиабензин, дизельное топливо и керосин¹⁵.

Астраханские предприятия работали в сложных условиях военного времени. Нередки были перебои со снабжением, Центральное Управление снабжения не всегда в срок обеспечивало доставку выделенных фондов. Не хватало главных и вспомогательных механизмов при судостроении, арматуры, оборудования стапельных площадок, листового и сортового металла, электро- и радиоаппаратуры, технической документации, измерительных приборов и т. п.¹⁶

В первые военные месяцы в результате массовой мобилизации мужчин стал меняться состав работников предприятий Астраханского округа. Согласно Постановлению Астраханского окружкома ВКП(б) «О выполнении спецзадания судоремонтными заводами Астраханского округа» № 90/107 от 18 сентября 1941 г., в течение сентября-октября 1941 г. было организовано производственное обучение женщин, в первую очередь из числа семей красноармейцев. Благодаря этому в сжатые сроки удалось обучить рабочим специальностям более 300 женщин для работы на судостроительных и судоремонтных заводах округа, в частности для судоремонтного завода имени X лет Октября, судоремонтного завода имени III Интернационала и др.¹⁷

На Астраханском консервном заводе в 1940 г. на основном производстве было занято 336 мужчин и 396 женщин. С началом войны состав рабочих резко изменился. Мужчин осталось 152 человека, в основном пожилого возраста, а вот количество женщин-рабочих возросло до 555. Причем женщины в военных условиях стали успешно осваивать те профессии, которые считались на консервном заводе исключительно мужскими: обвальщик мяса, упаковщик готовой продукции, грузчик, шофер и т. д.¹⁸ Кроме того, в производство активно вовлекались учащиеся школ ФЗО и ремесленных училищ округа.

Уже в первые военные месяцы индустриальные возможности Астраханского округа стали значительно возрастать за счет эвакуации предприятий с западных и юго-западных районов СССР, преимущественно с Украины¹⁹. 23 августа 1941 г. началось размещение на базе Харабалинского консервного завода прибывавшего оборудования экспериментально-механического Одесского завода, на базе Астраханского ликеро-водочного завода — Одесской табачной фабрики, на базе Владимировского консервного завода — Херсонского консервного завода²⁰. В августе 1942 г. при Астраханском ликеро-водочном заводе была создана спецлаборатория, которая изготавливала бутылки с горючей смесью, запалы к ним, химические приборы для транспортировки крови, ампулы и пробирки для госпитальных лабораторий, уровни для минометов и орудий²¹.

Наличие в Астраханском округе развитой судостроительно-судоремонтной промышленности позволило в короткие сроки успешно осво-

ить и запустить сложное оборудование и станки, эвакуированные с Черноморских и Балтийских предприятий (Ленинград, Одесса, Николаев и др.). Так, на завод № 638 им. И. Сталина (до сентября 1941 г. — Астраханский завод им. Сталина Наркомата речного флота) в 1941 г. была эвакуирована часть заводов Наркомата судостроительной промышленности: завод № 189 (Балтийский завод им. С. Орджоникидзе, г. Ленинград), завод № 194 (Ленинградский судостроительный завод им. А. Марти), завод № 200 (Николаевский государственный завод); на судовой верфь им. С.М. Кирова — часть завода № 5 Наркомата судостроительной промышленности (Государственная судостроительная верфь, г. Ленинград) и др.²²

Проблемы скорейшего ввода в строй эвакуированных предприятий находились под особым контролем Астраханского комитета обороны. Значительные силы окружных властей были задействованы на разгрузке и размещении эвакуированных предприятий. Астраханское отделение Рязано-Уральской железной дороги организовывало круглосуточную работу по разгрузке эшелонов. Транспортировка прибывавшего оборудования на судоремонтные заводы Астрахани осуществлялась с привлечением барж (пароходства «Рейдтанкер» и «Волготанкер»), не задействованных на перевозке нефтегрузов. После монтажа оборудования новые мощности сразу же включались в производственный процесс²³.

Помимо оборудования с ленинградских судостроительных заводов прибыл ряд недостроенных военных кораблей, проектировавшихся по спецзаказу ВМФ. На кораблях было установлено современное электро-, радио-, акустическое, навигационное и прочее дорогостоящее оборудование. Однако имевшиеся мощности котельной завода № 638 не могли обеспечить отопление данных судов. В связи с этим 16 ноября 1941 г. директор завода Я.С. Сатановский обратился в Астраханский городской комитет обороны с просьбой выделить заводу «отопители и пароходы с котлами» для поддержания необходимой температуры на строившихся судах в зимний период²⁴.

Однако мало было только доставить станки и оборудование, окружным властям необходимо было разместить и обустроить тысячи эвакуированных с предприятиями специалистов и членов их семей, прибывавших в округ²⁵. Под размещение эвакуированных освобождались пионерские лагеря, расположенные в Наримановском районе, дом отдыха судовой верфи им. С.М. Кирова, общежитие Урало-Каспийского треста на р. Болда и др.²⁶

С приближением линии фронта завод № 638 им. И. Сталина в 1942 г. был эвакуирован из Астрахани на заводы № 344 (Пермская судостроительная верфь Наркомата речного флота), № 639 (Тюменский судостроительный завод), № 199 (Амурский судостроительный завод), № 369 (Сретенская верфь, пос. Кокуй Читинской области), № 640 (Сосновская судовой верфь Кировской области)²⁷.

Астрахань имела особое значение как торгово-транспортный порт. Находясь на границе морских, речных и сухопутных путей, город пропускал поток грузов из Средней Азии и Кавказа в промышленные районы центра страны. С расширением территорий, охваченных боевыми действиями, и особенно в период Сталинградской битвы, значение этого порта заметно возросло. Особое значение в грузообороте, прохо-

дившем через Астрахань, имели нефть и нефтепродукты, прибывавшие сюда из Баку.

Резкий рост транзита нефти и нефтепродуктов из Баку способствовал расширению сети нефтехранилищ и строительству дополнительных железнодорожных путей. Согласно постановлению Астраханского окружного комитета ВКП(б) «О строительстве нефтеемкостей в городе Астрахани» № 84/69 от 31 июля 1941 г. и во исполнение решения ГКО от 8 июля 1941 г., Астраханским окружным исполнительным комитетом было решено построить крупную базу для хранения нефти и нефтепродуктов в поселке Ильинка Икрянинского района, расположенном недалеко от Астрахани. На строительство нефтехранилищ из числа местного и эвакуированного населения было мобилизовано 1000 человек²⁸.

В телеграмме Председателя ГКО И. В. Сталина от 20 октября 1942 г. Астраханскому городскому комитету обороны предписывалось в кратчайшие сроки расширить объемы нефтехранилищ для приема нефти и нефтепродуктов из портов Каспия и дальнейшей транспортировки к Сталинграду и в промышленные центры по железной дороге. С этой целью Астраханской конторе Главнефлесбыта при СНК СССР было приказано ввести в эксплуатацию два причала на Ножевских ямах и один на нефтебазе № 5. Еще один причал должен был быть введен в строй с выходом непосредственно на железнодорожную станцию Астрахань-2, что обеспечивало бы бесперебойную отгрузку нефти и нефтепродуктов к Сталинграду. Отправление нефти и нефтепродуктов с Астраханского узла железной дороги, ремонт цистерн, подача порожняка должны были осуществляться в круглосуточном режиме. В связи с ежедневными налетами немецкой авиации на железнодорожные составы, станции и разъезды в Астраханском округе было организовано воздушное и наземное прикрытие железнодорожной линии Астрахань-Урбах, а также маскировка находившихся в Астрахани нефтебаз²⁹.

Важным компонентом топливного транзита, проходившего через Астрахань, стал высокооктановый авиабензин, который по решению ГКО СССР с конца 1941 г. нефтеналивными судами пароходств «Рейдтанкер» и «Волготанкер» доставлялся из Баку на пристань Бузан (недалеко от Астрахани), а затем железной дорогой переправлялся в центральные районы страны. В условиях зимнего ледостава в низовьях Волги астраханские речники обеспечивали безопасное прохождение танкеров с авиационным бензином от морского рейда до пристани Бузан. Специальные вагоноремонтные пункты на Бузани занимались подготовкой цистерн для дальнейшей транспортировки ценного груза по железной дороге: «цистерны тщательно промывались, так как наличие в них остатков керосина или других нефтепродуктов могли снизить качество авиабензина»³⁰.

Транзит бакинской нефти и нефтепродуктов, а также скорейшая доставка грузов для советских войск, сражавшихся под Сталинградом, способствовали оживлению железнодорожного строительства в регионе. Стали реализовываться проекты, по тем или иным причинам ранее откладывавшиеся. Так, по сведениям исследователя Шарошкина Н. А., еще в период первой пятилетки планировалось начать строительство железной дороги на участке Сталинград-Владимировка «протяженностью 159 км и стоимостью 16 млн руб.»³¹ Эта магистраль должна была связать

коротким маршрутом астраханские рыбные и соляные промыслы с центральными районами страны. Осуществление этого проекта было начато в сентябре 1941 г. К концу декабря 1941 г. по этой железнодорожной ветке пошли первые грузы.

30 июля 1942 г. вышел приказ наркомата путей сообщения № 569 Б «О строительстве железнодорожного моста через р. Волга у города Астрахань на новостроящейся линии Кизляр-Астрахань». Это должно было обеспечить сквозное движение по линии Кизляр — Астрахань. Место возведения моста через Волгу было определено «на расстоянии 0,5 км от железнодорожной переправы». Строительство моста было настолько срочным, что Мостотресту дали разрешение осуществлять работы без утверждения финансовых проектов и смет. Работы по возведению моста через Волгу — «строительство-115» — велись секретно³².

Быстрое завершение строительных работ и введение в эксплуатацию железнодорожных магистралей Сталинград-Владимировка и Кизляр-Астрахань, а также сооружение железнодорожного моста через Волгу в конце 1942 г. позволили замкнуть в единую транспортную систему огромное железнодорожное полотно, соединившее Бакинский нефтяной район с промышленными центрами страны.

В целях создания дополнительных возможностей по транспортировке нефти ГКО СССР 7 сентября 1942 г. принял Постановление № 2267с «О строительстве железнодорожной линии Гурьев-Астрахань (Досанг)» протяженностью 340 км с временным деревянным мостом через реку Урал близ Гурьева, где также добывали нефть. Железнодорожная линия Гурьев-Астрахань (Досанг) вместе со строившейся линией Кизляр-Астрахань и линиями Гурьев-Кандагач, Кандагач-Орск была призвана связать нефтеносный район Казахстана с промышленными центрами страны. Строительство разрешалось вести по облегченным техническим условиям с допущением деревянных мостов и труб, устройством временных обходов и т.п. За счет резервного фонда Совнаркома СССР на строительство указанной линии было выделено 130 млн руб. Финансирование работ производилось также без утвержденного проектного задания, технического проекта и сметы. На строительство линии Гурьев-Астрахань предполагалось перебрасывать освобождавшуюся рабочую и тягловую силу после окончания земляных работ на линии Кизляр-Астрахань. Однако в 1943 г., в связи с перемещением боевых действий в западные районы страны и необходимостью экономить ресурсы, строительство железнодорожной линии было законсервировано. Достроена эта железная дорога была только в 1970 году.

Когда в ходе Великой Отечественной войны произошел коренной перелом, предприятия Астраханского округа (с 01.01.1944 г. — Астраханской области) продолжали ударно работать, снабжая армию продовольствием и военной продукцией. С 1944 г. в Астраханской области начинаются активные работы по восстановлению разрушенных врагом заводов, освобождается фарватер Волги от мин и затопленных кораблей, предприятия частично переориентируются на выпуск мирной продукции. Согласно постановлению Астраханского обкома ВКП(б) и облисполкома по постановлению ГКО № 6804-С от 28 октября 1944 г., был дан старт комплексу мероприятий по восстановлению речного флота, по-

страдавшего от военных действий. Пароходство «Волготанкер» и Астраханский аварийно-спасательный отряд № 82 Каспфлота осуществляли подъем силами и средствами аварийно-спасательного отряда буксирно-вспомогательного и служебного флота, металлических нефтеналивных барж, нефтестанций Наркомата речного флота. Восстановление поднятых судов производилось в 4-м квартале 1944 г. и в 1945 г.³³

Таким образом, Астраханский округ, с его уникальными рыбными ресурсами и выгодным геоэкономическим и геополитическим положением, внес важный вклад в победу СССР в Великой Отечественной войне.

Рыбная промышленность округа/области была в период Великой Отечественной войны самым крупным в стране производителем и поставщиком рыбной продукции для действующей армии и гражданского населения страны.

Астраханский округ (область) во время войны стал важным транзитным центром для бакинской нефти и нефтепродуктов. В астраханские нефтехранилища нефть и нефтепродукты доставлялись танкерами по Каспийскому морю, а с конца 1942 г., после запуска в эксплуатацию железнодорожных магистралей Кизляр-Астрахань и Сталинград-Владимировка, эшелоны с нефтью бесперебойно доставлялись из Астрахани в центральные районы страны. Важно подчеркнуть, что обеспечение надежного снабжения нефтью и нефтепродуктами действующей армии и промышленности являлось важным условием для победы в «войне моторов», как называли Вторую мировую войну.

Наличие в Астраханском округе развитой судостроительно-судоремонтной промышленности позволило в короткие сроки успешно освоить и запустить сложное оборудование и станки с эвакуированных из Ленинграда, Одессы и Николаева судостроительных заводов. При этом в городах и рабочих поселках округа были приняты и размещены тысячи эвакуированных специалистов и члены их семей. Вновь созданные промышленные мощности позволили в течение войны, несмотря на значительные потери из-за ударов немецкой авиации, сохранить флот и поддерживать на необходимом уровне грузоперевозки по Каспийскому морю и Волге.

Астраханский округ в силу своего географического положения стал важным центром снабжения продовольствием, нефтепродуктами, боеприпасами, военным снаряжением советских войск в период Сталинградской битвы. Десятки тысяч астраханцев работали в то время на сооружении оборонительных укреплений, а в больницах и госпиталях лечили раненых, прибывавших из Сталинграда.

Примечания

1. EPIFANOV A.E., KULIK S.V. The soviet commissions for determination and investigation of nazi atrocities, 1942—1951, forms and methods of activity. — Nuova Rivista Storica. 2019, p. 299—319.
2. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КАРАБУЩЕНКО П.Л., ПОЛЯКОВА М.В. Военная повседневность в решениях Сталинградского городского комитета обороны (1941—1945 гг.). — Вопросы истории. 2019. № 12 (3), с. 175—182.

3. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КУЛИК С.В. Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 — февраль 1943 г.). — Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4, с. 841—853.
4. ИШИН В.В. Исторический опыт партийно-государственного руководства рыбной промышленностью Российской Федерации, 1918—1991 гг. (на материалах рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна). Дисс. ... докт. ист. наук. Астрахань. 2002, с. 492.
5. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО), ф. 6, оп. 1, д. 837, л. 12.
6. Там же, д. 545, л. 87—87об.
7. Там же, д. 1154, л. 21—21об.
8. Там же, д. 545, л. 43—43об.
9. Там же.
10. Там же, д. 837, л. 12.
11. Там же, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 8.
12. ВИДЯШЕВ С.В. Оборонная промышленность Нижнего Поволжья в годы Великой Отечественной войны. — Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 5 (19), с. 134.
13. ГАСД АО, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 18.
14. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 1244, л. 209—210.
15. Там же, ф. 10, оп. 1, д. 3, л. 18—20.
16. Там же, ф. 6, оп. 1, д. 722, л. 16—17.
17. Там же, д. 545, л. 101—102об.
18. Там же, д. 1154, л. 21—21об.
19. ВИДЯШЕВ С.В. Ук. соч., с. 135.
20. Пульс Аксарайска. 2017, 5 мая, № 18 (1244), с. 12; ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 545, л. 65.
21. Пульс Аксарайска. 2017, 5 мая, № 18 (1244), с. 12; ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 1243, л. 71.
22. Оборонпром. Сайт по истории оборонных предприятий СССР. Предприятия № 601—700. URL: <https://oboron-prom.ru/page,38,predpriyatiya-601—700.html>
23. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 545, л. 51—52.
24. Там же, ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 16.
25. КРАСНОЖЕНОВА Е.Е., КУЛИК С.В. Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области). — Вопросы истории. 2019, № 5, с. 120—129.
26. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 545, л. 51—52.
27. Оборонпром...
28. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 545, л. 46—46об.
29. Там же, ф. 10, оп. 1, д. 9, л. 10—10об.
30. Там же, д. 3, л. 6—8.
31. ШАРОШКИН Н.А. Железнодорожный транспорт Поволжья и его развитие на рубеже 20—30-х гг. XX в. — Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23, с. 623.
32. ГАСД АО, ф. 6, оп. 1, д. 739, л. 136—139.
33. Там же, ф. 325, оп. 1, д. 14, л. 77—78.

Медная промышленность Свердловской области в 1940— 1953 гг. (данные статистики)

А. Э. Беделъ, М. В. Михеев

Аннотация. В данной статье вводятся в научный оборот статистические данные о развитии медной промышленности Свердловской области в 1940—1953 гг. На примере отрасли рассматривается такое явление, как косвенный ущерб от боевых действий 1941—1945 гг. для индустриального Урала. Показаны связанные с этим изменения в территориальной организации производительных сил медной промышленности региона.

Ключевые слова: Свердловская область, Карагандинская область, медная промышленность, Великая Отечественная война, косвенный ущерб.

Abstract. This article introduces statistical data on the development of the copper industry in the Sverdlovsk region in 1940—1953. On the example of the industry, we consider such a phenomenon as indirect damage from the fighting of 1941—1945 for the industrial Urals. The related changes in the territorial organization of the productive forces of the copper industry in the region are shown.

Key words: Sverdlovsk region, Karaganda region, copper industry, Great Patriotic War, indirect damage.

В первые месяцы 1945 г. основатель советской районной школы экономической географии Н. Н. Колосовский подготовил доклад Комиссии Академии наук СССР о мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. Доклад был посвящен проблемам территориального развития экономики СССР после ожидаемой скорой победы¹. Среди названных ученым проблем интересен вопрос о так называемом косвенном ущербе, понесенном СССР во время Второй мировой войны. Этот «косвенный» ущерб был связан с вынужденной реорганизацией промышленности восточных районов СССР под нужды военного времени: «Все промышленное производство было переделано

Беделъ Александр Эмануилович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: bedel54@mail.ru; *Михеев Михаил Викторович* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. E-mail: mikheeviiiiauroran@yandex.ru.

Bedel Alexander E. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. E-mail: bedel54@mail.ru; *Mikheev Mikhail V.* — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS. E-mail: mikheeviiiiauroran@yandex.ru.

на военный лад. Процесс демилитаризации и выравнивания пропорций в народном хозяйстве будет стоить стране немало средств»² Мы полагаем, что наиболее остро косвенный ущерб мог проявиться на индустриальном Урале, ведь именно здесь сконцентрировались основные производительные силы советского военно-промышленного комплекса³. Изучение масштабов такого ущерба интересно, но затруднительно, в первую очередь, методологически. В предлагаемой статье мы представляем материалы статистики, отражающие кризис медной промышленности Свердловской области в 1940—50-х гг. Этот кризис демонстрирует одну из малоизученных межотраслевых диспропорций в народном хозяйстве региона, вызванных событиями 1941—1945 гг. Более того, сложный период в развитии уральской медной промышленности нашел слабое отражение даже в специальных академических трудах, посвященных истории цветной металлургии Урала⁴. В первую очередь это связано с нехваткой соответствующих статистических данных⁵. Предлагаемые материалы позволяют отчасти восполнить ее.

В 1940 г. Свердловская область занимала в СССР первое место по выплавке рафинированной меди (61%), черновой меди (37%), добыче медной руды (44%). В отличие от других центров советской медной промышленности (Москва, Караганда, Челябинск), предприятия Свердловской области охватывали все стадии технологического процесса производства меди: от добычи руды до выплавки рафинированного металла. События 1941—1945 гг. изменили эту ситуацию. Существовавшее в области соотношение добычи руды и производства меди было нарушено. В военное время добыча медной руды составляла 55% уровня 1940 г., производство черновой меди равнялось 65%, выплавка рафинированной меди сохранялась на довоенном уровне (100%). Из графика 1 видно, что названные соотношения сохранялись до середины 1950-х гг. В то же время график 2 демонстрирует сохранение соотношений 1940 г. в общесоюзных масштабах. Это связано с вызванными войной изменениями в территориальном размещении производительных сил медной промышленности СССР, напрямую затронувшими Свердловскую область. На графике 3 мы наблюдаем смещение центра добычи медной руды из Свердловской области в Карагандинскую, с одновременным падением количества руды, добываемой в Свердловской области, и, соответственно, с увеличением этого показателя в Карагандинской области.

В условиях оккупации Украины и трудностей транспортного сообщения с Закавказьем интересы фронта требовали радикального расширения в Свердловской области мощностей черной металлургии, алюминиевой и марганцевой промышленности⁶. В 1945 г. количество добытых в регионе железной руды, бокситов и марганцевой руды составило к 1940 г. 271%, 272% и 322%⁷. Этот рост происходил во многом за счет медной промышленности: изъятия из нее высококвалифицированных рабочих и ИТР, прекращения в 1941 г. геологоразведывательных работ по поиску медной руды, переориентации заводского транспорта медеплавильных заводов с высококачественных сибирских на низкосортные богословские угли⁸. Вопрос о степени нехватки медной руды на медеплавильных предприятиях Свердловской области еще нуждается в изучении. Дальнейший анализ транспортной статистики межрегионального

грузооборота Урала и Казахстана позволит точно определить, когда, как и в какой степени Министерству цветной металлургии СССР удалось заместить свердловские руды карагандинскими. Данные, опубликованные Министерством путей сообщения СССР, отражают рост вывоза медной руды из Карагандинской области в Свердловскую в рассматриваемый период примерно в 75 раз ($\approx 11,3$ тыс. т в 1940 г. против $\approx 847,4$ тыс. т в 1953 г.)⁹. Отметим, что уровень перевозок 1953 г. в $\approx 847,4$ тыс. тонн едва ли был максимальным — количество вывозимой из Карагандинской области руды, вероятно, было сокращено в связи с развитием здесь в начале 1950-х гг. собственной медеплавильной промышленности (см. данные Таблиц 2—3). Предварительная работа с источниками показывает, что нехватка медной руды в Свердловской области в середине 1940-х гг. носила серьезный характер, лимитировала работу медеплавильных предприятий, что не давало выполнять плановые задания в срок¹⁰.

В соответствии с IV пятилетним планом (1946—1950 гг.) ситуацию необходимо было исправить. Для медной промышленности Свердловской области планом были определены следующие показатели производства: добыча медной руды — 5000 тыс. т в год, выплавка черновой меди — 70 тыс. тонн в год, выплавка рафинированной меди — 160 тыс. т в год¹¹. Из Таблиц 1—3 мы видим, что к 1950 г. план выполнялся только по производству рафинированной меди (причем с превышением на 60%), по выплавке черновой меди область отставала на 14%, по добыче медной руды на 50%. Такое расхождение плана с реальностью отражает инерцию событий военных лет, результат вынужденного перераспределения материальных ресурсов и человеческих потерь. Если в 1940 г. на медных рудниках Свердловской области трудилось 2150 кадровых забойщиков, то в 1946 г. забойщиками работало 900 человек, из них 210 — кадровые (многие были больны силикозом) и 690 — неквалифицированные военнопленные и заключенные, выполнявшие нормы выработки только на 30%¹². Подготовленные к выемке и камерные запасы руды в 1946 г. составили 61% и 40% от количества 1941 года. В сравнении с 1941 г. на рудниках вдвое увеличилось распространение подземных пожаров¹³. После войны Министерство цветной металлургии с трудом возобновило геологоразведывательные работы по поиску медной руды, сократив их по сравнению с довоенными 46 тыс. погонных метров в год до 22—29 тысяч¹⁴. Недостаток медной руды приводил к простоям медеплавильных заводов и обогатительных фабрик Свердловской области, чьи мощности в 1946 г. использовались только на 50%¹⁵. Нехватка рабочей силы делала невозможным восстановление ранее законсервированных шахт и задерживала строительство новых рудников (Дегтярского, Гумешевского, Кабановского, Волковского). В условиях послевоенного времени привлечение новой рабочей силы встречало множество затруднений. Так, с августа 1946 по июль 1947 г. для работ на медных рудниках Свердловской области было завербовано 4800 человек. Подавляющее большинство из них составили многодетные женщины, подростки и инвалиды, неспособные работать в шахтах. В результате к июлю 1947 г. на рудниках осталось только 1800 завербованных, из них в забойной группе работало 500 человек¹⁶. В борьбе за рабочую силу медные рудники не выдерживали конкуренции как с медеплавильными заводами, так и с же-

лезорудными производствами. В 1946 г. месячное жалование рабочего медеплавильного завода составляло 518 рублей, а подземного рабочего медного рудника 481 рубль. Забойщики железных рудников зарабатывали за смену 40—48 руб., в то время как забойщики медных рудников, работая в более тяжелых условиях (перепад температур, вредные газы, сернокислые воды), зарабатывали за смену 31—36 рублей¹⁷. Из 547 горных рабочих, демобилизованных из армии в 1946 г., медные шахты получили только 46¹⁸. В этих условиях невозможность восстановления медной промышленности Свердловской области в довоенном виде выглядела очевидной.

Таким образом, события 1941—1945 гг. имели далеко идущие последствия для дальнейшего развития медной промышленности Свердловской области. Вынужденное экстенсивное развитие в регионе широкого спектра иных отраслей индустрии ослабило рудную базу его медной промышленности. Экономическая необходимость считаться в послевоенный период с функционированием индустрии Урала в этом измененном состоянии, в совокупности со скудостью материальных и человеческих ресурсов в разоренной войной стране, препятствовала восстановлению здесь меднорудной промышленности. Это предопределило переориентацию медеплавильных производств Свердловской области на меднорудные месторождения Карагандинской области и одновременно породило множество проблем, связанных с организацией транспортного сообщения между двумя регионами. Дальнейшие экономические последствия этих событий представляют научный интерес уже в свете истории двух регионов.

Приложения

Таблица 1.

Добыча медной руды в СССР и его регионах в 1940—1953 гг. (тыс. тонн)¹⁹

Год	Свердловская область	Карагандинская область	Прочие регионы	СССР, всего
1940	3595,2	2995,8	1620,8	8211,8
1941	5500,0	н.д.	н.д.	н.д.
1942	1680,3	3640,7	926,6	6247,6
1943	2341,1	3839,6	859,6	7040,3
1944	2125,6	4685,9	849,7	7661,2
1945	2170,1	3848,3	804,5	6822,9
1946	1967,8	4219,1	760,8	6947,7
1947	1968,5	5049,6	971,8	7989,9
1948	2077,0	5255,4	1183,4	8515,8
1949	2512,0	6250,7	1545,3	10308,0
1950	2670,8	7234,2	1802,8	11707,8
1951	2969,5	9207,8	1984,2	14161,5
1952	3156,2	9765,5	2798,2	15719,9
1953	3390,7	10386,4	2328,8	16105,9

Таблица 2.

**Выплавка черновой меди в СССР и его регионах
в 1940—1953 гг. (тонн)²⁰**

Год	Москва	Свердловская область	Челябинская область	Красноярский край	Карагандинская область	Прочие регионы	СССР, всего
1940	29632	60522	22042	0	28251	23318	163765
1941	н.д.	94000	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1942	14968	45053	10631	0	32351	23081	126084
1943	30094	45720	7967	2049	37990	17836	141656
1944	38766	40812	7044	3609	46972	20306	157509
1945	41976	39067	6744	5033	48934	17331	159085
1946	41268	44131	7190	6130	49412	21259	169390
1947	45255	42272	9022	7741	50817	6771	161878
1948	53294	40855	9236	9994	55653	31629	200661
1949	58878	52254	10037	11248	68595	32466	233478
1950	61100	61693	12643	16382	81263	33392	266473
1951	60280	76198	17466	23085	82224	36210	295463
1952	57652	81761	20495	36024	104065	40930	340927
1953	56229	81950	20912	38403	99145	45123	341762

Таблица 3.

**Выплавка рафинированной меди в СССР и его регионах
в 1940—1953 гг. (тонн)²¹**

Год	Москва	Свердловская область	Челябинская область	Красноярский край	Карагандинская область	Армянская ССР	СССР, всего
1940	30058	84415	23985	0	0	0	138458
1941	н.д.	126000	н.д.	0	н.д.	н.д.	н.д.
1942	11865	88017	18004	0	0	0	117886
1943	22746	89714	17268	0	0	0	129728
1944	33694	85792	19887	0	0	0	139373
1945	32416	82054	20729	0	779	0	135978
1946	28974	88084	23283	0	1024	0	141365
1947	33334	92487	27284	0	1161	0	154266
1948	37967	112931	29044	0	1240	4374	185556
1949	43541	140330	29481	0	1781	7039	222172
1950	45124	160122	30115	0	2043	7850	245254
1951	44919	177000	31215	0	17505	8027	278666
1952	45804	181280	35414	16609	34378	7545	321030
1953	43426	138993	35745	55020	37898	8086	319168

График 1

Темпы роста добычи медной руды и выплавки черновой и рафинированной меди в Свердловской области в 1940—1953 гг. (%)²²

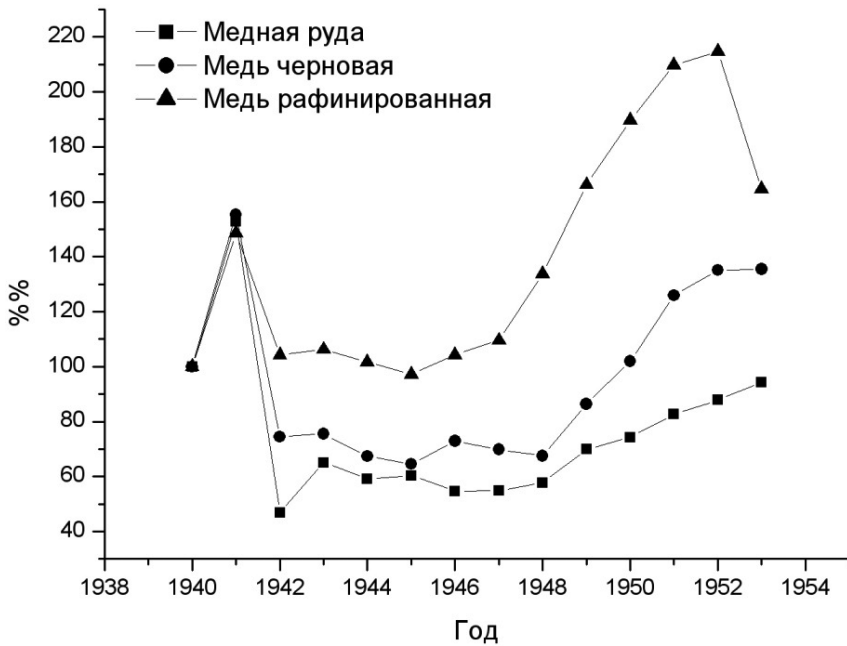
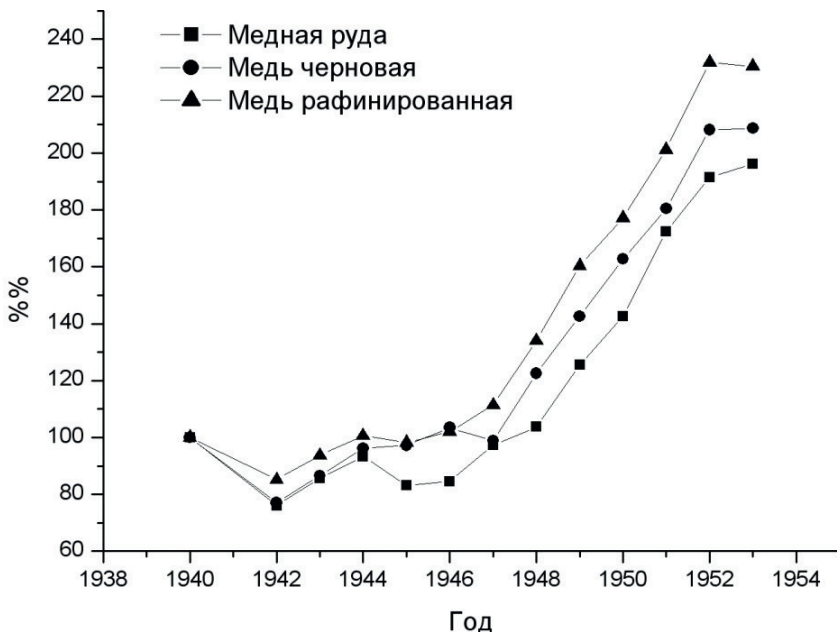
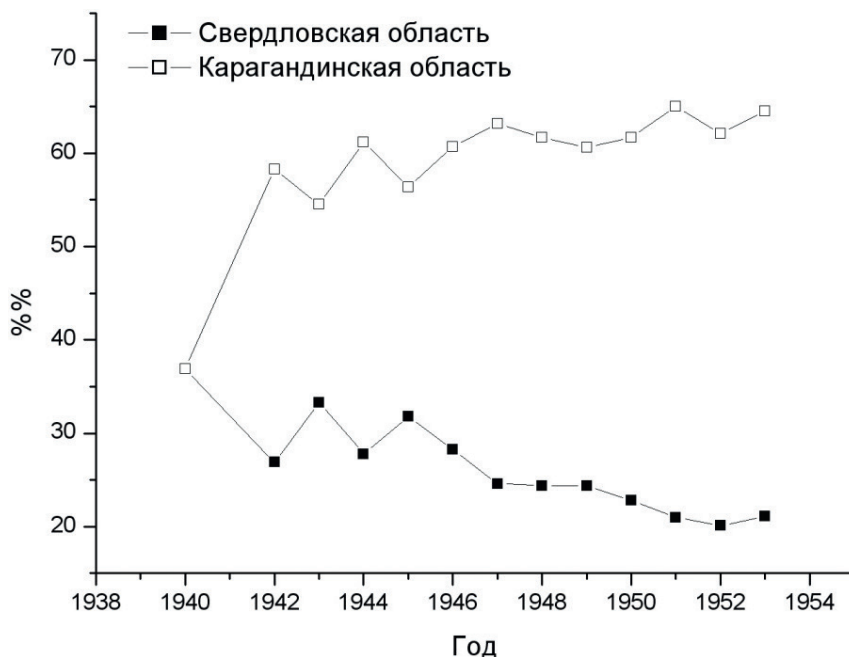

График 2

Темпы роста добычи медной руды и выплавки черновой и рафинированной меди в СССР в 1940—1953 гг. (%)²³

**Доля Свердловской области и Карагандинской области
в общесоюзной добыче медной руды в 1940—1953 гг. (%)**²⁴

Примечания

1. Архив РАН, ф. 174, оп. 26, д. 157, л. 1—11; МИХЕЕВ М. В. Проблемы территориального развития СССР в 1945 г.: доклад Н. Н. Колосовского Комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. — Вестник архивиста. 2020. № 1, с. 249—261.
2. Там же, с. 256—257.
3. МОЖИН В. П., КИСТАНОВ В. В., ЛАВРИЦЕВ А. Н., АДАМЕСКУ А. А., ТОКАРЕВ С. П. Планирование размещения производительных сил СССР: осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1. М. 1985, с. 196—198.
4. АНТУФЬЕВ А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой отечественной войны. Екатеринбург. 1992, с. 34—38, 146—161; МОИСЕЕВ Г. С. Цветная металлургия Урала (1917—1945 гг.). Екатеринбург. 2003; ФИРСОВ В. Я., МАРТЫНОВА В. Н. Медь Урала. Екатеринбург. 1995, с. 150—171.
5. МИХЕЕВ М. В. Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского периода. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2017, с. 28—29.
6. АЛЕКСЕЕВ В. В., ГАВРИЛОВ Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М. 2008, с. 605—636.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 1562, оп. 329, д. 1989, л. 61, 63.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО), ф. 4, оп. 41, д. 139, л. 112.
9. Данные приведены с оговоркой «примерно» в связи с особенностями ведения статистики грузоперевозок МПС (НКПС) СССР в 1940—50-х гг. Непосредственно медная руда в ней не учитывалась, но выделялись «руда железная», «руда марганцевая» и «руда прочая». По данным ЦСУ СССР, в 1940—1953 гг. на территории Карагандинской области иных руд, кроме медных, не добывалось (РГАЭ, ф. 1562, оп. 33с, д. 2350; оп. 329, д. 1989, д. 4146), поэтому мы приравниваем здесь «руды прочую» к руде медной. Междурайонный обмен грузов по железным дорогам за 1940 г. М. 1941, с. 190—191; Междурайонный обмен грузов по железным дорогам за 1953 г. М. 1954, ч. 2, с. 111.

10. ЦДОО СО, ф. 4, оп. 41, д. 139, л. 112.
11. Там же, д. 2, л. 23, 84.
12. Там же, оп. 43, д. 159, л. 76.
13. Там же, л. 70.
14. Там же, л. 80.
15. Там же, л. 69.
16. Там же, л. 71.
17. Там же, л. 78.
18. Там же, л. 71.
19. РГАЭ, ф. 1562, оп. 33с, д. 2350, л. 87; оп. 329, д. 1989, л. 62; д. 4146, л. 25; ЦДОО СО, ф. 4, оп. 41, д. 139, л. 5.
20. РГАЭ, ф. 1562, оп. 33с, д. 2350, л. 88; оп. 329, д. 1989, л. 62; д. 4146, л. 25; ЦДОО СО, ф. 4, оп. 44, д. 154, л. 75.
21. АНТУФЬЕВ А.А. Ук. соч., с. 153; РГАЭ, ф. 1562, оп. 33с, д. 2350, л. 89; оп. 329, д. 1989, л. 63; д. 4146, л. 26.
22. Сводка данных таблиц 1—3.
23. Там же.
24. Там же.

Роль социальных коммуникаций в модернизации российской деревни 1920-х гг. (на материалах Брянской, Смоленской, Гомельской, Орловской и Курской губерний)

В. В. Кулачков, И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин

Аннотация. В статье рассматривается роль социальных коммуникаций в модернизации российской деревни 1920-х гг., которые использовались властью для трансформации сельского быта и формирования «просоветских» настроений в деревне. На основе архивных данных анализируются коммуникативные модели, определяется политический заказ в данной сфере. Объясняется, каким образом достижению оптимальных результатов препятствовали материально-финансовые и технические проблемы периода новой экономической политики.

Ключевые слова: социальные коммуникации, крестьянство, новая экономическая политика, Дом крестьянина, изба-читальня, радиовещание, кинематограф, культурно-просветительная деятельность, Брянская губерния, Смоленская губерния, Гомельская губерния, Орловская губерния, Курская губерния, «Крестьянская газета».

Abstract. The article examines the role of social communications in the modernization of the Russian village in the 1920s, which were used by the authorities to transform rural life and form “Pro-Soviet” attitudes in the village. On the basis of archived data, we analyze communication models and determine the political and social order in this area. It is proved that the achievement of optimal results was hindered by material, financial and technical problems of the period of the new economic policy.

Key words: social communications, peasantry, new economic policy, peasant’s House, izba-reading room, radio broadcasting, kinematograph, cultural and educational activities, Bryansk province, Smolensk province, Gomel province, Oryol province, Kursk province, “Peasant newspaper”.

В период новой экономической политики советская власть уделяла повышенное внимание развитию социальных коммуникаций с целью модернизации сельского быта и формирования «просоветских» настроений в деревне. С. Д. Багдасарян справедливо отмечает, что большевики «оказывали существенное модернизационное воздействие на крестьянскую повседневность, причем наибольших результатов им удалось достичь в сфере изменения форм и средств досуга, оздоровления быта, а также преобразования семейно-брачных отношений»¹. Данная статья посвящена роли различных коммуникаций в жизни российской деревни 1920-х гг.

на материалах Брянской, Смоленской, Гомельской, Орловской и Курской губерний. Эти губернии относятся к традиционным аграрным российским регионам с преобладанием крестьянского населения.

Для реализации исследовательских задач использовались документы из фондов Государственного архива Брянской области, Государственного архива новейшей истории Смоленской области, Государственного архива Орловской области, а также историографические источники по изучаемой тематике. В основание методологической базы статьи были положены основные принципы исторического познания: объективность, системность, историзм. В то же время были использованы исследовательские тренды, характерные для актуального состояния исторической науки (в формате межпредметного эпистемологического диалога): элементы институционального анализа; приемы отдельных течений исторической психологии, связанные с изучением социогенных технологий; методологические приемы микроистории.

В современной отечественной историографии изучение коммуникаций вызывает у исследователей явный интерес. Так, Л. Н. Мазур обоснованно считает, что «предпосылки для трансформации сельского образа жизни начинают складываться в первой половине XIX в. вместе с появлением первых сельских школ и библиотек... С установлением советской власти роль этих культурно-просветительных учреждений еще более возрастает, поскольку меняются организационные основы библиотечного и клубного обслуживания, они приобретают централизованную структуру и попадают под жесткий контроль государства...»²

В статье В. В. Кулачкова и В. П. Николашина, изучавших средства коммуникации сельской местности в конце 1910-х — начале 1930-х гг. на материалах Центрально-Черноземного и Западного регионов России, сделан вывод о том, что «до появления современных средств коммуникации (в первую очередь Интернета) коммуникационное поле деревни по существу было улицей с односторонним движением, хотя и с тенденцией нарастания сигнала из Центра»³.

В другой статье В. В. Кулачкова, посвященной изучению деятельности сельских корреспондентов и средств массовой информации, отмечается, что «средства массовой информации в 1920-е гг. играли весьма важную роль... Несмотря на недостаточное материально-финансовое

Кулачков Вадим Витальевич — кандидат исторических наук, бакалавр юриспруденции, доцент кафедры философии, истории и социологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный инженерно-технологический университет». E-mail: vad2517@yandex.ru; *Гончарова Ирина Валентиновна* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». E-mail: 89066610166@yandex.ru; *Чувардин Герман Сергеевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева». E-mail: wodantag@mail.ru.

Kulachkov Vadim V. — candidate of historical sciences, bachelor of law, associate Professor at the Department of philosophy, history and sociology. Bryansk State Engineering-Technological University. E-mail: vad2517@yandex.ru; *Goncharova Irina V.* — doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian history, Oryol State University named after I. S. Turgenyev. E-mail: 89066610166@yandex.ru; *Chuvaradin German S.* — doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian history, Oryol State University named after I. S. Turgenyev. E-mail: wodantag@mail.ru.

обеспечение периодики, крестьянство с ее помощью приобщалось к культурным достижениям общества, знакомилось с обстановкой в стране»⁴ Кроме того, по итогам анализа деятельности сельских корреспондентов автор статьи пришел к выводу, что в Брянской губернии 1920-х гг., как и практически по всей стране, «происходила активизация деятельности рабочих и сельских корреспондентов...»⁵ При этом активизации деятельности сельских корреспондентов способствовали усиление активности жителей деревни, работа образовательных учреждений и изб-читален, увеличение количества периодических изданий и шефская помощь города селу⁶. В других работах В.В. Кулачкова рассматриваются социально-образовательные аспекты развития деревни, которые выражались в росте грамотности и общей культуры крестьянства⁷.

Особенности восприятия крестьянством Центрально-Черноземной области (ЦЧО) новых символов и ценностей советской власти затрагиваются в статье И.В. Гончаровой: «Крестьянская ментальность отторгала элементы нового быта, чуждые ее общинному духу, или же воспринимала символику новой идеологии сквозь призму традиционных религиозных воззрений»⁸ Противоречия коммуникаций власти и крестьянства, насаждение новых форм быта отражены в публикации Г.С. Чувардина и И.В. Гончаровой, посвященной образованию коммун ЦЧО в 1920-е годы⁹.

В целом исследователи приходят к выводу, что деятельность средств массовой информации и различных социокультурных институтов способствовала формированию нового информационно-коммуникационного пространства. Однако разрыв между потребностями и реальными возможностями в изучаемый период был значительным, что приводило к отставанию деревни от города и способствовало доминированию городского образа жизни.

Особенностью социальных коммуникаций российской деревни в период модернизации была ярко выраженная роль государства в организации этого процесса. Она проявлялась, во-первых, в построении вертикальной модели коммуникации в системе «власть — крестьянство», а во-вторых, в создании новых коммуникативных институтов, актуализирующих взаимодействие между крестьянами.

Особую роль в модели коммуникаций с властью играли крестьянские письма. Обращение народа к представителям власти с просьбами представляло собой давнюю традицию в контексте ментальных установок наивного монархизма и веры в то, что верховная власть может решить все проблемы. Несмотря на то, что в таких обращениях преобладали жалобные интонации, уже во второй половине XIX в. был виден живой интерес крестьянства к диалогу с властью и с внешним «цивилизованным» миром. Знаменитый издатель второй половины XIX в. И.Д. Сытин назвал это явление «читательским эмбрионом», отметив, что деревенский житель, обучившийся грамоте, был очень любознателен¹⁰.

Заслугой большевиков в модернизации деревни стала культурная революция и выстраивание социальных лифтов на базе образования. Грамотных становилось все больше, и это провоцировало настоящий эпистолярный бум. Крестьяне писали в «Крестьянскую газету» по самым разным поводам: от реакции на события в стране до советов по сельскому хозяйству и традиционных жалоб. В одном из писем потребность населе-

ния высказаться объяснялась пословицей: «Когда дитя не плачет, и мать не знает»¹¹.

Вместе с тем были и другие мотивы письменных откровений деревенских жителей. В 20-е годы власть активно поддерживала крестьянские обращения. Был выстроен механизм поступления писем «во власть». Например, для писем в «Крестьянскую газету» печатались специальные бланки с указанием координат корреспондента и даты отправки. «Крестьянская газета» позиционировалась как «друг и защитник крестьянства». Редакторы призывали: «Каждый крестьянин должен не только читать «КГ», но и писать в нее», «Если о твоём селе еще никто не написал, напиши первый». Поощрялась публикационная активность даже среди малообразованных крестьян: «Пиши коротко, разборчиво. Если ты малограмотен, пиши большими буквами»¹².

Поток крестьянской корреспонденции (в редакцию «Крестьянской газеты» к 1926 г. поступило около 1 млн писем) строго фиксировался и контролировался в информационных и аналитических сводках органов власти.

Крестьянские письма направлялись не только в редакции («Беднота», «Красная деревня» и др.), но и непосредственно на имя И. В. Сталина, М. И. Калинина, В. М. Молотова. Письма из деревни 1920-х годов демонстрируют противоречивость времени. Среди проблем проявляются следующие: крестьянин и советское правительство; крестьянин и местная власть в лице коммунистов — «партийцев»; крестьянин и рабочий; «богач» и «бедняк»; крестьянин и крестьянка.

Российская деревня 20-х гг. болезненно реагировала на конфликт с городскими рабочими. Сквозь призму различий в экономическом и культурном уровне жизни формировались отрицательные оценки нового социального конкурента. Линейная иерархия конфликтов начала XX века получила дальнейшее развитие «по горизонтали». Недовольство крестьян проявлялось не только по отношению к рабочим, но и по отношению к зажиточным односельчанам, чему в немалой степени способствовал дух времени с его «классовым» подходом. В письмах крестьян отразился также конфликт с женской частью сельского общества, спровоцированный особенностями гендерной политики советской власти.

Крестьянские письма 20-х гг. затрагивают широкий круг тем, показывают нам социальный мир деревни и ее повседневную жизнь. Образ повседневной жизни деревни подчас выглядит мрачным, налицо низкий уровень образования и культуры. «Если у дома нет окон и дверей — значит школа», — пишет Я. Яковлев в книге «Деревня как она есть». В одной из таких школ, попавшихся на пути московской комиссии, церковный сторож поместил корову и лошадь. Местный священник отец Александр сетовал, что хорошая в «церковно-приходское» время школа после того, как отошла «к этому... как его... народному образованию», опустела — окна оказались побитыми, двери выставленными, «ну мы ее и взяли под лошадь и корову»¹³. Дети в селе обучались грамоте у жены дьяка, педагогические услуги которой оплачивались крестьянами по полтора пуда ржи в месяц — сумма, «о которой школьной учительнице не мечтать».

Печатные издания в деревню попадали редко. В пяти обследованных селах только один человек получал газету — бывший купец, «имею-

щий монополию на знание мероприятий Советской власти, авторитетное разъяснение ее намерений, декретов и постановлений для крестьян всей волости». Новые издания подорожали. До революции кадетское «Современное слово» стоило 45 копеек, как полпуда ржи. В 1923 г. месячная подписка на «Известия» равнялась по цене 4 пудам ржи. Поэтому среди деревенского чтения преобладали книги религиозного содержания, несколько грамотных читали сказки, произведения Льва Толстого и «что попадаете под руку (или не искуряют)»¹⁴.

Информационный голод в деревне партийные чиновники пытались компенсировать самостоятельным «просвещением» в уездах. Но инициатива на местах оборачивалась чаще всего «полнейшим внутренним хаосом». В 1923 г. на заседании пленума Орловского губкома председатель описывал фрагмент просветительской лекции: «Лектор, член или руководитель ячейки, говорит, что сначала в обществе существовал матриархат, так было долго, много сотен лет, вплоть до тех пор, покуда появился на свет Маркс, и когда появился Маркс, ему существующий строй не понравился и он завел патриархат»¹⁵.

Вместе с тем было бы неверно утверждать, что в повседневной жизни деревни ничего не изменилось. Повсеместно новые веяния переплетались со старыми традициями. Воздействовать на жизнь деревни советская власть пыталась путем усиленной пропаганды, новых праздников и памятных дат. Активно проводившиеся кампании внедряли в сознание назойливые штампы и лозунги, содержание которых усваивалось подчас весьма своеобразно и, как следствие, образовывался сумбур из обрывков разных идей, отрывочных мыслей. Иллюстрацией может служить заметка в «Орловской правде» от 12 октября 1923 г. о постановлении исполкома Дмитровского уезда приурочивать базары к революционным праздникам, а устройство базаров на церковные праздники запретить. В газете отмечалось: «Так и нужно: это будет способствовать революционизированию нашего быта»¹⁶. Проникновение новой символики в толщу старых религиозных представлений было характерно и для агентов новой власти. Я. Яковлев описывает разговор с деревенским священником так: «С кротким сиянием в глазах рассказал нам отец о том, как у него просили однажды коммунисты ячейку освятить, что некий коммунист читает у него апостола в церкви, что кроме Красной армии, и «прочие» у него в доме стоят очень часто»¹⁷.

Крестьянская ментальность или отторгала элементы нового быта, чуждые общинному духу, или же воспринимала новую идеологию сквозь призму традиционных религиозных воззрений. Показателен в этом плане обряд крещения, который большевики пытались заменить «октябринами». Корреспондент «Орловской правды» 11 декабря 1924 г. укорял ячейку Малоархангельского уезда за то, что она не удовлетворяет «запросы крестьянства в области нового быта». Крестьянин Хазов решил устроить «октябрины», но ячейка стала процедуру затягивать, после чего он решил: «Ни крестить, ни «октябрить» не буду; родился человек, ну и пускай живет»¹⁸. В орловской глубинке замена старых обрядов новыми встречала сопротивление среди населения: «Один из молодых прошлой осенью попробовал октябрить своего ребенка, так за период от осени до весны грызли все до того, что весною должен был перекрестить своего ребен-

ка, но и тут встретилось затруднение: поп отказывался и лишь перекрестил после того, как парень в ногах у попа повалился»¹⁹. Исследователь Л. Виола называет это «новым типом двоеверия»: «Хрупкое и противоречивое двоеверие, сочетавшее элементы городской атеистической культуры и глубоко религиозной крестьянской, было еще одним выражением неопределенности и неоднозначности, характерных для культуры в годы перемен»²⁰.

В курских деревнях отмечался очень характерный для крестьянской психологии момент. Один из опрашиваемых крестьян признался: «А что до пропаганды, то я ее не слушаю; терпеть я ее не могу, а этих, которые пропагандируют... Подсядет и пропагандирует... не знаю, что бы сделал с ним». Член комиссии понял, что дело здесь не в новых призывах, а в раздражающей идеологической экспансии, обесценивающей прежнюю крестьянскую жизнь. «Что он (крестьянин. — *И.Г.*) понимал под словом пропаганда — не понять было, но сразу чувствовалось, что здесь таится глубокая ненависть зажиточного мужика к тому, что навалило на него из города и расшатывает его исконную, от дедов, сто лет живших, идущую жизнь»²¹.

Другим направлением в модели социальных коммуникаций стало создание новых институтов — изб-читален и Домов крестьянина. По мнению Э.Т. Головиной, «в формируемом большевиками социокультурном пространстве часто наблюдалась преемственность с рухнувшей Российской империей. Примером такого наследования стала изба-читальня...»²² В работах В.В. Кулачкова и В.П. Николашина, посвященных деятельности изб-читален, отмечается в целом позитивное влияние на формирование социокультурного климата в деревне²³. Анализ работы изб-читален позволил В.В. Кулачкову сделать вывод о том, что «... в современной российской историографии деятельность изб-читален, несмотря на указанные недостатки, в целом оценивается авторами позитивно»²⁴.

Следует сказать, что основными функциями изб-читален в 1920-е гг. были выдача книг, чтение вслух газет и журналов, организация бесед, докладов, различных кружков (сельскохозяйственных, самодеятельности, шахматных и т.д.), участие в проведении посевных и уборочных кампаний, политическая агитация, справочная работа²⁵. Избы-читальни сыграли свою роль и в организации борьбы с религией. Так, Р.М. Рогинский приводит сведения о том, что в Гомельской губернии избы-читальни участвовали в антирелигиозной агитации. Исследователь отмечает, что они «являлись центрами антирелигиозной пропаганды в деревне»²⁶. При этом избы-читальни внесли весомый вклад в распространение юридических знаний. В целях правового просвещения в 1927 г. были изданы методические материалы для изб-читален, юридических бюро, кружков и справочных столов²⁷.

На территории Брянской губернии многие избы-читальни со временем трансформировались в библиотеки²⁸. В Смоленской губернии «... избы-читальни, в свою очередь, превратились в своего рода сельские клубы: там не только читали книги и газеты, в них вели беседы, проводили лекции, читали доклады, при них развивалась художественная самодеятельность и даже показывали первые киноленты»²⁹. Таким образом, несмотря на финансовые проблемы и некоторый дефицит ответственных

работников, избы-читальни являлись одним из важных средств социальных коммуникаций в период нэпа ³⁰.

Определенную коммуникационную роль в период новой экономической политики сыграли и Дома крестьянина, которые создавались для отдыха приезжающих в город крестьян и проведения культурно-просветительской и общественно-политической работы. В отечественной историографии одной из первых публикаций о таких учреждениях является брошюра Я. Бурова, в которой автор давал рекомендации по организации Домов крестьянина ³¹. В двух монографиях М.И. Бахтина, посвященных социально-экономическим преобразованиям в деревне эпохи нэпа, также рассказывается о деятельности Центрального Дома крестьянина в Москве. Он был основан в июне 1922 г. и относился сначала к ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет), а затем к Наркомзему (Народный комиссариат земледелия). Главной задачей Центрального дома крестьянина было комплексное обслуживание сельских жителей (общежитие, питание, юридическая консультация, культурные мероприятия) ³². М.Д. Осипов, выходец из деревни Хотутино Калужской губернии Мещевского уезда, был одним из участников совещания при редакции «Крестьянской газеты» 6 февраля 1925 г. и после посещения столицы восхищенно описывал убранство Центрального Дома крестьянина ³³.

Один из авторов данной статьи также вносит свой посильный вклад в изучение деятельности Домов крестьянина ³⁴. Так, в 2013 г. была опубликована работа В.В. Кулачкова, посвященная деятельности Домов крестьянина в Западном регионе России в 1920-е гг. На основе архивных материалов автор приходит к выводу, что Дома крестьянина «использовались для идеологического воздействия на крестьян, однако нельзя отрицать их роль в повышении общего культурного уровня сельских жителей» ³⁵. В другой совместной работе отмечается в целом положительная роль, которую сыграли Дома крестьянина в период новой экономической политики ³⁶.

Одной из главных задач Домов крестьянина как социальных учреждений было временное размещение приезжающих в город крестьян. При этом предпринимались попытки организовать комплексное социокультурное обслуживание сельских жителей. Советские и партийные органы уделяли внимание положению Домов крестьянина, выявляли недостатки и намечали пути их устранения ³⁷. Как и в Брянской губернии, на Смоленщине за состоянием Домов крестьянина был строгий контроль, внимание акцентировалось на упущениях в сфере аграрной пропаганды. Для исправления недостатков предлагалось организовать совместную работу всех заинтересованных органов ³⁸. В Гомельской губернии тоже были организованы учреждения такого типа. Авторы коллективной монографии И. Кудрявицкий, И. Игнатенко, В. Прохоров приводят данные о том, что «только в течение второй половины 1923 г. “Дом крестьянина” принял свыше 6 тыс. человек» ³⁹.

1920-е гг. вошли в историю нашей страны как время распространения технических новшеств, что находило свое отражение и в деятельности Домов крестьянина. Так, в отчете о работе Смоленского губернского Дома крестьянина за 1924—1925 гг. указывалось, что было дано «315 сеансов кинематографа, на которые пропущено бесплатно 12 565 чел.» ⁴⁰

Основу репертуара составляли преимущественно бытовые и военные картины, понятные для сельских жителей.

Проведение киносеансов в избах-читальнях и Домах крестьянина давало крестьянам возможность приобщиться к самым современным медиакоммуникациям того времени. А.И. Винокуров и Е.А. Сикорский на основе сравнительного анализа социокультурных институтов Смоленской губернии отмечают, что «появились и первые кинопередвижки для обслуживания сельского населения»⁴¹. В.В. Кулачков в результате анализа распространения технических новшеств в сельской местности приходит к выводу, что «новые культурные институты, к которым относились радио и кино, вносили новизну и разнообразие в крестьянскую жизнь»⁴². Однако указанная деятельность велась недостаточно активно, прежде всего, из-за материальных проблем.

Нельзя обойти вниманием и серию статей Л.Н. Мазур, которые посвящены развитию кинематографа в нашей стране. По мнению исследовательницы, с самого начала «советский кинематограф был настроен не столько на документирование и осмысление тех революционных изменений, которые протекали в деревне, сколько на их пропаганду»⁴³. Ведь охват деревни киноискусством был важной задачей для власти с точки зрения внедрения новых советских ценностей. Для реализации этой цели было образовано Акционерное общество по кинофикации деревни «Селькино»⁴⁴. В Брянской губернии, как и по всей стране, был выдвинут лозунг «Кино вместо водки», и для его воплощения планировалось добиться, чтобы в каждой области функционировала кинопередвижка, а в крупных населенных пунктах — стационарная киноустановка⁴⁵.

В архивных документах сохранились сведения о дефиците квалифицированных кадров, необходимых для продвижения кинематографа в сельской местности. В связи с этим в циркулярном письме Главполитпросвета № 122 от 9 августа 1926 г. отмечается, что развитие деревенской киносети «создает спрос на квалифицированных деревенских киноработников и их помощников. В целях осуществления этих задач необходимо... использовать силы демобилизующихся красноармейцев»⁴⁶.

Следует отметить, что бывшие красноармейцы как никто другой подходили для реализации пропагандистских задач советской власти. За годы службы в Красной армии они испытали на себе агитационное влияние советской власти и многие из них искренне верили в построение нового общества. Можно согласиться с мнением Л.Н. Мазур о том, что «одной из центральных идей кинопропаганды была мысль о могуществе советской власти, ее военной мощи, призыв к защите социалистического Отечества от внутренних и внешних врагов»⁴⁷. При этом в целях успешного продвижения кино в деревню рекомендовалось «провести среди массы демобилизующихся ряд докладов с демонстрацией фильмов и кинопередвижной аппаратуры. Эти доклады, содержание кинокартин и демонстрирующая их кинопередвижка должны вскрыть перед красноармейцами огромное значение кинофикации деревни...»⁴⁸

В свою очередь радиовещание, как и кинематограф, использовалось для решения идеологических задач. Очевидно, что новизна и доступность радиовещания способствовали его популярности в крестьянской среде⁴⁹. Именно радиовещание позволяло крестьянам быть в курсе последних со-

бытий, чему способствовали выпуски «Крестьянской радиогазеты» начиная с 1 апреля 1926 г. Понятно, что в первую очередь освещались темы, интересные для деревни: агрономия, антирелигиозная пропаганда, повседневная сельская жизнь. При этом, по мнению Т. М. Горяевой, особое внимание уделялось журналистами «простоте и доступности языка»⁵⁰, поскольку только таким путем можно было добиться распространения информации на селе.

В целом крестьянство положительно воспринимало радиофикацию, о чем в информационных материалах Брянской губернии об организации культурно-просветительской работы за 1928 г. содержится следующая информация: «Вопросы радиофикации в последнее время занимают все большее место в быту рабочего и крестьянина. В деревне необходима радиофикация изб-читален, культурных очагов в коммунах, в коллективных хозяйствах»⁵¹. При этом вопросы финансирования радиовещания были весьма злободневными. В частности, материалы Брянской губернии о культурно-просветительской работе в деревне за 1925—1926 гг. содержат сведения о том, что «дороговизна установки станций является препятствием к более широкому использованию радио»⁵². В Гомельской губернии помимо традиционных проблем с финансированием наблюдался и технический дефицит — не хватало батарей, лампочек и других запасных частей⁵³.

Таким образом, модернизационные процессы российской деревни 1920-х гг. характеризуются усилением роли социокоммуникационных воздействий государства. Они проявлялись в построении вертикальной модели коммуникации в системе «власть — крестьянство» и в создании новых коммуникативных институтов в системе горизонтального взаимодействия в крестьянской среде. Был актуализирован поток крестьянских писем с обращениями к власти, создавались избы-читальни, Дома крестьянина, распространялись радиовещание и кинематограф. Коммуникационные каналы способствовали трансформации сельского образа жизни и его постепенной урбанизации. Крестьянство преломляло поток новых символов и ценностей сквозь свои традиционные установки. Очевидно использование коммуникаций эпохи новой экономической политики в идеологических целях, но при этом происходило и расширение общего кругозора сельских жителей, формирование новых культурных стандартов. При этом достижению более впечатляющих результатов препятствовали финансовые и технические проблемы. Противоречия между возросшими коммуникативными потребностями крестьянства и возможностью их удовлетворения государством стали одной из причин урбанизации и деградации образа жизни села.

Примечания

1. БАГДАСАРЯН С. Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований. Дисс. ... докт. ист. наук. Волгоград, 2017, с. 789—790.
2. МАЗУР Л. Н. Роль медиакommunikаций в трансформации сельского образа жизни в 1930—1980-е гг. (по материалам Урала). — Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3, с. 74.

3. НИКОЛАШИН В.П., КУЛАЧКОВ В.В. Особенности средств коммуникации сельской местности в конце 1910-х — начале 1930-х гг. (на материалах Центрально-Черноземного и Западного регионов России). — Клио. 2014. № 2 (86), с. 63.
4. КУЛАЧКОВ В.В. Средства массовой информации в сельской местности Западного региона России 1920-х гг. — Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 5, с. 201.
5. ЕГО ЖЕ. Письма сельских корреспондентов о жизни советской деревни 1920-х гг. (на материалах Брянской губернии). — Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Сборник статей VI международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века». Коломна. 2018, с. 162.
6. ЕГО ЖЕ. Деятельность сельских корреспондентов в Западном регионе России в 1920-е гг. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10—1 (36), с. 114.
7. ЕГО ЖЕ. Распространение просвещения и грамотности среди крестьянского населения Западного региона России в 1920-е гг. — Клио. Журнал для ученых. СПб. 2013. № 9 (81), с. 90—92; ЕГО ЖЕ. Деятельность образовательных учреждений в деревне Западного региона России 1920-х гг. — Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международная научно-практическая конференция. Оренбург. 2014, с. 175—178; ЕГО ЖЕ. Роль книги в социокультурном развитии крестьянства Западного региона России (первая треть XX века). — Макушинские чтения. Новосибирск. 2012. № 9, с. 161—165; ЕГО ЖЕ. Изучение писем российских крестьян в курсе отечественной истории. — Современные проблемы высшего профессионального образования. Материалы научно-методической конференции. Брянск. 2011, с. 203—206.
8. ГОНЧАРОВА И.В. Крестьянская повседневность Центрального Черноземья в 1920-х годах. — Диалог со временем. 2010. № 30, с. 369.
9. ГОНЧАРОВА И.В., ЧУВАРДИН Г.С. Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация. — Крестьяноведение. 2018, т. 3. № 4, с. 105—122.
10. СЫТИН И.Д. Жизнь для книги. М. 1960, с. 112.
11. Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М. 2001, с. 6.
12. Там же, с. 7.
13. ЯКОВЛЕВ Я. Деревня как она есть. М. 1924, с. 8, 15.
14. Там же, с. 97.
15. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. П-1, оп. 3, ед.хр. 85, л. 5.
16. Орловская правда. 12.10.1923, с. 3.
17. ЯКОВЛЕВ Я. Ук. соч., с. 15—16.
18. Орловская правда. 11.12.1924, с. 5.
19. ГА ОО, ф. П-1, ед. хр. 1238, л. 56.
20. ВИОЛА Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. 2010, с. 69.
21. ЯКОВЛЕВ Я. Ук. соч., с. 27.
22. ГОЛОВИНА Э.Т. Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920—1930-е гг. — Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2015. № 4, с. 32.
23. НИКОЛАШИН В.П., КУЛАЧКОВ В.В. Избы-читальни российской провинции 1920-х гг. как трансляторы советских ценностей. — Былые годы. Сочи. 2014. № 34 (4), с. 651—654; КУЛАЧКОВ В.В. Роль избы-читальни в повседневной жизни крестьянства Западного региона России (первая треть XX века). — Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 1150-летию российской государственности, 75-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Н.Ф. Емельянова и 60-летию исторического факультета КГУ. Курган. 2012, с. 232—233.
24. КУЛАЧКОВ В.В. Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг. — История: факты и символы. 2019. № 3 (20), с. 18.
25. Д. Пеклино. Из истории Пеклинской сельской библиотеки. URL: <http://libbryansk.ru/dubrovskij-rajon-d-peklino-biblioteka.23217/>

26. РОГИНСКИЙ Р.М. Старообрядчество Гомельщины и советская власть, 1920—1930-е годы (по архивным данным и устным источникам). URL: <http://anti-raskol.ru/pages/2175>
27. Правовое просвещение и изба-читальня. Материалы и их проработка для шести занятий: руководство для юридических бюро, юркружков и справочных столов. М. 1927, с. 84.
28. Д. Пеклино. Ук. соч.
29. Превращения избы-читальни. URL: <http://gagarin-gazeta.ru/2014—12—07/prevrashheniya-izbyi-chitalni/>
30. КУЛАЧКОВ В.В. Изба-читальня..., с. 15—21.
31. БУРОВ Я. Дома крестьянина. М. 1923, с. 126.
32. БАХТИН М.И. Начало великого пути: из истории социального преобразования деревни, 1917—1925. М. 1979, с. 152; ЕГО ЖЕ. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). М. 1961, с. 291.
33. КУЛАЧКОВ В.В. Крестьянство Западного региона России в 1920-е гг. (социокультурные изменения). Брянск. 2014, с. 264—265.
34. ЕГО ЖЕ. Дома крестьянина в Западном регионе России в 1920-е гг. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 7 (33). Ч. I, с. 127—129; КУЛАЧКОВ В.В., СИНЯВИНА К.И. Дома крестьянина как комплексная форма обслуживания сельских жителей в 1920-е гг. (историографические аспекты). — Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Брянск. 2019, с. 65—67.
35. КУЛАЧКОВ В.В. Дома крестьянина в Западном регионе..., с. 129.
36. КУЛАЧКОВ В.В., СИНЯВИНА К.И. Дома крестьянина как комплексная форма..., с. 65—67.
37. КУЛАЧКОВ В.В. Крестьянство Западного региона..., с. 261—262.
38. Там же, с. 262.
39. КУДРЯВИЦКИЙ И., ИГНАТЕНКО И., ПРОХОРОВ В. Трудящиеся Гомельской губернии в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921—1925 гг.). Минск. 1961, с. 44.
40. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО), ф. 11, оп. 1, д. 408, л. 124, 126.
41. ВИНОКУРОВ А.И., СИКОРСКИЙ Е.А. Исторические конструкции систем социокультурных институтов на Смоленщине в первые годы после победы октября и на современном этапе. — Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2017. № 2, с. 227.
42. КУЛАЧКОВ В.В. Распространение новых культурных институтов в деревне Западного региона России 1920-х гг. — Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. № 8 (179), с. 114.
43. МАЗУР Л.Н. «Деревенское» кино как исторический источник: опыт количественного анализа. — Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: источники и методы исследования. 2011. № 1, с. 346.
44. КУЛАЧКОВ В.В. Крестьянство Западного региона..., с. 268.
45. Там же, с. 269.
46. Государственный архив Брянской области (ГА БО), ф. 2029, оп. 1, д. 8, л. 24.
47. МАЗУР Л.Н. Раннесоветский кинематограф как инструмент формирования синдрома войны. — Советский проект. 1917—1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Сборник научных трудов. Екатеринбург. 2018, с. 85.
48. ГА БО, ф. 2029, оп. 1, д. 8, л. 25.
49. КУЛАЧКОВ В.В. Крестьянство Западного региона..., с. 267—268.
50. ГОРЯЕВА Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания 1920—1930-х гг. М. 2009, с. 58.
51. КУЛАЧКОВ В.В. Крестьянство Западного региона..., с. 269.
52. Там же, с. 271—272.
53. Там же, с. 272.

Становление курортологии в Евпатории в последней четверти XIX — первой трети XX в.

Л. С. Аджиева, С. В. Долецкая, Я. А. Ивлева

Аннотация. На основе анализа архивных документов представлено исследование становления курортологии в Евпатории в последней четверти XIX — первой трети XX в. Раскрыт процесс зарождения курорта, создания в нем курортно-санаторной сети. Проанализированы формирование и особенности применения различных методик лечения, прослежены тенденции и сложности развития научной курортологии в Крыму в указанный период.

Ключевые слова: курортное дело, лечение, санатории, курортология, наука, Евпатория, Крым, XIX в., XX в.

Abstract. On the basis of the analysis of archival documents the study of the development of balneology in Yevpatoriya in the last quarter of the 19th — first third of the 20th centuries presented. The process of the establishment of the resort, the creation of a resort-sanatorium network in the city, the formation and features of the application of various treatment methods, which led to the further specialization of the resort disclosed. The features and complexity of the development of scientific balneology in Crimea in this period traced.

Key words: resort business, treatment, sanatoriums, balneology, science, Yevpatoriya, Crimea, XIX century, XX century.

Одной из ключевых задач, стоящих перед Республикой Крым и, в частности, Евпаторией, на современном этапе, является развитие курортно-рекреационной сферы. Статус образцового детского курорта Евпатория приобрела в январе 1936 г. и долгое время эффективно выполняла свое назначение, проводя целенаправленное и успешное лечение детей с самыми разными заболеваниями. Анализ истории становления курорта позволит преодолеть ряд трудностей в развитии курортной сферы города, в частности в плане более полного использования его природных возможностей в профилактике заболеваний, лечении и оздоровлении. Важным фактором лечебно-оздоровительной деятельности является научная основа в применении методик климатолечения, которая в дореволюционное время зародилась в Евпатории, а в первые годы советской власти была разработана, определив дальнейшую специализацию курорта.

Во второй половине XIX — начале XX в. на фоне изменений в промышленности, торговле, инфраструктуре, транспорте происходило развитие европейских и становление отечественных курортов. В Ливадии,

Ялте и Гурзуфе специализировались на туберкулезе, в Евпатории и Саках развивались грязелечение, купание, применение различных ванн, однако специализации как таковой на первых порах не было.

Период становления курортологии в Евпатории в последней четверти XIX — первой трети XX в. представляет большой научный интерес, поскольку за это время портовый город превратился в один из ведущих детских курортов не только Крыма, но и всего СССР.

Отдельные аспекты экономической составляющей курорта в Евпатории, а именно развитие инфраструктуры, транспорта, гостиничного дела, широко представлены в публикациях. При этом научная сторона курортологии периода становления практически не освещена, наследие ученых, благодаря которым Евпатория стала детским курортом, не изучено.

Источниковая база данного исследования представлена архивными документами из фонда Центрального управления курортами Крыма Государственного архива Республики Крым, который ведал вопросами курортного строительства. Наиболее важными из них являются доклады, отчеты и пояснительные записки, детально раскрывающие восстановление евпаторийского курорта в 1920-е гг. и его дальнейшее развитие и описывающие трудности этого процесса ¹. Также следует отметить уведомление о результатах проведения Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей, направленное городскому голове в 1915 г. ². Кроме архивных были использованы опубликованные источники, представленные уставами городских лечебниц ³. В них подробно расписаны правила работы заведений, режим дня и порядок лечения, проживания, питания, оплаты услуг и др.

Литература по данной теме довольно обширна и представлена дореволюционными, советскими и современными публикациями. Среди первой группы изданий выделяются труды известного деятеля курорта Н.В. Парийского ⁴. Важное место в дореволюционной литературе также занимают путеводители по Евпатории, которые позволяют оценить развитие города на рубеже XIX—XX вв. и проанализировать перспективы его развития ⁵.

Аджиева Лена Сейдаметовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и правопедения Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». E-mail: karalera1@gmail.com; *Долецкая Светлана Валентиновна* — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и правопедения Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». E-mail: doletskaja@yandex.ru; *Ивлева Яна Анатольевна* — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и правопедения Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского». E-mail: bdktdf@inbox.ru.

Adzhieva Lienara S. — PhD (History), associate professor, associate professor of the Department of History and Law of the Yevpatoriya Institute of Social Sciences (branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Email: karalera1@gmail.com; *Doletskaya Svetlana V.* — PhD (Pedagogy), associate professor, associate professor of the Department of History and Law of the Yevpatoriya Institute of Social Sciences (branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: doletskaja@yandex.ru; *Ivleva Yana A.* — PhD (History), associate professor, head of the Department of History and Law of the Yevpatoriya Institute of Social Sciences (branch) V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: bdktdf@inbox.ru.

Советская литература также включает труды тех, кто внес значительный вклад в развитие курортологии: А.К. Шенка ⁶, А.З. Соркина ⁷, С.Л. Трегубова ⁸. Сведения о состоянии курорта в 1920—1930-е гг., а также исторические справки содержатся в путеводителях и справочниках ⁹.

Наиболее плодотворным в изучении курортного дела в Евпатории является современный этап, когда данная тема приобрела общественную значимость и актуальность, появилось множество специальных изданий по истории евпаторийского курорта. Среди них есть научные издания обобщающего характера, где комплексно рассмотрены предпосылки появления курорта в Евпатории и его развитие на протяжении всего периода существования ¹⁰. Важный пласт публикаций составляют научные статьи, раскрывающие особенности и отдельные положения темы ¹¹. Также следует отметить статьи, посвященные отдельным персоналиям — авторам передовых методик лечения, внесшим весомый вклад в развитие курортологии в Евпатории ^{12, 13, 14}.

Таким образом, история курортного дела в Евпатории достаточно хорошо изучена. Однако историография носит несистематизированный характер и раскрывает тему неравномерно. К тому же данная область изучения испытала сильное идеологическое влияние, что сказалось на характере ряда работ. При этом большинство авторов публикаций имели непосредственное отношение к курорту, что обусловило фактологическую насыщенность их исследований.

Становление курортного дела в Евпатории началось в конце XIX в. В то время город имел репутацию климатического, бальнеологического, грязевого, терапевтического курорта. Обладая прекрасными природными условиями (мягкий климат, большое количество солнечных дней, песчаные пляжи, море, лиманы, лечебная грязь и рапа), он привлекал людей, которые нуждались в оздоровлении или просто хотели отдохнуть у моря. Условия для купания в море в Евпатории были отличными: пологий берег, песчаный пляж, отсутствие сильных ветров, теплая вода. Все эти факторы привлекали в город туристов со всех регионов страны, в том числе с детьми ¹⁵. Удобство передвижения по городу способствовало приезду и пожилых людей. Таким образом, еще на рубеже XIX—XX вв. стало очевидно, что город имеет высокий природно-климатический, географический и экономический потенциал, что выгодно отличало его от ряда других крымских курортов ¹⁶.

Зачатками курортного дела в Евпатории можно считать устройство частных и общественных купален — деревянных сооружений на сваях с кабинкой для переодевания и лестницей к морю. Купальный сезон длился с мая по октябрь ¹⁷.

Впервые природные возможности Евпатории были замечены властями в 1874 г., когда Российское военное ведомство открыло здесь небольшую Военно-санитарную глазную станцию. На ее базе пациентам оказывали лечебные, профилактические, реабилитационные услуги с применением природно-лечебных ресурсов. Этим временем обычно и датируют начало курортного лечения в Евпатории. В 1880-х гг. все процедуры проводились под наблюдением заведующего станцией Н.В. Парийского и медперсонала, чьи исследования легли в основу методик лечения морскими, лиманными купаниями, песочными и солнечными ваннами ¹⁸.

Не уступала морской воде и рапа озера Мойнаки, а по целебным свойствам даже превосходила ее. Обнаружив эти возможности, местный сторож соляного промысла Павел Платонович Пугачев в 1874 г. организовал кустарную грязелечебницу и стал брать плату с больных ревматизмом за использование мойнакской грязи. Позднее евпаторийские врачи С. И. Ходжаш и С. П. Цеценевский, ознакомившись с лечебными свойствами грязей, обратились в городскую думу с просьбой разрешить аренду Мойнакского озера в целях создания лечебницы. Уже в мае 1887 г. была открыта грязелечебница для пациентов с заболеваниями ревматического, хронического и невралгического характера, где процедуры впервые проводились под наблюдением врачей ¹⁹.

Летом 1906 г. в Евпатории появилось второе частное учреждение лечебного типа, работавшее с марта по декабрь, — «Приморская санатория». Инициатором ее создания стал академик исторической живописи, титулярный советник из Курской губернии Н. Д. Лосев, ранее посещавший Евпаторию в целях оздоровления. «Приморская санатория» стала первым в стране климатическим лечебным заведением, где применялись современные методы лечения по рекомендациям немецкого доктора медицины Г. Ламана. Для лечения применяли воздушные, солнечные, песочные ванны, морские купания, гидротерапию, электротерапию, электросветолечение, массаж, гимнастику и др. Учреждение также способствовало популяризации евпаторийского курорта.

В 1907 г. в городе открыли первую круглогодичную школу-санаторий для детей с ограниченными возможностями здоровья под патронатом императрицы Марии Фёдоровны. Годом позже генерал И. А. Юров на своей даче обустроил ванное заведение с применением морской воды, где процедуры проводились под наблюдением врачей ²⁰. С этого и началось детское лечение в городе. Еще через год на даче наследников А. А. Юровой врач детской клиники Московского университета С. И. Черкес на собственные средства открыл ванное заведение и возглавил его. Заведение пользовалось популярностью, и вскоре на его территории создали лечебницу, где под наблюдением специального персонала предлагался широкий спектр услуг: ванны, купания, подогретая морская вода и рапа, обливания, массаж, гимнастика и др. ²¹. Лечение проводилось в течение весенних и летних месяцев, принимали пациентов с золотухой, рахитом, малокровием, костным туберкулезом, ревматизмом, нарушением обмена веществ, осложнениями после воспалительных процессов органов дыхания. Процедуры были платными, размер оплаты устанавливался учредителем ²².

В 1909 г. доктор медицины Б. И. Казас и ординатор детской клиники Военно-медицинской академии Г. А. Галицкая обустроили лечебный пляж для взрослых и детей «Санитас», где под наблюдением врачей можно было получить различные процедуры: от рапных, песочных, пресных ванн и укутываний до ортопедической гимнастики. Через год был открыт морской пляж «Соляриум». Здесь процессом лечения по хозяйственной части руководил упомянутый выше С. И. Черкес, а по медицинской — ординатор детской поликлиники при Императорском Харьковском университете В. Е. Перчихин ²³.

В 1912 г. был введен в эксплуатацию санаторий «Таласса», оборудованный согласно современным требованиям. Инициаторами его создания

выступили врачи М. И. Гегелович и С. А. Бобович. В нем лечили различные заболевания, прежде всего — нервные. Принимали не только больных с диагнозами, но и тех, кто нуждался в отдыхе и восстановлении сил. Позже, в 1920—1930-е гг., на базе санатория был создан ведущий научный центр курорта. В 1913 г. Евпаторийское общество курортного благоустройства на Всероссийской гигиенической выставке было награждено большой серебряной медалью за развитие грязелечения²⁴.

В 1914 г. под руководством доктора С. З. Рабиновича и управляющего А. А. Казанли открылся крупный частный санаторий «Гелиос», где также проводили манипуляции с привозной грязью, которую перед использованием подогревали паром. В санатории имелись помещение для морских и рапных ванн, площадка для них на открытом воздухе, водолечебница, рентген-кабинет, медицинский терапевтический зал.

Таким образом, к 1914 г. в Евпатории функционировали три санатория для взрослых и летние лечебницы-пляжи для детей. Городское самоуправление решало множество проблем, напрямую не связанных с медицинским сектором, но обеспечивавших комфортное пребывание приезжих: водоснабжение, уборка мусора, вывоз песка и пр.²⁵. О востребованности евпаторийского курорта, качестве и уровне лечения свидетельствовал тот факт, что сюда направляли поправлять здоровье людей из всех регионов России²⁶.

Своим званием курорта и соответствующим развитием Евпатория во многом обязана доктору медицины, талантливому ученому, профессору Николаю Васильевичу Парийскому (1858—1923). Родился будущий военный лекарь в семье священника. По традиции своего сословия окончил семинарию, год учился на медицинском факультете в Москве, затем переехал в Санкт-Петербург, с отличием окончил Императорскую Военно-медицинскую академию, после чего был направлен в Симферопольский военный госпиталь.

Идея, которая привела Н. В. Парийского к его главному научному открытию, родилась в период 1886—1889 гг., когда он заведовал медицинской частью Евпаторийской военной глазной санитарной станции, а также санитарной частью 1-го батальона 50-го Белостокского полка, предназначенными для долечивания больных после Симферопольского военного госпиталя и Сакской санитарной станции. Назначения выздоравливающим больным состояли из морских купаний, солнечных ванн, минеральных грязей и других процедур. Молодой военный врач, наблюдая за больными, пришел к мысли об использовании в лечении естественных песочных ванн, которые были несправедливо забыты наукой. Сегодня достоинства псаммотерапии (песочных ванн) не вызывают сомнений, а в то время именно Парийский занялся систематическим изучением влияния процедур на различные заболевания и организм человека в целом. Свои наблюдения он публиковал в научных статьях, содержание которых приобретало все более обоснованный теоретический характер²⁷. Научные труды Парийского заложили основы талассотерапии (лечения морем) и гелиотерапии (солнцелечения). В Крыму ученый выступал с публичными лекциями, собирал материал для диссертации. В 1889 г. он вернулся в Военно-медицинскую академию Санкт-Петербурга и защитил диссертацию «Общие естественные песочные ванны,

их действие на температуру, пульс, дыхание, потерю веса и осязательную чувствительность»²⁸. Диссертация не просто принесла ее автору ученую степень доктора медицины и известность в научных кругах, но и стала новым словом в российской курортологии, задав вектор развития этой науки и практики²⁹. Ученый пришел к выводу, что песочные ванны по своему воздействию во многих случаях не уступали грязевым, но в то же время переносились больными гораздо легче, были безопаснее при целом ряде заболеваний, имели ценный побочный эффект в виде естественного снижения веса пациента благодаря потере влаги, были просты в применении, а для организации лечения не требовалось значительных финансовых вложений.

Николай Васильевич не отрицал полезных свойств других лечебных факторов, он говорил о тех случаях, когда псаммотерапия была показана: болезни сердечно-сосудистой системы, атеросклероз, золотуха, водянка, подагра, ревматические болезни и др.³⁰. Опытным путем ученый установил оптимальную длительность процедуры в 30—40 мин при температуре песка 47,5 °С и толщине его слоя в 3—4 см. Парийский отмечал, что лечебное воздействие песочных ванн было особенно эффективным в сочетании с другими климатическими факторами: солнечным теплом, морской водой и воздухом.

Такое сочетание в самом благоприятном варианте устроила сама природа в Евпатории. Исследования Парийского доказали пригодность евпаторийских пляжей к применению процедур не только в летние месяцы, но и в сентябре. Это существенно расширяло возможности курорта и продлевало его сезонность.

Приоритет Евпатории как бальнеологического курорта ученый отстаивал через много лет — в 1915 г. в Петрограде, на Первом общероссийском съезде, посвященном улучшению отечественных лечебных местностей. В своем докладе Парийский вернулся к наблюдениям, которые проводил в Евпатории, рекомендовал учитывать многовековой народный опыт. Ученый отмечал, что температура воды в море до октября не падает ниже 18 °С; Каламитский залив хорошо прогревается; море не опресняется; нет рек и мало осадков; ветра дают постоянное обновление воздуха, но имеют при этом умеренную силу; рядом находятся лиманы и грязи, что делает возможным комплексное лечение. Он доказывал преимущества песочных ванн: их эффективность, широкий спектр применения, относительную безопасность, дешевизну и простоту организации. Доктор медицины настаивал на том, что именно Евпатория должна быть поставлена участниками съезда на первое место среди всех рассматриваемых курортов. С этой же инициативой выступили городские власти Евпатории, указав на возможности использовать природные богатства для лечения раненых солдат (в этот период шла Первая мировая война). В том же году городская управа получила из Петрограда «Постановления и Пожелания Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей», статья 124 документа указывала на признание Евпатории курортом, имеющим общегосударственное значение³¹.

Доклад Парийского и его мнение сыграли значительную роль в судьбе Евпатории как курорта. В 2013 г. евпаторийцы проведением научных чтений отметили 155-летний юбилей ученого — первого из врачей, соз-

давшего свое научное имя в Евпатории, основоположника отечественной курортологии³².

На дальнейшее развитие курорта повлияли события Первой мировой войны и революции. Остро встал вопрос о необходимости физиотерапевтического лечения и медицинской реабилитации травматологических больных. Вследствие открытия железнодорожного сообщения в ноябре 1915 г. и приезда в Евпаторию Николая II, а также закрытия в 1916 г. для российской публики европейских курортов город посетило 40 тыс. чел., тогда как обычно эта цифра не превышала 15 тыс.

После свержения монархии и прихода к власти большевиков была проведена национализация. Декретом «О лечебных местностях общегосударственного значения» от 4 апреля 1919 г. Совет народных комиссаров РСФСР провозгласил передачу народу всех курортов, в том числе евпаторийского. Представителем Наркомата здравоохранения по организации курортного дела в Крыму был назначен Д.И. Ульянов, который в 1920 г. стал Главным уполномоченным по курортам Крыма. Он же возглавил Центральное управление курортами Крыма (ЦУКК), которое было организовано для руководства курортным строительством на полуострове³³.

В конце 1920 г. решением Ревкома Крыма евпаторийский пляж, озера Саки и Мойнаки и все лечебные учреждения Евпатории были объявлены курортами общегосударственного значения. В 1922 г. комиссия по определению территории курортов Крыма признала курортом в Евпатории весь новый город. Территории вместе с постройками передавались центральному курортному управлению. Согласно списку, на евпаторийском курорте насчитывалось более 200 дач и санаториев, однако сохранность зданий была плохой³⁴.

Гражданская война и частая смена власти нанесли огромный ущерб экономике, социальной сфере и инфраструктуре Евпатории. Значительно сократилось население, выросла безработица, возникали перебои с продовольствием. Многие помещения санаториев и лечебниц были разрушены, оборудование разграблено, а территории заброшены. В таких условиях восстановление курорта шло с большими трудностями, лечебные учреждения фактически предстояло создавать заново.

31 декабря 1920 г. было проведено совещание, посвященное созданию управления Евпаторийско-Сакского курортного района. На нем присутствовали врачи, представители здравоохранения, лазарета, санаторно-курортного подотдела, отдела государственных сооружений. Заведующим района был назначен врач, специалист по грязелечению Н.В. Гржибовский. В январе 1921 г. он подал в ЦУКК список санаторно-курортных учреждений и пляжей, планируемых к открытию, указав все, что работали до начала Гражданской войны. Однако эти планы не были осуществлены полностью. В восстановительных работах отсутствовала планомерность, сказывались и финансово-материальные трудности. Вскоре стало ясно, что наладить курортное дело в один сезон невозможно. Соответственно, страдала и научная сторона организации лечения.

Последующие курортные сезоны были более успешными. Постепенно восстанавливалась как санаторно-курортная сеть, так и научная работа в области курортологии. Уже в 1923 г. евпаторийский райкурупр

докладывал об удовлетворительной работе, особо отмечая деятельность санклиники «Таласса», которой тогда руководил профессор А. К. Шенк.

Работа евпаторийского курорта становилась все более эффективной. Евпаторийский курортный район разработал медицинский план, согласно которому в 1924 г. лечение на курорте было организовано по направлениям стационарной и амбулаторной помощи. С 1926 г. курортное управление ускорило темпы развития лечебной деятельности, а к 1927 г. восстановительный период был почти закончен. В городе появились клинические санатории, где наблюдение пациентов вели квалифицированные специалисты, профессора и врачи с применением передовых научных методов³⁵.

Таким образом, к концу 1920-х гг. курортное дело в Евпатории было в целом налажено. По мнению профессора А. К. Шенка, до революции евпаторийский курорт не имел своего медицинского лица, на общегосударственном уровне не было научного анализа влияния курортных факторов на больных. С установлением советской власти началась разработка этих вопросов, и в 1928 г. определился медицинский характер евпаторийского курорта. Были выделены основные группы заболеваний, которые лучше всего поддавались лечению: заболевания опорно-двигательного аппарата, гинекология, костный и железистый туберкулез у взрослых пациентов и детей, нарушения нервной системы³⁶. На курорте работали многие известные ученые и врачи: А. К. Шенк, П. С. Медовиков, С. Л. Трегубов, А. З. Соркин, В. А. Яковенко, П. П. Лазарев и др. Их труды стали итогом многолетних наблюдений и легли в основу новых эффективных методик лечения на евпаторийском курорте. Методики медицинской климатологии и климатотерапии нашли применение и на многих других морских курортах³⁷.

Усилиями ученых была выработана специализация евпаторийского курорта. Основой научных разработок служило изучение природных факторов и наиболее характерных черт курорта.

Наибольших успехов ученые и врачи Евпатории добились в лечении ортопедических заболеваний. В 1920-е гг. впервые был поставлен вопрос об использовании курорта для лечения костного туберкулеза.

Одной из выдающихся фигур курортной медицины в данной области был профессор Алексей Константинович Шенк (1873—1943). Его отец был известным врачом, состоял в различных медицинских обществах и организациях, активно занимался проблемами бальнеолечения во время руководства военной санитарной станцией в Старой Руссе. Видимо, он и передал сыну любовь к медицине, в частности к лечению природными факторами, что впоследствии стало важным направлением деятельности А. К. Шенка в Евпатории.

После окончания Военной медицинской академии в 1897 г. А. К. Шенк начал врачебную деятельность. Сначала он работал в светолечебном кабинете при кафедре факультетской хирургии под руководством профессора А. В. Вельяминова, в 1903—1917 гг. был старшим ассистентом профессора Г. И. Турнера, одновременно проводя научные исследования.

Результатом изысканий Шенка стала подготовка диссертации на тему «Ахондроплазия у человека», после защиты которой в 1910 г. ему присвоили ученую степень доктора медицины. После этого Шенк продолжил из-

учать вопросы, связанные с ортопедией и лечением костного туберкулеза. До Первой мировой войны ученый посещал российские и зарубежные курорты в целях проведения физиотерапевтического лечения больных и обсуждения его результатов на конференциях и съездах.

Вскоре начался крымский этап его деятельности. В 1917—1919 гг. А.К. Шенк возглавлял Физио-ортопедический институт, а в 1919—1924 гг. занимался преподавательской деятельностью в Таврическом (Крымском) университете. Благодаря его усилиям в университете была создана кафедра ортопедии, механотерапии и десмургии медицинского факультета. В 1921—1923 гг. Шенк являлся членом правления Таврического университета, а в 1924—1925 гг. — деканом медицинского факультета. Безусловной заслугой ученого было создание (совместно с Б.С. Бомом) ортопедической клиники на 30 мест, ставшей клинической базой кафедры.

В 1925 г. в связи с реорганизацией Таврического университета и упразднением медицинского факультета А.К. Шенк переехал в Москву, где возглавил ортопедическое отделение Центральной курортной клиники Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, которая в 1926 г. была преобразована в Государственный центральный институт курортологии. Среди изучаемых в клинике методов лечения были и интересовавшие Шенка физиотерапия и грязелечение. В 1929 г. он стал заведующим ортопедическим отделением Государственного института физиатрии и ортопедии Наркомата здравоохранения РСФСР.

Еще во время работы в Таврическом университете профессор открыл большие возможности Евпатории, богатой природными лечебными факторами. Он активно способствовал становлению города как одного из известных курортов СССР, разрабатывая научные основы лечения. В мае 1923 г. профессор Шенк был назначен руководителем медицинского дела на евпаторийском курорте³⁸. Город стал учебной и научной базой для преподавателей и обучающихся Таврического университета. И хотя их активная деятельность приходилась только на летние каникулы, этого было достаточно для преобразования курортного дела в Евпатории.

Исследования Шенка и его коллег проводились преимущественно на базе санатория «Таласса», реорганизованного в санклинику «Таласса» им. Семашко в 1922 г. В 1923 г. Шенк возглавил это учреждение. Через год по его приглашению в Евпаторию прибыл Г.И. Турнер, который оказал существенную помощь во внедрении в курортное лечение научных методик³⁹.

В «Талассе» еще в дореволюционное время использовали для лечения природные ресурсы Евпатории. Шенк поставил эту практику на научную основу. Под его руководством учреждение смогло продолжить работу на высоком уровне, заданном еще до революции. В нем находились клиническая, биохимическая и патоморфологическая лаборатории, имелся достаточный штат врачей. Усилиями Шенка на базе лечебного заведения был создан научный центр по изучению природных факторов в медицинских целях.

Профессор А.К. Шенк приступил к научному руководству курортом, имея детальный план, главной целью которого было изучение лечебных факторов Евпатории. В частности, план предусматривал привлечение

к работе ученых и практиков врачебного дела из крупных городов СССР. Среди них следует отметить профессора В. А. Яковенко, который заведовал биохимической лабораторией, приват-доцента А. Егорова — заведующего научной клинической лабораторией, профессора П. С. Медовикова, который был главным консультантом по педиатрии, приват-доцента И. Г. Бурлакова — консультанта по гинекологии и др.⁴⁰

Одним из важных условий эффективного изучения природных факторов стала возможность сбора информации о них. Для этого по инициативе Шенка на базе «Талассы» была организована актинометрическая станция, позже ставшая биоклиматической. Наблюдения за солнцем на станции вел инженер-биофизик Алексей Никитич Бойко. Специального оборудования и научно обоснованной методики для наблюдений тогда еще не имелось. Станция работала сезонно на приборах, которые привозил с собой А. Н. Бойко (как правило, он сам их и конструировал). Летом 1925 г. были проведены первые наблюдения за солнечной энергией и сделаны важные выводы. Ежедневно составлялись таблицы интенсивности солнечной радиации за определенные промежутки времени. На их основе Бойко разработал методику солнцелечения для взрослых пациентов и детей⁴¹.

С каждым годом оборудование станции совершенствовалось, а в 1926 г. была построена вышка для приборов. Стараниями А. Н. Бойко на станции появились самопишущий актинометр, кожный термометр, электрический фригометр и другое необходимое оборудование, что позволило развить методику принятия пациентами солнечных ванн. С 1928 г. станция стала работать круглый год, а для руководства ею была приглашена Н. А. Щуцкая. В 1931 г. для станции построили специальное здание⁴².

Полученные на станции данные изучали известные ученые: В. А. Яковенко, П. А. Лазарев, П. С. Медовиков, А. З. Соркин, Г. М. Франк и др. Эти наблюдения легли в основу прогрессивных методик климатолечения, в том числе применения солнечных и воздушных ванн для пациентов с самыми разными заболеваниями. За основу была взята разработанная ранее П. Г. Мезерницким методика измерения дозы солнечного облучения в калориях, которые были более точными единицами дозирования солнечных ванн. До введения калорий в солнцелечении использовали временные интервалы в часах и минутах, что было не всегда оправдано (такое лечение напрямую зависело от времени дня и положения солнца на небосклоне). Новая система тщательно фиксировала необходимое для лечения количество солнечной энергии и значительно сокращала число случаев перегрева пациентов.

С переходом А. К. Шенка на службу в Москву его интерес к Евпатории не исчез. Оставаясь научным руководителем евпаторийского курорта, он продолжил доказывать уникальность и большие возможности этого места. Благодаря научным обоснованиям профессора на XVI Всероссийском съезде Советов в 1935 г. было решено развивать направление детской курортологии. В январе 1936 г. СНК РСФСР именно в Евпатории постановил организовать образцовый детский курорт.

Таким образом, А. К. Шенк внес большой вклад в развитие научной курортологии в Евпатории. По его инициативе и под его руководством

в городе стали применять дозирование солнечных ванн с учетом особенностей микроклимата курорта. Он также предложил пациентам с костным туберкулезом круглосуточное пребывание в тени на открытом воздухе летом, доказав эффективность этой методики⁴³. Благодаря исследованиям профессора Шенка впоследствии было доказано, что для лечения определенных категорий пациентов можно использовать и межсезонье, сделав функционирование курорта круглогодичным⁴⁴.

А.К. Шенком самостоятельно и в соавторстве было подготовлено и опубликовано большое количество научных трудов по курортологии и физиотерапии, в том числе раскрывающих природные ресурсы Евпатории: «Природные и целебные силы Крыма» (1928, 1933), «Евпатория — курорт» (1937), «Основы курортологии» (1932—1936)⁴⁵. В работах он описывал механизмы применения физиотерапевтических факторов при лечении заболеваний костей на курортах Крыма, отмечал большие возможности гелиотерапии, целебные свойства евпаторийской грязи, эффективные при долечивании травм костей и суставов⁴⁶.

Талантливым учеником А.К. Шенка был уроженец г. Карасубазара Таврической губернии Арон Зусьевич Соркин (1899—1978). По окончании Таврического университета он в качестве курортного врача был направлен в евпаторийский санаторий им. Н.А. Семашко, где лечили костно-суставной туберкулез. С 1925 г. молодой врач возглавлял в Евпатории клинику костно-суставного туберкулеза Наркомздрава СССР; занимался со студентами; с 1926 г. сам проходил интернатуру в Центральном институте курортологии. За свои исследования Арон Зусьевич в 1935 г. получил степень кандидата медицинских наук, а в 1940 г. защитил докторскую диссертацию. В годы войны вместе со своими больными доктор оказался в Узбекистане, где использовал накопленный опыт для создания в Ташкенте специализированного отделения для больных костным туберкулезом. В 1944 г. Соркин получил звание профессора и через два года занял место заведующего отделением в Московском городском научно-исследовательском туберкулезном институте.

Пребывание в Евпатории оказало решающее влияние на судьбу и научную карьеру Соркина: он постоянно возвращался сюда в летний период, обучал интернов, долгое время занимал пост ученого секретаря Научного общества евпаторийского курорта, консультировал, а также возглавлял ортопедическую секцию.

Не только практическая, но и научная работа Соркина также была тесно связана с Евпаторией. Здесь он изучал влияние солнечного света и климатических факторов на течение костного туберкулеза, что нашло отражение в его трижды издававшейся монографии по костно-суставному туберкулезу со специальной главой о лечении солнцем⁴⁷. В течение жизни профессор опубликовал еще три монографии и около 150 статей. Он стал заслуженным деятелем науки РСФСР, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Весьма значимой для города-курорта оказалась написанная А.З. Соркиным брошюра «Евпатория как курорт»⁴⁸, выдержавшая пять изданий. В ней автор дал подробную характеристику всем лечебным учреждениям Евпатории, описал профиль каждого из них, длительность лечения, возможные процедуры и их специфику, результаты лечения. Деятель-

ность А.З. Соркина способствовала развитию и популяризации евпаторийского курорта, его целебных климатических факторов ⁴⁹.

Большой вклад в развитие науки на евпаторийском курорте внес доктор медицины, профессор Самуил Леонтьевич Трегубов (1872—1944). В 1897 г. он окончил медицинский факультет Харьковского университета. С 1906 г. являлся ассистентом, а с 1912 г. — приват-доцентом кафедры хирургической патологии Харьковского университета. В 1919 г. заведовал отделением костно-суставного туберкулеза Центрального противотуберкулезного диспансера, в 1921—1944 гг. руководил кафедрой ортопедии и травматологии Харьковского медицинского института. Среди научных интересов профессора был костно-суставной туберкулез. Опубликовал более 70 работ по ортопедии, травматологии и протезированию, в 1908 г. первым предложил внутрисуставное введение кислорода. Его стараниями в 1939 г. в Евпатории был создан противотуберкулезный диспансер. С.Л. Трегубов был постоянным консультантом евпаторийских санаториев «Чайка» и «Пролетарий» ⁵⁰.

Большое внимание на курорте уделяли лечению детей. Именно здесь оно было организовано на строгой научной основе. В постановлении Крымревкома «Об организации детского лечения на Крымских курортах» от 25 июня 1921 г. отмечалась необходимость направить в курортные места, в том числе в Евпаторию, как можно больше истощенных и больных детей от 1 года до 16 лет ⁵¹. В сезон 1921 г. в Евпатории функционировало шесть учреждений санаторно-курортного типа. В 1925 г. на V курортном съезде обсуждался вопрос оздоровления детей на курорте. Были открыты детские санатории им. Н.К. Крупской, 10-летия Октября, санаторий РОК-Ка «Валькирия» и др. С 1928 г. рекламные проспекты позиционировали Евпаторию именно как детский курорт.

В июне 1935 г. на Всесоюзном совещании педиатров в Ленинграде под руководством ведущих ученых М.З. Кесселя и П.С. Медовикова при обсуждении вопроса о месте организации детского курорта все присутствовавшие высказались в пользу Евпатории. Отмечалось, что в городе накоплен уникальный опыт, сформирована теоретическая и научная база и имеется достаточный санаторный фонд.

В августе 1935 г. в Евпатории состоялась Всесоюзная научная медицинская конференция по курортологии детских заболеваний. По ее итогам Наркомздрав РСФСР поднял вопрос о создании в городе образцового детского курорта. 20 января 1936 г. постановлением «О санаторно-курортной помощи детям и об организации детского курорта» СНК РСФСР утвердил Евпаторию в качестве детского курорта. Это решение было обдуманное, проверенное временем и подкрепленное научными исследованиями. В апреле СНК Крыма принял постановление «О планировке Евпаторийского курорта». В Евпатории стали создавать детские санатории для больных костно-суставным туберкулезом, рахитом, детским параличом, золотухой и другими заболеваниями ⁵².

Развитию педиатрии в Евпатории значительно способствовал упоминавшийся ранее Петр Сергеевич Медовиков (1873—1941). Он родился в Санкт-Петербурге, получил высшее образование в Императорской военно-медицинской академии. Во время обучения под руководством профессора кафедры детских болезней Н.П. Гундобина проявил интерес

к педиатрии. Учась на последних курсах, Медовиков работал в детской больнице Марии-Магдалины под руководством М. М. Волкова, а по окончании обучения в 1897 г. устроился в Елизаветинскую детскую больницу.

В 1902 г. под руководством Н. П. Гундобина защитил диссертацию по бактериальной флоре кишечника у здоровых грудных детей и получил ученую степень доктора медицины.

С 1906 г. Медовиков активно занимался медициной, работая не только в отечественных, но и в европейских медицинских учреждениях. После получения в 1913 г. ученого звания приват-доцента в течение двух лет работал на кафедре детских болезней Военно-медицинской академии, где совместно с профессором А. Н. Шкариным открыл первую в России консультацию для младенцев. Летом 1920 г. был избран главным врачом детской больницы им. Филатова, в декабре — профессором, заведующим кафедрой детских болезней Государственного института для усовершенствования врачей, где проработал до 1933 г.⁵³ Все это время Медовиков совмещал научную и преподавательскую деятельность с врачебной практикой, вел консультации по педиатрии, детской невропатологии и туберкулезу. В 1935 г. принял руководство первой в СССР кафедрой детского туберкулеза Ленинградского педиатрического медицинского института. Авторству ученого принадлежит более 150 научных работ по болезням пищеварения, дыхательной и опорно-двигательной систем у детей. Большое внимание он уделял профилактике детских патологий.

П. С. Медовиков много сделал для развития курортологии. В 1925 г. он принимал участие в подготовке и работе V Всесоюзного научно-практического съезда по курортному делу. В 1935 г. стал одним из авторов материалов к XVI Всероссийскому съезду Советов, на котором рассматривалось также детское курортное лечение. В 1936 г. Медовиков участвовал в подготовке сборников по детской курортологии. Позднее его разработки были взяты за основу нормативно-правовых актов Наркомздрава СССР и решений Ученого совета по санаторно-курортной помощи детям. Также он являлся председателем курортной секции и руководил секцией детского туберкулеза Общества детских врачей СССР.

С Евпаторией связан длительный этап его научной и врачебной деятельности. П. С. Медовиков руководил педиатрической секцией созданного в 1924 г. Научно-курортного совета — совещательного органа при Управлении евпаторийского курорта⁵⁴. В 1925 г. по результатам длительных наблюдений ученый первым отметил благотворное влияние евпаторийского климата на факт перестройки фенотипа детей. Долгое время он консультировал пациентов по детским болезням, рекомендуя для лечения природно-климатические факторы Евпатории.

Активная деятельность П. С. Медовикова в Евпатории была связана с детским санаторием «Пролетарий». Учреждение принимало на лечение детей 4—14 лет и было рассчитано на 390 мест. Санаторий имел свой пляж, где с мая по октябрь активно применялись солнечные и воздушные ванны, морские и рапные ванны и обтирания. Благодаря работе клинического отделения санатория, которым руководил профессор, эффективность лечения была очень высокой, что способствовало большой популярности «Пролетария»⁵⁵. Впоследствии клиническому соматическому отделению санатория было присвоено имя профессора П. С. Медовико-

ва. В 1939 г. по ходатайству Евпаторийского общества детских врачей и Евпаторийского государственного курорта Медовиков был удостоен почетного звания заслуженного деятеля науки РСФСР. Опыт, полученный при лечении ревматизма, неспецифических заболеваний органов дыхания, проблем конституции и вегетативной нервной системы у детей, помог П. С. Медовикову в организации других детских курортов в СССР.

Следует подчеркнуть, что Евпатория являлась не только базой для медицинских исследований, но и местом проведения научных и практических конференций. Так, важным событием стало проведение в городе Всекрымской научно-врачебной конференции, на которой с докладом выступил Н. А. Семашко. Подобные конференции врачей стали проводиться ежегодно с 1924 г.

Таким образом, утверждение Евпатории в качестве образцового детского курорта стало своеобразным импульсом к развитию возможностей города. Обладая рядом благоприятных природных условий, Евпатория быстро стала превращаться в курорт. Городу повезло: в нем работали настоящие профессионалы, которые в условиях тотальной нехватки средств в 1920-е гг. смогли вывести лечение на новый уровень. Все они являлись лечащими врачами, и их научные открытия были выверены и подкреплены практикой, что обеспечило эффективность пребывания на курорте и способствовало его популярности.

Примечания

1. Государственный архив Республики Крым (ГА РК), ф. Р-2230. Центральное управление курортами Крыма (ЦУКК) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (г. Симферополь), оп. 3, д. 38. 1921—1922 гг.; д. 282. 1923 г.
2. Сообщение Евпаторийского краеведческого музея о съезде 1915 г. URL: <http://my-evp.ru/soobshhenie-o-sezde-1915g>
3. Устав частной лечебницы для приходящих больных врача Самуила Осиповича Черкеса для пользования мужчин, женщин, детей солнечными, песочными, воздушными, морскими, пресными, рапными, углекислыми ваннами, гимнастикой, массажем и проч. физическими методами лечения в г. Евпатории на даче насл. А. А. Юровой: Утв. 20 мая 1911 г. Евпатория. 1911. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004046190>; Устав частной лечебницы «Соляриум» врачей С. И. Черкеса, В. Е. Перчихина и женщины врача Л. Л. Лютровник: утв. 10 мая 1912 г. Евпатория. 1912. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003797189>
4. ПАРИЙСКИЙ Н. В. Евпатория как санитарная станция и купальный курорт для военных по окончании ими лечения Сакскими грязями. Одесса. 1888; ЕГО ЖЕ. Общие естественные песочные ванны, их действие на температуру, пульс, дыхание, потери веса и осязательную чувствительность: дисс. докт. медицины Николая Парийского. СПб. 1891.
5. БЕСЧИНСКИЙ А. Я. Путеводитель по Крыму (сост.: В. Н. Дмитриев, С. Я. Елпатьевский, И. М. Педдакас, Е. М. Швединов). М. 1904; ГОЛОВКИНСКИЙ Н. А. Путеводитель по Крыму. Симферополь. 1894; Семёнов В. П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей (под редакцией В. П. Семёнова и под общим руководством П. П. Семёнова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского). Т. XIV. Новороссия и Крым (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область войска Донского) (сост.: Б. Г. Карпов, П. А. Федулов, В. И. Каратыгин и др.). СПб. 1910; Новейший путеводитель по Крыму на 1912 год. Евпатория. 1912; Спутник по Евпатории. Евпатория. 1916.
6. Труды научного совета курортного треста общегосударственного значения «Евпатория — Саки». — Аста Евпаторica. Т. I. Евпатория как курорт (под ред. проф. А. К. Шенка). Симферополь. 1931.

7. СОРКИН А.З. Диагностические ошибки при патологии и пороках развития костно-суставного аппарата. М. 1969; ЕГО ЖЕ. Евпатория как курорт: науч.-попул. очерк (с пред. проф. А.К. Шенка). Симферополь. 1937; ЕГО ЖЕ. Костно-суставной туберкулез. М. 1955; ЕГО ЖЕ. Костно-суставной туберкулез: со спец. главой о лечении солнцем. С предисловием заслуженного деятеля науки проф. Г.И. Турнера. Симферополь. 1932; ЕГО ЖЕ. Туберкулезный трохантерит. М. 1963.
8. ТРЕГУБОВ С.Л. О регенерации при костном туберкулезе. Харьков. 1925.
9. ДЗЕВАНОВСКИЙ А.А., ТАЛЬБЕРГ В.Н. Курорты Крыма. В кн. Весь Крым, 1920—1925: юбилейный сборник (ред. комисс.: У.В. Болич и др.). Симферополь. 1926; ГРУБ-БЕ В.В. Экскурсия в Мойнаки. Симферополь. 1989; КУЛАКОВ М.М., ЛОЕВСКИЙ А.В. Евпатория. Справочник. Симферополь. 1977.
10. ИВЛЕВА Я.А. История курорта в Евпатории от истоков до современности: монография. Симферополь. 2016; Хрущёв В.Л., АГАДЖАНЫН Н.А. Курорт — Евпатория. Симферополь. 2003.
11. АДЖИЕВА Л.С., КОМОГОРЦЕВ Э.И. Курортное дело в Евпатории (конец XIX — начало XX вв.). — Black Sea Scientific Journal of Academic Research. Multidisciplinary Journal. 2016. Vol. 28. Issue 02; ИВЛЕВА Я.А. Научная работа на Евпаторийском курорте в 1920—1930-е гг. — Труды III научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарных наук» (Евпатория, 23 мая 2017 г.). Симферополь. 2017; ЛЮБЧИК В.Н. Развитие медицинской климатологии и климатолечения на Евпаторийском курорте. В кн.: Актуальные вопросы курортологии, физиотерапия и медицинской реабилитации: Труды КРУ «НИИ им. И.М. Сеченова». Т. XXV. Ялта. 2014. Материалы научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Романовского института физических методов лечения «Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации» (г. Ялта, 9—10 октября 2014 г.). 2014; СКРЯБИНА Т.О. Этапи історичного розвитку міста-курорту. — Black Sea Scientific Journal of Academic Research. 2013. April. Vol. 4. Issue 1; АНОХИНА Т. Так становился детский курорт. — Евпаторийская здравница. 2016, 20 января.
12. ЗАРУБИНСКАЯ Л.Г., ЭЛЛАНСКИЙ Ю.Г., ХУДОНОГОВ И.Ю. Профессор Николай Васильевич Парийский (к 160-летию со дня рождения). — Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2018, № 2; КАЛАДЗЕ Н., НЕНЬКО А., ПОНОМАРЕНКО Ю. Увековечим его имя. — Евпаторийская здравница. 2013. 13 июня, № 67 (18 849); ФИЛОНОВ Л.Г., МАСЛОВ А.И., ФИЛОНОВ И.Л. Н.В. Парийский — Основоположник отечественной курортологии, а также ортопедии и высшей медицинской школы на Дону. — Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2014, № 4; КАЛАДЗЕ Н.Н., НЕНЬКО А.М., ПОНОМАРЕНКО Ю.Н. Николай Васильевич Парийский. У истоков научной курортологии. — Актуальные вопросы курортологии, физиотерапии и медицинской реабилитации: труды КРУ «НИИ имени И.М. Сеченова». Т. XXIV. Ялта. 2013,
13. КАЛАДЗЕ Н.Н., БРЕХОВ А.Н. Алексей Константинович Шенк (к 145-летию со дня рождения). — Вестник физиотерапии и курортологии. 2018, т. 24, № 4; КАРПОВА Т.Н. Профессор А.К. Шенк — один из основоположников физиотерапия, реабилитация и курортология в России. В кн.: Актуальные вопросы курортологии, физиотерапия и медицинской реабилитации...
14. МЕЛЬНИКОВА И.Ю. История и научное наследие кафедры педиатрии и детской кардиологии Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова. — Terra Medica. 2014. № 3 (77).
15. Новейший путеводитель по Крыму на 1912 год. Евпатория. 1912.
16. АДЖИЕВА Л.С., КОМОГОРЦЕВ Э.И. Ук. соч., с. 20.
17. БЕСЧИНСКИЙ А.Я. Ук. соч., с. 429; ГОЛОВКИНСКИЙ Н.А. Ук. соч., с. 524.
18. БЫКОВ И.Ю., КОСТИН А.Н. Системе санаторно-курортного лечения Вооруженных сил Российской Федерации — 85 лет. — Военно-медицинский журнал. 2007, № 9, с. 83; ЧИЖ И.М., ГУЛЯЕВ В.А., ГОРШКОЛЕПОВ О.И. Системе санаторно-курортного лечения Вооруженных сил России — 80 лет. — Военно-медицинский журнал. 2002, № 9, с. 7.
19. СЕМЁНОВ В.П. Ук. соч., с. 685; СКРЯБИНА Т.О. Ук. соч., с. 19.
20. Новейший путеводитель по Крыму на 1912 год. Ук. соч., с. 114.
21. МАЛЬГИН А.В. Русская Ривьера. Симферополь. 2004, с. 15.

22. Устав частной лечебницы для приходящих больных врача Самуила Осиповича Черкеса, с. 1—7.
23. Спутник по Евпатории, с. 132; Устав частной лечебницы «Соляриум», с. 1—8.
24. Курорт Евпатория в Российский период. URL: <http://история-евпатории.рф/kurort-evpatoriya/kurort-evpatoriya-v-rossiyskiy-period.php>
25. ДОЛЕЦКАЯ С.В. Проблемы местного самоуправления: анализ деятельности евпаторийской городской думы в XIX в. — Black Sea Scientific Journal Of Academic Research. Multidisciplinary Journal. 2014. Vol. 18. Issue 11, p. 48—49.
26. АДЖИЕВА Л.С., КОМОГОРЦЕВ Э.И. Ук. соч., с. 25.
27. ПАРИЙСКИЙ Н.В. Евпатория как санитарная станция и купальный курорт для военных по окончании ими лечения Сакскими грязями. Одесса. 1888.
28. ЕГО ЖЕ. Общие естественные песочные ванны, их действие на температуру, пульс, дыхание, потери веса и осязательную чувствительность: дисс. докт. медицины Николая Парийского. СПб. 1891.
29. ФИЛОНОВ Л.Г., МАСЛОВ А.И., ФИЛОНОВ И.Л. Ук. соч., с. 52—53.
30. КАЛАДЗЕ Н.Н., НЕНЬКО А.М., ПОНОМАРЕНКО Ю.Н. Николай Васильевич Парийский, с. 42.
31. Сообщение Евпаторийского краеведческого музея о съезде 1915 г. URL: <http://my-evp.ru/soobshhenie-o-sezde-1915g>.
32. КАЛАДЗЕ Н., НЕНЬКО А., ПОНОМАРЕНКО Ю. Увековечим его имя. Ук. соч.
33. ИВЛЕВА Я.А. История курорта в Евпатории, с. 116—117.
34. ГА РК, ф. Р-2230. Центральное управление курортами Крыма (ЦУКК) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (г. Симферополь), оп. 3, д. 38. 1921—1922 гг., л. 10, 12—13, 20.
35. ИВЛЕВА Я.А. История курорта в Евпатории, с. 132.
36. Труды научного совета курортного треста общегосударственного значения «Евпатория — Саки», с. 8.
37. ЛЮБЧИК В.Н. Ук. соч., с. 63.
38. ГА РК, ф. Р-2230. Центральное управление курортами Крыма (ЦУКК) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (г. Симферополь), оп. 3, д. 282. 1923 г., л. 10.
39. ИВЛЕВА Я.А. История курорта в Евпатории, с. 174—175.
40. Там же, с. 148.
41. КУЛАКОВ М.М., ЛОЕВСКИЙ А.В. Ук. соч., с. 125.
42. ХРУЩЁВ В.Л. Ук. соч., с. 126.
43. КАЛАДЗЕ Н.Н., БРЕХОВ А.Н. Ук. соч., с. 6.
44. СОРКИН А.З. Евпатория как курорт, с. 58.
45. Основы курортологии (под общ. ред. проф. М.П. Кончаловского и проф. Г.М. Данишевского); Гос. центр. ин-т курортологии. М. 1932—1936.
46. КАРПОВА Т.Н. Ук. соч., с. 71.
47. СОРКИН А.З. Костно-суставной туберкулез: со спец. главой о лечении солнцем.
48. ЕГО ЖЕ. Евпатория как курорт.
49. ЕГО ЖЕ. Костно-суставной туберкулез; ЕГО ЖЕ. Туберкулезный трохантерит; ЕГО ЖЕ. Диагностические ошибки при патологии.
50. КРЫЛОВ-ТОЛСТИКОВИЧ А.Н. Русские врачи XIX — начала XX вв. Новая редакция: краткий медицинский биографический словарь. М. 2016. <https://proza.ru/2017/06/21/1095>.
51. ДЗЕВАНОВСКИЙ А.А., ТАЛЬБЕРГ В.Н. Ук. соч., с. 348.
52. АНОХИНА Т. Ук. соч.
53. МЕЛЬНИКОВА И.Ю. Ук. соч., с. 13.
54. ИВЛЕВА Я.А. Научная работа на Евпаторийском курорте, с. 28.
55. СОРКИН А.З. Евпатория как курорт, с. 40—41.

К вопросу о феодализме в кумыкских государственных образованиях (XVI—XVIII вв.)

М.-П.Б. Абдусаламов

Аннотация. В статье на основе широкого круга источников и специальной исторической литературы рассматривается проблема развития феодализма в Кумыкии в XVI—XVIII вв. Автором установлено, что в кумыкских государственных образованиях сформировались социальные отношения раннефеодального типа, имевшие установленное сходство с социальным строем государств Северной Европы (в том числе и Руси) XI—XIII вв., но подвергшиеся достаточно сильному влиянию политических традиций Великой Степи (Царства гуннов, Хазарского каганата) и Ближнего Востока (Османской империи и Сефевидского Ирана).

Ключевые слова: феодализм, кумыкские государственные образования, община, землевладение, шамхал, вассалы, Хазарский каганат, Османская империя, Сефевидский Иран.

Abstract. In article on the basis of a wide range of historical sources and special literature deals with the problem of feudalism in Kumykia in XVI—XVIII. The author found that in Kumyk state entities have formed social relations of feudal type, having established the similarity of social systems of the Northern European States (including Russia) XI—XIII centuries, but subjected to a strong enough influence of the political traditions of the great Steppe (the Kingdom of the Huns, and the Khazar Kaganate) and the Middle East (the Ottoman Empire and Safavid Iran).

Key words: feudalism, Kumyk state formations, community, land ownership, Shamkhal, vassals, Khazar Kaganate, Ottoman Empire, Safavid Iran.

Для раскрытия темы исследования необходимо затронуть понятие «феодализм». Этот термин был введен в научный оборот европейскими историками в конце XVIII столетия. Этимологически он образован от средневекового правового понятия «феод» (*feodum*), которым в документах в Западной Европе того времени обозначалось наследственное земельное условное владение, получаемое вассалами от своего сеньюра-сюзерена за несение военной службы¹.

В 30-е гг. XIX в. французский историк Франсуа Гизо выделил такие ключевые элементы и характерные признаки феодального строя, как ус-

Абдусаламов Магомед-Паша Балашиович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства. Махачкала. E-mail: vikingpasha@mail.ru.

Abdusalomov Magomed-Pasha B. — candidate of historical sciences, associate professor at the Dagestan State University of the National Economy. Makhachkala. E-mail: vikingpasha@mail.ru.

ловное землевладение, строгая иерархия социума, в котором сочетались политическая власть с зависимостью мелких землевладельцев, обязанных за пожалованные им во владение земли выполнять установленные вышестоящим сеньором повинности (несение военной службы, барщина, оброк) ².

Позже К. Марксом и Ф. Энгельсом была сформулирована формационная концепция, согласно которой феодализм определялся как общественно-экономический строй, основанный на эксплуатации крестьян феодалами-землевладельцами, при котором земельная рента являлась единственной господствующей формой «прибавочной стоимости или прибавочного труда» ³. При этом стоит отметить, что термин «феодализм», по мнению Маркса и Энгельса, мог быть применим лишь в отношении западноевропейского средневековья. Для Востока они употребляли понятие «азиатский способ производства» ⁴, позже ставшее основой развития теории о преобладании на Востоке особой военной системы.

Начальный период эпохи феодализма, в течение которого феодальные отношения зарождаются и постепенно развиваются до полного господства в обществе, называется раннефеодальным. В Дагестане подобные отношения наблюдались к северу от Дербента — на кумыкских землях (Кумыкской равнине), и первые их признаки, по мнению Р.М. Магомедова, прослеживаются в V веке. Однако в горном Дагестане в этот период доминировал первобытнообщинный строй ⁵.

Стоит подчеркнуть, что феодальные отношения в различных частях Дагестана развивались неравномерно. Те земли и владения, которые имели связи с Востоком и подвергались нашествию и непосредственному воздействию со стороны Арабского халифата, империи Сельджуков, монголо-татар, отличались ускоренными темпами феодализации. Это, прежде всего, касается Дербента и земель Кумыкской плоскости. При этом важно отметить, что большую роль в развитии феодальных отношений в приморском Дагестане сыграло первое раннефеодальное государство Восточной Европы — Хазарский каганат.

О существовании феодального строя в Дагестане и, в частности, в кумыкских владениях, раньше всех написал в соей работе первый профессиональный дагестанский историк А.И. Тамай ⁶, коснувшийся специфики и генезиса феодальных отношений на Северо-Восточном Кавказе и влияния на них Золотой Орды, Османской империи и шахского Ирана. Основной вывод его работы: «В Дагестане, в особенности в нагорном Дагестане, многочисленные пережитки тухумно-джамаатской общины сохранились даже в более позднее время... Но, тем не менее, они не нарушали общего феодального характера данной эпохи. Не может быть сомнений в том, что Дагестан к концу XVI в. был страной с оформившимися уже феодальными отношениями» ⁷. Следует отметить, что точка зрения А.И. Тамая стала господствующей в дагестанской исторической науке и в последующем получила развитие в трудах Р.М. Магомедова, В.Г. Гаджиева, Х.-М.О. Хашаева и Б.Г. Алиева ⁸.

Профессор С.В. Юшков, в целом соглашаясь с мнением Тамая, относил дагестанский феодализм к раннему типу феодальных отношений ⁹. Говоря о феодализме у кумыков, он отмечал наличие трех видов земель

феодалной сеньории шамхала¹⁰. С.В. Юшков подчеркивал, что наиболее развитые формы феодализма были на Кумыкской плоскости, и, напротив, чем выше в горы, тем менее развитыми становились феодальные отношения. В горной зоне доминировал патриархально-родовой строй, а феодализм был развит слабо или вовсе отсутствовал¹¹.

А.И. Робакидзе, Л.И. Лавров и В.Б. Виноградов отмечали, что хотя земля и являлась основой экономического положения привилегированного сословия на Северном Кавказе, но немалое значение имели и доходы, поступающие местным владельцам с аренды их пастбищных угодий горцами¹². С.В. Юшков также считал пастбищную ренту важной чертой феодализма в Дагестане¹³. Их мнение полностью подтверждается на примере кумыкских государственных образований¹⁴. Для шамхалов Тарковских огромную роль играли доходы от продажи соли, добываемой у озера Турали¹⁵. Здесь нельзя не согласиться с обоснованным и справедливым мнением Л.И. Лаврова о том, что экономическое могущество привилегированного сословия в эпоху феодализма не везде и не всегда зиждилось на землевладении. Большую роль играли и торговые пошлины (называемые дамгою или рахтарным сбором), и дань, взимаемая местными владельцами с земледельцев, ремесленников и других категорий населения, и военные трофеи, захваченные во время походов или междоусобиц¹⁶.

Дагестанский этнолог М.А. Агларов писал, что на Северо-Восточном Кавказе был особенный тип феодализма, испытывавший как византийское влияние, так и достаточно сильный прессинг политических традиций степного мира. Это, в частности, выразилось в распространении политических институтов и титулов, типичных для государственных образований тюрков и монголо-татар¹⁷. Не соглашаясь с мнением автора о византийском влиянии на процесс феодализации на Кавказе в целом, нельзя не принять во внимание зависимость политогенеза у северокавказских народов и, особенно у кумыков, народа тюркоязычного, от степных политических традиций раннефеодальных государств, таких как Царство гуннов или Джидан и Хазария (Хазарское царство), характеризующихся в социальном отношении достаточно развитой иерархией общества и сделавших выбор в пользу монотеистических религий.

Для более точного разбора политогенеза кумыкских государственных образований остановимся на установившейся в них к XVII—XVIII вв. социальной иерархии.

Политико-географический термин «шамхальство» напрямую восходит к титулу «шамхал». В русских документах XVI в. титул этого правителя упоминается как «шевкал» — это изначальная форма, от которой и следует отталкиваться. Уж очень созвучна форма «шевкал» с кумыкским названием титула этого правителя — «шаухал». Причем, в отличие от русского языка, эта форма не менялась — кумыки называли своих правителей «шаухалами» и в XVI, и в XIX веках. Если учесть, что в тюркских языках, а именно в кумыкском, титул «шамхал» звучит как «шаухал», то возможно он произошел от тюркского термина «шау». Ведь не случайно М.-С. Саидов писал, что форма «шамхал» образована по типу тюркских, а не арабских слов¹⁸. В таком случае слово «шаухал» может быть переведено как «славный правитель». Этимологию этого титула скорее следует искать в тюркских языках огузской ветви.

«Если говорить о происхождении слова “Шамхал”, “шавкал”, — писал Р.М. Магомедов, — казалось бы, все основания имеются отнести эти термины скорее к Золотой Орде, нежели к арабам. Можно предполагать, что правитель кумыков в период господства татаро-монгол мог быть ими же и возведен в этот сан»¹⁹. Золотая Орда в покоренных землях проводила политику упрочения своего господства, и в этих целях золотоордынские ханы деятельно привлекали на свою сторону местных владетелей. «В период господства татаро-монгол шамхал Тарковский, — писал Р.М. Магомедов, — видимо выступал по отношению к местным правителям в роли баскака — сборщика дани. С этой ролью надо связать и появление титула валяя, ибо шамхалы, будучи баскаками, вместе с тем считались старшими среди остальных правителей... Именно к этому времени относится появление наименований кумыкского владельца “шавкал” и “вали”. С распадом Золотой Орды пало старшинство шамхала над правителями Дагестана. Титул его сохранился, но без каких-либо прав на правление всем Дагестаном. Целостное при татаро-монголах шамхальство с распадом Золотой Орды и владений ее ханов также распадается на мелкие уделы»²⁰.

Титул шамхала не передавался по наследству. Им становился только старший в шамхальском роду любого из кумыкских государственных образований²¹. Новый шамхал по традиции избирался на съезде знати — беков, мурз и влиятельных узденей («лучшие люди» «всей Кумыкской земли») ²². В данной процедуре прослеживается явное сходство с избранием королей Дании в городе Виборги и новгородских князей местным вечем. На подобных съездах весомую роль играли имевшие влияние свободные крестьяне-уздени — местный аналог скандинавских бондов²³.

Къырым-шамхал или ярым-шамхал (с кумыкского языка — наполовину шамхал, будущий шамхал) — официальный наследник шамхала, имевший особый удел с центром в сел. Бойнак. Къырым-шамхалы избирались одновременно с шамхалами²⁴. На то, что крым-шамхалы являлись наследниками тарковских шамхалов указывает современный ученый-кавказовед профессор Р.М. Бегеулов: «“Крым-шамхалами” в Тарковском шамхальстве назывались наследники шамхальского “престола”»²⁵.

Хан — титул правителей Мехтулинского ханства с центром в сел. Дженгутай. Термин «хан» по значению близок к титулу каган/хакан, подобно правителям Хазарского каганата, однако поутратившего свое изначальное значение в позднесредневековый период и трансформировавшегося в титул суверенного владетеля. Будет справедливо сказать, что в Дагестане термин «хан» снискал известность в XVIII столетии в период исторического пика феодальных междоусобиц и раздробленности²⁶.

Термин «султанство», зафиксированный в отношении Утамышского (Гамринского) владения в отечественной историографии с периода Персидского похода Петра I, восходит к имени кумыкского владетеля Султан-Махмуда²⁷. В местной традиции слово «султан» нередко употребляется в личных именах владетелей и фактически неизвестно его применение в качестве социального термина. Особую популярность этот титул приобрел в Сельджукской империи²⁸.

Мурза — аристократический титул — уходит корнями к персидскому титулу эмир-заде — принц. Мурзами именовали младших представи-

телей правящих династий. В XVIII столетии нередко мурзы назывались беками, которые делились как на собственно беков шамхальского рода, так и на карачи-беков и чанка.

Карачи-беки не происходили из шамхальского рода. Как правило, их прерогативой являлось исполнение судебных функций ²⁹.

Детей ханов или беков, рожденных от неравных браков с нижестоящими сословиями, называли чанками. Чанки делились на собственно чанков и чанка-беков. Простые чанки не имели права наследования имущества своего отца. Шамхал, ханы или беки могли лишь при своей жизни выделить удел или часть наследства своему сыну-чанке ³⁰.

Находившимся на службе у шамхалов Тарковских бекам передавались под управление села с правом на взимание с местного населения части доходов в форме ясака условленных даров (кумык. «харзи»), разного рода натуральных повинностей, ренты с пастбищ ³¹.

Несмотря на это, в междоусобной борьбе шамхал и другие кумыкские князья искали опоры, в первую очередь, среди влиятельных узденей, за которыми стояли общины. В отчете дербентского жителя Аллагы (конец XVI в.) воеводам г. Терки упоминаются «кабаки» (деревни) под управлением узденей ³². Содержание конных дружин, размещенных в селах, ложилось на плечи местного населения. Вне всяких сомнений, командиры конных отрядов ведали распределением этих средств, что характерно для периода раннего феодализма в Западной Европе.

Подавляющее большинство среди кумыкского населения составляло свободное узденство ³³. В то же время необходимо отметить, что уздени вовсе не представляли собой монолитный слой населения. Они делились на сала-узденей или первостепенных узденей, догerek-узденей и др. Их низшее звено составляли къзакъи — безземельные изгнанники из обществ, существовавшие в основном батрацким трудом ³⁴.

С.В. Юшков считал, что верхушку кумыкского крестьянства составляли первостепенные уздени, выделившиеся из рядовой массы. Это явилось следствием порабощения обезземеленного крестьянства и захвата населенных и ненаселенных земель ³⁵. Следует обратить внимание на то, что право сала-узденей, т.е. первостепенных узденей на владение большей частью обрабатываемых ими земель основывалось на несении службы вышестоящему над ними правителю. Это, несомненно, имеет много общего с классической системой служения вассала своему сюзеру, сложившейся в средние века в Западной Европе. В этом смысле можно провести явную параллель социально-правового статуса сала-узденей с социально-правовым статусом лендрманов и хэрсиров средневековой Норвегии ³⁶. Сала-уздени или первостепенные уздени несли разнообразную службу Тарковскому шамхалу и бекам. Так, из среды сала-узденей назначали аталыков (воспитателей) детей кумыкских князей (биев); сала-уздени часто выполняли функции послов крупных феодалов, либо выступали их сопровождающими лицами во время важных дипломатических миссий и т.д. ³⁷. Сала-уздени, находившиеся на положении служивых людей (дворян) в войсках кумыкских правителей являлись главным боевым ядром ³⁸. Правители-сюзерены как вознаграждение за несение службы давали сала-узденям земли — мюльки ³⁹. Надо понимать, что при этом выделенные мюльки не были «мюльками-халисе»,

т. е. абсолютными владениями, и их обладатель обязывался служить или платить определенный ясак⁴⁰. Таким образом, мы видим, что в зависимости узденей от феодалов очевидно присутствовал компонент личного подчинения могущественным людям непосредственных производителей, над которыми первые имели власть. Подобная схема взаимоотношений лежала в основе становления феодальных отношений во Франции, Англии и Норвегии⁴¹. Уздени, хотя и находились в зависимости от своих сюзеренов — шамхалов, ханов и беков — тем не менее, не обратились в собственность своих покровителей. В этом смысле они играли роль самых мелких вассалов. Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что в кумыкских государственных образованиях присутствовало многоступенчатое подчинение менее сильных более могущественным. Это, согласно Франсуа Гизо, — одна из отличительных черт феодализма.

Важнейшим инструментом, обеспечивавшим прочность системы сюзеренитет-вассалитет на Северном Кавказе, выступал институт аманатства. Аманатство подразумевало установившуюся в период Средневековья и раннего Нового времени на мусульманском Востоке традицию выдачи заложников в знак своей верности данной клятве. Из истории Киевской Руси мы помним, что еще Владимир Всеволодович Мономах брал заложников у половецких вождей, выразивших ему свою покорность⁴². В кавказской политике Российского государства институт аманатства получил широкое распространение. Первоначально, в конце XVI столетия, Москва требовала от принесших шерть кумыкских мурз и князей выдачу аманатов⁴³. Подобная практика была последовательно продолжена кизлярскими комендантами. В документах Кизлярского комендантского архива аманаты упоминаются как «аманатчики»⁴⁴. Их содержали в специально определенных местах — «аманатских избах», где они обучались русской грамоте. В последующем аманаты играли роль проводников политических интересов Москвы, а также социо-культурных русских традиций в кумыкских владениях⁴⁵.

С.Ш. Гаджиева справедливо полагала, что присутствие широкого круга свободных общинников в кумыкских владениях является местной неповторимой особенностью феодализма. Отметим, что сохранение общинного землевладения и даже его самоуправления вплоть до позднего Средневековья типично и для некоторых европейских стран: Швеции, Норвегии, Тироля, Дитмаршена в Шлезвиге, Венгрии⁴⁶, в которых наличие феодальных отношений не вызывает споров. Кроме того, по мнению ряда ученых-историков, именно сельская община являлась характерной и отправной формой организации крестьянства при феодализме⁴⁷.

Как уже указывалось выше, на социально-политическое развитие кумыкских владений весомое воздействие оказал степной мир, а также военно-ленная система. Как известно, она была характерна для социально-политического строя Оттоманской Порты и Сефевидского Ирана. Шамхальство с начала XVI до середины XVII в. находилось в тесных политических и династических связях с шахской Персией. Так, шамхалы взамен пожалованных им сефевидскими правителями земель в Ширване обязывались охранять северные рубежи Сефевидской державы⁴⁸. До влияния Сефевидов шамхалы как и в Древней Руси сами со своей дружиной собирали дань с подвластных территорий. Этот объезд имел много обще-

го с полюдьем в Киевской Руси, отмененным княгиней Ольгой. Данное явление характерно для государств раннефеодального типа. Под влиянием Сефевидского Ирана в середине XVII столетия традиционный объезд шамхалом собственных земель был отменен, а сбором ясака (хараджа) уже занимались дружинники-мулазимы ⁴⁹.

Имело место и влияние Османской империи. Дагестанский исследователь Али Гасанов небезосновательно связывал появление крупного феодального землевладения в регионе с влиянием османского права. Так, османский военачальник и ширванский наместник Мустафа Леле-паша в период ирано-турецких войн на Кавказе в 1578 г. вручил дагестанским владетелям султанские фирманы (грамоты), подтверждавшие их владельческие права, тем самым признавая их султанскими вассалами ⁵⁰. Однако в последующем в войне с Сефевидским Ираном Порты потерпела поражение, и султанские фирманы стали носить в основном декларативный характер.

Государство с классической военно-ленной системой является верховным собственником всей земли. При этом отсутствует социальная иерархия. Институт «власть-собственность» является также главным фактором военно-ленной системы. Отметим, что подобный институт основан на сакрализации власти и деспотии правителя ⁵¹. В плане исследуемой проблемы относительно кумыкских государственных образований ни один из этих принципов в полной мере не работает. Выше указывалось, что в кумыкском социуме имелась достаточно развитая иерархия, присутствовали частное и общинное землевладения. Шамхалы, хотя и пытались искусственно обосновать свою генеалогию, якобы ведущую свое начало от дяди пророка Мухаммеда Аббаса, однако придать таким способом своей власти определенную сакральность им не удалось. Власть шамхалов не была абсолютной, в глазах даже своих близких родственников и основной массы подданных шамхал продолжал оставаться только первым среди равных. Вплоть до конца XVIII столетия власть шамхалов не передавалась по наследству ⁵².

Вслед за видными отечественными исследователями мы склонны считать, что к XVII в. в кумыкских государственных образованиях сформировались социальные отношения раннефеодального типа, имевшие определенное сходство с социальным строем североевропейских (в том числе и Руси ⁵³) государств XI—XIII вв., но подвергшихся, при этом, существенному влиянию ближневосточных и степных политических традиций. Очевидно, более глубоко процесс феодализации задел Костиковское и Эндиреевское владения, где бийское («вотчинное») землевладение, бесспорно, преобладало. Наоборот, в предгорных государственных образованиях — шамхальстве Тарковском, султанстве Утамышском и ханстве Мехтулинском — княжеское землевладение и землевладение сала-узденей сосуществовали с крупным общинным землевладением ⁵⁴. Промежуточное положение между ними занимало Аксаевское владение, в котором крупное общинное землевладение было представлено только в центре — Аксае, особенно — в его квартале Сабанай-аул ⁵⁵.

Заманчивая для высшего слоя аристократии военно-ленная система, однако, не получила широкого распространения и в легкой форме была представлена лишь в Тарковском шамхальстве и на равнинной террито-

рии соседнего с ним Кайтагского уцмийства, испытавших максимальное влияние Сефевидского Ирана и государства Ширваншахов.

Таким образом, на основе вышеизложенного материала, можно считать допустимым употребление в отношении кумыкских государственных образований определения «феодальный», одновременно оговаривая его имманентные специфические региональные особенности и не претендуя на терминологическую тождественность с синхронно существовавшими феодальными институтами в политическом пространстве Европы.

Примечания

1. МАРКОВА С.П. Понятие «феодализм» в современной исследовательской интерпретации. — Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Вып. I. Майкоп. 2014, с. 53—60.
2. ЕФРЕМОВ В.Я., ЗЯБИН В.В. Феодализм как явление в истории мировых цивилизаций и его характерные черты в формировании древнерусского государства. — Научный вестник ВВИМО. 2016. № 3 (39), с. 134.
3. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Издание 2-е. Т. 25. Ч. 2. М. 1962, с. 357.
4. НУРЕЕВ А.В. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе. — Вопросы экономики. 1990. № 3, с. 47—58.
5. МАГОМЕДОВ Р.М., МАГОМЕДОВ А.Р. История Дагестана. Махачкала. 1994, с. 36.
6. ТАМАЙ А.И. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. — Революционный Восток. М. 1935. № 5 (33), с. 116—137.
7. Там же, с. 136.
8. МАГОМЕДОВ Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала. 1957, с. 164.; ХАШАЕВ Х.-М.О. Феодальные отношения в Дагестане XIX — нач. XX в. Архивные материалы. М. 1969; АЛИЕВ Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII — первая половина XIX в.). Махачкала. 2006.
9. ЮШКОВ С.В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Учебник зап. Свердловского гос. пед. института. Вып. I (исторический). 1938, с. 65—86.
10. Там же, с. 69.
11. Там же.
12. ЛАВРОВ Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л. 1978, с. 26—27; РОБАКИДЗЕ А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — Советская этнография. 1978. № 2, с. 20; ВИНОГРАДОВ В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — Вопросы истории. 1981. № 1, с. 41.
13. ЮШКОВ С.В. Ук. соч., с. 81.
14. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала. 1993, с. 43—44.
15. АЛИЕВ Б.Г., УМАХАНОВ М.-С.К. Дагестан в XV—XVI вв. (Вопросы исторической географии). Махачкала. 2004, с. 51.
16. ЛАВРОВ Л.И. Ук. соч., с. 26—27.
17. АГЛАРОВ М.А. Гражданская община в Дагестане накануне присоединения к России: К вопросу о дальних последствиях террасного земледелия. — Вестник Института ИАЭ. 2008. № 3, с. 58.
18. САИДОВ М.-С.Д. О распространении Абу-муслимом ислама в Дагестане. УЗ ИИЯЛ ДА-ГФАН СССР. Т. II. Махачкала. 1957, с. 51.
19. МАГОМЕДОВ Р.М. Ук. соч., с. 145.
20. Там же, с. 147—148.
21. КУШЕВА Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М. 1963, с. 45.
22. ИДРИСОВ Ю.М. Резиденции шамхалов тарковских: историческая традиция в сравнительном аспекте. — Средневековые тюрко-татарские государства. Казань. 2015. № 7, с. 78—81.

23. Властные институты и должность в Европе в средние века и в раннее Новое время. М. 2011, с. 465—466.
24. КУШЕВА Е. Н. Ук. соч., с. 42, 45.
25. БЕГЕУЛОВ Р. М. К вопросу о взаимоотношениях шамхальства с этнополитическими образованиями Центрального Кавказа (XVI—XVII вв.). В кн.: Эндиреевский владетель Султан-Махмуд Тарковский в истории российско-кавказских взаимоотношений (вторая половина XVI — первая половина XVII в.). Материалы международной конференции, посвященной 460-летию Султан-Махмуда. Махачкала. 2010, с. 284.
26. ИДРИСОВ Ю. М. Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством. В кн.: Крымское историческое обозрение. Казань. 2015, с. 22—29.
27. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы (сост. Р. Г. Маршаев). Махачкала. 1958, с. 267—268.
28. БАРТОЛЬД В. В. Караханиды, сельджуки, кара-китаи и хорезм-шахи. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М. 1963, с. 131.
29. ИДРИСОВ Ю. М. Сословие карачи-беков на Северо-Восточном Кавказе: происхождение и функции. — Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1/2 (2016), с. 75—78.
30. АКБИЕВ А. С. Кумыки. Вторая половина XVII — первая половина XVIII века. Махачкала. 1998, с. 56.
31. АТАЕВ Р. А. Бамматулинское владение в XVII — начале XIX в.: социально-экономическое развитие и политическое положение. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала. 2010, с. 35.
32. БЕЛОКУРОВ С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. I (1578—1613 гг.). М. 1889, с. 292—293.
33. ГАДЖИЕВА С. Ш. Кумыки. Кн. I. Махачкала. 2000, с. 211—212.
34. Там же, с. 210.
35. ЮШКОВ С. В. Ук. соч., с. 80.
36. ИДРИСОВ Ю. М. Первостепенные уздени в системе сословных отношений в феодальных владениях Северо-Восточного Кавказа в XVII—XIX вв. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. Вып. 4—1. 2016, с. 67, 69.
37. ЕГО ЖЕ. Дипломатическая миссия тарковского посла Томулдука в Москве в контексте политики Российского государства на Северо-Восточном Кавказе после Смутного времени. — Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 2—2, с. 49—54.
38. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала. 1957, с. 108.
39. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 105, оп. 1, д. 14, л. 3об., 129 об.; ф. 236, оп. 2, д. 62, л. 24.
40. ШИХАЛИЕВ Д.-М. Кумык. Рассказ Кумыка о кумыках. В кн.: Девлет-Мирза Шихалиев и кавказская этнография. Махачкала. 2015, с. 226.
41. ГУРЕВИЧ А. Я. Избранные труды. В 2-х т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.-СПб. 1999, с. 220.
42. Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. IV. СПб. 1862, с. 14—15.
43. БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. 155.
44. ЦГА РД, ф. 379, оп. 1, д. 12, л. 15, 17; ф. 379, оп. 3, д. 21, л. 60—60об.
45. АКБИЕВ А. С., АБДУСАЛАМОВ М.-П. Б. Аманатство во взаимоотношениях кумыкских феодальных владетелей с Россией в XVII в. — Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов. 2014. Вып. 7 (135), с. 154—160.
46. Властные институты и должность в Европе..., с. 490.
47. ПОРШНЕВ Б. Ф. Феодализм и народные массы. М. 1964, с. 293—294.
48. ГЕРБЕР И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г. В кн.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб. 1760. Июль. Ч. 2, с. 36—37.
49. Дагестанские документы XV—XVII вв. В кн.: Письменные памятники Востока. 1975. М. 1982, с. 4—11.

50. Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (НА ИИАЭ ДНЦ РАН), ф. 3, оп. 3, д. 18, л. 90—91.
51. ВАСИЛЬЕВ Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). В кн.: Альтернативные пути к цивилизации. М. 2000, с. 96—114.
52. КУШЕВА Е. Н. Ук. соч., с. 45.
53. ГОРСКИЙ А. А. О «феодализме» русском и не только. — Средние века. 2008. № 69 (4), с. 12—13.
54. ХАШАЕВ Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М. 1961, с. 213, 219.
55. ЦГА РД, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 61.

Формы развития торговли в Волжской Булгарии в IX — начале XV вв.

Р.М. Валеев

Аннотация. В статье рассмотрены формы развития торговли в Волжской Булгарии в IX — начале XV вв. На их существование и эволюцию оказывали влияние различные факторы, исследованные в данной работе. Формы торговли свидетельствуют о ее преемственности и значительной эволюции в социально-экономической жизни Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Ключевые слова: торговля меновая, торговля посредническая, ярмарки, рынки, договорные бумаги, договора, фактория.

Abstract. The article examines forms of trade development in Volga Bulgaria in IX — beginning of XV centuries. Their existence and evolution was influenced by different factors, studied in this paper. Forms of trade are evidence of its continuity and significant evolution in social and economic life of Volga Bulgaria and the Golden Horde.

Key words: barter trade, intermediate trade, trade fairs, markets, treaty documents, agreements, trading station.

В IX—X вв. на территории Среднего Поволжья и Приуралья складывается одно из крупнейших государственных образований раннего Средневековья Восточной Европы — Волжская Булгария, сыгравшая огромную роль в жизни народов этого региона. В истории Волжской Булгарии выделяются три периода:

1. Раннебулгарский — начинается с прихода болгар на эту территорию в VIII в. до начала X в.;

2. Домонгольский — с X в. и до монгольского нашествия в 1236 г.

3. Золотоордынский — с 1240-х гг. и до начала XV в.

Эти периоды имеют большое значение в истории и этногенезе народов, живущих на территории Волго-Уралья. За это время произошло сложение и развитие самостоятельного болгарского государства, завоевание и включение его в состав Монгольской империи и Золотой Орды (Улуса Джучи), их экономики, культуры, консолидация болгарского и татарско-

Валеев Рафаэль Миргасимович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: valeev_rm@inbox.ru.

Valeev Rafael M. — PhD (History), professor, vice-director of the Institute of International Relations Kazan University. E-mail: valeev_rm@inbox.ru.

го этносов, а также марийского, мордовского, удмуртского, чувашского и других народов этого важного полиэтничного региона России.

Яркой страницей средневековой истории Волго-Камья является период существования государства волжских булгар. Значительная роль в этом играла активная торговая деятельность булгарских купцов. Будучи, по сути, монополистом в товарообмене стран Востока с северными странами и народами, Булгария являлась важным звеном в цепочке крупнейших трансконтинентальных торговых путей Евразии. В этом качестве значение средневолжского региона сохранилось и даже усилилось после монгольских завоеваний, когда территория Булгарского государства вошла в состав Золотой Орды (Улуса Джучи). Каждой из этих периодов имеет не только свою специфику, но и значительные особенности в характере, направлениях и тенденциях развития торговли и товарно-денежных отношений ¹.

Важное место в политике Булгарского и Золотоордынского государств занимало упорядочение времени, места и организации торговли. Письменные источники и археологические материалы довольно скудно освещают этот вопрос и не позволяют дать полную картину организации форм торговли. На развитие форм торговли Волжской Булгарии и Золотой Орды в IX — начале XV вв. значительное влияние оказывал ряд факторов: характер феодального производства — господство натурального хозяйства над простым товарным производством, определенная узость внутреннего рынка и рынков сбыта, строгая регламентация торговли. Были и другие факторы, усложняющие формы развития торговли. К ним мы относим уровень развитости мелкотоварного производства, внутрирегиональной и межрегиональной торговли товарами и продуктами широкого потребления, степень вовлечения городского и сельского населения в товарно-денежные отношения, организацию денежного хозяйства и, конечно же, политическую стабильность в государстве и регионе.

Одной из наиболее ранних форм торговли у булгар стала меновая, когда по мере усиления общественного разделения труда одни виды товаров обменивались на другие. Однако значительное неудобство, возникающее при обмене между племенами, а впоследствии и отдельными лицами, приводит к тому, что в обращение начинает вводиться скот («мал»). Интересно, что «мал» по-татарски означает не только «скот», но и «добро», «имущество» и «достояние». Слово «мал» отчеканено и на монетах предмонгольского времени, и его можно перевести как «деньга» ². У булгар в роли денег выступал скот («мал»). Это подтверждается не только надписями на монетах, чеканенных от имени Насир Лид-Дина, но и фольклорными данными. Татарские пословицы достаточно ясно это показывают: «Мал башы бер акча» (Голова скота одна деньга), «Акча кун ягы белэн килэ, илэк ягы белэн китэ» (Деньги приходят кожаной стороной, чистой стороной уходят), «Акча сезнеке мал безнеке» (Деньги ваши, скот наш), «Акчага эйлэндере булган һәрбер нәрсә — мал» (То, что можно превратить в деньги, — скот), «Акча алма, малын ал» (Не бери деньги, бери скот или достояние) ³.

Меновая форма торговли на территории Булгарии сохраняется и получает значительное распространение в ее торговых связях с соседями, а также в XIII — начале XV вв. с народами Севера. Восточные источники,

начиная с X и до XV вв., красочно описывают эту форму организации торговли с северными народами. Абу Хамид ал-Гарнати пишет: «И приносят с собой товары, и кладет (каждый) купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмена. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары»⁴ Описание меновой торговли есть и у других авторов — Казвини, Марвази, Мубаракшаха Марварруди, Ибн Баттуты и Абул-Фиды. Все они связывают эту форму торговли с булгарами⁵.

Интересно сравнение сообщений Абу Хамида ал-Гарнати (XII в.) и Ибн Баттуты, который побывал в Булгаре в середине XIV в. и даже хотел совершить поездку в «Страны мрака», однако «... уклонился от этого предприятия из-за большой опасности»⁶. Он пишет: «Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него (известное количество) соболей, белок и горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же не доволен им, то оставляет его. Те, то есть жители «Страны мрака», набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товар купцов. Так происходит купля и продажа их»⁷. Следовательно, мы можем отметить, что в XIV в. и в более позднее время такая форма торговли, как «немая», существовала.

Размещение Волжской Булгарии на стыке торговых магистралей определило развитие в конце IX — начале X вв. новых форм торговли, связанных с посреднической ролью этой страны. Организационной формой торговли стали ярмарки, которые располагались недалеко от р. Волги. Ибн Фадлан пишет: «... на этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи»⁸. Ярмарки были постоянным местом торговли, разрешенным государством и подчинявшимся рыночному праву, то есть регламентации уплаты определенной пошлины, мер веса, платежных средств. Близкое расположение ярмарок около Волги или Камы, а с середины X в. — в крупных городах — облегчало их посещение мусульманскими и русскими купцами, которые приезжали надолго (время между навигациями) или на срок одной ярмарки. Известно сообщение Ибн Фадлана о приходе кораблей русов по реке Итиль. Эти ярмарки собирались в традиционных местах, в определенное время и носили сезонный характер, а строительство специальных домов свидетельствует о значительной продолжительности ярмарок.

В конце VIII — начале IX вв., с проникновением куфического дирхема в Булгарию, происходит переход от меновой формы торговли к денежно-вещевой. В первой четверти X в. внутренняя и внешняя торговля сосредоточивается в торгово-ремесленных поселениях и городах. В арабских географических сочинениях внутренняя и особенно посредническая торговля напрямую связывается с городами и их рынками. Ал-Балхи пишет: «Внешний Болгар есть маленький город, не занимающий большого

пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт»⁹. Ибн Хаукаль продолжает эту тему: «Булгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений; известен же он потому, что был гаванью этих государств»¹⁰.

Интересны сообщения Абу Хамида ал-Гарнати (1099—1170 гг.), арабского путешественника и мусульманского миссионера, выходца из Южной Испании (Андалусии), который около 20 лет жил в Саксине (город в Нижнем Поволжье) и оттуда в 1135—1136 гг. и в 1150 г. совершал поездки в Булгар, в 1150 г. — на Русь и в Венгрию, где прожил три года, а затем через Киев, Саксин и Хорезм отправился паломником в Мекку. Последние годы он провел в Багдаде и Мосуле. Его поездки являются достоверным примером международных культурных и торговых связей, которые существовали в XII в. В своем сочинении «Выборка воспоминаний о чудесах стран» он пишет: «Из мест, богатых солью, в низовьях Волги, ее перевозят на судах по этой реке в Булгар»; «... эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль»; «... и на ней находится город, который называется Саджсин, в нем сорок племен гуззов, и у каждого племени — отдельный эмир... А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба — тысячи, не счесть их числа... А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут булгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют «жители Сувара», она тоже многочисленна...»¹¹

К сожалению, отсутствие источников не позволяет нам нарисовать облик городского рынка. Но приведенное выше сообщение Ибн Фадлана подтверждает, что в качестве торговых помещений служили деревянные дома, которые сооружались купцами и местными торговцами. Рядом с рынком располагались и мастерские, ибо неполное отделение торговых функций от ремесленных было характерно для рассматриваемого периода, т.е. в одном лице зачастую соединялись и ремесленник, и купец. Так на раскопках мастерской постройки № 8 на XXIII раскопе Билярского городища столицы Волжской Булгарии домонгольского периода с ремесленными изделиями были найдены пять гирек-разновесов и чашки от весов, что подтверждает мнение об использовании этой мастерской в качестве торговой лавки. Интересным в этом плане является и здание городского базара в г. Болгаре — столице Волжской Булгарии в X—XI вв. и Золотой Орды в 40—60-е гг. XIII в. Это здание раскапывалось на протяжении ряда лет археологами М. Д. Полубояриновой (1989 г.) Г. Ф. Поляковой (1990—1991 гг.), В. С. Барановым (2011—2012 гг.), В. Ю. Ковалем, Д. Ю. Бадеевым (2012—2017 гг.). Здание на белокаменном фундаменте было окружено кирпичной стеной. По значительному количеству нумизматического материала и торгового инвентаря видно, что базар существовал в 1340—1370 гг. Разрушение сопровождалось сильным пожаром, после которого стены здания были разобраны до основания¹².

Соединение торговых и ремесленных функций отразилось на форме организации внутренней торговли. С появлением денег как средства обращения важной формой торговли в Булгарии стало подписание договоров бумаг, которыми закрепляли куплю-продажу, о чем сообщается

в поэме «Кысса-и-Йусуф»: «Признал, — Малик сказал, — я правду ваших слов и вашего раба купить у вас готов. Беру я вместе с ним груз трех его грехов. Бумагой бы скрепить нам договор теперь!» И братья не пошли ему наперекор, согласие дав писать бумагу-договор. Они тот договор стали скреплять теперь... И были там слова: «Мы все согласны в том, чтобы навеки в плен продать его рабом. Писали договор мы все вдесятером. И вот раба тебе вручаем мы теперь»¹³.

Развитие ремесленных производств и внешняя торговля во многом способствовали росту купечества как особой социальной группы и расширению товарно-денежных отношений. На рынке происходило слияние ассортимента внешней и внутренней торговли. Но каждый из них имел свою специфику. Здесь выделяются две формы, отличающиеся друг от друга ассортиментом продаваемых товаров и протяженностью дорог. Так, во внутренней торговле разнообразнее были представлены предметы повседневного спроса: ремесленные изделия, продукты сельского хозяйства. Это была локальная торговля, которая развивалась прежде всего между городом и деревней и имела бытовое повседневное значение, так как продавались изделия ремесла — ювелирные украшения, орудия труда, хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Эта торговля происходила в городах Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья, на их рынках, на ярмарках. Выше мы отмечали, что в этот период торговля ремесленными изделиями осуществлялась и в самих мастерских, и они не всегда располагались только на рынке. Торговые точки в мастерских, в зависимости от их специализации, по всей видимости, были и на улицах городов. Так, в Биляре имелись районы металлургов, гончаров, ювелиров. В них осуществлялись не только производство, но и продажа изготавливаемых изделий. Даже в центре города были мастерские ремесленников. Такая тенденция характерна и для Булгара, Джукетау и других крупных и средних городов Поволжско-Уральского региона Золотой Орды.

Обмен между городом и деревней был также одним из главных компонентов региональной торговли. Она связывала дальние города с деревнями, волжских булгар с соседями, Среднее Поволжье с Нижним, оседлые районы с кочевой степью в пределах Золотой Орды. В результате этих связей поступали разнообразные товары не только внутренней, но и внешней торговли.

Важной формой организации торговли Булгарии были торговые фактории. Они создавались булгарами для торговли с соседями. Это — Мари-Луговское селище, Круишинское поселение, Рождественское и др. Торговые фактории восточных и русских купцов создавались в крупных городах Волжской Булгарии и Золотой Орды, где они жили, хранили и сбывали товары, прибывающие из своих стран с караванами и судами, то есть обслуживали потребности внутренней торговли. Так, по сообщению Ибн Фадлана, в Булгаре в начале X в. жили выходцы из Индии (Синда)¹⁴. Ибн Хаукаль пишет о частом проникновении хорезмийцев в Булгар¹⁵. Археологические раскопки А.П. Смирнова показывают, что в Булгаре существовала армянская торговая колония¹⁶. Об этом же по другим источникам упоминает Л.М. Меликсет-Бек¹⁷. В.В. Бартольд считает, что в 852 г. бежавшие от арабов армяне обратились с просьбой о помощи к хазарам и волжским булгарам¹⁸.

Археологические материалы с Билярского городища также подтверждают пребывание в столице русских купцов, ремесленников и священников¹⁹. Летописи сообщают, что в 1229 г. в Биляре был убит знатный христианин Авраамий и «... христьяне же, взявшие тело его и положища в гроб на месте, иде же и прочих христиан погребяху в земли Болгарстеи»²⁰. В свою очередь, в русских городах — Рязани, Суздале, Владимире и др. создавались болгарские торговые колонии. В Договоре 1006 года специально оговорено, что «... Болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить все потребно»²¹. Археологические материалы показывают широкое распространение болгарских изделий на территории Руси. Торговая фактория болгарских купцов существовала и в городе Саксин, о чем сообщает ал-Гарнати²². В средневожские города домонгольского и золотоордынского периодов приезжали и торговали купцы из стран мусульманского Востока — Средней Азии, Ирана, Египта, Кавказа, из Западной Европы — Венеции, Италии, Генуи, с Дальнего Востока, из Китая, Руси и других стран, с которыми были интенсивные торговые связи. В свою очередь, купцы Улуса Джучи ездили торговать в эти страны.

Внешняя торговля требовала регламентации, особенно в спорных случаях, в связи с чем появились торговые договоры. Русские летописи сообщают нам о заключении нескольких договоров между Волжской Булгарией и Русью. Это договоры 985, 1006 и 1229 гг., которые определяли правовую защиту пребывания болгар по торговым делам на Руси и наоборот, а также различные для них привилегии. Эти договоры действовали весь домонгольский период, и в Булгарии в IX — начале XIII вв. шел активный процесс формирования внутренней и внешней торговли. Письменные источники сообщают также о заключении Золотой Орды договоров с Египтом²³.

Развитие форм торговли на территории Волжской Булгарии в домонгольский и золотоордынский периоды тесно связано и с тем, что эта территория находилась на пересечении важных торговых путей Евразии периода Средневековья — Великого Шелкового, Волжского, пушного путей²⁴. Эти трансконтинентальные магистрали стали важным фактором, стимулировавшим эволюцию форм торговли, участие в импортно-экспортных операциях.

Определяющую роль для этого региона сыграл Волго-Урало-Сибирский коридор, который активно стимулировал развитие производительных сил, вытеснение этнических предпочтений в товарах, совершенствование гибких элементов разнообразных культур и формировал многообразие этносов и культур.

Итак, выделенные в данной статье формы развития торговли Волго-Урала свидетельствуют о ее преемственности и значительной эволюции в социально-экономической жизни Булгарии и Золотой Орды. Торговля стала важным механизмом регулирования и поиска оптимального соотношения между натуральным хозяйством и простым товарным производством эпохи Средневековья. В течение рассматриваемого времени раскрылись ведущие тенденции, черты и особенности торговли и рынка Булгарии и Золотой Орды. Являясь частью Восточной Европы и Азии, Булгария и Золотая Орда были включены в общие экономические про-

цессы средневековой Евразии. Во многом благодаря торговле и международным торговым путям стало возможным создание предпосылок для формирования прообраза единого экономического пространства на огромных территориях Евразии.

Примечания

1. ВАЛЕЕВ Р.М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX — начало XV вв.). Казань. 2007.
2. МУХАМАДИЕВ А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань. 1990, с. 135.
3. ИСАНБЕТ Н. Татар халык макальлэре. (Татарские народные пословицы). Казан. 1967, с. 141—151.
4. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) (публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта). М. 1971, с. 32.
5. ЗАХОДЕР Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М. 1967, с. 63—65.
6. Ибн Баттута. М. 1974, с. 42.
7. ЗАХОДЕР Б.Н. Ук. соч., с. 63—65.
8. КОВАЛЕВСКИЙ А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956, с. 138.
9. ХВОЛЬСОН Д.А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн Даста. СПб. 1870, с. 82.
10. ГАРКАВИ А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с пол. VII в. до конца X в.). СПб. 1870, с. 218—219.
11. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.), с. 30, 33, 106.
12. КОВАЛЬ В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре. — Поволжская археология. 2013. № 4, с. 9—33.
13. КУЛ ГАЛИ. Сказание о Йусуфе. Казань. 1985, с. 67.
14. КОВАЛЕВСКИЙ А.П. Ук. соч., с. 137.
15. ГАРКАВИ А.Я. Ук. соч., с. 279.
16. СМИРНОВ А.П. Волжские булгары. — Тр. Гос. ист. музея. Вып. 19. М. 1951, с. 25.
17. МЕЛИКСЕТ-БЕК Л.М. Древняя Русь и Армения. — Тр. Ин-та яз. и лит. им. Н.Я. Марра АН Арм. ССР. Ереван. 1946, с. 137—142.
18. БАРТОЛЬД В.В. Арабские сведения о руссах. Сочинения в 9 т. Т. 2. Ч. 1. М. 1963, с. 818.
19. Волжская Булгария и Русь (под ред. А.Х. Халикова). Казань. 1986, с. 15—16, 97—112.
20. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М. 1965, с. 124.
21. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Кн. 1—2. СПб. 1851, с. 69.
22. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., с. 27.
23. ЗАКИРОВ С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.) (отв. ред. В.А. Ромодин). М. 1966.
24. ВАЛЕЕВ Р.М., СИТДИКОВ А.Г., ХАЙРУТДИНОВ Р.Р. Трансграничные коридоры северного направления Шелкового пути. В кн.: Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных и гуманитарных наук. Самарканд. 2017, с. 59—62.

Культурная стратиграфия поселения эпохи бронзы Олаир в Башкирском Зауралье

И. И. Бахшиев

Аннотация. В основу статьи положены наблюдения за стратиграфией культурных напластований одного из опорных памятников эпохи бронзы Башкирского Зауралья — поселения Олаир. Применение методов математической статистики при анализе особенностей распределения керамики в культурном слое памятника позволило определить общую последовательность заселения площадки поселения. На основании полученных данных о степени взаимовстречаемости различных культурных групп керамики, делается вывод о единовременном отложении в культурном слое поселения керамики алакульского, развитого этапа срубного, срубно-алакульского, Фёдоровско-черкаскульского и раннеалакульского типов.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Южный Урал, поселение, культурная стратиграфия.

Abstract. The article is based on observations of the cultural stratigraphy of Olair settlement, one of the most important sites in Bashkir Transurals in Late Bronze Age. Application of methods of mathematical statistics in the analyses of distribution of ceramics in cultural stratum of the site allowed to determine the general sequence of settling the platform of the settlement. There is a conclusion about the contemporaneous accretion of ceramics of Alacul, developed stage of Srubna, Srubna-Alacul, Alacul, Fedor-Chercaskul and Early Alacul types in cultural stratum which is based on the obtained data of mutually occurrence of various cultural groups of ceramics.

Key words: Late Bronze Age, Southern Urals, settlement, cultural stratigraphy.

Поселение Олаир — один из немногих поселенческих памятников эпохи бронзы на территории зауральской Башкирии, материалы которого были достаточно полно и оперативно введены в научный оборот ¹. Несмотря на то, что в опубликованной монографии авторы постарались максимально полно охарактеризовать артефактный набор и его археологический контекст, чрезвычайная насыщенность слоя и неоднородность керамической серии позволяют вновь обратиться к материалам этого памятника ².

Бахшиев Илшат Интизам оглы — кандидат исторических наук, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: ibahsh@gmail.com.

Bakhshiev Ilshat I. — candidate of historical science, head of Department of the archaeological heritage of South Ural R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies — Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ibahsh@gmail.com.

Поселение располагалось на первой надпойменной террасе левого берега р. Большой Бузавлык, у подножья холмистой гряды, в 3 км к юго-востоку от с. Матраево Зилаирского района Республики Башкортостан. На поверхности было зафиксировано 10 жилищных впадин, расположенных в ряд вдоль береговой линии. В 2005 г. на памятнике был заложен один раскоп общей площадью 360 кв. м, в пределах которого выявлены следы трех наземных построек каркасно-столбового типа. Аналогичные постройки зафиксированы и на других поселениях региона: Таналык, Оло Хаз, Бузавлык-3, Тавлыкаевское и Улак-1³.

Всего на исследованной площади обнаружено 6322 фрагмента керамики от 2480 сосудов. Выборка, позволяющая охарактеризовать основные морфологические признаки сосудов, составила 217 сосудов (8,7% от общего количества выделенных сосудов). В ходе анализа керамического материала было выделено 13 основных культурных групп (КГ), пять из которых (83% от всей серии) относятся к срубно-алакульскому комплексу, включающему как ранний, так и развитый этапы. Сюда же отнесена наиболее многочисленная КГ — синкретическая керамика срубно-алакульского типа, составляющая 28% от общей выборки.

Высокая насыщенность фрагментами глиняной посуды фиксируется на 2-х — 3-х горизонтах, в которых обнаружено 34% от всей анализируемой керамики памятника (табл. 1—1а).

Таблица 1.

Поселение Олаир. Соотношение КГ керамики по горизонтам (абс. показатели)

гор./КГ	АI	БI	ВI	ГI	ДI	АII	БII	ВII	АIII	АIV	Итого:
1	5	0	1	1	0	0	6	0	0	0	13
2	23	4	3	0	1	18	21	2	1	2	75
3	18	5	5	0	2	11	27	4	3	1	76
4	4	9	0	0	1	11	7	1	0	3	36
5	2	1	0	1	0	1	1	1	1	0	8
кол. 2	«-»	«-»	1	«-»	«-»	«-»	1	«-»	«-»	«-»	2
кол. 3	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	2	«-»	«-»	«-»	2	4
кол. 4	3	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	3
Всего:	55	19	10	2	4	43	63	8	5	8	217

Таблица 1а.

Поселение Олаир. Соотношение КГ керамики по горизонтам (%)

гор./КГ	КК I					КК II			КК III	КК IV
	АI	БI	ВI	ГI	ДI	АII	БII	ВII	АIII	АIV
1	38,4	0,0	7,7	7,7	0,0	0,0	46,1	0,0	0,0	0,0
2	29,8	5,2	3,9	0,0	1,3	23,3	27,2	2,6	1,3	2,6
3	23,3	6,5	6,5	0,0	2,6	14,3	35,0	5,2	3,9	1,3
4	10,8	24,3	0,0	0,0	2,7	29,7	18,9	2,7	0,0	8,1
5	15,4	7,7	0,0	7,7	0,0	7,7	7,7	7,7	7,7	0,0

Список сокращений: КГ — культурная группа; АI — алакульская КГ; АII — срубная КГ (развитый этап); АIV — «желобчатая» керамика; АIII — синташтинско-абашевская; БI — раннеалакульская КГ; БII — срубно-алакульская КГ; ВI — фелоровско-черкаскульская КГ; ВII — раннесрубная КГ; ГI — кожумбердынская КГ; ДI — бишкульская КГ.

Наиболее представительными сериями являются сосуды алакульской, срубной и срубно-алакульской КГ, составляющие более 71% от всех информативных сосудов поселения Олаир. Фрагменты сосудов, указанных КГ встречались в совместном залегании по всей глубине культурного слоя. Основная их масса, как и весь выявленный археологический материал, обнаруживалась на 2-х — 3-х горизонтах. На уровне 4-х — 5-х горизонтов количество сосудов, рассматриваемых КГ, относительно верхних слоев значительно уменьшается. Исключением следует считать сохранение высоких количественных показателей на 4-м горизонте у керамики развитого этапа срубной культуры и увеличение доли раннеалакульских сосудов. Особенность распределения керамики по слоям на территории раскопа заключается в том, что оставшиеся КГ также встречаются в едином слое со срубной, алакульской и срубно-алакульской керамикой. Тем самым, можно уверенно говорить об относительно единовременном формировании слоя памятника, причем в достаточно поликультурной среде. Если для сосудов позднебронзового века — Фёдоровско-черкаскульская, кожумбердынская, бишкульская, «желобчатая» КГ — синхронизация со срубно-алакульским комплексом подтверждается материалами других погребальных и поселенческих памятников Южного Урала, то распределение ранней керамики и залегание ее на различной глубине, объясняется механическим воздействием на культурный слой, вызванным естественными причинами (возможно влияние землеройных животных)⁴, а также ведением различного рода хозяйственной деятельности древним населением. Вероятнее всего, эти обе причины в различной степени и вызвали наблюдаемую ситуацию (рис. 1—2).

Поселение Олаир. Суммарное соотношение КГ керамики

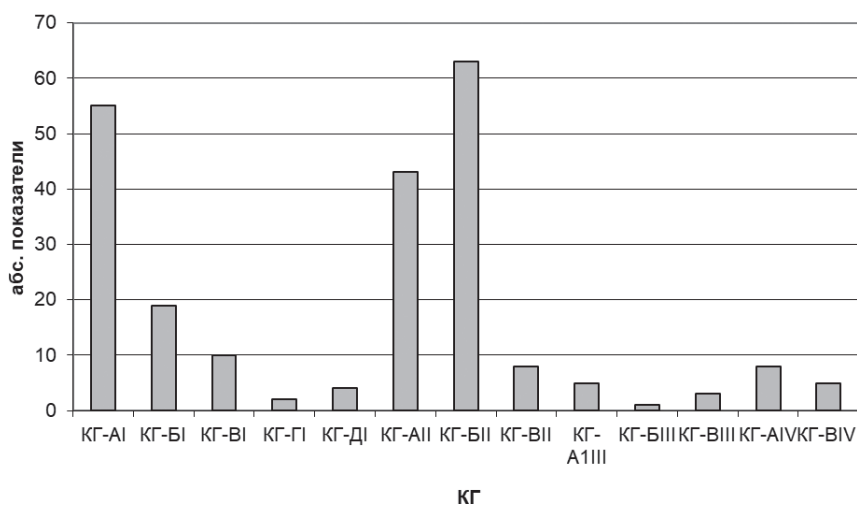

Рис. 1. Поселение Олаир.
Суммарное соотношение КГ керамики

Поселение Олаир.
Стратиграфическое соотношение КГ керамики

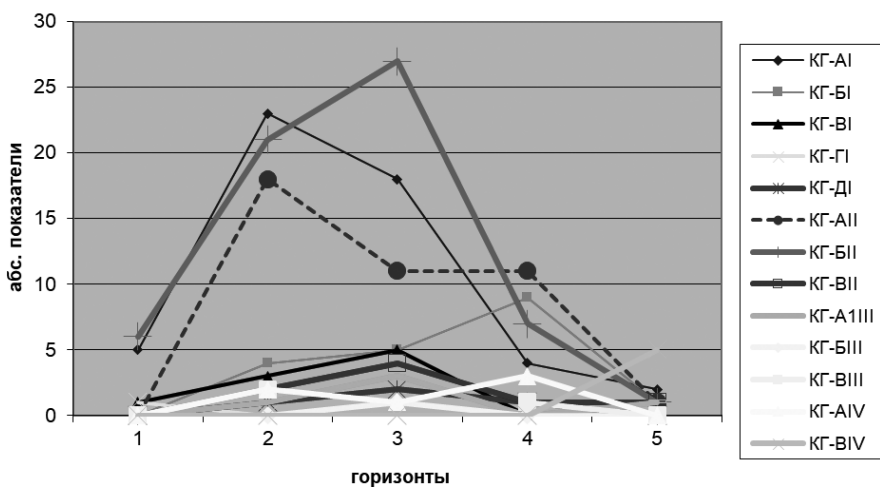

Рис. 2. Поселение Олаир.
Стратиграфическое распределение КГ керамики

Вместе с тем, статистический анализ позволил определить закономерность связи основных КГ керамики. Наибольшим коэффициентом взаимовстречаемости обладают алакульские, срубные и срубно-алакульские сосуды. Самые частые и стабильные показатели связи, фиксируемые практически на всех условных горизонтах, наблюдаются у алакульской и срубно-алакульской керамики ($K=107,4$). Выраженные связи этих КГ фиксируются на первом ($K=38,4$), втором ($K=27,2$) и третьем ($K=23,3$) горизонтах.

Связь срубной и срубно-алакульской КГ значительно меньше и составляет 64,2. Причем наиболее явные показатели взаимовстречаемости наблюдаются на втором горизонте ($K=23,3$). Несмотря на это, полученные статистические данные позволяют уверенно констатировать факт их одновременного отложения в культурном слое поселения. Взаимовстречаемость «чистых» срубных и алакульских сосудов — 56,1, то есть чуть меньше, чем их связь по отдельности с синкретической керамикой. При этом наибольший показатель этой связи фиксируется на втором горизонте ($K=23,3$), тогда как взаимосвязь со срубно-алакульской керамикой у этих КГ достаточно четко прослеживается на 1-м — 4-м горизонтах. Общий коэффициент силы связи срубной, срубно-алакульской и алакульской КГ самый высокий на поселении и составляет 75,9.

Все рассматриваемые выше КГ керамики показывают высокую степень связи с раннеалакульскими сосудами. Коэффициенты их взаимовстречаемости в культурном слое располагаются в пределах 30,2—43,7. Наибольшая же степень связи фиксируется на уровне четвертого горизонта, что объясняется увеличением доли раннеалакульской керамики на этом горизонте, при одновременном уменьшении количества керамики других КГ. Общий коэффициент взаимовстречаемости срубной, срубно-алакульской и алакульской КГ с раннеалакульской — 37,7.

Фёдоровско-черкаскульская керамика тяготеет к верхним 1-му — 3-му горизонтам, а наиболее высокий коэффициент связи имеет с алакульской и срубно-алакульской КГ (K=18,1). Менее явной выглядит связь с раннеалакульской и срубной КГ (K=10,4). Во всех случаях керамика Фёдоровско-черкаскульской КГ приурочена к 1-му — 3-му горизонтам (табл. 2—2а).

Таблица 2.

Поселение Олаир. Показатели КАБ по совокупностям КГ керамики

КГ	АI	БI	ВI	ГI	ДI	АII	БII	ВII	АIII	АIV
АI		30,2	18,1	15,4	6,6	56,1	107,4	18,2	12,9	12,0
БI	30,2		10,4	7,7	6,6	43,7	38,3	18,2	12,9	12,0
ВI	18,1	10,4		7,7	3,9	10,4	18,1	7,8	5,2	3,9
ГI	15,4	7,7	7,7		0,0	7,7	15,4	7,7	7,7	0,0
ДI	6,6	6,6	3,9	0,0		6,6	6,6	6,6	3,9	5,3
АII	56,1	43,7	10,4	7,7	6,6		64,2	18,2	12,9	12,0
БII	107,4	38,3	18,1	15,4	6,6	64,2		18,2	12,9	12,0
ВII	18,2	18,2	7,8	7,7	6,6	18,2	18,2		12,9	6,6
АIII	12,9	12,9	5,2	7,7	3,9	12,9	12,9	12,9		2,6
АIV	12,0	12,0	3,9	0,0	5,3	12,0	12,0	6,6	2,6	

Таблица 2а.

**Поселение Олаир. КАБ связи КГ (по горизонтам)
по совокупностям КГ керамики**

	АI-БI	АI-ВI	АI-ГI	АI-ДI	АI-АII	АI-БII	АI-ВII	АI-АIII	АI-АIV
1	0,0	7,7	7,7	0,0	0,0	38,4	0,0	0,0	0,0
2	5,2	3,9	0,0	1,3	23,3	27,2	2,6	1,3	2,6
3	6,5	6,5	0,0	2,6	14,3	23,3	5,2	3,9	1,3
4	10,8	0,0	0,0	2,7	10,8	10,8	2,7	0,0	8,1
5	7,7	0,0	7,7	0,0	7,7	7,7	7,7	7,7	0,0
КАБ	30,2	18,1	15,4	6,6	56,1	107,4	18,2	12,9	12,0
АСБ	6,0	3,6	3,0	1,3	11,2	21,5	3,6	2,6	2,4
	БI-ВI	БI-ГI	БI-ДI	БI-АII	БI-БII	БI-ВII	БI-АIII	БI-АIV	
1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
2	3,9	0,0	1,3	5,2	5,2	2,6	1,3	2,6	
3	6,5	0,0	2,6	6,5	6,5	5,2	3,9	1,3	
4	0,0	0,0	2,7	24,3	18,9	2,7	0,0	8,1	
5	0,0	7,7	0,0	7,7	7,7	7,7	7,7	0,0	
КАБ	10,4	7,7	6,6	43,7	38,3	18,2	12,9	12,0	
АСБ	2,1	1,5	1,3	8,7	7,6	3,6	2,6	2,4	

	ВІ-ГІ	ВІ-ДІ	ВІ-АІІ	ВІ-ВІІ	ВІ-ВІІ	ВІ-АІІІ	ВІ-АІV
1	7,7	0,0	0,0	7,7	0,0	0,0	0,0
2	0,0	1,3	3,9	3,9	2,6	1,3	2,6
3	0,0	2,6	6,5	6,5	5,2	3,9	1,3
4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
КАБ	7,7	3,9	10,4	18,1	7,8	5,2	3,9
АСБ	1,5	0,8	2,1	3,6	1,5	1,0	0,8
	ГІ-ДІ	ГІ-АІІ	ГІ-ВІІ	ГІ-ВІІ	ГІ-АІІІ	ГІ-АІV	
1	0,0	0,0	7,7	0,0	0,0	0,0	
2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	
5	0,0	7,7	7,7	7,7	7,7	0,0	
КАБ	0,0	7,7	15,4	7,7	7,7	0,0	
АСБ	0,0	1,5	3,1	1,5	1,5	0,0	
	ДІ-АІІ	ДІ-ВІІ	ДІ-ВІІ	ДІ-АІІІ	ДІ-АІV		
1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0		
2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,3		
3	2,6	2,6	2,6	2,6	1,3		
4	2,7	2,7	2,7	0,0	2,7		
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0		
КАБ	6,6	6,6	6,6	3,9	5,3		
АСБ	1,3	1,3	1,3	0,8	1,0		
	АІІ-ВІІ	АІІ-ВІІ	АІІ-АІІІ	АІІ-АІV			
1	0,0	0,0	0,0	0,0			
2	23,3	2,6	1,3	2,6			
3	14,3	5,2	3,9	1,3			
4	18,9	2,7	0,0	8,1			
5	7,7	7,7	7,7	0,0			
КАБ	64,2	18,2	12,9	12,0			
АСБ	12,8	3,6	2,6	2,4			

	БП- ВП	БП- А1Ш	БП- АIV
1	0,0	0,0	0,0
2	2,6	1,3	2,6
3	5,2	3,9	1,3
4	2,7	0,0	8,1
5	7,7	7,7	0,0
КАБ	18,2	12,9	12,0
АСБ	3,6	2,6	2,4
	ВП- А1Ш	ВП- АIV	
1	0,0	0,0	
2	1,3	2,6	
3	3,9	1,3	
4	0,0	2,7	
5	7,7	0,0	
КАБ	12,9	6,6	
АСБ	2,6	1,3	
	А1Ш- АIV		
1	0,0		
2	1,3		
3	1,3		
4	0,0		
5	0,0		
КАБ	2,6		
АСБ	0,5		

Несмотря на то, что керамика памятника относится к разным культурным традициям, статистические данные достаточно определенно выделяют как основной — срубно-алакульский керамический комплекс. При выраженности «чистых» алакульских и срубных КГ их прямая взаимосвязь значительно меньше, чем со срубно-алакульской КГ. Явное инокультурное включение в срубно-алакульских массив связывается с Фёдоровско-черкаскульским населением, время появления которого на памятнике установить сложно. Определенно можно утверждать лишь о одновременном существовании на каком-то этапе функционирования поселения Фёдоровско-черкаскульского, срубно-алакульского, алакульского и возможно срубного населения.

При изучении культурной стратиграфии поселения зафиксировано 2 определенных, 4 сильные и 18 альтернативных связи. Полученные данные допускают выводы гипотетического характера о взаимодействии на

памятнике носителей различных культурных традиций друг с другом. Так Z-связь (альтернативная связь) показывают следующую последовательность: алакульская — Фёдоровско-черкаскульская — кожумбердынская — желобчатая — срубно-алакульская — срубная — раннесрубная — раннеалакульская — синташтинско-абашевская КГ. Анализ явных связей позволит определить достоверные схемы сосуществования КГ и значительно сократить их число. Y-связи (сильные связи) характеризуются следующим набором: алакульская — срубная — срубно-алакульская — раннеалакульская. Точные X-связи (определенные связи) определяют сосуществование алакульской — срубно-алакульской — срубной традиций на определенном этапе функционирования поселения (рис. 3; табл. 3).

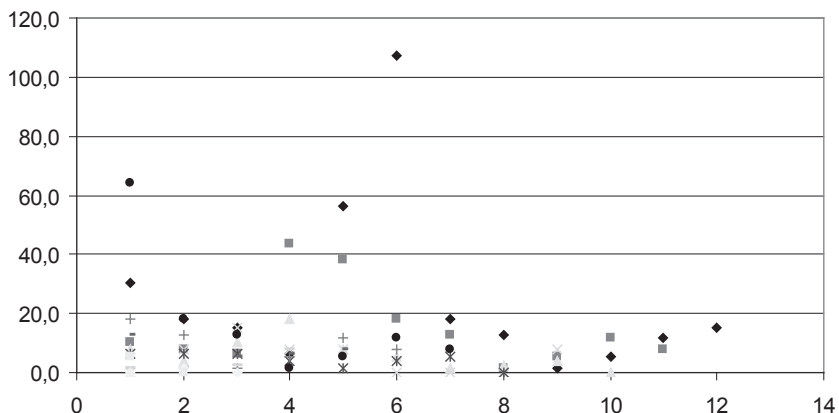

Рис. 3. Пространственное распределение КАБ КГ керамики

Таблица 3.

Поселение Олаир. Группировка связей КГ. X — определенная связь; Y — сильная связь; Z — альтернативная связь; ПЗ — пороговое значение

Абс. знач.	Характер связи
max.	107,4
60; ∞	X-связь
20;60	Y-связь
0;20	Z-связь
min. (ПЗ)	10,7

Узел связи	Характер связи		
	X	Y	Z
AI-BII	«+»		
API-BII	«+»		
AI-BI		«+»	
AI-API		«+»	
BI-API		«+»	
BI-BII		«+»	
AI-BI			«+»

Узел связи	Характер связи		
AI-ГI			«+»
AI-BII			«+»
AI-AIIII			«+»
AI-AIV			«+»
AI-BIV			«+»
BI-BII			«+»
BI-AIIII			«+»
BI-AIV			«+»
VI-BII			«+»
ГI-BII			«+»
AII-BII			«+»
AII-AIIII			«+»
AII-AIV			«+»
BII-BII			«+»
BII-AIIII			«+»
BII-AIV			«+»
VII-AIIII			«+»
Всего:	2	4	18
Итого:	24		

Таким образом, совокупный анализ всех имеющихся данных позволяет определить основные этапы формирования культурного слоя поселения Олаир: раннеалакульская КГ, с сосуществованием в какой-то период времени с алакульской, срубно-алакульской и срубной КГ. Далее: появление немногочисленной Фёдоровско-черкаскульской керамики, залегающей в массиве срубно-алакульского слоя, без выраженных связей с раннеалакульской КГ. Вопрос о появлении на памятнике оставшихся КГ керамики ввиду их малочисленности не может быть решен однозначно.

Несмотря на культурное многообразие керамического комплекса, основу его составили сосуды алакульской и срубной КГ. Преобладание керамики смешанного срубно-алакульского типа свидетельствует о плотных контактах носителей этих двух гончарных традиций. Выделенные условные этапы формирования культурного состава поселения, анализ стратиграфического и планиграфического распределения керамики, а также ее насыщенности, создает впечатление стихийности образования культурных напластований. Вероятно, в определенное время поселение оказалось востребованным разнокультурными группами населения региона. На это указывают крупные размеры памятника и остатки металлообрабатывающего производства. По-видимому, последнее и оказало стимулирующее воздействие на развитие поселения.

Примечания

Работа осуществлена в рамках выполнения государственного задания по теме «Внутренние и внешние факторы культурогенеза населения Южного Урала (от эпохи палеометалла к Новому времени)», № АААА-А18—118041290046—0.

1. СУНГАТОВ Ф.А., БАХШИЕВ И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа. 2008.
2. См. напр.: МУХАМЕТДИНОВ В.И. К проблеме срубно-алакульских контактов (по данным изучения орнаментальных традиций керамики поселения Олаир в Зауралье). — Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26), с. 34—40; УСАЧУК А.Н., БАХШИЕВ И.И. Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья. — Археология евразийских степей. 2019. № 2, с. 10—37.
3. МОРОЗОВ Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры. В кн.: Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа. 1983, с. 19—40; БАХШИЕВ И.И. Поселения эпохи бронзы Башкирского Зауралья. В кн.: Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12—14 мая 2014 года. Самара. 2014, с. 11—24; БАХШИЕВ И.И., НОСКЕВИЧ В.В., НАСРЕТДИНОВ Р.Р. Геофизические и дистанционные исследования укрепленного поселения эпохи бронзы Улак-1 в Башкирском Зауралье: соотношение полученных данных с результатами археологических раскопок. — Поволжская археология. 2018. № 3 (25), с. 30—44.
4. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ А.Л. Зоотурбации и эволюция почв. — Проблемы эволюции почв: материалы IV Всероссийской конференции. Пушкино. 2003, с. 77—83.

Ликвидация советского присутствия в Шанхае 1927—1928 гг.

Чжоу Гочан, Сунь Ичжи

Аннотация. Статья посвящена ликвидации советского присутствия в Шанхае после Инцидента 12 апреля 1927 г. во время завершающего этапа Северного похода Чан Кайши. Авторами выделены два периода ликвидационной активности: 1) с Инцидента 12 апреля до Кантонского восстания; 2) с Кантонского восстания до четвертого заседания Временного комитета по вопросам коммерческих организаций Советской России в Шанхае. Проанализированы «дела Дальбанка (I и II)», «дела Центросоюза (I и II)» и «дело Текстильного синдиката».

Ключевые слова: Чан Кайши, СССР, Гоминьдан, Шанхай, Инцидент 12 апреля 1927 г.

Abstract. The article is devoted to the liquidation of the Soviet presence in Shanghai after the April 12 Incident in 1927 during the final stage of Chiang Kai-shek's Northern Expedition. The authors identified two periods of liquidation activity: 1) from the eve of the April 12 Incident to the Guangzhou Uprising; 2) from the Guangzhou Uprising to the fourth meeting of the Provisional Committee for Dealing with Commercial Organizations of Soviet Russia in Shanghai. The authors analyzed "Dalbank's Cases (I and II)", "Tsentrosoyuz's Cases (I and II)" and "The Textile Syndicate's Case".

Key words: Chiang Kai-shek, USSR, Kuomintang, Shanghai, April 12 Incident.

Эпоха «Великой революции» (中國大革命) является одной из самых ярких в истории Китая первой половины XX века. Она началась с Движения 30 мая (五卅運動)¹, а завершилась Северным походом Чан Кайши и его репрессиями в отношении Коммунистической партии Китая (КПК).

Шанхай, будучи крупнейшим финансовым центром тогдашнего Китая и одним из главных мегаполисов мира, стал центром Великой революции. В конце революции, после победоносного Третьего вооруженного восстания шанхайских рабочих против милитаристов в марте 1927 г., было образовано Временное правительство г. Шанхая (上海市臨時政府) и проведен Съезд городских депутатов (市民代表大會), более половины

Чжоу Гочан — PhD, младший научный сотрудник, Институт исследования России, Восточной Европы и Средней Азии. Китайская академия общественных наук. Пекин. E-mail: zgq1232003@163.com; Сунь Ичжи — независимый исследователь. Шанхай. E-mail: yizhisun961203@gmail.com.

Zhou Guochang — PhD, assistant researcher, Institute of Russian, Eastern European & Central Asian Studies. Chinese Academy of Social Sciences. Beijing. E-mail: zgq1232003@163.com; Sun Yizhi — independent researcher. Shanghai. E-mail: yizhisun961203@gmail.com.

участников которого составляли рабочие ². Вся китайская часть Шанхая стала подконтрольной рабочим, и, казалось, победа Великой революции не за горами. Однако правые силы внутри Гоминьдана во главе с Чан Кайши решили окончательно порвать с СССР и во второй половине марта — первой половине апреля подготовили кровавый переворот в Шанхае ³. При участии Зеленой и Красной банд (青幫紅幫) ⁴ 12 апреля 1927 г. под руководством Чан Кайши в Шанхае произошла знаменитая антикоммунистическая «резня», которую в историографии обычно именуют антиреволюционным Инцидентом 12 апреля (四一二反革命政變). На следующий день армия стреляла из пулеметов по 100-тысячной толпе ⁵. Великая революция была сорвана, началась эпоха «белого террора» под управлением Чан Кайши.

После так называемого Кантонского восстания 1927 г. (廣州起義) ⁶ и краха Великой революции отношения Чан Кайши с СССР окончательно испортились. Дипломатические связи между двумя странами были разорваны, последовали массовые закрытия советских дипломатических и коммерческих организаций.

В связи с переходом Чан Кайши на антикоммунистические позиции и ухудшением китайско-советских отношений в Шанхае начался процесс ликвидации советского присутствия, который условно можно разделить на два этапа. На первом этапе — накануне Инцидента 12 апреля до Кантонского восстания конца 1927 г. — официальные отношения между Китаем и СССР еще сохранялись, ликвидационный процесс не носил массового характера. На втором — после Кантонского восстания, когда во всем Китае шла ликвидация советского присутствия, — процесс приобрел систематический и массовый характер.

Сведения о ликвидации советского присутствия в Шанхае 1927—1928 гг. в историографии отрывочны. Эти события вкратце освещены лишь в общих работах по истории советско-китайских отношений, где историки в качестве основной источниковой базы использовали мемуары и газетные репортажи того времени.

В настоящей статье авторы предприняли попытку детально рассмотреть ликвидационный процесс советского присутствия в Шанхае, используя архивные материалы из нескольких архивных хранилищ и сборников документов, в том числе из Шанхайского муниципального архива (上海档案馆 — Shanghai Municipal Archives), Академии Хисторика (台灣國史館 — Academia Historica, Тайвань, КНР), Архива Института Новой истории Академии Синика (中央研究院近代史研究所檔案館, Тайвань, КНР), коллекции полиции Международного сэттльмента (上海公共租界工部局警務處檔案 — Shanghai Municipal Police Files), хранящейся в фонде ЦРУ Национального архива США (National Archives and Records Administration), а также Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Авторы выражают особую благодарность господину Ли Цинцзе (李静杰) за предоставленную неопубликованную рукопись 40-томного сборника «Документы китайско-российских отношений» (中俄关系档案).

Административно-правовая система Шанхая обладала рядом особенностей. Город делился на три политических субъекта: Международный сэттльмент (上海公共租界), Французская концессия (上海法租界)

и китайская часть Шанхая. Эта система была создана еще во второй половине XIX в. и сохранялась вплоть до первого десятилетия XX в. Муниципалитеты Международного сэттльмента и Французской концессии фактически являлись «правительствами» на этих территориях, де-юре принадлежавших Китаю. У них были собственные силовые структуры: в Международном сэттльменте — своя полиция и Шанхайский волонтерский корпус (上海萬國商團 — Shanghai Volunteer Corps, SVC) ⁷, во Французской концессии — подобная же система.

В 1927 г. внимание властей Международного сэттльмента было обращено к китайской революции, так как вторжение Гоминьдана на север и ликвидация сэттльментов в Ханькоу означали реальную угрозу существованию всей шанхайской системы иностранного присутствия. После Инцидента 12 апреля и снятия угрозы со стороны Чан Кайши Муниципалитет Международного сэттльмента направил свои силы на ликвидацию советского присутствия в Шанхае. Хотя главным «исполнителем» ликвидации был новообразованный Шанхайский временный суд, Международный сэттльмент также не оставался в стороне: его полиция вела интенсивное расследование шпионской и агитационной деятельности СССР в Шанхае. Была создана «большевистская книга» для записи имен и кратких биографий шанхайских большевиков ⁸.

26 июля 1927 г. на страницах The North-China Daily News вышла статья, в которой были приведены имена 62 советских агентов и их краткие биографии в целях противостояния действиям М.М. Бородин ⁹. Из полицейских документов того времени следует, что статья изначально не имела никакого отношения к полиции, однако на ее основании полиция написала отчеты «о многих указанных [в ней] людях» ¹⁰. По сравнению с 1925 г. — годом Движения 30 мая — полиция была лучше осведомлена о подпольной деятельности СССР в Шанхае.

Хотя китайцы во время кульминации антисоветской кампании 1927 г. взяли инициативу в свои руки, начал кампанию именно Муниципалитет Международного сэттльмента. Еще до Инцидента 12 апреля вечером 6 апреля усиленный наряд полиции сэттльмента появился у входа в здание консульства ¹¹. Судя по содержанию ноты советского консула Ф.В. Линде ¹² шанхайскому комиссару по иностранным делам (外交部特派駐滬交涉員) Го Тайци (郭泰祺) ¹³, преемнику Сюй Юаня (許沅) ¹⁴, консульство не знало о готовящейся акции ¹⁵.

Л.М. Карахан, заместитель наркома иностранных дел, также не владел информацией. В своей телеграмме Го Тайци он просил сообщить «точные данные, какой национальности войска оцепляют наше консульство, кому они подчинены и кто за них отвечает, по чьему приказу наше консульство окружено? Кто ответствен за безобразия, [направленные] против консульства: английское командование или муниципалитет?» ¹⁶

Приказ об окружении и проверке всех входивших и выходивших людей и машин был отдан Муниципалитетом Международного сэттльмента. 6 апреля по его приказу полиция и SVC окружили не только консульство, но и здание Русско-Азиатского банка на Набережной ¹⁷.

Записи в документах не проливают свет на причины активности Муниципалитета. Одновременное окружение консульства и Русско-Азиатского банка казалось странным потому, что банк к этому времени уже

обанкротился, в Шанхае шел процесс его ликвидации¹⁸. Политически эти два момента никак не были связаны. На заседании Муниципального совета 11 апреля председатель С. Фессенден (S. Fessenden) «подробно объяснил причины [размещения] охраны у дверей советского консульства и проверки входивших и выходивших»¹⁹. Однако в сохранившихся протоколах его речь не отражена, в них записано лишь, что «действия [Муниципалитета] не означают желание обыскать консульство»²⁰.

Из протокола заседания Муниципального совета явствует, что консульский корпус действительно не участвовал в данном инциденте. Из документов английской стороны также следует, что в переговорах между Англией и Чжан Цзолинем речь о подготовке инцидента в Шанхае не шла²¹. Однако Ф.В. Линде, прибывший на пост консула только в 1926 г., возможно, не очень хорошо зная политическую традицию противостояния между консульским корпусом и Муниципалитетом в Шанхае, категорически протестовал «против попыток возложить ответственность за происходящее на лиц, которые не являются официальными представителями государственной власти, а лишь подчиненными, обязанными согласовать свои действия с соответствующими представителями государственной власти»²². Также нельзя отрицать возможный расчет Ф.В. Линде и СССР намеренно раздуть дело до уровня «большой политики» и связать его с налетом на советское посольство в Пекине²³.

Тем не менее между пекинским и шанхайским делами было слишком много совпадений: начало шанхайских событий соответствовало налету Чжан Цзолиня на посольство СССР в Пекине²⁴. Хотя консульский корпус и не участвовал в организации окружения, Муниципалитет всегда сочувствовал фэнтяньской клике, которая тогда уже потерпела поражение в борьбе с рабочими в Шанхае и покинула его; налет в Пекине начался утром 6 апреля, а окружение консульства — вечером. При этом документальные свидетельства о контактах Муниципалитета по поводу совместной операции с Чжан Цзолинем 6 апреля отсутствуют. В секретных письмах и телеграммах фэнтяньской клики нет сведений о контактах с Муниципалитетом²⁵. Однако такое хронологическое совпадение, по всей видимости, не являлось случайным. Если это и не было совместной операцией, то самостоятельные действия Муниципалитета должны были служить по крайней мере сигналом для поддержки Чжан Цзолиня.

Ситуация стала в буквальном смысле оскорбительной для советской власти, после того как 7 апреля в 17.00 к окружению примкнул новообразованный Русский отряд SVC — «добровольческая дружина из русских» и «бунтовщиков», по словам Ф.В. Линде²⁶. Таким образом, в 1927 г., 10 лет спустя после Октябрьской революции, белые как представители официальной власти проверяли красных как подневольных: «вновь прибывшие заняли все выходы из консульства и подвергли обыску всех, включая женщин»²⁷. Ф.В. Линде принял решительные ответные меры и уже 8 апреля направил протест главе консульского корпуса. Последний «выразил изумление по поводу того, что надругательства продолжаются»²⁸. В последующие дни Ф.В. Линде подал еще несколько протестов консульскому корпусу²⁹.

Дело окончилось ничем. За день до начала Инцидента 12 апреля на заседании Муниципального совета от 11 апреля было решено снять окру-

жение и прекратить обыск входивших и выходявших, однако продолжать следить за консульством ³⁰.

После Инцидента 12 апреля китайская сторона взяла на себя ликвидацию советского присутствия в Шанхае. Поскольку большинство советских представительных органов находилось в Международном сэттльменте и Французской концессии, китайской власти понадобилась помощь и от иностранцев. Был согласован следующий алгоритм действий: китайская власть через Шанхайский временный суд передает постановления полиции Международного сэттльмента и Французской концессии о ликвидации конкретных советских органов, а силовые аппараты этих двух районов их исполняют. Такая схема действовала на обоих этапах ликвидации советского присутствия.

«Первое дело Дальбанка» датируется июлем-августом 1927 года. Дальневосточный банк в Харбине (Дальбанк) входил в систему иностранных банков СССР ³¹. Шанхайское отделение Дальбанка было подконтрольно Московскому народному банку ³². Через Дальбанк на фондовом рынке Шанхая, одном из крупнейших рынков в мире, котировался советский червонец ³³. Шанхайское отделение Дальбанка, связывавшее рынки международного Шанхая и СССР, являлось одной из важнейших советских организаций.

«Первое дело Дальбанка» началось 15 июля, когда китайская власть через Шанхайский временный суд попросила полицию Международного сэттльмента провести обыски в Дальбанке ³⁴. В тот же день в 10.00 отряд во главе с детективом шеф-инспектором Т.П. Гивенс (Т.Р. Givens) при участии нескольких известных полицейских-белоэмигрантов и сотрудников Отдела уголовного расследования совершил рейд в здание Дальбанка, завершившийся его закрытием ³⁵. В отличие от беспорядков в пекинском посольстве 6 апреля, никакие документы Дальбанка не были уничтожены или вывезены, однако полиция подсчитала их количество и изучила содержание, особенно тщательно — бумаги бухгалтерского учета ³⁶.

Официально мэр китайской части Шанхая Хуань Фу (黃郛) и Го Тайци не признавали своего участия в рейде. Го Тайци даже сказал, что он был уведомлен о произошедшем только после того, как получил протест от советского консульства ³⁷. В действительности же, как свидетельствуют материалы Шанхайского временного суда, именно китайская власть инициировала это дело ³⁸. Решение было принято на высшем уровне. Среди совершенно секретных документов Президентского дворца (總統府) правительства Китайской республики обнаружена телеграмма, отправленная известным членом Гоминьдана Чжан Жэньцзе (張人傑) секретариату Главного штаба в Нанкине, Чан Кайши и министру иностранных дел У Чаошу (伍朝樞). В ней говорилось: «шанхайский Дальбанк является финансовым органом Советской России для поддержки Уханя, ликвидировать его нетрудно. Брат (У Чаошу. — Чж.Г., С.И.), придумайте способ ликвидации, чтобы избежать дурных последствий» ³⁹. Чан Кайши, в свою очередь, приказал председателю Шанхайского временного суда Лу Синьюаню (盧興原) закрыть Дальбанк ⁴⁰.

Рейды продолжались. 16 июля в 7.00 полиция Французской концессии при участии китайских военных произвела обыск в квартире управляющего Дальбанка Фромберга ⁴¹. Были изъяты личная переписка, книги

и др., при этом протокол обыска и опись взятого имущества составлены не были ⁴².

Представитель Дальбанка В.С. Флеминг (W.S. Fleming) попросил Шанхайский временный суд открыть банк для продолжения финансовых операций ⁴³. 22 июля состоялся суд ⁴⁴. Стенограммы суда были опубликованы в прессе, а сам судебный процесс открыт для публики. В суде выяснилось, что, согласно доказательствам, Дальбанк действительно являлся коммерческим учреждением и его связь с большевиками, левыми гоминьдановцами и КПК была минимальной. При тщательной проверке бухгалтерских книг и материалов, найденных в квартире Фромберга полиция и китайская власть не нашли весомых доказательств финансовой поддержки Уханя и КПК ⁴⁵. Однако в связи с желанием политизировать дело Дальбанка китайскими властями суд откладывал решение до проведения специального разбирательства и отказал В.С. Флемингу в просьбе немедленно возобновить операции банка ⁴⁶.

После суда китайская власть не потеряла надежду найти прямые доказательства финансовой поддержки коммунистов от Дальбанка. На 111-м заседании Центрального политического совета (中央政治會議) Гоминьдана было решено организовать Комитет секретной проверки Дальбанка (密查遠東銀行委員會), куда вошли Го Тайци, инспектор Шанхайской таможни Юй Фэйпэн (俞飛鵬) и шанхайский банкир и коммерсант Жэнь Сыда (任嗣達) ⁴⁷. Через Шанхайский союз банков (上海銀行公會) Комитет секретной проверки приказал всем банкам представить детальные бухгалтерские материалы об их финансовых отношениях с Дальбанком ⁴⁸. Полученная информация была сведена в отдельный отчет для МИДа. Комитет подтвердил связь между Дальбанком и ханькоуским отделением Центросоюза, Всероссийским чайным трестом, а также Центральным банком в Ханькоу (漢口中央銀行). С Центробанком в Ханькоу у Дальбанка были свои корреспондентские счета, и в апреле-июле 1927 г. активно осуществлялись денежные переводы между Ханькоу и Шанхаем. Комитет обнаружил денежные переводы на сумму более 1,6 млн лянвов. Центросоюз получал их якобы «для покупки чая» ⁴⁹.

Комитет не смог найти прямых доказательств оказания поддержки коммунистам в Ухане со стороны Дальбанка и советской власти. Информация от Чжан Жэньцзе о Дальбанке как о связующем звене между СССР, левыми гоминьдановцами и коммунистами документально не подтвердилась. Однако на самом деле Дальбанк в Шанхае в тот период действительно выполнял политические задачи от Москвы. Так, из протокола № 94 (особый № 72) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1927 г. следует, что было решено «выдать немедленно ссуду в 2 млн руб. Центробанку Ханькоу через Шанхайское отделение Дальбанка» ⁵⁰. В протоколе № 114 (особый № 92) закрытого заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 30 июня 1927 г. есть фраза «дать директиву в Ухань... деньги высланы 29 июня — один миллион ам. долларов, еще 500 тысяч ам. долларов высылается на днях» ⁵¹.

Уже 29 июля 1927 г. Го Тайци получил протест от советского генконсула Б.И. Козловского по поводу закрытия Дальбанка ⁵². Впрочем, этот протест не мог существенно повлиять на решение китайских властей. Однако другие иностранцы, имевшие финансовые отношения с Дальбан-

ком, также выразили свое несогласие: Дальбанк в то время имел довольно широкую сеть в Шанхае, и его закрытие повлияло на многих коммерсантов, в особенности на американцев. Под их давлением 11 августа американский консул Э.С. Каннингем (E.S. Cunningham) отправил разъяренное письмо Лу Синьюаню по поводу «первого дела Дальбанка». Оказалось, что в этом деле были замешаны интересы многих американцев, «они (американские коммерсанты. — *Чж.Г., С.И.*) были кредиторами Дальбанка на сумму около 725 000 лян»⁵³. В письме Э.С. Каннингем подчеркивал, что суд действовал в интересах высшей власти, и призывал судью проявить независимость и защищать права всех людей до того, как они будут признаны виновными⁵⁴.

Видимо, в связи с довольно жестким требованием Э.С. Каннингема, а также отсутствием прямых доказательств китайские власти решили временно прекратить кампанию против Дальбанка. Во время слушаний на специальном заседании было решено открыть банк. В ответном письме американскому консулу Лу Синьюань объяснил сложившуюся ситуацию и подтвердил, что банк «был распечатан» 15 августа⁵⁵. На следующий день он был открыт для операций⁵⁶.

Одновременно были инициированы «первое дело Центросоюза» и обыск у корреспондента «Известий». В целом они были привязаны к делу Дальбанка. Утром 18 июля полиция Французской концессии произвела обыск у сотрудника Центросоюза Ваксмана, конфисковав бумаги, книги, переписку и т.д.⁵⁷. Вслед за этим полиция провела обыск у корреспондента «Известий» Заславского, изъяв ряд документов⁵⁸.

7—10 ноября, в связи с 10-летним юбилеем Октябрьской революции, произошел инцидент, который в научной литературе принято называть «борьбой красных и белых» (赤白之爭). Противостояние у здания консульства СССР и внутри него подробно описано в монографии Ван Чжичэна⁵⁹. Б.И. Козловский, тогдашний консул СССР, считал, что за спиной белоэмигрантов стоял новообразованный кружок шанхайских фашистов⁶⁰ и некоторые английские резиденты: «Так называемые фашисты и английские резиденты сами вряд ли решатся что-либо предпринять, но, безусловно, сумеют использовать для своих целей продажных разложившихся русских эмигрантов, привыкших служить интересам иностранных врагов СССР»⁶¹. Вполне возможно, что шанхайские фашисты действительно участвовали в борьбе красных и белых, однако не стоит приписывать Муниципалитету организацию разгрома консульства. Ни китайская власть, ни Муниципалитет Международного сэттльмента не имели отношения к организации противостояния. На заседании Муниципального совета 16 ноября обсуждались последствия борьбы и было решено следующее: «Так как представители из общества белых русских уже напрямую связались с консульским корпусом для решения проблемы, то Муниципалитету не нужно предпринимать никаких действий»⁶².

Второй период ликвидации советского присутствия в Шанхае начался после Кантонского восстания 11 декабря 1927 г. Отношения Нанкинского правительства и СССР к этому моменту окончательно испортились. 15 декабря генконсулу СССР в Шанхае через секретаря была вручена нота от комиссара Го Тайци о том, что «предоставленное консулам СССР, находящимся в различных провинциях, признание будет аннулировано,

что советские государственные коммерческие агентуры в различных провинциях должны будут прекратить свою деятельность»⁶³. Административный штат советского консульства во главе с Б. И. Козловским 24 декабря был депортирован из Шанхая⁶⁴.

Шанхай, как один из крупнейших международных финансовых центров, являлся базой для советских коммерческих учреждений. Их ликвидация была даже важнее устранения административной части советского консульства. Уже 15 декабря 1927 г., одновременно с вручением ноты Б. И. Козловскому, Го Тайци передал Лу Синьюаню приказ МИДа о начале ликвидации коммерческих организаций СССР в Шанхае⁶⁵.

Согласно сложившейся на первом этапе ликвидации системе «временный суд — полиция», 16 декабря Лу Синьюань отправил письмо главе полиции Международного сэттльмента с просьбой возобновить процесс упразднения. В нем он указал три организации, подлежащих ликвидации: Дальбанк, Торговый флот СССР и Центросоюз⁶⁶.

17 декабря Лу Синьюань дополнительно направил письмо полиции с просьбой приказать всем агентствам, ассоциациям и компаниям, находившимся внутри советского консульства, немедленно прекратить коммерческие операции⁶⁷.

19 декабря был составлен и направлен полиции окончательный список из 10 советских организаций, подвергавшихся упразднению: 1) коммерческое агентство КВЖД; 2) Торговый флот СССР внутри консульства; 3) Госторг внутри консульства; 4) Дальбанк; 5) Всесоюзный текстильный синдикат; 6) Всероссийский чайный трест; 7) Центросоюз; 8) Дальгосторг внутри консульства; 9) ТАСС внутри консульства; 10) Дальневосточная лесопромышленная компания.

Торговый флот СССР, Госторг и ТАСС подлежали ликвидации в первую очередь⁶⁸.

19 декабря в советском консульстве прошел обыск и три указанные выше организации были ликвидированы. При этом во всех этих организациях полиция нашла пропагандистские материалы большевистского характера и инициировала уголовное дело в Шанхайском временном суде⁶⁹.

Дальнейший процесс ликвидации советского присутствия в Шанхае шел иначе. Три организации из десяти — Дальбанк, Центросоюз и Всесоюзный текстильный синдикат — отказывались признавать наличие политических заданий от советской власти и называли себя чисто коммерческими организациями. Последовали так называемые «второе дело Дальбанка», «второе дело Центросоюза» и «дело синдиката».

Первой «амнистированной» организацией стал Центросоюз. В декабре 1927 г. Шанхайский временный суд после тщательного разбирательства разрешил ему восстановить деятельность под наблюдением полиции Муниципалитета Международного сэттльмента.

В связи с масштабностью дел (все организации нужно было обыскать и ликвидировать) по примеру Комитета секретной проверки Дальбанка был организован Временный комитет по вопросам коммерческих организаций Советской России в Шанхае» (處理蘇俄在滬商業臨時委員會). Председателем Комитета стал Го Тайци. Большинство членов Комитета было представлено чиновниками из правительства китайского Шан-

хая и Министерства финансов Нанкинского правительства. В его состав также вошли секретарь правительства китайского Шанхая Юй Хунцзюнь (俞鴻鈞) и начальник Управления финансовой ревизии Министерства финансов (財政部金融監理局局長) Чэнь Хан (陳行)⁷⁰.

В декабре 1927 — январе 1928 г. Комитет санкционировал очередной тщательный обыск в советских организациях, в основном в Дальбанке и Текстильном синдикате. В Дальбанке полный обыск провели два раза, однако полиция не нашла никаких документов политического характера⁷¹. Одновременно представитель Дальбанка В.С. Флеминг отправил письмо Лу Синъюаню, где сообщалось, что закрытие Дальбанка нанесет существенный урон китайскому экспорту⁷².

9 февраля 1928 г. было проведено четвертое заседание Комитета, на котором должна была решиться судьба Дальбанка и Текстильного синдиката. Но в связи с политизацией ситуации Нанкинским правительством истинное положение дел уже не имело значения. Вне зависимости от того, получали ли организации приказы от СССР или нет, Китай просто хотел их все закрыть⁷³. Притормозить процесс ликвидации могла лишь тесная связь этих организаций с китайской экономикой. Так, Дальбанк являлся единственным банком, использовавшим червонец в Шанхае, в связи с чем он дважды избежал ликвидации. Решение четвертого заседания Комитета «амнистировало» банк, он смог продолжить свою деятельность под присмотром полиции Международного сэттльмента⁷⁴. Текстильный синдикат оказался не таким везучим, четвертое заседание Комитета отказало ему в просьбе о возобновлении деятельности в Шанхае⁷⁵. Текстильный синдикат действительно получал политические задания от центральной власти СССР, и, в отличие от Дальбанка, который успешно скрывал свою политическую деятельность, действия синдиката были известны полиции Международного сэттльмента. Упоминания о его управляющем П. Носове сохранились в материалах полиции даже после ликвидации синдиката: он остался в Шанхае для дальнейшей разведки под прикрытием коммерческой деятельности⁷⁶.

В целом тотальная ликвидация советского присутствия после кампаний апреля-августа и декабря-февраля так и не была завершена. Центросоюз и Дальбанк продолжили свою работу. Тем не менее была уничтожена большая часть связующих звеньев между властями СССР и местными агентами. Разведывательная работа советских агентов в Шанхае стала более затруднительной, полиции Международного сэттльмента после 1927 г. удалось раскрыть больше шпионов, чем во время Великой революции 1925—1927 гг. Однако стоит отметить, что именно неполная ликвидация советского присутствия в Шанхае, вызванная в первую очередь нежеланием Нанкинского правительства полностью утратить экономическую связь с СССР, стала основной причиной дальнейшего использования Шанхая в качестве одной из главных разведывательных баз для крупных советских шпионов.

1. Движение 30 мая (Шанхай) в революционной историографии обычно называют «антиимпериалистическим движением». Оно началось с убийства рабочего Гу Чжэнхуна 15 мая на японской фабрике и стрельбы смешанных отрядов полицейских Международного сэттльмента 30 мая по китайским студентам-демонстрантам, шедшим на полицейский участок Лаочжа (Louza) с лозунгом «Шанхай для нас» (погибли 13 человек), что спровоцировало всеобщую забастовку рабочих, студентов и коммерсантов. Движение 30 мая послужило поводом для начала Великой революции. Подробнее см.: 鄧中夏 (ДЭН ЧЖУНХА). 中國職工運動簡史 (Краткая история рабочего движения Китая). Шанхай. 1949, с. 205; СУНЬ ИЧЖИ. Советский Союз, русское зарубежье и шанхайские власти в пропагандистской борьбе середины 1920-х гг. — Петербургский исторический журнал. 2020, № 1, с. 102—122.
2. 黄逸峰 (ХУАН ИФЭН), 周尚文 (ЧЖОУ ШАНВЭНЬ). 上海工人三次武装起义 (Три вооруженных восстания шанхайских рабочих). Шанхай. 1979, с. 56.
3. О причинах перехода Чан Кайши и правого крыла Гоминьдана к антикоммунистической и антисоветской позиции подробно см.: 林军 (ЛИНЬ ЦЗЮНЬ). 中苏外交关系 (1917—1927) (Китайско-советские дипломатические отношения). Харбин. 1990, с. 145—147; 薛衍天 (СЮЭ СЯНЬТЯНЬ). 民国时期中苏关系史 (Китайско-советские отношения во время Китайской республики). Т. 1. Пекин. 2009, с. 7—9; 沈志华 (ШЭНЬ ЧЖИХУА). 中苏关系史纲 (Очерки китайско-советских отношений). Пекин. 2007, с. 17—35.
4. Эти банды имели значительный политический вес в Шанхае, а их лидеры часто называют «подпольными императорами» (地下皇帝). Работники Коминтерна и РКП(б) уже в начале 1920-х гг. заметили авторитет и влияние этих банд и считали, что они «скорее мешают, чем помогают развитию здорового рабочего движения». См. Доклад о работе на Дальнем Востоке Исполкому Коминтерна тов. Маринга. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 154, д. 133, л. 37.
5. СЮЭ СЯНЬТЯНЬ. Ук. соч., с. 188.
6. Последнее из трех восстаний (помимо Наньчанского (南昌起義) и Цюшоуского (秋收起義), организованных КПК в 1927 г. после Инцидента 12 апреля и поддержанных И.В. Сталиным и Коминтерном.
7. SVC являлся главной составляющей в системе самообороны сэттльмента. SVC был образован во время Движения малых мечей (小刀會起義) 12 апреля 1853 г. для защиты тогдашних иностранных владений от нападения со стороны цинских и восставших войск. В 1920-е гг. XX в. SVC стал крупным аппаратом, в него вошли несколько подразделений, а с 1927 г. и русский отряд, который состоял главным образом из эмигрантов-казаков.
8. Shanghai Municipal Police Files (SMPF). IO. 7563, p. 9.
9. The North-China Daily News (NCDN). 1927. Jul. 26.
10. SMPF. IO. 7563, p. 9.
11. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. X. М. 1965, с. 146.
12. Уже 1 марта Посольство СССР в Пекине отправило письмо в МИД Пекинского правительства о том, что вместо Ф.В. Линде пост генконсула в Шанхае займет Б.И. Козловский. Однако Ф.В. Линде в течение марта-апреля фактически продолжал свою работу в качестве генконсула, что подтверждают постановления и ноты, подписанные им в этот период, а также телеграммы поверенного в делах Пекинского правительства в Москве Чжэн Яньси (鄭延禧) МИДу о просьбе Б.И. Козловского по поводу предоставления ему визы. Телеграммы были высланы 10 марта 1927 г., это значит, что в это время Б.И. Козловский еще не находился в Шанхае. См. To the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of China, From the Embassy of the Union of Soviet Socialist Republics No. 501/9. — 中央研究院近代史研究所檔案館 (Архив Института Новой истории Академии Синика, АИНИ АС). 03—32—458—01—029; 蘇聯派駐滬總領事請簽證由 (Просьба генконсула СССР в Шанхае о предоставлении визы). — АИНИ АС. 03—32—458—01—033.
13. В будущем — один из известнейших китайских дипломатов 1930—40 гг. См.: Личное дело Го Тайци. РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 22.
14. Сюй Юань играл роль важнейшего связующего звена в переговорах между китайскими восставшими и Муниципалитетом Международного сэттльмента во время Движения 30 мая 1925 г.

15. ДВП СССР, т. X, с. 146.
16. Там же, с. 147.
17. The China Press (CP). 1927. Apr. 8.
18. 督辦中國境內道勝銀行清理處上財政部報告書 (Отчет Отдела ликвидации [организаций] Русско-Азиатского банка в Китае Министерству финансов). [Б.м.]. [1928?], с. 2.
19. The Minutes of Shanghai Municipal Council (MSMC). Vol. XXIII. Shanghai. 2001, p. 693.
20. Ibidem.
21. LAMPSON M.W., CHAMBERLAIN A.N. 1927. Apr. 11 — 中华民国时期外交文献汇编 1911—1949 (Своды дипломатических материалов эпохи Китайской республики 1911—1949 гг.). Т. 3. Пекин. 2012, с. 1338—1342.
22. ДВП СССР, т. X, с. 147.
23. 6 апреля 1927 г. Пекинское правительство во главе с фэнтяньской кликой Чжан Цзолиня (張作霖) совершило налет на посольство СССР, в ходе которого оттуда были вывезены многие документы. Отношения между СССР и Пекинским правительством пришли в окончательный упадок. См.: АИНИ АС. 03—32—493—01—011; на тот момент отношения Чан Кайши с СССР еще окончательно не испортились. Чан Кайши даже выразил сочувствие посольству СССР в Пекине после налета. См.: Academia Historica (АН). 002—090400—00004, p. 191.
24. 加拉罕致顾维钧4月6日 (Карахан — Гу Уэйцзюни. 6 апреля). — Своды дипломатических материалов эпохи Китайской республики. 1911—1949, т. 3, с. 1335.
25. 奉系军阀密信 (Секретные письма фэнтяньской клики). Пекин. 1985, с. 225—230; 奉系军阀密电 (Секретные телеграммы фэнтяньской клики). Т. 4. Пекин. 1986, с. 5—9.
26. ДВП СССР, т. X, с. 146—147.
27. Там же, с. 146.
28. Там же.
29. The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette (NCHSCCG). 1927. Apr. 23.
30. MSMC. Vol. XXIII, p. 693.
31. SALOMATINA S. Russian and Soviet Imperial Banking in Asia in the 1890s — 1920s. — Asian Imperial Banking History, Banking, Money and International Finance. London-N.Y. 2015, p. 121—158; не стоит путать Банк Дальневосточной республики в Хабаровске и Дальневосточный банк в Харбине.
32. Ibidem.
33. NCHSCCG. 1927. Aug. 20.
34. Ibid., Jul. 30.
35. Ibid., Jul. 23.
36. Ibidem.
37. Ibidem.
38. В Ухане тогда базировались левые гоминьдановцы и коммунисты; Shanghai Municipal Archive (SMA). Q179—1—149, p. 1—6.
39. 中俄关系档案 (Документы китайско-российских отношений) (под ред. 李静杰 (ЛИ ЦИНЦЗЕ): неопубликованная рукопись в 40 тт., т. 25, с. 533—534.
40. 江海關監督致外交部民國十六年七月廿二日 (Инспектор Шанхайской таможни — МИДу, 22 июля 1927 г.) — АН. 020—990800—0165. p. 22.
41. NCHSCCG. 1927. Jul. 23; Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР во Франции 18 июля 1927 г. — ДВП СССР, т. X, с. 340.
42. ДВП СССР, т. X, с. 340—341.
43. АН. 020—990800—0165, p. 22.
44. CP. 1927. Jul. 23.
45. NCHSCCG. 1927. Jul. 30.
46. Ibidem.
47. 司令致外交部民國十六年七月廿二日 (Чан Кайши — МИДу, 22 июля 1927 г.). — АН. 020—990800—0165, p. 25; 外交部致上海郭交涉員及蔣總司令民國十六年七月廿五日 (МИД — Го Тайци и Чан Кайши, 25 июля 1927 г.) — Ibid., p. 28.
48. 江海關監督致外交部民國十六年八月五日 (Инспектор Шанхайской таможни — МИДу, 5 августа 1927 г.) — Ibid., p. 36.

49. 委員會致外交部附報告 (Отчет, прикрепленный в письме Комитета — МИДу) — Ibid., p. 46.
50. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. II. Ч. II. М. 1996, с. 662.
51. Там же, с. 826. Хотя в документе не было написано, что деньги высланы именно через Дальбанк в Шанхае, но с большой вероятностью это было так.
52. 郭交涉員致外交部民國十六年八月一日 (Го Тайци — МИДу, 1 августа 1927 г.). — АН. 020—990800—0165, p. 31.
53. SMA. Q179—1—149, p. 7—11.
54. Ibidem.
55. Ibid., p. 18.
56. CP. 1927. Aug. 17.
57. Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции 18 июля 1927 г. — ДВП СССР, т. X, с. 340—341.
58. Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному Представителю СССР во Франции 23 июля 1927 г. — Там же, с. 342.
59. 汪之成 (ВАН ЧЖИЧЭН). 俄侨在上海 (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай. 1993, с. 200—204.
60. 29 сентября 1927 г. состоялся I съезд шанхайских фашистов, 9 января 1928 г. II съезд. См.: CP. 1928. Jan. 12.
61. ДВП СССР, т. X, с. 479.
62. MSMC. Vol. XXIII, p. 726.
63. ДВП СССР, т. X, с. 556—557; SMA. Q179—1—157, p. 1—4. Официальный приказ о разрыве дипломатических отношений с СССР см.: 國民政府令蘇聯駐在各省領事一律撤銷承認各省之蘇聯國營商業機關一并勒令停止商業由外交部督率妥慎辦理 (Приказ Национального правительства об аннулировании признания советской консульской власти во всех провинциях, а также о ликвидации советских государственных коммерческих органов во всех провинциях. Процесс был начат под руководством МИДа). — АН. 001—062013—00001, p. 3—4.
64. NCHSCCG. 1927. Dec. 31.
65. SMA. Q179—1—157, p. 1—4.
66. Ibid., p. 12—14.
67. Ibid., p. 18.
68. Ibid., p. 22.
69. Ibid., p. 25.
70. Ibid., p. 53—55.
71. China Weekly Reviews. 1928. Feb. 25.
72. Ibidem.
73. Справедливости ради необходимо отметить, что эти советские коммерческие организации действительно были «нечистыми», но мастерски скрывали это.
74. SMA. Q179—1—157, p. 48.
75. Ibidem.
76. SMPF. IO. 9878, p. 1, 3.

Культура Ши Цзин династии Сун в Китае — Цы династии Сун в музыкальном контексте

Тэн Юэ

Аннотация. Династия Сун (960—1279) в истории Китая делится на две ветви — Северную и Южную — и включает в себя в общей сложности восемнадцать императоров, которые правили триста девятнадцать лет. Династия Сун придавала большое значение литературе и презирала силу. Эпоха династии Сун — это эпоха процветания китайской экономики, культуры, образования, науки. Жанр «цы» династии Сун — это своего рода музыкальная литература, неотъемлемое сокровище китайской культуры.

Ключевые слова: Китай, династия Сун, культура Ши Цзин, цы династии Сун, музыкальный контекст.

Abstract. The song dynasty (960—1279) in Chinese history is divided into two stages: the Northern and southern song, and includes a total of eighteen emperors who reigned for a total of three hundred and nineteen years. The song dynasty attached great importance to literature and despised force. The song dynasty era is an era of prosperity for China's commodity economy, culture, education, science. The song dynasty's "Ci" genre is a kind of musical literature. The full name of the genre is "song dynasty Ci", abbreviated as "Ci". The song dynasty Ci are an integral treasure of Chinese culture and are cultural symbols of the era that cannot be ignored.

Key word: China, song dynasty, Shi Jing culture, song dynasty Ci, musical context.

*Китайская династия Сун и ее культура Ши Цзин*¹

Династия Сун (960—1279) в истории Китая подразделяется на Северную и Южную Сун и насчитывает в общей сложности 18 императоров, удерживавших власть 319 лет. В 960 г. начался военный поход Чэнь Цяо², и императором стал Чжао Куаньинь. Тогда же была основана династия Сунн³, выбравшая в качестве столицы город Кайфэн, известный как Дон Цзин, а затем постепенно объединила Китай.

Территории, расположенные к северу от Хуанхэ, были названы Северной Сун. Чжао Куаньинь, чтобы избежать сепаратистских движений Фан Чжэнь⁴, стремился уменьшить влияние генералов, отдавая предпочтение людям искусства. После того, как император Сун Тайцзун вступил

Тэн Юэ — аспирант Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет) МГУ имени Ломоносова, член Китайской ассоциации образования. E-mail: tengziyue@yandex.ru.

Teng Yue — postgraduate student of the Graduate school of cultural policy and management in the Humanities (faculty). Lomonosov Moscow State University, member of Chinese Education Association. E-mail: tengziyue@yandex.ru.

на престол, чтобы объединить страну, Сун Чжэнцзун и династия Ляо высказали желание заключить союз Тан Юаня ⁵. В 1125 г. Династия Цзинь начала Южное вторжение, что привело к «позору Цзин Кана» ⁶, а Северная Сун погибла. Сун Гао-цзун взшел на трон в императорском дворе Иньтяньфу (ныне Шанг Циу, провинция Хэнань), принял имя Цзянь Ян, восстановил династию Сун, исторически называемую Южной Сунн. Первым императором Южной Сун стал Чжао Гоу. Спустя восемь лет Шаосин (в 1138 г.), ставший частью Линьаньской управы (ныне город Ханчжоу, провинция Чжэцзян), был выбран в качестве столицы и стал называться Син Ду ⁷.

Династия Сун выглядела в глазах иностранцев небесным царством. Даже после гибели Южной Сун Марко Поло ⁸ все еще называл Ханчжоу «небесным городом». В 1234 г. Объединенная Монголия уничтожила династию Цзинь, в 1235 г. началась война между династиями Сун и Юань, в 1276 г. династия Юань захватила Линьань, и Южная Сун погибла.

Династия Сун — это эпоха процветания китайской экономики, культуры, образования, науки. Она намного опережает золотой период династии Тан. В то время возрождалось конфуцианство ⁹, появилась наука Чэн Чжу ¹⁰. Быстро развивались наука и техника, количество и масштабы мятежей, гражданских беспорядков боли относительно невелики. Благодаря популяризации риса, завозившегося из Чжан Чэн ¹¹, население в Северной Сун быстро увеличивалось: с 37,1 млн в 980 до 126 млн в 1124 году.

Династия Сун пережила два разрушения, в том числе из-за внешней агрессии, и была единственной династией, которая не погибла в междоусобицах. В западной и японской историографии есть ученые, которые считают, что нахождение у власти династии Сунн, было периодом возрождения и экономической революцией в Китае. Не случайно она известна как «золотой период» в его истории.

До династии Сун китайцы практиковали разделение городов на коммерческие и жилые районы. Династия Сун нарушила эту систему — магазины могли быть открыты по всей территории города, кроме того, появились ночные и утренние рынки. Не было никаких ограничений на часы работы и места для бизнеса, и как только закрывался ночной рынок, открывались утренние. Существовали также популярные блошинные рынки. Вот описание ночного рынка в заметках «Столица Джи Шэн» ¹²: «Торговцы продавали изысканные принадлежности, различные предметы... Ресторанный дом не успокаивается до 4 утра. А после пяти утра лошади начинают ходить, открывается утренний рынок. Таковую пышность встретишь только во время фестиваля фонарей» ¹³. Появление ночного рынка представляло большую ценность, а свободное поведение людей стало самым большим стимулом для экономического развития.

Во времена династии Сун было много ресторанов, чайных заведений и других развлекательных мест. Наиболее представительными из них являлись Гоу Лан и Ва Ше. Гоу Лан — это несколько стационарных развлекательных заведений в крупных городах, являвшихся также основным местом постановки китайских опер династий Сун и Юань в городе, то есть театром. Среди развлечений были: музыка, танцы, цирк, Ку Джу ¹⁴. Там же продавались лекарства, можно было воспользоваться услугами гадалок, парикмахеров, торговцев, посетить ресторан. В «Записях Дон

Цзин Мэнь Хуа»¹⁵ говорится, что в то время в Дон Цзине было более десяти Ва Ше. Самый большой Гоу Лан того времени назывался «Сарай для слонов» и мог одновременно вместить тысячи людей, желающих посмотреть шоу. Ва Ше, располагавшийся за городом, работал всю ночь. Представления были платными. Существовало два способа оплаты, один из которых — заплатить и получить билет, а затем посмотреть шоу; другой предполагал бесплатный вход, но перед началом представления кто-нибудь специально выходил, чтобы получить плату.

Для привлечения клиентов перед дверью Гоу Лан вешали Чжао Цзы¹⁶. Это можно назвать самой ранней рекламной кампанией в Китае. В афише рассказывалось о шоу и актерах, которые будут играть.

Династия Сун придавала большое значение литературе и презирала силу, в этом ни одна династия не может сравниться с ней. Смутное время нуждается в генералах, правящему миру нужны гражданские чиновники — поэтому император династии Сун должен был серьезно относиться к выдаче мандата чиновникам, запрещая генералам вмешиваться в политику императорского двора. Эта инициатива объективно способствовала процветанию культуры. Государство династии Сун — это страна, развивавшая музыкальное искусство, открывавшая учебные заведения, содержавшая придворный оркестр и национальную консерваторию. Существовала даже должность национального музыкального губернатора династии Сун. В его обязанности входило: забота о национальной музыке, редакция и публикация популярных песен. В это время искусство цы достигло своего исторического пика. Цы династии Сун — это популярные песни, которые были легко доступны, и всякий раз, когда появлялась хорошая работа, она быстро распространялась повсюду. Например, «Дие Лианхуа», «Цин Юань», «Юй Линьлин» и так далее.

«Цы династии Сунн», сокращенно — «цы» — это китайский литературный жанр, своего рода новая поэзия по отношению к древней. Это сияющая жемчужина древней китайской литературной короны. Она поражает своей красочностью. Красота текста, настроения и музыки династии Сун не имеет себе равных.

Цы династии Сун в основном делится на две категории: «Су Ши, Синь Цицзи» — фракция смелых — и «Лю Юн и Ли Цинчжао», в которой доминирует «изящная фракция» (включая фракцию Хуа Цзянь¹⁷). Слог фракции смелых — четкий. Язык изящной фракции — округлый и ясный. Из «Всех цы династии Сунн»¹⁸ до нас дошли в общей сложности почти 20 тыс. песен более чем 1330 авторов¹⁹. Музыка, с которой связывают цы, — это Ян Юэ²⁰, Происхождение лирики Ян Юэ можно проследить до династии Суй. Ван Чжо²¹ в «Би Джи Ман Чжи» подробно описывает ее в томе 1. «Сборник музыкальных слов Дуньхуана»²² включает более ста шестидесяти произведений, в основном народных песен золотого века династии Тан. Поэты Вэй Ину, Бай Цзюйи, Лю Юйси и другие начали писать цы, вводя эту стилистику в литературу. В конце правления династии Тан этот литературный жанр получил широкое распространение, однако пик развития жанра пришелся на времена династии Сун, поэтому позже люди рассматривали цы как наиболее представительную литературу династии Сун. Поэзия династии Тан часто упоминается вместе с цы и известна как поэзия династии Тан и цы династии Сун.

Много текстов песен было найдено в Пещере рукописей Дунь Хуан ²³. Во времена династии Тан музыка пришла из западного региона и стала называться Ху Юэ. В «Цзе Гулу» ²⁴ было записано около 130 песен. Некоторые из них имеют названия, указывающие на происхождение их мелодий, о чем говорится в «Книге Синь Тан». Хун Май в «Эссе Жун Чжай» также записал: «Музыка, распространяемая сегодня в Юэ Фу ²⁵, исходит из пяти мест в государстве династии Тан: Йи, Лян, Си, Ши, Вэй ²⁶» Все они являются основной частью композиции Янь Юэ. В «Истории династии Сун·Юэ Чжи» рассказывается о тех, кто создавал народные песни. Зачастую это были простые люди, и их песни иногда отличались пошлостью и грубостью. Стремление избавиться от вульгарности и возродить элегантность стало задачей многих авторов.

Чжан Янь ²⁷ считает, что произведения цы династии Сун «задуманы глубоко и тщательно, а настроение в них мягкое». Они сосредоточены на сентиментальной молодости и печальной осени, ветре и Луне, любви мужчин и женщин. Автор лирики, с одной стороны, склоняется к радостному наслаждению звуком, а с другой, — к уходу в тень. После этого он чувствует себя менее элегантным, потерявшим лицо. Это противоречие преобладает при создании текстов. Эмоциональная формулировка завуалирована и туманна, чтобы вызвать у слушателя воображение. Авторы шаг за шагом идут к цели создания песни: от основной мысли к формированию творческого жанра, от творческой практики — к идеальному представлению. Поэтому цы представляет собой художественную ценность.

Среди многих песен династии Сун некоторые выделяются отличными текстами, которые принесли им популярность. На примере произведений трех выдающихся представителей династии Сун можно проанализировать социальные явления, содержащиеся в лирике песен.

1. Су Ши «Нянь Ну Цзяо·Чи Би Хуай Коу». Его цы безудержные, мужественные, страстные и величественные ²⁸. Он превращает цы из музыкального придатка в самостоятельное лирическое тело, снимая ограничения, которые накладывает музыка. Его язык чист и прост, впитывает в себя сущность древнего языка, а текст очень выразителен. Особенно, когда речь идет о пейзажах, — этот величественный, внушительный, смелый стиль демонстрирует бесконечные образы.

Су Ши был осужден за поэтическую сатиру в адрес законов и бюрократии. Однажды, во время путешествий за пределами города Хуан Чжоу, в скалистых холмах Чибя, он встретил великолепный пейзаж, который поразил его, и описал свои чувства. Во втором абзаце он сфокусировался на людях, восхищаясь Чжоу Юй ²⁹. Последние несколько слов, хотя и выражают сентиментальные чувства, подтверждают, что он — агрессивный, энергичный и мужественный человек.

Смысл песни: могучая река течет на восток, волны катятся по останкам героев прошлого. К западу от старого лагеря находится место сражения Чжоу Юй из периода трех королевств. Крутые камни устремились прямо к облакам, а разбушевавшиеся волны своими брызгами словно взрывали снег. Здесь Чжоу Юй был покорен несравненной красавицей, которая только что вышла за него замуж. Он был героем, полным гордости. Я сегодня путешествую по полю боя, смех мой сентиментальный,

голова моя покрыта седыми волосами. Жизнь проходит как сон, и следует налить бокал вина, чтобы воздать должное яркой луне над рекой.

2. Синь Цицзи «Цинь Юань·Юань Си». Синь Цицзи обладал редким литературным и боевым талантом. «Его боевое искусство может немедленно отправить на небеса, писательский талант может успокоить мир» — это впечатление многих людей о нем. Он также являлся представителем жанра цы фракции смелых, к которой принадлежали генералы армии («дракон в слове»). Вместе с Су Ши они стали известны как «Су Синь», а с Ли Цин Чжао — как «Цзи Нань Эр Ань».

Всю свою жизнь он стремился к «выздоровлению». Вместо того, чтобы колебаться в своей вере, он вложил в слова страсть и заботу о процветании страны и судьбе нации. Его цы в художественном стиле разнообразны, в основном — смелые и деликатные. Его темы обширны, он хорошо использует аллюзии, изображая патриотический пыл восстановления единства страны, выливая печаль о недостижимых устремлениях, осуждая унижения и уступки тогдашних правителей, а также воспекает реки и горы Родины. До сегодняшнего времени дошли более 600 его цы, есть коллекция цы «Цзя Сюань — длинные и короткие предложения» и другие.

Смысл песни: Восточный ветер качает фонари деревьев в ночи, и огни блестят, как тысячи цветущих растений. С неба льются цветы, словно звездный дождь. Мелодичная музыка звучит повсюду, нефритовая Луна постепенно поворачивается к западу, всю ночь танцуют огни рыбьей чешуи. Красавицы, чьи головы венчают великолепные украшения, смеются и идут толпой. Я искал ее тысячи раз в толпе, оглянулся и невольно нашел ее там, где были разбросаны огни. Это цы «изящной фракции».

3. Ли Цинчжао «Шэн Шэнман·Беспрестанный поиск».

Ли Цинчжао, женщина-лирик династии Сун, является представителем «изящной фракции». Она получила звание «Первой талантливой дочери тысячи лет»³⁰. По ее словам, раньше она больше писала о неторопливой жизни, а позднее — о сентиментальной жизни. Она использовала простые слова, и язык ее был ясным. В настоящее время сохранилась «Йи Ан антология» и «Цы Шу Юй». Кроме того есть «Собрание сочинений Ли Цинчжао с примечаниями». «Шэн Шэнман·Беспрестанный поиск» — это поздняя работа. Считается, что она была написана во время вторжения солдат династии Цзинь, когда Северная Сун погибла. Ее муж умер, череда ударов заставила автора испытать горечь.

Смысл песни: Я с горечью ждала, что в этом одиноком мире, наполненном горем, будет прохладная погода, самая трудная для отдыха. Может ли три или два бокала легкого вина противостоять этому холодному ветру? Мне было грустно видеть, как улетаются гуси. Хризантема, которая когда-то цвела, теперь завяла. С платана осыпается желтая листва, завершая свой жизненный путь, и капельки дождя падают на листья, как горькие слезы. Это нельзя выразить обычным словом «печаль».

Это цы отражает тревожное состояние людей после войны. И для потомков ясно: одаренная женщина опечалена смертью мужа, она одинока и грустна. Это отблески беспокойного времени и голоса всех одиноких людей.

Таким образом, рождение жанра цы династии Сун было связано с изменением политики правящего класса и процветанием народной культуры Ши Цзин. Развитие цы династии Сун шло в ногу со временем. Жанр цы династии Сун достиг новой высоты. Можно сказать, что история развития текста песни — это история династии Сун. Цы династии Сун для всего китайского народа, вне зависимости от материального достатка и социального положения, являются сокровищем, культурным знаком эпохи, который нельзя игнорировать.

Примечания

Комиссия фонда обучения в Китае «Аспирант государственной общественной организации».

1. Ши Цзин — это особый этап истории развития китайской культуры,
2. Военный поход Чэнь Цяо: Чжао Куанинь вдохновил восстание династии Сун.
3. ТЯНЬ ЧЖАОЛИН. История войны в Китае. Т. 3. М. 2019, с. 6.
4. Сепаратистские движения Фан Чжэнь: после восстания династии Тан полевые генералы взяли на себя ответственность за свои войска в военных, финансовых и кадровых аспектах без контроля центрального правительства, и это продолжалось более ста лет, пока династия Тан не погибла.
5. Союз Тан Юаня — это соглашение, заключенное между Северной Сун и династией Ляо после двадцати пяти лет войны.
6. Позор Цзин Кана также известен как «Хаос Цзин Кана» — это известное событие в истории Китая, которое привело к гибели Северной Сун.
7. За пределами столицы имелась еще одна столица, чтобы подготовить правительство к временному размещению, если это понадобится.
8. Марко Поло — итальянский путешественник и купец XIII века. Он путешествовал по Китаю в течение 17 лет, будучи официальным лицом династии Юань в Китае, и посетил многие места.
9. Конфуцианство возникло в период Весны и Осени Восточной Чжоу и стал распространенной идеей в китайском обществе. Оно насчитывает более 2500 лет.
10. Наука Чэн Чжу — одна из основных школ в династиях Сун и Мин, оказавшая наибольшее влияние на будущую жизнь. Чжу Си является ее представителем.
11. Чжан Чэн — название Вьетнама в то время.
12. «Столица Джи Шэн» — Заметки о Южной Суне, автор Най Девенг.
13. Фестиваль фонарей, также известный как фестиваль Шан Юань, Сяо Чжэнь Юань, Юань Си или Фестиваль огней, является одним из традиционных китайских праздников.
14. Ку Джу — один из видов спорта в Древнем Китае.
15. Это эссе состоит из заметок Мэн Юаньла о династии Сун, повторяет городской стиль Северной столицы Сун Дон Цзин Кайфэн.
16. Чжао Цзы — рекламные вывески перед магазином.
17. Фракция Хуа Цзянь возникла в конце династии Тан, является одним из древнекитайских поэтических жанров.
18. «Все цы династии Сунн» — сборник, названный двойной каноничной китайской литературой. Полная книга состоит из пяти томов, в которых собраны цы, написанные за три столетия династии Сун.
19. Микро-классическая редакция. Самые красивые песни цы. М. 2015, с. 4.
20. Ян Юэ — музыка, используемая во время банкетов при древнем китайском дворе.
21. Ван Чжо — известный ученый, литературовед, музыкант династии Сун.
22. «Сборник музыкальных цы Дуньхуана» — сборник народных песен, найденных в Дуньхуане. Поправки оставил Ван Чунмин.
23. Пещера Дуньхуан известна как самая ценная культурная находка XX в., знаменита своими прекрасными фресками и статуями, это сокровищница буддийского искусства.

24. «Цзе Гулу» — музыкальный исторический материал, составленный династией Тан Нань Чжо в одном томе.
25. Юэ Фу — древняя китайская музыкальная организация.
26. Это были северо-западные границы династии Тан.
27. Чжан Янь: (1248 — около 1320), известный автор песен периода Южной Сун.
28. ДАЙ ЦЗЯНЬЕ. Краткая история династии Сун. М. 2019, с. 98.
29. Чжоу Юй — генерал династии Восточная Хань.
30. ДЭН ГУАНМИН. Десять уроков истории династии Сун. М. 2011, с. 120.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi84 ББК 63 / УДК 930.23

«Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Аннотация. Публикация посвящена анализу наукотворчества известного российского историка, выпускника Императорского Московского университета М. М. Хвостова, внесшего серьезный вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки, а также в изучение социально-экономических проблем исторического процесса в античных цивилизациях, особенно в эллинистическом Египте. Выявлены не изученные прежде аспекты его научной и профессиональной культуры. Сформулирована заявка на создание в рамках «новой» истории интеллектуальной мысли обстоятельного исследования, посвященного образу исторической науки в трактовке казанского профессора.

Ключевые слова: теоретико-методологические основы исторической науки, образ истории, наукотворчество, позитивизм, неокантианство, эклектизм.

Abstract. The publication is devoted to the analysis of the scientific work of the famous Russian historian, a graduate of the Imperial Moscow University, M. M. Khvostov, who made a serious contribution to the development of theoretical and methodological foundations of historical science, as well as to the study of socio-economic problems of the historical process in ancient civilizations and especially in Hellenistic Egypt. Previously unexplored aspects of its scientific and professional culture are revealed. An application is formulated for the creation of a detailed study on the image of historical science in the interpretation of the Kazan professor within the framework of the “new” history of intellectual thought.

Key words: theoretical and methodological foundations of historical science, image of history, science-making, positivism, neo-Kantianism, eclecticism.

Михаил Михайлович Хвостов (1872—1920) вошел в историю России конца XIX — начала XX в. как самобытный ученый, талантливый педагог, яркий публицист. Его смело можно отнести к почетному разряду универсальных, или всеобщих, историков, чей колоссальный багаж знаний позволял исследовать переломные эпохи в жизни европейских народов, вносить весомый вклад в изучение ключевых вопросов, возникавших при осмыслении экономического уклада, общественных отношений

Новиков Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org; *Перфилова Татьяна Борисовна* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org.

Novikov Mikhail V. — doctor of historical sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. E-mail: m.novikov@yspu.org; *Perfilova Tatyana B.* — doctor of historical sciences, professor, leading researcher of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. E-mail: m.novikov@yspu.org.

и социально-политического устройства в цивилизациях Запада. Однако основные научные интересы М.М. Хвостова были прикованы к античности, и известность ему как ученому, получившему признание не только в России, но и за рубежом¹, принесли исследования малоизученных в историографии его времени социально-экономических аспектов исторического процесса в эллинистических государствах и прежде всего в Египте. Его работы удостоивались признания даже у скупых на похвалу в адрес «буржуазных ученых» отечественных античников советской эпохи².

Михаил Михайлович Хвостов родился в 1872 г. в Керчи в семье известного юриста, выпускника Императорского Московского университета. В двухлетнем возрасте будущий историк потерял отца, но тем не менее семье удалось дать мальчику достойное образование: сначала домашнее, а затем и гимназическое. Окончив Керченскую гимназию в 1891 г., золотой медалист без труда поступил на историко-филологический факультет Московского университета³. Его учителями были выдающиеся профессора, блестящие ученые П.Г. Виноградов, В.И. Герье, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков. Им М.М. Хвостов был обязан и «выработкой общего исторического мировоззрения»⁴, и отличными познаниями в древней истории⁵, и крепкими навыками работы с историческими свидетельствами, что позволило ему в дальнейшем создать свои рекомендации о «познавательных путях, при помощи которых мы в состоянии познать прошлое человеческих обществ»⁶.

М.М. Хвостова смело можно отнести к видным представителям российской провинциальной исторической мысли. Занимаясь наукотворчеством преимущественно в Казани (1901—1918), он старался не уступать столичной профессуре, особенно московской, в создании нового образа исторической науки, который соответствовал двум основным векторам научной философии рубежа XIX—XX вв. — позитивизму и неокантианству, двум основным направлениям постижения исторической действительности: обобщающему явлению истории и вырабатывающему индивидуально-конкретные представления о них⁷.

В публикациях по философии истории и теории исторического познания М.М. Хвостов выступал как человек эпохи позитивизма, вступившей на переломе веков в фазу своего теоретико-методологического обновления. Он признавал соответствующие научные ориентации «положительной» науки, но в то же время, как и его коллеги по цеху, последовательно искал оптимальную эпистемологическую модель истории, которая могла бы соединить каноны позитивистской интерпретации исторического процесса с новыми теоретико-познавательными принципами: от них ожидали преодоления упрощенности эмпирически доказуемых трактовок общественных явлений за счет утверждения гносеологической специфики истории как общественной по своей природе науки.

Желая сохранить сформированные позитивизмом философско-познавательные основы общественнознания и одновременно усовершенствовать их при помощи субъективистских версий исторического познания, с позиции лишнего крайностей неокантианства и за счет опоры на мало поддающийся анализу процесс познания человеческой психики, М.М. Хвостов не смог избежать в своих теоретических обобщениях многочисленных противоречий. Его взгляды по всем без исключения пробле-

мам теории исторического знания и теории исторического процесса не отличались строгой последовательностью. Он соединял естественнонаучную парадигму общественознания, идущую от О. Конта, с неокантианской⁸, освобождавшей гуманитарные науки от императивов механического и органистического подходов к трактовке общественных явлений. Он рассматривал человека и общество как часть природы⁹, что имплицировало их подчинение универсальным или естественным законам, и в то же время признавал науки о духе (общественном сознании) как альтернативу наукам о природе, стремился к психологизации процесса общественной эволюции¹⁰. Ученый верил в теорию прогресса, ориентированную на поиск всеобщих законов развития, и одновременно отрицал законосообразность в историческом процессе, редуцируя универсальность нормы в «приблизительные обобщения»¹¹. Исходя из устаревшей атомарной теории, М.М. Хвостов представлял общество как совокупность индивидов¹² и в интеграции элементов¹³ и факторов¹⁴ искал первоосновы исторического процесса, обеспечивавшие его равновесие и векторную направленность. Вместе с тем, подчеркивая исключительную сложность общественных явлений¹⁵, он был не прочь поверить в наличие иррациональных, не поддающихся научной верификации сил, присутствующих в социальных процессах¹⁶.

Стремясь к идеалу подлинной — неопровержимой, объективной, точной — науки, он в то же время допускал априорные процедуры «понимания», интуитивного проникновения в сферы сознания людей других эпох (на основании неверного посыла о вневременном единообразии человеческой психики¹⁷), то есть не исключал активность субъекта познания в поиске научной истины. Не разделяя сфер влияния истории и социологии, которые, действительно, имеют много точек соприкосновения, ученый стремился поднять историческое исследование до обобщенно-социологического уровня¹⁸ и, наоборот, мечтал превратить социологию в аналог доказательной исторической науки. А это означало, что он избегал жесткой оппозиции номотетики и идиографии и в своем варианте социологической истории¹⁹ был готов продемонстрировать плодотворные возможности синтеза объективистского и субъективистского подходов: интерпретировать, рассказывать и объяснять, соединяя предметы исследования ряда социогуманитарных дисциплин, их теоретический и категориальный аппараты, принципы и методы познания исторической действительности, связанные с осмыслением универсалий и различий, типического и индивидуального, повторяемости и специфичности.

Синтез идей, концептуальных положений различных философских систем и отраслей наук, теоретико-методологических подходов к изучению исторического процесса создают немало сложностей при интерпретации трудов ученого и вызывают противоречивые реакции историков, когда-либо изучавших воззрения М.М. Хвостова: одни относят его к позитивистам второй генерации²⁰, другие — к последователям неокантианства²¹.

Надо признать, что и нас нередко ставили в тупик логико-методологические нестыковки в научном наследии ученого, рассогласованность его теоретических позиций и конкретно-исторических изысканий. Однако они только усиливали потребность в поиске истоков

амбивалентных установок исторического сознания М.М. Хвостова, в изучении своеобразия его опыта присвоения и производства культурных смыслов и ценностей эпохи. Прежде подобные интенции не привлекали внимания исследователей, поэтому, отдавая должное работам наших предшественников (И.Н. Матвеевой, А.Н. Нечухрина, С.П. Рамазанова, Э.Д. Фролова, Л.Н. Хмылева, А.С. Шофмана), осветивших некоторые аспекты мировоззрения, жизненного пути, научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова, а также социокультурного контекста трансформации исторической науки, мы приняли решение начать обстоятельное осмысление актуальных в наши дни проблем наукотворчества одаренного казанского профессора.

Стремление понять природу противоречивости мировоззренческих позиций М.М. Хвостова ставит нас перед необходимостью рассмотреть проблему влияния теоретико-методологического кризиса позитивистской парадигмы истории на индивидуальные психологические реакции ученого.

По нашему убеждению, М.М. Хвостов заслуживает внимания исследователей не просто как самобытный ученый, а прежде всего как ученый переломной — кризисной — эпохи в развитии отечественной историографии. Такие эпохи всегда ярче обнажают узловые нерешенные проблемы науки, ломают стереотипы, рождают новые оригинальные, хотя и не всегда безупречные, идеи, вокруг которых объединяются лучшие умы своего времени, создавая новый образ социогуманитарного знания.

Важно понять, как кризис рубежа XIX—XX вв. повлиял на умонастроения выпускника Московского университета М.М. Хвостова, как его сознание реагировало на «возбуждения»²² интеллектуальной среды и новые требования к исторической науке, что было значимым и ценным в его модели нового исторического знания, как «перемалывались» новые взрывные идеи в сознании думающего человека, какие интеллектуальные импульсы отбраковывались, а какие безоговорочно принимались, превращались в мыслительную органику, своего рода привычки сознания, проступавшие в неповторимой авторской стилистике исследователя.

Говоря о кризисе исторической науки, мы, разумеется, не имеем в виду кризис «буржуазной» историографии или застой, упадок «буржуазной» методологии познания. Подобно А.А. Искендерову²³ и Э.Д. Фролову²⁴, мы уверены в том, что на рубеже XIX—XX вв. историческая мысль в России находилась на пике своего развития. Элиминируя вульгарно-социологический идеологизированный подход к трактовке наследия наших выдающихся соотечественников, мы вкладываем в категорию «кризис», весьма распространенную в лексиконе современников М.М. Хвостова²⁵, иной смысл. Это был кризис доверия к бледневшим на фоне революции в естествознании теоретико-методологическим достижениям позитивизма. Он породил мощное научное движение, небывалый прежде всплеск интеллектуальной мысли, направленный на ревизию философии и гносеологии «положительного» обществознания, инициировал поворот сознания историков к новым научно-познавательным горизонтам, стимулировал их пересматривать теоретические основы истории, позитивистской исследовательской парадигмы.

М.М. Хвостов считал «пробуждение интереса к теоретическим вопросам нашей науки... в высшей степени нормальным»²⁶, ратовал за разработку исторической эпистемологии, а в опоре на твердо установленные «методологические положения» видел средство преодоления «поверхностно-эмпирического» характера исторических трудов²⁷.

Вместе с тем, горячо приветствуя наметившиеся перемены в культуре осуществления исторического дискурса, М.М. Хвостов вскоре начал ощущать растерянность от «подрыва прежних воззрений»²⁸ и теоретико-познавательного плюрализма. Этот когнитивный диссонанс, ставший причиной эклектизма системы его научных представлений, действительно заслуживает пристального внимания, так как ученый в силу своего возраста острее многих современников мог переживать «методологическую нагруженность» эпохи рубежа XIX—XX вв.²⁹, воздействие духа критицизма, утверждение относительного характера исторических обобщений, их зависимости от влияния общественной среды и пересмотра традиционной научной картины мира, формирование нового релятивистского взгляда на онтологические и гносеологические проблемы социогуманитарного знания, взгляда, заменившего догматы веры вечным поиском истины³⁰.

Мы полагаем, что формирование уязвимых теоретико-познавательных позиций М.М. Хвостова можно связать и с личностными качествами историка: его нерешительностью и осторожностью, проявлявшимися, в частности, в реакциях на жаркие методологические баталии³¹. Ему всегда было трудно принять окончательное решение. В научной полемике он избегал категоричных высказываний, прятал свое мнение за изложением теоретических разногласий оппонентов, следовал подчеркнуто взвешенной позиции, корректно оценивал достоинства и недостатки любой научной доктрины и всегда колебался с безоговорочным признанием точек зрения споривших сторон. У него не было непоколебимой уверенности Р.Ю. Виппера, решительно и напролом отстаивавшего свою позицию, ему всегда недоставало убежденности Д.М. Петрушевского.

Такая специфическая манера могла свидетельствовать о том, что М.М. Хвостову был близок образ ученого особого типа, склонность к компромиссу в исследовательском процессе которого превращалась в отличительный знак — показатель принадлежности не просто к историкам, а к разряду обществоведов³², историков-социологов³³. В отличие от «чистых» историков, они пытались охватить исторический процесс большого масштаба (по пространственно-временным показателям), изложить его в категориях стереоскопического взгляда, многогранности, противоречивости и, осознавая неполноту своих знаний, не ставили себе недостижимой цели объять необъятное, остерегались упрощенного, то есть превратного, искаженного представления о прошлом человечества.

Попытка объяснить психологию личности ученого, стремившегося к разработке алгоритма междисциплинарного дискурса, могла бы составить еще одну исследовательскую проблему, которую мы планируем решать, изучая социокультурные практики³⁴ М.М. Хвостова, наполнявшие его жизнетворчество смыслом, и, кроме того, обращаясь к интеллекту-

альным портретам научных кумиров профессора, так же, как и он, заслуживших репутацию осторожных и скромных исследователей³⁵.

На примере профессиональной биографии М.М. Хвостова можно продемонстрировать устойчивость образовательных традиций в Императорских университетах России, роль преемственности и новаций в разработке разными поколениями отечественных историков наиболее значимых для их сознания и гражданской позиции проблем исследования, а также способов их изучения. Его ученые штудии — это яркий пример влияния культурно-исторической среды на выбор научного кредо, воздействия корпоративной солидарности на формирование «устойчивых привычек мысли и действия, установившихся рамок деятельности, часто сохраняющихся вопреки всем правилам логики»³⁶.

Проблема влияния узаконенных в профессиональном сообществе историков правил и норм осуществления эмпирических и логико-методологических операций также важна для понимания творческой лаборатории М.М. Хвостова, так как стеснявший свободу творчества «плен» общепризнанных теоретических установок, философских ориентаций, концепций и подходов, традиций научной школы он ощущал постоянно, и, не решаясь бросить вызов руководившим его сознанием «чертежам», подчинялся формату дискурса — «схемам», направлявшим его сознание в predetermined научным регламентом направления³⁷.

Перечисленные проблемы нам представляются по-настоящему важными в современной теоретико-методологической ситуации, которая характеризуется, в частности, интересом к творчеству ученых, переживших немало поворотов в своей научной и профессиональной биографии. Изучение их образа мыслей, своеобразия гносеологических и методологических поисков открывает возможность рассмотрения истории гуманитарных наук в «контексте личных судеб... сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи»³⁸.

Подобный дискурс является логическим продолжением наших исследований, предпринятых с учетом принципов нового направления изучения истории интеллектуальной мысли³⁹: не в традиционной историографической версии «инвентаризации» идей, направлений и школ, а в перспективе постижения индивидуальной «творческой лаборатории, исследовательской психологии и практики» знаменитых творцов науки⁴⁰.

Сложное, противоречивое, эклектичное в своих базовых эпистемологических ориентациях наукотворчество М.М. Хвостова, направленное на создание образа античной социологической истории, достойно быть предметом научной рефлексии. Так мы получаем возможность воздать почести и выразить уважение к заслугам этого яркого ученого и педагога по случаю приближающегося 150-летия со дня его рождения и 100-летия со дня безвременной кончины. К М.М. Хвостову в полной мере можно применить слова, высказанные им самим в адрес Т. Моммзена: «Кратко личность покойного можно охарактеризовать так: это был человек труда. Природа богато одарила его, он же употребил все силы, чтобы дары природы не пропали втуне»⁴¹.

1. Историография античной истории. М. 1980, с. 174.
2. Там же; ПУТНЫНЬ Э.К. Изучение истории Древней Греции. — Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М. 1963, с. 390—393.
3. ШОФМАН А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань. 1979, с. 7.
4. ХВОСТОВ М.М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. — 284 г. по Р.Х.). Казань. 1907, с. XXVII.
5. Профессора П.Г. Виноградов и В.И. Герье известны в науке как медиевисты и специалисты по истории Нового времени, но в период обучения М.М. Хвостова в Московском университете они читали курсы по истории Древней Греции и Рима. См.: КАРЕЕВ Н.И. Памяти двух историков. — *Анналы: журнал всеобщей истории*. 1922. № 1, с. 158, 164; МАТВЕЕВА И.Н. К вопросу о научной и педагогической деятельности М.М. Хвостова. — *Вопросы историографии всеобщей истории*. Казань. 1968. Вып. 3, с. 146.
6. ХВОСТОВ М.М. Лекции по методологии и философии истории. М. 2011, с. 85.
7. МАЛИНОВ А.В., ПОГОДИН С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб. 2001, с. 174; МЕДУШЕВСКАЯ О.Н. Методология истории как строгой науки. В кн.: ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А.С. Методология истории: в 2 т. Т. 1. М. 2010, с. 51.
8. ХВОСТОВ М.М. Лекции по методологии и философии истории, с. 22—23.
9. Там же, с. 8, 29.
10. Там же, с. 12—13, 20, 32—38.
11. Там же, с. 37, 40—41.
12. Там же, с. 12.
13. Там же, с. 18, 31.
14. Там же, с. 39, 40, 52, 60, 76, 83.
15. Там же, с. 24—25.
16. ХВОСТОВ М.М. К вопросу о задачах истории. — Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М. 1909, с. 819—820.
17. ЕГО ЖЕ. Лекции по методологии и философии истории, с. 32, 38.
18. ЕГО ЖЕ. К вопросу о задачах истории, с. 821, 824.
19. Там же; ХВОСТОВ М.М. Лекции по методологии и философии истории, с. 86.
20. РАМАЗАНОВ С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград. 1999, с. 56.
21. ХМЫЛЛЕВ Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск. 1978, с. 72, 76, 78—79, 81, 98, 102—104.
22. Термин принадлежит А.Н. Пыпину. См.: ПЫПИН А.Н. История русской этнографии: в 2-х т. Т. 2. СПб. 1891, с. 4.
23. ИСКЕНДЕРОВ А.А. Историческая наука на пороге XXI века. — *Вопросы истории*. 1996. № 4, с. 18.
24. ФРОЛОВ Э.Д. Русская наука об античности. СПб. 1999, с. 395.
25. ВИППЕР Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания. В кн.: ВИППЕР Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки. М. 1912, с. 26; ЕГО ЖЕ. Новые горизонты исторической науки. Там же, с. 261; МАРКОВНИКОВ В. Из новейшей литературы по вопросам исторического познания. — *Вопросы философии и психологии*. 1906, кн. V (85), ноябрь-декабрь, с. 442—443; ПЕТРУШЕВСКИЙ Д.М. О задачах всеобщей истории как науки. — *Образование: педагогический и научно-популярный журнал*. 1898. № 2, февраль, с. 1—2; ЕГО ЖЕ. Тенденции современной исторической науки. — *Образование*. 1899. № 5—6, май-июнь, с. 103, 104.
26. ХВОСТОВ М.М. К вопросу о задачах истории, с. 794.
27. Там же, с. 791—792, 794, 814, прим. 1.
28. БУЗЕСКУЛ В.П. Характерные черты научного движения в области греческой истории за последнее тридцатилетие. — *Русская мысль*. 1900. Кн. II, с. 79.
29. КОРЗУН В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Омск-Екатеринбург. 2000, с. 38.
30. НЕЧУХРИН А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) Гродно. 2003, с. 23, 189, 243.

31. ГРАЦИАНСКИЙ Н.П. Памяти М.М. Хвостова: речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года. — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXI. Вып. 1—3, с. 94; БУЗЕСКУЛ В.П. М.М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте. Казань. 1914. — Голос минувшего: журнал истории и истории литературы. 1915. № 3, март, с. 290; КРЕЧМАР М.А. Михаил Хвостов. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. — 284 г. по Р.Х.). Казань. 1907. — Критическое обозрение. 1907. № IV, с. 31; ХВОСТОВ М.М. Изучение экономического быта в древности (Две полемики). — Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1900, июнь, с. 286—288, 302—303.
32. ХВОСТОВ М.М. Лекции по методологии и философии истории, с. 51.
33. ЕГО ЖЕ. История Греции. М. 1924, с. 11.
34. Примеры социокультурных практик ученых — современников М.М. Хвостова — находим у О.М. Медушевой. В наукотворчестве А.С. Лаппо-Данилевского она выделяет три типа рефлексий этого многогранного мыслителя, ученого, академика, педагога: 1) собственный исследовательский опыт конкретного изучения культурных объектов; 2) опыт непосредственного взаимодействия с познавательным процессом других людей и осмысление этого опыта с позиций психолога, педагога, лектора, администратора, активного участника научных сообществ; 3) опыт рефлексии над теоретико-познавательными идеями, философскими направлениями, с различных позиций освещавшими ключевые проблемы эпистемологии гуманитарного знания. См.: МЕДУШЕВСКАЯ О.Н. Ук. соч., с. 54—55.
35. К их числу, например, принадлежал А.С. Лаппо-Данилевский. См.: МАЛИНОВ А.В., ПОГОДИН С.Н. Ук. соч., с. 231. Среди социологов этими качествами обладали О. Конт и М.М. Ковалевский. См.: САФРОНОВ Б. Г. М.М. Ковалевский как социолог. М. 1960, с. 51, 230. Про О. Конта, в частности, сказано: «В агностицизме О. Конта желали видеть прежде всего продукт научной осторожности и скромности, присущих подлинным деятелям науки, которые всегда тщательно соразмеряют доводы с выводами, средства с задачами...» (САФРОНОВ Б.Г. Ук. соч., с. 51).
36. БРОДЕЛЬ Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. В кн.: Философия и методология истории: сборник статей. М. 1977, с. 126.
37. Термины, взятые в кавычки, принадлежат Р.Ю. Випперу. См.: ВИППЕР Р.Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания, с. 30—33.
38. РЕПИНА Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. 1998, с. 245.
39. НОВИКОВ М.В., ПЕРФИЛОВА Т.Б. Вопросы теории исторического познания в трудах Р.Ю. Виппера. — Университетский научный журнал. 2012. № 2, с. 101—118.; ПЕРФИЛОВА Т.Б. Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В.П. Бузескула. Ярославль. 2007; ЕЕ ЖЕ. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф.Ф. Зелинского. Ярославль. 2009.
40. РЕПИНА Л.П. Ук. соч., с. 241.
41. ХВОСТОВ М.М. Теодор Моммзен. — Научное слово. 1904. Кн 1, с. 102 (курсив М.М. Хвостова).

Патриот и гуманист: памяти кубинского ученого Эмилио Роига де Леучсенринга (1889—1964)

Л. А. Ивкина

Аннотация. Эмилио Роиг де Леучсенринг — видный кубинский историк, социолог, юрист, издатель, крупный общественный деятель. Творчество Э. Роига де Леучсенринга, наполненное глубоким патриотизмом и гуманизмом, было посвящено исследованию прошлого и настоящего Кубы. Эмилио Роиг де Леучсенринг внес важный вклад в борьбу против искажения и фальсификации истории страны и заложил основы прогрессивной демократической историографии Кубы.

Ключевые слова: Э. Роиг де Леучсенринг, демократическая антиимпериалистическая историография Кубы, политика США, национально-освободительная борьба на Кубе в XIX в., «поправка Платта», «псевдореспублика».

Abstract. Emilio Roig de Leuchsenring is a prominent Cuban historian, sociologist, lawyer, publisher and public figure. E. Roig de Leuchsenring's work, filled with deep patriotism and humanism, was devoted to the study of Cuba's historical past and present. His historical writings have made an important contribution to the fight against the distortion and falsification of the country's history and laid the foundations for the progressive democratic anti-imperialist historiography of Cuba's history.

Key words: E. Roig de Leuchsenring, democratic anti-imperialist historiography, U.S. politics, national liberation struggle in Cuba in the 19th century, «Platt amendment», «pseudo-republic».

В августе 2019 года исполнилось 130 лет со дня рождения и 55 лет со дня смерти видного кубинского историка, социолога, журналиста, крупного общественного деятеля, основоположника антиимпериалистической историографии Кубы Эмилио Роига де Леучсенринга. Он принадлежал к поколению кубинцев, которым пришлось творить в самые значимые периоды истории страны: родиться, когда Куба еще была испанской колонией, быть свидетелем освободительной борьбы кубинского народа 1895—1898 гг., испано-американской войны 1898 г. и последовавшей затем оккупации острова американскими войсками (1899—1902), жить

Ивкина Людмила Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: lais07@mail.ru.

Ivkina Liudmila A. — PhD (History), senior researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lais07@mail.ru.

и работать в годы «псевдореспублики» (1902—1959), отягощенной «поправкой Платта» (1901) и неравноправным торговым договором с США (1903), и, наконец, стать очевидцем рождения свободной независимой Кубы (1959).

Диапазон творческой деятельности Эмилио Роига де Леучсенринга (далее — Э. Роига) был весьма широк, а грани таланта чрезвычайно многообразны. Он оставил после себя богатейшее наследие: свыше 75 исторических работ, брошюр, тысячи статей, опубликованных как в кубинских, так и в зарубежных периодических изданиях, обширное эпистолярное наследие.

Э. Роиг родился в Гаване 23 августа 1889 г. в семье, владевшей фармацевтическим бизнесом. Первоначальное образование получил в иезуитском колледже Белен; в 1908 г. получил степень бакалавра литературы и искусств; в 1917 г., увлекшись юриспруденцией, закончил юридический факультет Гаванского университета и получил степень доктора по гражданскому и нотариальному праву. Впоследствии история международного права стала господствующей тематикой в его главных исторических трудах.

В годы отрочества и юношества Э. Роигу выпала честь общаться с лидерами освободительной борьбы кубинского народа Мануэлем Сангили (1848—1925), Энрике Колясо (1848—1921), Хуаном Гуальберто Гомесом (1854—1933), представителями либеральной буржуазной интеллигенции, такими как Энрике Хосе Варона (1848—1933), слушая их рассказы о героических событиях. Это оказало огромное влияние на формирование его политических и гражданских взглядов.

Первые десятилетия существования «псевдореспублики» показали, что Куба, освободившись от испанского гнета, оказалась в тисках еще более жесткой экономической и политической зависимости от северного соседа — США. Навязав неравноправные экономические договоры и «поправку Платта» (1901), ущемлявшие национальный суверенитет Кубы, американские империалисты начали активно завоевывать стратегические позиции в ведущих отраслях экономики страны, прежде всего в производстве сахара. Экономический кризис 1920—1922 гг., выразившийся в падении цен на сахар и спровоцировавший разорение сотен кубинских землевладельцев и предпринимателей, не связанных напрямую с американскими монополиями, ускорил вызревание антиамериканских настроений в обществе. Вмешательство США во внутренние дела страны и коррупция на государственном уровне, разъедавшая моральные устои общества, стали восприниматься как предательство идеалов борьбы за независимость и главная причина нищеты и бедствий кубинского народа. В стране процветали взяточничество, коррупция, стремление к личному обогащению, что особенно ярко проявилось в годы правления А. Сайаяса (1921—1925) и диктаторского режима Х. Мачадо (1925—1933). Осознание того, что созданная в 1902 г. Кубинская республика была далека от того идеала независимости, о котором мечтали кубинские революционеры прошлого века (К.М. де Сеспедес, А. Масео, Х. Марти, М. Гомес и другие), все более овладевало умами представителей прогрессивной кубинской общественности: интеллигенции, мелкой и средней национальной буржуазии города, ветеранов освободительной эпопеи последних десятилетий прошлого

века, формирующегося рабочего класса, молодежи. В таких исторических условиях в кубинском обществе происходило становление национального самосознания, нового политического мышления, что проявилось в возникновении акций протеста, организаций гражданской оппозиции, выступавших за «возрождение моральных устоев Родины».

Среди многочисленных протестных движений того периода важная роль принадлежала «Группе меньшинства» (*El Grupo minorista*, 1924), в которую вошли представители прогрессивной творческой интеллигенции и передовой студенческой молодежи, объединившиеся вокруг печатного органа Эль Сосиаль (*El Social*), директором которого был Э. Роиг, одна из ключевых фигур этой организации. Требования кардинальных преобразований в стране получили наиболее полное выражение в программе этой организации — «Декларации принципов», подготовленной Рубеном Мартинесом Вильеной и принятой 7 мая 1927 года. В декларации было заявлено о насущной необходимости «пересмотра фальшивых ценностей»; оппозиционеры выступали «за народное искусство в целом в его различных проявлениях; за распространение и популяризацию на Кубе последних теоретических и практических, художественных и научных доктрин; за реформу народного образования, против порочной коррумпированной системы выборности преподавательского состава; за университетскую автономию; за экономическую независимость Кубы и против американского империализма; против политических диктатур в мире, в Америке и на Кубе; против фальсификации избирательной системы, за более широкое участие народа в политической жизни страны, за улучшение экономического положения фермеров и сельскохозяйственных работников; за союз и солидарность со всеми странами Латинской Америки»¹.

Э. Роиг был организатором и участником многих других прогрессивных организаций и обществ, оставивших заметный след в общественно-политической жизни страны в эпоху «псевдореспублики»: активным деятелем кубинской секции Антиимпериалистической лиги, организованной Х.А. Мельей (1903—1929); участником «протеста тринадцати» (1923), главным историографом Гаваны, основателем Бюро по изучению истории города, издательства, музея, библиотеки и муниципального исторического архива; создателем Кубинского общества исторических и международных исследований и организатором Национальных исторических конгрессов. Помимо этого, Э. Роиг был членом Кубинской академии истории (1938), Национального союза археологии и этнологии, Национальной коллегии журналистов, Комиссии по монументам, зданиям и историческим местам Гаваны, Кубинского общества международного права, коллегии адвокатов Гаваны и т.д. Э. Роиг — основатель и редактор таких периодических изданий, как *Revista de derecho* (1913—1917), *Gráfico* (1913), *Revista de Derecho Internacional* (1922), *Cuba Contemporánea* (1923). С 1916 года он работал редактором престижного журнала *El Social*, ставшего главным печатным органом «Группы меньшинства», а с 1925 г. был его литературным редактором. Одновременно (1925—1930) Э. Роиг являлся вице-директором журнала *Carteles*. Кроме того, он сотрудничал с различными периодическими изданиями: *Revista Jurídica* (1912—1913), *Archivos del Folklore Cubano* (1924), *El Mundo*, *Revista Bimestre Cubana*, *Alma Latina*, *El Teatro*, *El Geraldo de Cuba*, *El País*, *Bohemia*, *Revista de la*

Universidad de la Habana, la Discusión и др. Его литературные псевдонимы — Cristóbal de la Habana, El curioso parlanchín, Enrique Alejandro de Hermann, U. Noquelovió, U. Noquelosabe. В 1921 г. он предпринял путешествие по странам Европы, Латинской Америки, США и Испании. Был одним из первых кубинцев, посетивших Советский Союз.

Творчество Э. Роига, наполненное глубоким патриотическим смыслом, было посвящено изучению истории Кубы XIX и первой половины XX веков. В 20-е годы, уже завоевав заслуженное признание и популярность среди прогрессивной интеллигенции, историк концентрирует внимание на исследовании проблем, которые станут одним из главных направлений его научного творчества. Знание международного права и увлеченность этой тематикой позволили Э. Роигу глубже понять основные проблемы его родины, стать одним из главных обличителей существующей системы ценностей, выступить с критикой агрессивной внешней политики США и роли американского империализма, посягнувшего по праву силы на свободу и независимость страны.

В своих работах, вышедших на Кубе в первой четверти XX в., Э. Роиг проследил основные этапы американской внешней политики по отношению к Кубе и странам Латинской Америки, дал оценку доктрине Монро, прикрываясь которой, США стремились укрепить свое экономическое и политическое влияние на латиноамериканском континенте, изобличил сущность кубинских политиканов, ставших откровенными приспешниками американского капитала ².

Расцвет творчества Э. Роига пришелся на 30—50-е гг. XX в. Его исследовательская и общественная работа велась по нескольким направлениям: издание собственных исторических трудов, деятельность в качестве главного историографа и основателя Бюро по изучению истории Гаваны, а также создателя Кубинского общества исторических и международных исследований и организатора Национальных исторических конгрессов.

В 1935 г. Э. Роиг был назначен главным историографом Гаваны, а с 1936 по 1964 год бессменно руководил созданным им Бюро истории Гаваны, архивом, библиотекой и музеем. В организованном при Бюро издательстве вышли такие известные публикации, как Cuadernos de historia habanera, Actas capitulares del Ayuntamiento de la Habana, Colección histórica cubana y americana.

В 1940 г. по инициативе Э. Роига было создано Кубинское общество исторических и международных исследований, а с 1942 по 1960 год проведено 13 национальных конгрессов истории, сыгравших исключительно важную роль в формировании прогрессивной, демократической исторической науки на Кубе.

Кубинское общество исторических и международных исследований поставило себе задачу ознакомить граждан страны с подлинной историей Кубы, утвердить веру кубинцев в поступательное историческое развитие их нации, пробуждать в населении здоровый патриотизм. Общество неустанно боролось с любыми фальсификациями и ложными теориями относительно прошлого Кубы, особенно в отношении истории героической освободительной эпопеи кубинского народа последней трети XIX в. Такая просветительская деятельность была крайне необходима, так как кубинцам внушали мысль, что они оказались неспособны сами завоевать независи-

мость и что только при помощи северного соседа — США — получили долгожданную свободу. «Вмешательство США в испано-кубинскую войну 1895—1898 гг. и последующая оккупация острова американскими войсками, а также принятие «поправки Платта» к конституции 1901 года еще более усилили скептицизм и неверие кубинцев в свои силы»³ Известный кубинский историк Хулио Ле Риверенд подчеркивал, что Национальные исторические конгрессы способствовали разоблачению антинациональных взглядов на историю Кубы, восстановлению подлинной истории страны, как ее прошлого, так и настоящего, предоставляя «единственно возможное в то время поле для дискуссий по проблемам исторической науки». Конгрессы превратились по существу в «трибуну прогрессивных сил»⁴.

Э. Роиг внес важный вклад в обновление исторических исследований, борьбу против фальсификации истории Кубы. Четыре главные, на наш взгляд, темы стали ведущими в его творческой деятельности в качестве историка. Именно они заложили основу для складывания демократической историографии Кубы в первой половине XX в.:

1) политика США в отношении Кубы в XIX в., разоблачение агрессивной сущности американского империализма в период испано-кубинской войны 1895—1898 гг., социально-экономические и политические последствия американской оккупации острова США (1899—1902), цель «поправки Платта» (1901);

2) подлинная история национально-освободительной борьбы кубинского народа против испанского колониализма в последней трети XIX в.;

3) популяризация революционной деятельности лидеров освободительной борьбы, жизнь и творчество революционера-демократа Хосе Марти;

4) сохранение исторического наследия Кубы, памятников и монументов, архитектуры колониальной Гаваны⁵.

Важным вкладом историка в исследование сущности американской политики в отношении Кубы стал его труд «История поправки Платта: интерпретация кубинской реальности». В предисловии к первому изданию (1935) Э. Роиг писал, что намеревался создать монументальный труд, в котором хотел осветить все стороны взаимоотношений США и Кубы и таким образом вскрыть самые болезненные проблемы кубинского общества: политика США в отношении Кубы в XIX в. (1805—1902); «поправка Платта» и ее роль в истории Кубы; американский империализм в годы «псевдореспублики» (1902—1935). Однако, учитывая возникшую в стране политическую ситуацию (после свержения диктатуры Мачадо (1925—1933) в мае 1934 г. был подписан новый договор между двумя странами), Э. Роиг решил сначала написать и издать в 1935 г. историю «поправки Платта».

По существу, «История поправки Платта», один из главных трудов Э. Роига, представляет собой синтез его предыдущих работ, написанных в 20-е годы. «Эта книга, — писал он, — носит откровенно антиимпериалистический характер, так как поглощение и эксплуатация Кубы американским империализмом является реальностью, которую признают и социологи, и экономисты, и историки независимо от их идеологической принадлежности...» В своей работе «мы применили материалистический метод исследования для того, чтобы объяснить кубинскую историю, так

как считаем его верным и единственно правильным, который поможет нам, свободным от всякого рода сектантства и оппортунизма, найти средства и решения политических, экономических и социальных проблем нашей страны и найти путь для строительства будущей Кубы, который не состоит только в упрощенной замене одних людей и законов другими, но в полной трансформации режима эксплуатации, от которых страдает Куба и кубинский народ, и замене его другим поистине народным, для крестьян и рабочих»⁶.

Автор причислял себя к первой группе оппозиционеров, начавших кампанию по разоблачению истинной сущности «поправки Платта» еще с 1919 г. «По мере того, — писал он, — как мы углублялись в изучение кубинских проблем и анализировали причины, порождавшие зло, от которого страдали, причины, прояснившиеся благодаря изучению этого большого социального явления в его теоретическом и практическом аспектах, и по мере того, как мы применяли материалистический метод к анализу и объяснению кубинских исторических событий, мы решительно и бесповоротно включились в группу борцов антиимпериалистов»⁷.

Используя различные документы и источники, Э. Роиг проследил основные этапы политики США в отношении Кубы на протяжении всего XIX в., главные причины развязывания испано-американской войны 1898 г., последующей оккупации острова американскими войсками и введение оккупационного режима (1899—1902); выявил сущность «поправки Платта», узаконившей право на вмешательство во внутренние дела острова и поправшей принцип суверенитета страны. Автор детально проанализировал деятельность Учредительного собрания и усилия кубинских депутатов, стремившихся не допустить принятия «поправки Платта», особенно ее третьей статьи, провозгласившей право на интервенцию США на Кубу.

Последующие части этого труда были опубликованы как самостоятельные работы в конце 50-х — начале 60-х гг. В четырехтомном труде «Соединенные Штаты против свободной Кубы» рассматриваются основные этапы политики США в отношении Кубы в период с 1805 по 1902 гг., а в двухтомнике «Соединенные Штаты против республиканской Кубы» исторический материал доводится автором до президентских выборов 1912 года⁸.

Важное место в научном творчестве Э. Роига занимало исследование и объективное осмысление героического прошлого кубинского народа, его борьба против испанского колониализма в годы Десятилетней войны за независимость 1868—1878 гг. и освободительной борьбы 1895—1898 гг. Историк стремился донести до каждого кубинца правду о событиях героической тридцатилетней эпопеи, осветить поступки и деятельность подлинных национальных героев того времени, опровергнуть домыслы, искажавшие реальную картину событий и целей борьбы. Автор пришел к выводу, что революция 1868 г. стала горнилом, в котором сплывались два этнических элемента, составивших впоследствии кубинскую нацию. Он отметил, что Санхонский пакт (*компромиссный договор между Испанией и кубинскими повстанцами, заключенный в феврале 1878 г. — Л.И.*) не был ни поражением кубинцев, ни победой Испании. Од давал передышку. И последующие события (многочисленные революционные вы-

ступления, Малая война (1879—1880) и национально-освободительная борьба кубинского народа (1895—1898) стали доказательством несокрушимости идеалов независимости⁹.

Касаясь истории национально-освободительной войны 1895—1898 гг., которую он называл войной Марти, Э. Роиг отмечал, что она привела в движение почти все население острова и особенно эмигрантов-табачников, осевших в США после Десятилетней войны 1868—1878 гг. Он показал огромное значение этого этапа борьбы, прерванного вмешательством США, вынудивших уже ослабленную и беспомощную Испанию принять Парижский мирный договор 1898 г. и передать бразды правления островом американцам. Э. Роиг приводит мнения многих испанских государственных деятелей, пытавшихся любой ценой подавить начавшееся освободительное движение.

Э. Роиг первым из кубинских историков объединил два этапа борьбы в единый освободительный процесс, назвав его героической тридцатилетней эпопеей. В предисловии к первому изданию своей работы «Освободительная тридцатилетняя борьба кубинского народа за независимость, 1868—1898 г. Причины победы» он убедительно показал, что оба этапа борьбы, независимо от их особенностей и экономических различий, должны рассматриваться в отечественной историографии как «единый революционный процесс», главная задача которого состояла в освобождении Кубы от испанского господства и достижения независимости¹⁰. Этот тезис был неоднократно подтвержден на исторических конгрессах. На II Национальном конгрессе историков (1943) было принято решение называть войну 1898 г. не испано-американской, а испано-кубино-американской¹¹.

Э. Роиг придавал большое значение популяризации деятельности национальных героев страны, участников борьбы за независимость против испанского колониализма (К. М. де Сеспедеса, А. Масео, М. Гомеса, К. Гарсии и др.). Но особенно важной он считал пропаганду идеологических взглядов и революционной деятельности Х. Марти (1853—1895). В многочисленных трудах, посвященных этому национальному лидеру, Э. Роиг затронул различные стороны его деятельности: неутомимую работу по созданию Кубинской революционной партии (1892) и организации освободительной борьбы 1895—1898 гг., его взгляды на религию, политику Испании и т. д.¹²

Э. Роиг стремился прежде всего подчеркнуть личностные качества Марти, его идеалы: веру в союз испано-американских государств, его интернационализм и патриотизм, понимание необходимости экономической независимости как гарантии независимости политической и главную цель его жизни — видеть Кубу свободной и процветающей. Особо историк отмечал дальновидность Марти по поводу агрессивных планов США по отношению не только к Кубе, но и ко всему латиноамериканскому континенту. Прожив в США достаточно долго, Марти сумел оценить, как положительные, так и отрицательные стороны истории этой страны. Тема усилившейся угрозы поглощения Кубы США в 80—90-е гг. XIX в. стала одной из главных в деятельности Х. Марти. В работе «Хосе Марти — антиимпериалист» Э. Роиг дал глубокий анализ патриотических взглядов Марти, показал значение его революционной

деятельности не только для Кубы, но и для всего латиноамериканского континента¹³.

Э. Роиг был настоящим патриотом и гуманистом, своими трудами и научной деятельностью он воссоздавал подлинную историю Кубы. Он сумел объединить вокруг себя наиболее прогрессивные силы кубинского общества, вне зависимости от политических взглядов и позиций. Э. Роиг не принадлежал ни к какой политической партии, его главный принцип требовал всегда выступать с позиций чести, справедливости и равенства, а главным оружием было слово и перо, слово честного гражданина своей страны. В своих горячих и правдивых статьях по поводу существующей ситуации в стране он удивительно точно характеризовал пороки существующего режима, открыто критикуя диктатуру Х. Мачадо и Ф. Батисты и коррупционную сущность продажных кубинских политиканов.

В 1931 г. в Коста-Рике вышла его работа «Интервенционизм — худшее из зол республиканской Кубы», в которой Э. Роиг разоблачил произвол и деятельность диктаторского режима Мачадо, поддерживаемого США: «Не думаю, чтобы нужны были доказательства незаконности правительства Мачадо, равно как и его политических и административных методов, придающих ему характер олигархической диктатуры на службе у империалистов янки. Все это хорошо известно кубинскому народу — жертве этих методов. Я хочу лишь напомнить, что против продления президентских полномочий, против проинтервенционистской политики, заявленной на VI Панамериканской конференции, против отмены гражданских и личных прав и свобод, против жестких репрессий в отношении оппозиционно настроенных рабочих студентов, журналистов и политических деятелей я выступал всегда и непрерывно, изо дня в день со страниц гаванского еженедельника «Картелес» и ежемесячного журнала «Сосиаль». Эта борьба была начата в 1926 г. и продолжается по сей день, и я буду продолжать ее, пока не исчезнет зло, не будет покончено с ошибками, злоупотреблениями, эксплуатацией, произволом и несправедливостью»¹⁴.

Гражданская позиция Э. Роига как независимого историка, прогрессивного общественного деятеля и журналиста проявилась в ходе VI Панамериканской конференции, проходившей в Гаване в феврале 1928 г. Ожидалось, что на ней будет затронут вопрос об отмене «поправки Платта» и принята единая резолюция, осуждающая вмешательство США во внутренние дела стран Западного полушария. Однако этого не произошло. Э. Роиг назвал позицию делегации Кубы на VI Панамериканской конференции «непристойной», а выступление ее делегата Орестеса Феррары, в котором он защищал интервенционистскую политику США, «ошибочным, вредным и пагубным»¹⁵.

Подобно Марти, он был интернационалистом, откровенно защищал и поддерживал антиамериканские выступления в других странах: Пуэрто-Рико, Доминиканской республике, Гаити, Никарагуа; поддерживал республиканскую Испанию, вступив в созданную в 1939 г. Антифашистскую лигу, симпатизировал Советскому Союзу, дружил со многими прогрессивными политическими деятелями того времени: Рубеном Мартинесом Вильеной, Хулио Антонио Мельей, А. Маринелью, Раулем Гарсия Роа, Х.К. Мариатеги, П. Альбису Кампосом, Хосе Антонио Инхеньеросом, Альфонсо, Рейесем, Габриелой Мистраль и другими.

Сегодня кубинцы свято чтят память об этом удивительном человеке, посвятившем всю свою жизнь служению родине. Он сформировал новое видение истории страны, стал предвестником рождения новой независимой республиканской Кубы. Его критика существующих режимов и коррупционных правительств эпохи «псевдореспублики», его яркие разоблачительные работы о реакционной антикубинской сущности американского империализма подготовили почву для последующих качественных преобразований в стране, подвели к революции 1959 г. Его труды имели огромное воспитательное и идеологическое значение и заложили основы национальной патриотической, демократической, антиимпериалистической историографии Кубы.

С 2003 года на Кубе проводятся научные симпозиумы в честь знаменитого историка, а в день его рождения организуются ежегодные выставки. Особое значение сейчас придается переизданию наиболее важных работ и публикаций. В 1909—1916 гг. было подготовлено и опубликовано четырехтомное эпистолярное наследие, в котором собрано свыше 14 тыс. писем, 5 тыс. из которых принадлежат самому Э. Роигу¹⁶. Издание включает в себя обширную переписку с видными кубинскими деятелями науки, культуры, искусства: Ф. Ортисом, Р. Герра-и-Санчесом, Э. Портель Вила, Х. Ле Риверендом, его учеником А. Нуньесом Хименесом, Раулем Роа Гарсией, А. Аухиером, Алехо Карпентьером; известными политическими деятелями Кубы Х. А. Мельей, Х. А. Маринелью, Р. Мартинесом Вильеной; выдающимися прогрессивными деятелями Латинской Америки. Детальное исследование эпистолярного наследия Э. Роига, поражающего своей масштабностью, позволит высветить новые грани его плодотворной, неутомимой научной и общественной деятельности по сохранению и популяризации исторического наследия своего народа в сфере литературы, искусства, науки, музыки, образования.

Огромную важность представляет и переиздание «Тетрадей по гаванской истории». В 2017—2018 гг. было опубликовано 10 томов, в которые вошли 36 оригинальных номеров (из 75 изданных)¹⁷. Они были представлены на XXVII и XXVIII международных книжных ярмарках в Гаване в феврале 2018 и 2019 гг. Тетради — ценнейший материал не только по истории Гаваны, в них были опубликованы материалы, затрагивавшие широкий круг проблем, в частности, работы, посвященные героической борьбе кубинского народа за независимость против испанского колониализма, опубликованы биографические данные о выдающихся деятелях кубинской культуры, науки и искусства, литературы, содержатся материалы по колониальной истории Гаваны и ее окрестностей, архитектурных памятниках и монументах колониальной эпохи. Кроме того, в них опубликованы записи с исторических конгрессов, которые сейчас являются ценнейшим материалом историографического характера.

В 2004 г. вышли в свет «Статьи о костюмбризме», где собраны 42 работы костюмбристского жанра, написанные Э. Роигом, которые дают представление о новых малоизвестных гранях таланта этого видного историка, гуманиста, и патриота¹⁸.

Его преемник и в настоящее время глава Бюро истории города Гаваны Эусебио Леаль Спенглер, занимающий этот пост с 1968 г., вносит неограниченный вклад в сохранение огромного творческого наследия Э. Роига

де Леучсенринга, который всегда в авангарде передовой прогрессивной общественности отстаивал идеи свободы, справедливости и демократии.

Примечания

1. CAIRO BALLESTER A. El Grupo Minorista y su tiempo. La Habana. 1978, p. 64—69.
2. Notas sobre cuestiones internacionales. — Revista de Derecho. 1910, mayo; Comunicación al general Nelson Miles, Comandante en jefe de las fuerzas destinadas a la campaña en las Antillas (24 de diciembre de 1897). — Revista Mensual de Derecho, Legislación y Jurisprudencia El Foro. 1912. Vol. VIII, № 3. 15 de julio; Los Estados Unidos y América Latina. — Revista Jurídica. Año I (1912). Vol. II; La ocupación de la República Dominicana por los Estados Unidos y el derecho de las pequeñas nacionalidades de América Latina. La Habana. 1919; La Doctrina de Monroe y el Pacto de la Liga de las Naciones. La Habana. 1920; La Enmienda Platt. Su interpretación primitiva y sus aplicaciones posteriores hasta 1921. La Habana. 1922; La ingerencia norteamericana en los asuntos interiores de Cuba (1913—1921). La Habana. 1922; Análisis y consecuencias de la intervención norteamericana en los asuntos interiores de Cuba. La Habana. 1923; La colonia superviva. Cuba a los veintidós años de República. La Habana. 1925.
3. Por su propio esfuerzo conquistó el pueblo cubano su independencia. La Habana. 1957, p. 9.
4. ЛЕ РИВЕРЕНД Х. Историческая наука на Кубе (1899—1959). — Новая и новейшая история. 1966. № 3, с. 138.
5. El intervencionismo mal de males de Cuba Republicana. San José de Costa Rica. 1931; Historia de la Enmienda Platt. Una interpretación de la Realidad Cubana. T. I—II. La Habana. 1935; La Lucha cubana contra la Enmienda Platt, la intervención y el imperialismo yanqui. La Habana. 1937; Trece conclusiones fundamentales sobre la Guerra libertadora cubana de 1895. México. 1945; Weyler en Cuba. Un precursor de la barbarie fascista. La Habana. 1947; Cuba y los Estados Unidos (1805—1898). La Habana. 1949; Cuba no debe su independencia a los Estados Unidos. La Habana. 1950; La lucha cubana por la República, contra la anexión y la Enmienda Platt (1899—1902). La Habana. 1952; Males y vicios de Cuba republicana, sus causas y sus remedios. La Habana. 1959.
6. Historia de la Enmienda Platt. Una interpretación de la realidad cubana. Nota a la primera edición. La Habana. 1973, p. 15—16.
7. Ibid., p. 261.
8. Los Estados Unidos contra Cuba libre. T. I—IV. La Habana. 1959; Los Estados Unidos contra Cuba republicana. T. I—II. La Habana. 1960, 1964.
9. РОИГ ДЕ ЛЕУЧСЕНРИНГ Э. Кубинский народ в борьбе против империализма США. М. 1968, с. 17.
10. La Guerra Libertadora Cubana de los Treinta Años. 1868—1898. Razón de su Victoria. La Habana. 1958, p. 7.
11. Segundo Congreso Nacional de Historia. Acta Final. — Historia y Cubanidad. La Habana. 1943, p. 47—48.
12. Martí y las dos Américas. La Habana, 1933; El internacionalismo antimperialista en la obra político-revolucionaria de José Martí. La Habana. 1935; El ideario cubano de José Martí. La Habana. 1936; Martí y las clases populares. Buenos Aires. 1937; La España en Martí. La Habana. 1938; Martí en España. La Habana. 1938; Las ideas religiosas de Martí. La Habana. 1940; Martí y las religiones. La Habana. 1941; La República de Martí. La Habana. 1943; Martí antimperialista. La Habana. 1953; Martí y la Guerra de los diez años. México. 1954.
13. РОИГ ДЕ ЛЕУЧСЕНРИНГ Э. Хосе Марти — антиимпериалист. М. 1962.
14. El intervencionismo mal de males de Cuba Republicana, p. 31—32.
15. Ibid., p. 26—27.
16. Epistolario. Emilio Roig de Leuchsenring. Vol. 1—4. La Habana. 2009—2016.
17. Cuadernos de historia habanera. T. 1—10. La Habana. 2016—2018.
18. Artículos de Costumbres. La Habana. 2004.

Дети старообрядцев как объект конфессиональной политики региональных властей во второй четверти XIX в. (на материалах Вятской губернии)

В. В. Машковцева

Аннотация. В статье рассматривается правовой статус детей старообрядцев во второй четверти XIX в. На основе анализа нормативно-правовой базы и неопубликованных источников из фондов Российского государственного исторического архива и Центрального архива Кировской области охарактеризованы основные ограничения в сфере семейного права, действовавшие в период царствования Николая I. Особое внимание уделено системе наказаний за совершение староверами противоправных действий, а также роли семьи в условиях конфронтации между старообрядцами с одной стороны и представителями власти и Русской православной церкви — с другой.

Ключевые слова: конфессиональная политика, семейное право, Русская православная церковь, духовенство, старообрядцы, семья, дети, религиозная доминанта воспитания и обучения, домашнее образование, преемственность.

Abstract. The article considers the legal status of children of old believers in the second quarter of the XIX century. Based on the analysis of the regulatory framework and unpublished sources from the funds of Russian state historical archive and the Central archive of the Kirov region is characterized by major limitations in the area of family law in effect at the time of the reign of Nicholas I. Special attention is paid to the system of punishments for committing illegal actions by old believers, as well as the role of the family in the confrontation between old believers on the one hand and representatives of the authorities and the Russian Orthodox Church on the other.

Key words: confessional politics, family law, Russian Orthodox Church, clergy, old believers, family, children, religious dominant of upbringing and training, home education, succession.

Истории старообрядчества посвящен широкий пласт современных исследований. В частности, одним из наиболее разработанных на сегодня аспектов темы является старообрядческая духовная культура, специфика которой отражена в трудах И. В. Починской, И. В. Поздеевой, А. В. Вознесенского, П. И. Мангилева, О. Н. Бахтиной, Е. М. Юхименко¹. Старо-

Машковцева Виктория Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. E-mail: wikma116@rambler.ru.

Mashkovtseva Victoria V. — PhD (History), associate professor of History and Political Sciences of Vyatka State University. E-mail: wikma116@rambler.ru.

обрядчество как социальное явление, особенности семьи в понимании староверов находятся в центре внимания И.В. Куприяновой². Изучением старообрядцев-странников и их скитских общин занимается Е.Е. Дутчак³. Специфика этики предпринимателей-старообрядцев нашла отражение в работах В.В. Керова⁴. Эти и многие другие аспекты староверия исследуются как на российском, так и на региональном уровне, что свидетельствует о неизменном интересе ученых к истории русского старообрядчества. Данная статья посвящена анализу конфессиональной политики властей в отношении старообрядческой семьи. Особое внимание уделено положению и правовому статусу детей приверженцев «древнего благочестия» во второй четверти XIX века. Обозначенная проблема рассмотрена на материалах Вятской губернии, в то время одного из центров староверия в России.

Законодательство Российской империи, регламентировавшее конфессиональную политику властей по отношению к старообрядцам в период царствования Николая I, содержало ряд серьезных ограничений. Они касаются в том числе и сферы семейного права. Прежде всего, браки старообрядцев, как не освященные Русской православной церковью, не признавались законными, а рассматривались исключительно как «сопряжения любодейные»⁵. В соответствии с этим власти прилагали все усилия для того, чтобы обязать старообрядцев воссоединиться с официальной церковью и согласиться на совершение обряда венчания представителем православного духовенства. В противном случае по закону дети, рожденные в семьях старообрядцев, чей брак не был освящен в православной церкви, не обладали правами наследования⁶. Подобная правовая практика приводила к тому, что «юридически старообрядцы были лишены права на воспроизводство конфессии», а значит, и на продолжение ее существования на законных основаниях⁷. Дети староверов могли претендовать на признание факта рождения законным только в случае их присоединения к официальной церкви, хотя бы на правах единоверия с одним из родителей. При этом близким родственникам, оставшимся последователями староверия, категорически запрещалось оказывать на них негативное, с точки зрения Русской православной церкви, религиозное воздействие⁸. Помимо этого предусматривалась возможность воссоединения детей старообрядцев с официальной церковью после смерти одного или обоих родителей; в этом случае они также могли претендовать на обретение статуса законнорожденного⁹.

В том случае, если дети старообрядцев были крещены православным священником, в дальнейшем родители были обязаны воспитывать их в традициях официального православия, что предполагало «исполнение христианских обязанностей по правилам Православной Церкви», в частности, предоставление сыновей и дочерей к Святому Причастию¹⁰. Тем не менее, несмотря на всю строгость и ограничения действовавшего законодательства, а также жесткие меры наказания в случае его нарушения, старообрядцы были непреклонны в своем желании воспитывать детей в традициях верности «древнему благочестию». Необходимо осознавать, что значила семья в понимании староверов. Наряду со светскими, хозяйственно-бытовыми функциями, она была важна с точки зрения религиозной составляющей: члены семьи образовывали религиозную

общину, что «формировало семью как замкнутую и во многих отношениях самодостаточную группу близких родственников»¹¹. Последнее особенно важно в ситуации конфронтации старообрядчества и официальной церкви, поскольку позволяло не только удовлетворять важнейшие религиозные потребности, но и осознавать свою конфессиональную идентичность. Кроме того, семья же обеспечивала трансляцию духовного, культурного опыта староверия через воспитание детей в его традициях. Замкнутость, характеризовавшая семью или общину старообрядцев, носила не только территориальный, но и социально-педагогический характер, поскольку именно в семье осуществлялось воспитание, целью которого являлась «индоктринация мировоззрения, мироощущения, норм отношений и поведения, соответствующих этико-религиозной доктрине старообрядчества»¹². Воспитание в старообрядческой среде носило домашний характер и было всецело пронизано религией. Таким образом, в рамках семьи происходила максимальная консолидация старообрядцев, охватывавшая все аспекты жизни и обеспечивавшая возможность ее развития как микрокосма.

О том, как складывались взаимоотношения старообрядцев с представителями светской и церковной власти в данной сфере, свидетельствуют архивные материалы. Например, очень суровым было решение по делу о крестьянах Сарапульского уезда Савве, Родионе и Викторе Дехтеревых. Данные старообрядцы, рассматривавшиеся властями как «уклонившиеся в раскол», отказались взять на себя обязательство крестить своих детей и воспитывать их в традициях официального православия. В результате 11 марта 1841 г. Комитет министров распорядился в случае дальнейшего упорства «отдать их, как распространителей раскола, в солдаты, назначив на службу в Кавказский корпус». В ситуации, если староверы окажутся непригодными к несению воинской службы, их следовало сослать в Закавказский край. Примечательно, что на жен фигурантов дела последнее не должно было распространяться автоматически, поскольку следствие сочло их действовавшими «по внушению мужей своих». Обозначенное наказание применялось бы к ним только в случае неповиновения с их стороны¹³. Два старообрядца, проходивших по рассматриваемому делу, Савва и Родион Дехтеревы, вероятно, под влиянием жесткого приговора, приняли решение дать подписку, обязывавшую их воспитывать детей в соответствии с требованиями и традициями Русской православной церкви.

Начало судебных преследований старообрядцев за нарушение действовавшего законодательства в сфере семейно-брачных отношений инициировали представители официальной церкви. В своих рапортах епархиальному начальству они сообщали соответствующую информацию, которая впоследствии доводилась до сведения светских властей. Священник села Боровицкое Орловского уезда Василий Стефанов неоднократно убеждал местных старообрядцев Г. Агалакова, А. Агалакова, П. Деришева и других (бывших адептов официального православия) в необходимости представить своих детей, крещенных по обряду Русской православной церкви, к исповеди и причастию. Герасим Агалаков «за недопущение к исполнению христианских обязанностей детей своих» по решению Комитета министров был подвергнут наказанию в виде тюремного за-

ключения сроком один месяц¹⁴. После воздействия со стороны светских властей в лице орловского земского исправника староверы выразили согласие, но при этом поставили условие — разрешить им «исполнять требы в православии по правилам единоверческой церкви»¹⁵. Вятская духовная консистория не сочла возможным удовлетворить данную просьбу, поскольку ранее старообрядцы дали подписку воспитывать своих детей по правилам православной церкви. Обращение же к единоверию в такой ситуации консистория назвала «соблазном для православных прихожан», а значит, действием недопустимым. В ответ на это Г. Агалаков и П. Дерисhev обратились к епископу Вятскому и Слободскому Неофиту и мотивировали свое нежелание присоединиться к Русской православной церкви. Как выяснилось, они изначально являлись приверженцами поморского согласия. Однако в 1846 г. священник Т. Старцев и земский исправник Караваев заставили их перейти в лоно официальной церкви и крестить детей в православном храме. В случае отказа их хотели «заковать в железа и отослать под караулом к суждению»¹⁶. В условиях силового воздействия со стороны представителей гражданской и духовной власти старообрядцы уступили и согласились крестить своих детей в возрасте от 4 до 9 лет. Впоследствии они осознали ошибочность совершенного шага и, учитывая, что их сыновья и дочери, крещенные в младенчестве по обряду староверов-поморцев, являются малолетними и «не могут понимать закона», просили оставить их приверженцами старообрядчества и не принуждать к исполнению духовных треб представителями православного клира. Ходатайство староверов Вятская духовная консистория отклонила как «неразумное». В ответе крестьянам подчеркивалась их обязанность побуждать своих детей «к неуклонному исполнению христианского долга исповеди и святого причастия <...> и воспитывать всех по правилам святой церкви», о чем с них была взята подписка орловским земским исправником¹⁷. Таким образом, материалы архивных дел рассматриваемой эпохи свидетельствуют о том, что пресечение распространения староверия через воспитание старообрядцами своих детей как приверженцев «древнего благочестия» являлось важным направлением деятельности властей. Это было обусловлено тем, что воспитание в соответствии со старообрядческой традицией должно было обеспечить сохранение религиозной и культурной идентификации «ревнителей древнего благочестия», их духовной самобытности, а значит, продолжение истории староверия.

Один из фигурантов ранее упоминавшегося дела крестьянин-старообрядец Аким Агалаков привлекался к судебной ответственности вместе со своей женой Акулиной за создание семьи без венчания в православном храме. Орловский уездный суд избрал для них мерой пресечения тюремное заключение сроком на 5 дней и увещание со стороны духовных властей. Однако окончательное решение было вынесено Комитетом министров 29 сентября 1842 г. В соответствии с ним А. Агалакова и А. Буякову надлежало отправить в Вятскую духовную консисторию для убеждения их в необходимости возвращения в лоно официальной церкви и венчания по ее обрядам. Их родителей — Пимена и Евдокию Агалаковых, Епистимию Буякову, «допустивших детей своих до безбрачного сожительства», предписывалось заключить в тюрьму сроком на 3 недели¹⁸.

Спустя несколько лет Пимен Агалаков вновь оказался под следствием, был признан виновным в «сворачивании в раскол своих семейных». В соответствии с решением Комитета министров в октябре 1846 г. он был выслан в Закавказский край ¹⁹.

Региональные власти, разумеется, проводили на местах политику в русле общеимперской, строго согласуя свои действия с законодательством и руководствуясь указаниями центральных инстанций. Однако известны случаи, когда решение, предварительно вынесенное уездным судом, оказывалось более жестким, чем постановление Комитета министров. Так, Орловский уездный суд приговорил Акулину Ситникову к тюремному заключению сроком 2 недели, а затем к ссылке в Закавказский край за воспитание своих дочерей, крещенных в официальной церкви, в традициях староверия. Вятская палата уголовного и гражданского суда определила для А. Ситниковой следующее наказание: 25 ударов розгами и обязательство не распространять староверие под страхом ссылки в Закавказский край. Тем не менее Комитет министров 3 сентября 1846 г. ограничил наказание А. Ситниковой тремя месяцами тюремного заключения в том случае, если она не согласится вернуться в лоно Русской православной церкви вместе с детьми. Именно это и было приведено в исполнение ²⁰. Аналогичный приговор Орловский уездный суд вынес в отношении крестьянки Евдокии Лаптевой, вторично привлеченной к судебной ответственности «за противоборство и ослушание в воспитании детей по православию»: один месяц тюремного заключения, а затем высылка в Закавказский край. При этом детей Е. Лаптевой потребовали отдать на усыновление и воспитание ее родственникам — адептам официальной церкви. Согласно же постановлению Комитета министров Лаптеву необходимо было подвергнуть духовному наставлению и если она не воссоединится с Русской православной церковью, строго предупредить об ответственности за распространение староверия среди приверженцев официального православия и единоверцев. Вопреки назиданиям православного духовенства, Е. Лаптева сохранила приверженность старообрядчеству, но тем не менее свою дочь воспитывала, как требовал закон, в традициях официальной церкви ²¹. Скорее всего, последнее связано со страхом наказания в соответствии с нормами права той эпохи, и данный шаг можно рассматривать как соблюдение формальности, но не изменение мировоззрения.

Ситуация в законодательстве, регулировавшем семейно-правовые нормы в сфере государственно-старообрядческих отношений во второй половине XIX века, мало чем отличалась от предшествующего периода. В соответствии с указом от 10 июня 1850 г., при проведении переписи населения жен и детей старообрядцев-поповцев следовало записывать таковыми «на основании полицейских свидетельств или обывательских книг», в то время как детей беспоповцев необходимо было фиксировать незаконнорожденными, их матерей не полагалось называть женами староверов, а требовалось вносить в списки тех семей, к которым они принадлежали по рождению ²². Порой готовность представителей власти строго следовать букве закона приводила к катастрофическим последствиям для старообрядцев. Непризнание староверов супругами выливалось в насильственные действия, направленные на разлучение семей

и «расселение “сведшихся” староверов в прежние места жительства»²³. Например, решение Бийского уездного суда от 30 декабря 1864 г. гласило: «Браки крестьян, соединенные по благословию их родителей... считать не действительными, а как они не согласились совершить брак по православным правилам, то детей их от сих браков признать незаконными и причислить по фамилии матери, обязав отцов сих детей обеспечить содержание последних»²⁴. Ф.Е. Мельников в своем труде «Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви» приводит факты, подтверждающие «страшную, разрушительную трагедию», которую переживали старообрядцы вследствие непризнания правительством их браков законными на примере Усть-Каменогорска: «Заселили они (старообрядцы. — *В.М.*) эту местность еще с 1750 г., жили мирно и трудолюбиво, но молились по старине. И вот началось теперь против них гонение: отыскивают у них попов, запрещают им богослужения, особенно потрясающими сценами сопровождаются расторжения браков. Некоторые старообрядцы живут семьями по несколько лет и имеют кучи детей; и вот семейство разведено, мать с детьми увозят от отца в другую деревню и отдают под наблюдение волостного начальства, нередко при этом она подвергается всевозможным оскорблениям. Семья лишается таким образом поддержки отца. И такие супруги разводятся после десяти и пятнадцати лет брака»²⁵. Показательно, что даже представители губернаторского корпуса — высшей администрации на местах — оценивали такую политику властей как контрпродуктивную, не обеспечивавшую достижения желаемых результатов для властей и, более того, приводившую к негативным последствиям в сфере нравственности. В частности, К.Ф. Эдке, тобольский губернатор, справедливо отмечал, что разлучение мужа и жены не будет результативно, если они будут проживать в прежнем селении, а отправление в отдаленный Закавказский край обернется очень затратным мероприятием, прежде всего, для государственной казны, а также и для крестьянской общины, которая потеряет налогоплательщика. Наконец, в любом случае нужно будет решать вопрос о материальной составляющей «прижитых ими детей-малолеток». И в результате, по мнению К.Ф. Эдке, предложенная мера — разлучение семей — «подаст повод к безнравственности, которой сейчас у старообрядцев нет»²⁶.

Известно, что старообрядцы всегда отличались твердостью религиозных убеждений, готовностью поддержать единомышленников, сплоченностью. Именно эти качества помогали им выстоять в период гонений и репрессий после раскола Русской православной церкви. Однако названные же черты зачастую выливались в агрессию староверов против тех, кто принимал решение воссоединиться с официальной церковью, и приводили к конфликтным ситуациям даже внутри одной семьи, когда, например, родители лишали детей своего благословения и крова. Известны случаи и физической расправы, избиений. Подобная ситуация возникла в семье крестьян Мокрушиных, проживавших в починке Мокрушинском Глазовского уезда. Глава семьи Кондратий Мокрушин, старообрядец поморского толка, не принял решение дочери Варвары о переходе в лоно Русской православной церкви вместе с детьми и выходе замуж за ее адепта Сергея Мокрушина. Поступок дочери Кондратий воспринял как осквернение «древнего благочестия» и после крещения двух детей Варвары православ-

ным священником выступил против приобщения к официальной церкви своего старшего внука Феопемпта. По словам старообрядца, именно он, а не мать, занимался его воспитанием, и потому считал возможным определять его судьбу. Своего внука Феопемпта дед наставлял: «Миленький Феопемпт, смотри, не соглашайся никак идти в их веру, хоть пусть голову тебе отрубят. Смотри, обманут тебя злодеи, не слушай их <...> буди оставишь меня, Бога прогневишь». За желание забрать Феопемпта и крестить его по обряду официальной церкви Кондратий угрожал Варваре в присутствии односельчан: «Я тебя убью до смерти и голову оторву, дождайся, проклятая»²⁷. Вскоре после этого Сергей Мокрушин обратился с жалобой к волостному голове, поскольку его жену избили «до беспомытства» Евтихий и Ирина Мокрушины — брат Варвары и его супруга. Вероятно, последние действовали, находясь под влиянием Кондратия. В ходе проведенного следствия Кондратий Мокрушин не признал своей вины в убеждении внука остаться в староверии. Тем не менее, согласно решению Комитета министров от 3 декабря 1846 г., он отбывал наказание в виде двух месяцев лишения свободы. Все трое — Кондратий, Евтихий, Ирина Мокрушины — были подвергнуты увещаниям со стороны православного духовенства, однако остались тверды в своих религиозных убеждениях и отказались войти в лоно официальной церкви. Кроме того, они были предупреждены об ответственности перед законом в случае, если «будут оказывать свою ересь к соблазну других и даже между семейными своими»²⁸.

Вероятно, подобные конфликты крайне тяжело переживались старообрядческими семьями, что было обусловлено самим восприятием этого общественного института староверами. Семья для них предполагала, прежде всего, крепкие узы, единство, сплоченность, проявлявшиеся и в духовной сфере, и в бытовых отношениях. Старший мужчина в семье — религиозной общине — выполнял функции наставника, организовывал богослужения. «Старший — прадед, дед, отец или, наконец, старший брат, — является в семье поморцев и судьей, и священнослужителем»²⁹. В условиях политики запретов, ограничений, гонений, проводившейся в отношении старообрядцев веками, такой тип семьи обеспечивал им возможность религиозной жизни. Однако он же предполагал незыблемый авторитет родителей, который имел духовно-нравственное обоснование. В соответствии с одной из заповедей, «чти отца твоего и мать твою», старообрядцы свято почитали родителей, что предполагало согласие, единодушие с ними, повиновение им. Власть родителей староверы воспринимали как данную от Бога, а потому неподчинение их воле расценивали как тяжкий грех³⁰. В этом контексте становится понятна острота семейного конфликта, возникшего в семье Мокрушиных.

Власти всегда держали старообрядцев в поле зрения, чтобы не допустить воспитания ими детей адептов официальной церкви. Вятский секретный совещательный комитет по делам о раскольниках установил, что старообрядцы, особенно в Нолинском уезде, «принимают к себе на призрение и для усыновления малолетних детей православного исповедания и внушают им постепенно свои заблуждения». Вятский губернатор в донесении министру внутренних дел оценил это как «едва ли не одно из вернейших средств умножения раскола» и в связи с этим высказался за

строгое воспрещение подобных действий со стороны старообрядцев на законодательном уровне³¹. Соответствующий нормативно-правовой акт последовал 10 октября 1843 г. Закон запрещал сектантам и староверам-беспоповцам, которые отвергали молитву за царя, не признавали таинство брака и потому считались «особенно вредными», «принимать к себе в семейство, под каким бы то ни было видом, детей православного исповедания»³². В противном случае они подвергались наказанию по всей строгости закона. Например, к судебной ответственности за усыновление православного мальчика Панкрата и воспитание его в традициях «древнего благочестия» был привлечен старообрядец поморского толка Фёдор Ситников, крестьянин починка Красный Ключ Лобанской волости Нюлинского уезда. Согласно постановлению Кабинета министров от 31 мая 1838 г., Ф. Ситникова, вина которого в совершении противозаконных действий доказана не была, освободили от следствия и наказания по данному делу. Однако шестилетнего Панкрата власти распорядились передать на воспитание «другим, более надежным родственникам православного исповедания, в случае же отсутствия таковых — отдать на попечение сельского общества»³³.

Немаловажный аспект рассматриваемой темы — обучение детей старообрядцев. По действовавшему законодательству сами старообрядцы не имели права получить свидетельство «домашнего наставника» и заниматься педагогической деятельностью. При решении данного вопроса власти исходили из того, что «основанием воспитания юношей должны быть истинные правила религии», следовательно «раскольник, заблуждающийся в понятиях о вере, не может быть учителем». В связи с указом императора от 28 ноября 1839 г. Министерству народного просвещения запрещалось выдавать старообрядцам «дозвоительные акты на право обучения детей»³⁴. Дети старообрядцев, согласно правилам Святейшего Синода, утвержденным в 1836 г., должны были обучаться у православных священников «домашним образом, в доме одного или двух из членов приходского причта». Программа предусматривала обучение чтению церковной и гражданской печати, а также письму и началам арифметики. При этом закон предписывал всеми способами привлекать старообрядцев к подобному обучению детей. В частности, если их условием будет организация процесса обучения по «книгам старопечатным» или изданным в единоверческой типографии, то с этим следовало согласиться. Священник, выступавший в роли учителя, должен был, «не смущая детей раскольнических и не раздражая родителей их жестокими укоризнами против раскола, внушать им уважение к Православной Церкви и к ее учению». Продолжительность учебного года рекомендовалось ограничить временем с момента окончания осенних полевых работ до начала весенних, то есть с 1 сентября до 1 мая³⁵.

Впоследствии, во второй половине XIX в., в рамках либерализации конфессиональной политики государства в отношении светской власти к старообрядцам произошло определенное смещение акцентов: на смену исключительно жесткой, репрессивной политике пришли меры, направленные на развитие образования, с которым связывались надежды на воссоединение адептов староверия с официальной церковью, и расширение миссионерской деятельности православного духовенства. Особенно

поощрялось совместное обучение детей старообрядцев и приверженцев Русской православной церкви, например в братских школах. В Вятской губернии активную позицию в решении данного вопроса занимало Братство Святителя и Чудотворца Николая. Однако традиционным для старообрядцев, как уже отмечалось ранее, было домашнее обучение детей. Этот выбор обусловлен изначальной конфронтацией старообрядцев со светской властью и РПЦ, вследствие чего «ревнители древнего благочестия» считали неприемлемым обучение своих детей в одних школах с последователями официального православия. В этом они видели «опасность для сохранения веры их потомками»³⁶. Свои же школы старообрядцы не имели права открывать. Если таковые и функционировали, то тайно и лишь до момента обнаружения представителями власти. Между тем специфика старообрядческого религиозного обучения и воспитания, предусматривавшего сохранение духовного опыта, мотивировала старообрядцев к распространению грамотности в своей среде. При этом «возможность грамотной защиты религиозных воззрений считалась основой духовного воспитания»³⁷. Н.И. Костомаров в этой связи отмечает, что для старообрядцев «сфера церковная была... умственной гимнастикой»; «раскольник же только и думал о религии, на ней сосредоточился весь интерес его духовной жизни»³⁸.

В создавшихся условиях в семьях староверов обучением детей, как правило, занимались представители старшего поколения, которые считали необходимым передать свои знания и веру сыновьям и внукам как духовное наследие, нравственный завет. Овладение грамотой было неразрывно связано с духовно-нравственным воспитанием и осуществлялось на основе религиозных книг (Псалтырь, Часослов). Таким образом, на семью возлагалась важная задача — «аккумуляция, консервация и передача религиозно-культурного опыта»³⁹. Часто староверы обучались грамоте и у так называемых «раскольнических девиц», отказавшихся от супружеской жизни и именовавшихся «келейными». Это были грамотные наставницы, пользовавшиеся большим уважением среди старообрядцев. Они исполняли религиозные требы для своих единомышленников. Помимо старообрядцев к ним для овладения грамотой отправляли своих детей и приверженцы официальной церкви. Впоследствии, как отмечал вятский губернатор, «такие дети, выучившись у раскольников, по внушению их становились старообрядцами»⁴⁰. Один из представителей православного клира характеризует процесс обучения в среде старообрядцев так: «Мальчик учится под руководством отца, матери или наставника, какого-нибудь почтенного седовласого старика, который уже бросил землю, сдал ее общине или домашним и посвятил остаток своих сил обучению детей грамоте и закону. Главные предметы обучения: Часослов, Псалтырь и письмо. В последнее время стали учить цифири и книгам гражданской печати»⁴¹. Разумеется, обучение грамоте детей православных верующих старообрядцами считалось противоправным деянием и пресекалось со стороны властей. Помимо этого, существовал еще один способ организации начального образования в старообрядческой среде — «школы-келии». Таких не было в Вятской губернии, но они получили распространение в старообрядческих монастырях, например на территории Московской губернии. В подобных школах могли обучаться

не только дети, но и взрослые. В числе изучаемых предметов были Закон Божий, славянское чтение, церковное пение, чистописание, а также письмо крюковых книг⁴².

Такое внимание, которое старообрядцы уделяли образованию, приносило ожидаемые плоды. Представители православного клира оценивали старообрядцев предвзято, необъективно, видя в них невежественных, абсолютно необразованных людей, которые упорно придерживаются своим взглядам, но не способны грамотно их мотивировать и не желают прислушиваться к мнению религиозного оппонента. Так, например, священник села Кузнецово Уржумского уезда указывает в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они мало знают об учении церкви и о расколе...»⁴³ Между тем светские историки, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Значительная часть русского крестьянства обязана расколу своею грамотностью», — заключает А.С. Пругавин⁴⁴. «Старообрядчество, — пишет М.О. Шахов, — характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности»⁴⁵. Согласно статистическим данным, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23%, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36%, а в северных областях достигал даже 43%⁴⁶. В частности, в Симбирской губернии процент грамотных среди старообрядцев был значительно выше, чем у адептов официальной церкви. Так, уровень грамотности мужчин-старообрядцев составлял 35,2%, в то время как у православных — 26,1%. Аналогичная ситуация наблюдалась и среди женщин: 11,7% против 6,2%⁴⁷. Однако не следует идеализировать ситуацию. К концу XIX в. уровень грамотности старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2%. Это сопоставимо с аналогичным показателем у приверженцев официальной православной церкви — 15,7%⁴⁸.

Таким образом, ограничение прав старообрядцев в сфере семейных отношений является одним из основных направлений в общем комплексе мероприятий в рамках конфессиональной политики властей, направленной на ликвидацию староверия и воссоединение его адептов с Русской православной церковью. Наряду с закрытием молелен и старообрядческих учебных заведений, непризнанием сана применительно к представителям старообрядческого духовенства и запретом священнослужения, этой цели были подчинены требования венчаться и крестить детей по обрядам официальной церкви и в дальнейшем воспитывать их как ее приверженцев. Проводившуюся правительством в союзе с православным клиром политику нельзя признать результативной. Даже путем репрессий, подразумевавших жесткие наказания, в том числе тюремное заключение и ссылку в Закавказский край, властям не удалось пресечь развитие староверия и добиться сокращения численности его приверженцев. Произошло скорее обратное: принятые меры способствовали еще большей консолидации старообрядцев и укреплению их духа. Внешняя обособленность, замкнутый мир семьи позволяли удовлетворять все бытовые и религиозные потребности. Традиции домашнего обучения детей с акцентом на религиозной составляющей обеспечивали их воспитание в русле преемственности и приверженности «древнему благочестию».

1. ПОЧИНСКАЯ И.В. Старообрядческие эсхатологические сочинения XX в. — Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423, с. 157—163; ПОЗДЕЕВА И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества. Первый период. — История СССР. 1988. № 1, с. 84—99; ВОЗНЕСЕНСКИЙ А.В., МАНГИЛЕВ П.И., ПОЧИНСКАЯ И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701—1918): материалы к словарю. Екатеринбург. 1996, с. 81; БАХТИНА О.Н. Старообрядческая литература в контексте христианской традиции понимания слова. — Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11, с. 132—152; ЮХИМЕНКО Е.М. Московская филипповская община и ее книжное собрание. — Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. 2017, с. 550—570.
2. КУПРИЯНОВА И.В. Дохристианские архетипы как фактор сохранения старообрядческой религиозно-культурной самобытности. — Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (43), с. 101—105.
3. ДУТЧАК Е.Е. Биография старовера-странника: проблемы реконструкции. — Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302, с. 80—83.
4. КЕРОВ В.В. Деловая культура старообрядческого купечества Центральной России XVIII—XIX вв. и ее конфессиональные факторы. — Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI—XIX вв.: сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск. 2009, с. 363—366.
5. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб. 1903, с. 121.
6. Там же.
7. ИЛЬИН В.Н. Старообрядческие браки в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в. — Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15), с. 114.
8. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел..., с. 124—125.
9. Там же, с. 124.
10. Собрание постановлений по части раскола. СПб. 1875, с. 341.
11. КУПРИЯНОВА И.В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта. — Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41), с. 327.
12. МУДРИК А.В. Социализация у старообрядцев: механизмы и средства. — Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3, с. 11.
13. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО), ф. 582, оп. 128г, д. 109, л. 19об.
14. Там же, оп. 129, д. 29, л. 7об.
15. Там же, оп. 129а, д. 26, л. 5.
16. Там же, л. 13об.
17. Там же, л. 14об.
18. Там же, оп. 128ж, д. 28, л. 9об.
19. Там же, оп. 129, д. 29, л. 36.
20. Там же, д. 46, л. 10, 11об., 15об.
21. Там же, оп. 129а, д. 22, л. 3об., 5—5об., 43об.
22. Собрание постановлений..., с. 428.
23. БЕЖАН Е.М. Законодательство о старообрядческих браках и семье и особенности его реализации в Западной Сибири в первой половине XIX века. — Омский научный вестник. 2008. № 5 (72), с. 54.
24. ИЛЬИН В.Н. Ук. соч., с. 115.
25. МЕЛЬНИКОВ Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул. 1999, с. 268—269.
26. БЕЖАН Е.М. Ук. соч., с. 54.
27. ЦГА КО, ф. 582, оп. 129а, д. 54, л. 4.
28. Там же, л. 51об.
29. КУПРИЯНОВА И.В. Ук. соч., с. 327.
30. КЛИМОВА С.М., ХИРЬЯНОВА Л.В. Традиционные основы семьи как главный фактор формирования идентичности старообрядчества в эпоху модернизации. — Научные ве-

- домости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 14 (54), с. 30.
31. Собрание постановлений..., с. 336—337.
 32. О восприимчивости раскольникам принимать к себе в семейства детей православных. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825—1881). Т. 18 (1843). СПб. 1844, с. 596.
 33. ЦГА КО, ф. 582, оп. 128 г, д. 46, л. 6.
 34. Собрание постановлений..., с. 269—270.
 35. ЦГА КО, ф. 582, оп. 128 г, д. 47, л. 3об. —5.
 36. СЕВАСТЬЯНОВ И.М. Образовательная деятельность старообрядцев в период 1905—1918 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 2019, с. 19.
 37. Там же, с. 18.
 38. КОСТОМАРОВ Н.И. История раскола у раскольников. — Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. 12. СПб. 1872, с. 384.
 39. КУПРИЯНОВА И.В. Ук. соч., с. 330.
 40. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 4об.
 41. КАШМЕНСКИЙ С. Раскол в Пинюжанской волости Орловского уезда. — Вятские губернские ведомости. 1883. № 6, с. 4.
 42. СЕВАСТЬЯНОВ И. Образовательные начинания старообрядцев в XIX в. URL: http://rpsc.ru/publications/history/sevastyanov_obraz_xix/
 43. ЦГА КО, ф. 274, оп. 1, д. 4, л. 2.
 44. ПРУГАВИН А.С. Старообрядчество во второй половине XIX в.: очерки из новейшей истории раскола. М. 1904, с. 105.
 45. ШАХОВ М.О. Старообрядчество, общество, государство. М. 1998, с. 25.
 46. Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). М. 1910, с. 201—202.
 47. ВИНОГРАДОВ А.А. Образование (грамотность) старообрядцев в Симбирско-Ульяновском Поволжье на конец XIX в. В кн.: Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения. Материалы международной научно-практической конференции. Т. VII: Стабилизация и экономический рост аграрного сектора экономики. Гуманитарные науки и образование. Ульяновск. 2009, с. 350.
 48. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.Х. Вятка. 1904, с. 9, 90.

Переход русинов Австро-Венгрии в лоно православия в конце XIX — начале XX вв.: упущенная для России перспектива

В. В. Михайлов, К. В. Лосев

Аннотация. Статья посвящена малоизученному вопросу церковной политики в отношении русинского населения Австро-Венгрии и Российской империи. Во второй половине XIX в. политика Австро-Венгерской администрации по отношению к русинскому униатскому населению империи претерпела перемены. Победы России в войнах 1849 г. и 1877—1878 гг. вызвали стремление у образованной части русинов к возвращению в лоно православной церкви. Тем не менее, даже во время Первой мировой войны, когда русская армия захватила часть территорий, населенных русинами, военные и чиновники Российской империи излишне осторожно подходили к вопросу перехода униатов в православие, что имело явные негативные последствия как для русинов, вынужденных выбрать украинофильскую ориентацию для защиты своей национально-культурной идентичности, так и для будущего России как лидера славянского и православного мира.

Ключевые слова: национальные меньшинства Австро-Венгрии, русины, униаты, «москвофильство», «украинофильство», русинская эмиграция, Яков Головацкий, Иван Наумович.

Abstract. The article is devoted to the issue of Church policy in relation to the Rusyn population of Austria-Hungary and the Russian Empire. In the second half of the 19th century, the policy of the Austro-Hungarian administration towards the Rusyn Uniate population of the Empire underwent changes. Russia's victories in the wars of 1849 and 1877—1878 aroused the desire of the educated part of the Rusyns to return to the bosom of the Orthodox Church. Nevertheless, even during the World War I, when the Russian army captured part of the territories inhabited by Rusyns, the military and officials of the Russian Empire were too cautious about the issue of converting Uniates to Orthodoxy, which had obvious negative consequences both for the Rusyns, who were forced to choose a Ukrainophile orientation to protect their national and cultural identity, and for the future of Russia as the leader of the Slavic and Orthodox world.

Key words: national minorities of the Austro-Hungarian, Ruthenian Uniates, “russophilism”, “ukrainophilism”, Ruthenian emigration, Yakov Holovatsky, Ivan Naumovich.

Современная сложная ситуация на территориях, пограничных с Россией, в первую очередь, на Украине, актуализирует объективное изучение истории взаимоотношений властных структур в регионе, претендующих на политическое и культурное влияние. Это относится и к такому сложному процессу, как история религиозных и конфессиональных предпочтений национальных групп, во многом определяющих развитие их

культурно-образовательного самоопределения. В отношении русинов, сохранявших в течение длительного исторического периода свою национальную самобытность в условиях вхождения территорий в различные государственные образования, изучение религиозного фактора имеет особое значение. В период усиления влияния Российской империи на Балканах во второй половине XX в. можно было ожидать последовательной политики российского политического руководства и содействия возвращению русинского населения в лоно православия. Однако исторические факты показывают, что этого сделано не было.

«Русинский вопрос» в последнее время вызывает пристальный интерес историков и политологов, но история развития национального и религиозного самосознания русинов на территориях, принадлежащих сегодня сразу нескольким государствам, рассматривается исследователями этих стран зачастую с разных идеологических, геополитических и конфессиональных позиций. Так, польские, венгерские (П. Магоши)¹, польские (К. Заморски)² и чешские (А. Сороковски)³ историки рассматривают униатство в качестве естественной ступени к переходу русинов в лоно господствующей католической церкви, или, в крайнем случае, как фактор, способствующий «нормализации» общегосударственной церковной политики. При этом, культурно-историческая самобытность русин и их стремление к восстановлению традиционной связи с русской Церковью подвергается критике или умолчанию. Современная украинская официальная идеология, принявшая в последние годы откровенно антироссийские формы, в еще большей степени искажает историю русин, полностью игнорируя общерусские корни религии, языка и культурной идентичности.

В отечественной постсоветской историографии история развития культуры, в том числе религиозной, русинского населения находит более объективное отражение. В работах С. Суляка⁴, А. Бахтуриной⁵, К. Соловьёва⁶, М. Чучко⁷ и ряда других историков исследованы различные аспекты как внутреннего состояния русинских обществ и влияния на них внешних политических и военных факторов, так и административных попыток изменить ситуацию в регионах, населенных русинами. Тем не менее, остаются малоизученными такие вопросы, как ситуация с переходом в православие эмигрантских униатских русинских общин, а также общая оценка деятельности российского руководства и общественности в отношении церковной ситуации в русинском обществе.

Из всех возможных путей развития русинской национальной идентичности во второй половине XIX в. доминировали лишь те, которые основывались на «внешнем факторе». Оба «внутренних» варианта, как

Михайлов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП). E-mail: batukom@mail.ru; *Лосев Константин Викторович* — доктор экономических наук, профессор, декан Гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. E-mail: k.losev@mail.ru.

Mikhailov Vadim V. — doctor of historical sciences, professor at the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. E-mail: batukom@mail.ru; *Losev Konstantin V.* — PhD (Economy), professor, dean of Faculty of Humanities, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. E-mail: k.losev@mail.ru.

пишет А. Миллер, «не получили серьезного оформления. Один из этих вариантов можно охарактеризовать как наиболее экзотический — это особая восточнославянская идентичность населения бывшей Речи Посполитой... Второй вариант — наиболее распространенный в сознании обыкновенного русинского крестьянина — узколокальной русинско-галицийской идентичности»⁸ Провенгерский (так, епископ И. Панкович, возглавлявший Мукачевскую греко-католическую епархию в 1867—1874 г., заявлял, что «поскольку нами управляют мадьяры, мы должны стать мадьярами»)⁹ и пропольский варианты потеряли привлекательность для русинского общества после николаевских «жандармских» походов в Европу — подавления польских восстаний в 1830 и 1863 гг. и Венгерского похода 1849 г., когда «побочным эффектом марша бесконечных русских полков через Галицию на подавление венгерского восстания стало формирование у галицийских русинов ощущения, что на востоке есть некая гигантская родственная сила». Тогда впервые русины стали говорить, что в России «по нашему говорят» и «по нашему молятся», — фразу, ставшую девизом всего последующего пророссийского русинского движения. Участник Венгерской кампании М. Д. Лихутин сообщает даже о прямом «породнении» русских солдат с местными жителями: «Между прочим рассказывали, что одна девица, дочь зажиточных родителей, ушла с казаком, другая с денщиком»¹⁰.

Попытки габсбургской администрации воспрепятствовать усилению в обществе «прорусского» настроения встретили активное противодействие. Так, в ходе «азбучной войны» провалилась попытка наместника Галиции А. Голуховского ввести в 1859 г. латиницу в приходских школах (еще в 1852 г. император Франц-Иосиф II издал для галицийской администрации указ, предписывающий отвечать на обращения русинов на местном диалекте латинскими буквами)¹¹. К. А. Соловьёв писал: «Дело здесь было в близости русинов к русским — единственному славянскому народу, который на протяжении всего Нового времени обладал собственной государственностью, а значит, мог беспрепятственно следовать по пути национального строительства, не испытывая при этом ни дискриминации, ни даже малейшего давления с какой бы то ни было стороны»¹². Австрийская администрация была вынуждена уступить, к тому же правительство, стремясь «создать противовес растущему сепаратизму польского дворянства, начинает поддерживать русинское население Галиции как силу, способную противодействовать полякам в Галиции. Русинам была предоставлена возможность начать обучение на родном языке в народных школах и вводить преподавание его в гимназиях»¹³. Однако добиться создания русинской административной единицы в рамках империи так и не удалось, а образованный ужгородский военный округ, «в управлении которым большую роль играли местные русины, а в административной сфере некоторое время использовался русский язык», вскоре был упразднен¹⁴.

При этом существовали и особенности русинского (руського) и русского (российского или московского, как называли его русины) языков. Именно они привели к разделению русинского национального движения во второй половине XIX — начале XX в. на «москвофилов» и «украинофилов»: «приверженцев “народного” (по существу украинского) и “традиционного” литературного языка (т.е. русифицированного церковнос-

лавянского, а потом и великорусского языка)»¹⁵. В 1868 г. было создано «украинофильское» общество самопомощи «Просвита», в 1872 — «москвофильское» Качковское общество, начавшие массовую печать на обоих русинских наречиях. Однако языковой фактор обусловил то, что «окончательно разошлись пути закарпатских и галицких русинов, единого ранее этноса»¹⁶.

Область церковная была фактором, в самой значительной степени отличавшим православную Россию и в большинстве своем униатскую или греко-католическую Красную Рутению (как обозначалась область расселения русинов в источниках до раздела Польши в 1772 г.) и автономии Восточной Галиции (после австро-венгерской конституционной и административной реформы 1865—1867 гг.). К унии русинская церковь в разных областях переходила в течение более чем столетнего периода принуждения, с 1614 г. по 1721 год¹⁷. К середине XIX в. православие сохранялось только на русинских землях, вошедших в состав России. Так, на Холмщине 11 мая 1875 г. в православие возвратилось 236 приходов численностью до 234 тыс. чел.¹⁸, хотя, были и «упорствующие» униаты, которые при первых проблесках религиозной свободы в 1904—1906 гг. перешли в католичество»¹⁹. Основные же территории проживания русинов входили в состав Австро-Венгрии и в подавляющем большинстве признавали в делах Церкви верховенство римского понтифика.

Православие на Буковине в целом оставалось румынским. Русинские и украинские православные часто окормлялись румынскими священниками. Как свидетельствовал польский ксендз Ян Бадени, посетивший Буковину в 1891 г., в Черновицкой гимназии был «отдельный русский преподаватель православного катехизиса и отдельный румынский, а в остальных буковинских средних школах обучение православной религии ведется фактически на румынском языке, хотя в учебном 1890/91 году записались в учительской семинарии 92 русина и только 70 румын»²⁰. На греко-католическом факультете теологического института в Черновцах в 1900 г. обучалось 29 румынских студентов и только один украинец.

В Галиции, почти полностью униатской и католической (по переписи 1857 г. в Галиции из общего числа 3 012 849 чел., 66,53% населения были греко-католиками²¹) с 1727 г. действовал запрет на ввоз православной литературы без особого разрешения²². Впрочем, русины-униаты продолжали называть свою веру «русской», а обряды и даже календарь соответствовали не католическим, а православным образцам²³. Церковные книги, несмотря на препоны, создаваемые властями, русинские приходы получали по большей части из России, а в некоторых церквях сохранялись старые доуниатские книги²⁴. «... Русины признавали верховную власть Папы, но при этом должны были сохранять в чистоте православный обряд. На практике, однако, они вынуждены были уступать давлению со стороны католических иерархов, и их обряды, а также внешний вид священнослужителей все более уподоблялись западному. Некоторые авторы уже в 1850-х гг. писали об этих тенденциях как о факторе, способствующем отдалению русинов от русских»²⁵. Однако «греческий обряд» униатов вызывал негативную реакцию у «чистых» латинян. Польский ксендз Й. Борозич противопоставлял католиков, называя их призванными к священству, как Мельхиседек, униатам, которые, как Аарон, просто наследовали его²⁶.

Особую обеспокоенность вызывали у австрийских властей любые позитивные высказывания о православии. Словак Л. Штур в 1851 г. писал: «В одном из наших церковно-католических журналов “Кирилл и Мефодий”, издаваемом католическим священником Яном Поляриком... на православную церковь указывалось как на единственное средство для объединения католических и протестантских славян. За это... автора заперли в монастырь к монахам ордена Франциска»²⁷.

Победы русской армии на Балканах в 1877—1878 гг. усилили позицию «москвофильского» течения, но это вызвало ответную реакцию правительства Габсбургской империи, использовавшей для подавления ресурсы католицизма. И. Франко писал в 1880-х гг. о давлении римского католичества, в первую очередь иезуитов, на греко-католическое духовенство, требовавшее, чтобы русины отказались «национальной истории с ее “гайдамацкими героями”... от руськой письменности — “московской гражданки”, от руських праздников, и кто знает, может быть и от руського языка»²⁸. Впрочем, антиклерикальная направленность воззваний И. Франко не всегда находила отклик, особенно в русинской глубинке, где религиозные принципы были еще сильны.

Именно в этот период культурной и религиозной реакции австрийского правительства для сохранения национальной идентичности и русинской культуры возникло движение за переход в православие или «обрядовое движение». Одним из первых событий этого движения стала «история обращения к австрийскому правительству в 1882 г. униатских прихожан деревни Гнилички по инициативе одного из лидеров русофилов униатского священника Ивана Наумовича с петицией о разрешении на переход в православие»²⁹.

Прошение имело самую жесткую реакцию властей. Был отправлен в отставку галицкий митрополит, сам Наумович был отлучен от служения, произошла «переделка приходских и епископальных границ, реорганизация униатских (василианских) монастырей под контролем иезуитов...»³⁰ Реформа 1882 г., последовавшая после «демарша» И. Наумовича, во многом противоречила законам, обеспечивавшим в Австро-Венгерской империи свободу вероисповедания. Так, закон 25 мая 1867 г. предоставлял право каждому гражданину по достижении им 14-летнего возраста выбрать вероисповедание и объявить об этом. Однако власти всегда подозрительно относились к переходу из католичества в другую конфессию, православие, протестантизм или иудаизм. Как писали сотрудники журнала «Украинская жизнь», галицкой администрации в вопросе свободы веры была присуща «своеобразность взглядов на законность»³¹.

Вследствие жестокости процесса Наумовича переход в православие стал совершаться индивидуально священниками униатской церкви. «Одним из первых исповедников Святого Православия на Галицкой Руси в XIX веке стал Яков Фёдорович Головацкий (1814—1888 гг.)... Головацкий убедительно доказал, что языком богослужения был и есть церковнославянский язык, а языком литературы, науки и юриспруденции на пространстве от Карпат до Тихого океана был и есть общерусский язык. Этому посвящено его глубокое исследование “Памятники дипломатического и судебно-делового языка русского в древнем Галицко-Волынском княжестве и в смежных русских областях в XIV и XV столетиях” (Львов,

1867)... В 1888 году Головацкий вместе с семьей принял Православие. Будучи униатским каноником, он смиренно присоединился к Святой Церкви как мирянин. Присоединение совершал викарий Литовской епархии епископ Александр, помощник приснопамятного святителя Иосифа (Семашко), вернувшего из унии в Православие Западную Русь. Эта духовная связь просветителей и восстановителей Западной и Галицкой Руси глубоко символична»³².

В 1900 г. в России широко отмечалось 25-летие возвращения в лоно православия Холмских униатов, однако в Галиции и Подкарпатье это празднование не нашло широкого отражения в обществе, вызвав новую волну репрессий со стороны австрийских гражданских и церковных властей. В Львовской семинарии декан факультета теологии выступил с критикой студентов-русинов за то, что они записываются на курсы, которые читаются на их родном языке и игнорируют другие, а в 1902 г. около 60 студентов были исключены за «сочувствие царю и православию». Часть из них эмигрировали в Россию, где начали образовываться общества, поддерживавшие православие в Галиции. Однако большинство галицийских униатов не поддерживали «русофилов», называя тех, кто продолжил обучение в России «янычарской школой в деспотичной России»³³. При содействии властей «украинофильский» лагерь победил, однако это вызвало новые проблемы, в первую очередь, связанные с польско-католическим влиянием в Галиции.

К 1910 г. население Восточной Галиции составляло 5 335 820 чел., 61,74% были греко-католиками, 58,92% считали русинский (рутенский) язык родным. 25,29% населения исповедовали римское католичество, а 39,75% считали родным языком польский. Из общего числа 3 417 223 греко-католиков Австро-Венгерской империи 3 295 335, то есть, подавляющее большинство, проживали в Галиции³⁴. Православными в Подкарпатской Руси оставались лишь 558 чел.³⁵, во всей Галиции — менее 3 000, из которых многие приезжие из России³⁶. При этом, к 1914 г. лишь в менее чем половине государственных начальных школ (2457 из 3368) преподавание велось на русинском языке, а на 96 государственных польских гимназий имелось только 6 русинских³⁷.

После реформы 1891 г. Львовской греко-католической семинарии ее выпускники жаловались, что из-за обучения на латыни, они не знают ни истории православной церкви, ни даже Библии на языке, на котором им предстоит совершать мессу для своих прихожан³⁸. «Русский студенческий кружок факультета теологии», организованный студентами в 1902 г., был вскоре закрыт властями семинарии за русофильскую ориентацию, а в качестве официального органа, дозволенного выражать голос преподавателей и учеников, был основан журнал «Католический Восток». Тем не менее семинаристы-русины не оставили своих попыток сохранить в училище национальный дух, и в 1905 г. создали «Славянский кружок», посредством которого держали связь с униатскими и православными семинаристами Буковины, Закарпатья, Русской Рутении, Словакии³⁹. В Перемышльской семинарии было разрешено только студенческое общество, пропагандировавшее украинский язык в церковной жизни⁴⁰. Схожая ситуация была в Станиславовской семинарии, ориентирующейся на Львовскую. Ситуация накалялась. В 1908 г. украинским студентом был

убит наместник Потоцкий, в 1910 г произошли кровавые столкновения польских и украинских студентов во Львове. Поразительно, но лозунги, под которыми происходили раздоры в 1910-х гг., совершенно современны. Бывший семинарист Осташевский писал в 1914 г.: «Сегодня желание нашего народа, это придти к уровню развития западноевропейской культуры. Во многом эта задача лежит на плечах клира. Поэтому внутри нас должен возникнуть порыв к энергичной работе во имя народа и католической церкви, и будущие поколения расскажут о нашем успехе»⁴¹. Ровно сто лет спустя схожие лозунги раздавались во время кровавых дней киевского Майдана.

В отличие от своих географических соседей — галичан, которые на рубеже XIX и XX вв. в большинстве своем восприняли украинофильскую ориентацию, русины-лемки сохраняли духовное единство с Россией и русскими. Такой ориентации придерживались и лемковские газеты, выходившие на местном диалекте, например, газета «Лемко», печатавшаяся с 1911 года. На волне русофильских настроений некоторые лемковские униатские приходы переходили в православие⁴².

В последние предвоенные годы Россия и Австро-Венгрия неоднократно сталкивались из-за влияния на Балканах, и напряжение между империями нарастало⁴³. Однако разыгрывать «русинскую карту» российская политическая элита не спешила. Вообще, российский официоз не был заинтересован в том, чтобы из-за малочисленной и малоизвестной русинской общины портить и без того не лучшие отношения с Габсбургской империей. В Министерстве иностранных дел многие считали, что надо проявлять осторожность в вопросе о «близости» галицийских русинов с великороссами. Видный российский дипломат, знаток Балкан М.Н. Гирс в 1912 г. писал, что не следует поддерживать стремления русских Прикарпатья к политическому союзу с Россией, но лишь осторожно содействовать развитию культуры⁴⁴. Граф В.А. Бобринский также отмечал, что «мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса государственного воссоединения с нами Червонной Руси»⁴⁵. МИД приветствовал лишь финансовую помощь русинским обществам в Галиции, да и то в 1913 г. на поддержку всех русских в Австро-Венгрии (не только русинов) выделялось всего 200 тыс. руб. при довольно сложной кредитной системе их получения и распределения⁴⁶. Эта громоздкая система должна была служить тому, что «ни австро-венгерское правительство, ни получатели денег не будут знать о роли российского правительства в поддержке “русофильской” партии в Галиции»⁴⁷.

Что касается политики в отношении движения униатских приходов, то как утверждалось в обзоре русинских земель, изданном в Москве в 1915 г., переход в православие нескольких галицких приходов имел очень мало «значения в интересах православия в Галиции» и даже «речь здесь может быть скорее о религиозном индифферентизме, нежели об увлечении новым религиозным учением». Так в приходе Залуче станиславовской епархии после отказа консистории назначить в приход избранного «парохией» священника сельчане объявили о переходе в православии, но после назначения священника весь «приход в 3 000 душ остался в унии, за исключением 10—15 лиц»⁴⁸. Говоря о переходе отдельных униатских священников в православие, авторы сборника утверждали,

что «тем менее факт этот может дать оснований для каких-либо широких обобщений»⁴⁹.

Российские военные в своих планах возможной политики в Галиции в случае ее завоевания в ходе войны с Австро-Венгрией столь же острожно подходили к вопросу возвращения униатов в православие. Начальник Главного штаба российской армии генерал Н. Н. Янушкевич в августе 1914 г. писал в Совет министров, что нежелательно насильственное обращение униатов в православие, и что «... власть наша может, сама тому открыто не содействуя, не препятствовать и даже косвенно помогать обращению галичан в православие; возможно и сохранение ею вполне выжидательного положения»⁵⁰. Эта позиция получила одобрение в верхах, и в сентябре военное генерал-губернаторство Галиции получило высочайшее подтверждение относительно данных «Верховным главнокомандующим указаний относительно осторожного разрешения религиозного вопроса в Галиции. Давайте движения поэтому только тем ходатайствам о воссоединении с православной Церковью, которые совершенно добровольно исходят от самих униатов»⁵¹. Как показали события Первой мировой войны бездействие российских чиновников и военных в отношении защиты русинов и их стремления к национальному и церковному объединению с Россией, дорого стоило не только интеллигенции, но и всему русинскому народу⁵². В августе 1917 г. австрийский император Карл официально изменил названия рутены, рутенский язык на украинцы и украинский язык.

Можно отметить два способа борьбы против политики денационализации русин: переход приходов в православие и эмиграцию. Именно во время гонений на русинское национальное и религиозное движение началась массовая эмиграция русинов Австро-Венгрии в страны Нового Света, где уже в конце 1880-х гг. было образовано Русское православно-католическое общество взаимной помощи⁵³. Именно за рубежом русины, освободившись от административного гнета габсбургской власти и церковного давления Рима, стали все больше сближаться с православным русским населением.

25 марта 1891 г., в Неделю Торжества Православия⁵⁴, в Миннеаполисе епископ Алеутский и Аляскинский Владимир (Соколовский-Автономов) из Сан-Франциско по просьбе отца Алексия Товта воссоединил с Русской православной церковью весь приход в составе 405 человек. Это было первое возвращение русинов-эмигрантов из унии в лоно православной церкви. Протоиерей А Товт, бывший профессор униатской семинарии в Пряшеве, эмигрировал в 1889 г., возглавив русинский приход в Миннесоте. Отец А. Товт до конца жизни вел активную православную агитацию, возглавлял совет униатских священников Миннесоты, склоняя их к возвращению в лоно «старой церкви», и к 1909 г. 17 русинских униатских приходов с 20 000 верующих было присоединено к православию⁵⁵. Уже в 1900 г. возникло «Общество русских православных братств в Америке», издававшее газету «Свет»⁵⁶. С началом войны движение за возобновление церковной связи русинских приходов с православием возросло, и в 1916 г. более 120 приходов в США и Канаде воссоединилось с Русской Православной церковью в Америке. Однако в Канаде, будучи в большинстве эмигрантами из Австро-Венгрии, русины с началом вой-

ны Британского Содружества с Австро-Венгрией, были интернированы в лагеря или подвержены полицейским ограничениям, а российское правительство не сделало ничего для помощи им ⁵⁷.

События в 1917 г. совершенно изменили как политический, так и конфессиональный рельеф России и мира. Русинское воссоединение с православием осталось лишь эмигрантским явлением, к тому же отсутствие авторитетного религиозного русско-православного центра помешало объединению и этих русинских приходов.

Таким образом, можно констатировать, что столь выгодные для России условия, возникшие в среде австро-венгерских русинов в начале XX в., не были использованы царской администрацией, что в дальнейшем послужило причиной все большего отрыва русинской общественности от «москвофильской» ориентации и обращению к «украинофильству», имевшего тяжелые последствия для русинского народа на протяжении всего XX в. и оказывающего воздействие на современные события на Украине.

Примечания

1. MAGOCSI P.R. The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus, 1848—1948. Cambridge, Mass.-London. 1978.
2. ZAMORSKI K. Informator statystyczny do dziejów społeczno-gospodarczych Galicji. Ludność Galicji w latach 1857—1910. Kraków-Warszawa. 1989.
3. SOROKOWSKI A.D. The Greek-Catholic Parish Clergy in Galicia, 1900—1939. Ph.D. thesis at the University of London. School of Slavonic and East European Studies. 1991. 288 p.
4. СУЛЯК С.Г. Осколки Святой Руси. Кишинев. 2004. 240 с.
5. БАХТУРИНА А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М. 2000. 264 с.
6. СОЛОВЬЁВ К.А. Русины Австро-Венгрии и российское общество: дискуссия о путях формирования политической нации в «карпатской Руси» в российской прессе. — Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История, Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 11 (154), с. 82—96.
7. ЧУЧКО М.К. Православная церковь на Буковине во время Первой мировой войны. — Русин. 2014. № 3, с. 85—108; Там же. № 4, с. 7—29.
8. МИЛЛЕР А. Внешний фактор в формировании национальной идентичности галицийских русинов. — Migracijske teme. 1997, № 13, p. 7—14.
9. ШЕВЧЕНКО К.В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М. 2006, с. 63.
10. ЛИХУТИН М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М. 1875, с. 269.
11. ШЕВЧЕНКО К.В. Ук. соч., с. 77.
12. СОЛОВЬЁВ К.А. Ук. соч., с. 83.
13. БАХТУРИНА А.Ю. Ук. соч., с. 38.
14. ШЕВЧЕНКО К.В. Ук. соч., с. 72.
15. БАХТУРИНА А.Ю. Ук. соч., с. 25.
16. ШЕВЧЕНКО К.В. Ук. соч., с. 74.
17. ПОП И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород. 2006, с. 360.
18. ИОВ (СМАКОУЗ), епископ. История западнорусских церковных уний с Римом в медалях (американская медаль 1916 г. в память воссоединения карпаторусинов-униатов с Русской Православной церковью). — Русин. 2011. № 2 (24), с. 28—36.
19. Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала «Украинская жизнь». М. 1915, с. 136.

20. БОДНАРЮК Б., ЧУЧКО М. Духовно-религиозное образование и воспитание в Северных волостях земли Молдавской и в провинции Буковина (XVIII — первая половина XX в.) — Русин. 2012. № 2 (28), с. 95—107.
21. GUZOWSKI P. An inventory of census micro-data from the territory of Western Ukraine (Red Ruthenia, Eastern Galicia) before 1914. — Max Planck Institute for Demographic Research. Mosaic Working Paper, 2012—003, December 2012, p. 4.
22. MAGOCSI P.R. Op. cit., p. 28.
23. СУЛЯК С.Г. Русины: из истории православной традиции. — Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. Истории и филология, с. 130—131.
24. МАКСИМИШИНЕЦ В., протоиерей. История Православной Церкви в Карпатской Руси. Ужгород. 2004, с. 80.
25. СОЛОВЬЁВ К.А. Ук. соч., с. 86.
26. SOROKOWSKI A.D. Op. cit., p. 128.
27. Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1944. № 4, с. 73—74.
28. ФРАНКО І. Воскресіння чи погребіння. В кн.: ФРАНКО І. Публіцистика. Вибрані статті. Київ. 1953, с. 69—70.
29. МИЛЛЕР А. Ук. соч., с. 12.
30. Там же.
31. Галичина, Буковина, Угорская Русь, с. 144.
32. ФРОЛОВ К. Святые мученики и исповедники Галицкой и Карпатской Руси. В кн.: СУЛЯК С. Осколки Святой Руси. Кишинев. 2004, с. 202—203.
33. SOROKOWSKI A.D. Op. cit., p. 83.
34. ZAMORSKI K. Op. cit., S. 106.
35. БУРЕГА В.В. Чехословацкое государство и православие в Подкарпатской Руси (1919—1922). — Славянский альманах. 2008. М. 2009, с. 207—219.
36. Галичина, Буковина, Угорская Русь, с. 142.
37. SOROKOWSKI A.D. Op. cit., p. 16.
38. Ibid., p. 70—71.
39. ОСТАШЕВСКИЙ О. З исторії духовного життя львівських богословів в літах 1900—1913. — Альманах українських богословів. Львів. 1914, с. 277—279.
40. SOROKOWSKI A.D. Op. cit., с. 76.
41. ОСТАШЕВСКИЙ О. Ук. соч., с. 292—293.
42. МИРОНОВ Г.Ю. Исторический аспект влияния русофильства и украинофильства на самосознание русинов-лемков. — Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 5 (4), с. 288—291.
43. МИХАЙЛОВ В.В. Дипломатия на Балканах накануне Первой мировой войны. — Клио. СПб. 2010. № 2 (49), с. 31—35.
44. Архив внешней политики Российской Империи (АВП РИ), ф. 135, оп. 474, д. 156, л. 4об.
45. Там же, д. 152, л. 19.
46. Там же, ф. 133, оп. 470. 1913, д. 16, л. 2.
47. Там же, ф. 135, оп. 474, д. 152, л. 25—26.
48. Галичина, Буковина, Угорская Русь, с. 146.
49. Там же, с. 145—146.
50. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 10, д. 896, л. 30об.
51. Там же, ф. 821, оп. 150, д. 35, л. 20.
52. БАХТУРИНА А.Ю. Ук. соч., с. 68.
53. ГЛУЩЕНКО Н.А. Первые общественные организации русинов на территории Соединенных Штатов Америки. — Русин. 2015. № 4, с. 97—106.
54. Торжество Православия отмечается 25 марта в день упразднения Брестской унии (1596 г.) и Воссоединения с Православием западнорусских (белорусских) христиан в 1839 г.
55. ИОВ (СМАКОУЗ), епископ. Ук. соч., с. 30—31.
56. ДАНИЛЕЦ Ю.В. К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны. — Русин. 2014. № 3 (37), с. 9—21.
57. LUCIUK L. In Fear of the Barbed Wire Fence. Canada's First National Internment Operations and the Ukrainian Canadians, 1914—1920. Ukrainian Canadian Civil Liberties Association. 2001, p. 2—5.

Концепт инсан-и камил в учении суфиев

Г.М. Молотова, Э.М. Молотова

Аннотация. В статье раскрывается значение одного из центральных понятий в учении суфиев — «инсан-и камил» — совершенный человек. Это последняя ступень пути человека, посвятившего себя поиску Истины. В отношении путника используется термин «салик». Степени совершенного человека, согласно мировоззрению суфиев, может достичь только избранный. Статья основана на данных письменных источников. Используются также избранные мысли суфийских шайхов, приведенные в труде «Абд ал-Хусайн Зарринкуба». Дополнительно привлечены образцы суфийской поэзии, мысли суфиев-святых об иерархии святых, существовавшей в мусульманском мире.

Ключевые слова: суфизм, совершенный человек, салик, шарият, тарикат, хакикат, Центральная Азия, Восточный Туркестан.

Abstract. The article discovers the meaning of one of the central concepts in the teaching of Sufi “*insan-i kamil*” — a perfect person. This is the last step of the path that dedicated himself to the search for Truth. The term “*salik*” is used in relation to the traveller. The degree of the perfect person, according to the Sufi world view, can be achieved only by the chosen one. The purpose of the article is discovered on the basis of written sources. Also chosen thoughts of Sufi *shaykhs* given in work by “Abd al-Husayn Zarrinkub” are used. In addition, samples of Sufi poetry, thoughts of Sufi saints about the hierarchy of saints that existed in the Muslim world were also attracted

Key words: Sufism, perfect man, *salik*, *shari‘at*, *tariqat*, *haqiqat*, Central Asia, Eastern Turkestan.

Авторы статьи поставили перед собой цель — осветить одно из основных понятий суфийского учения — «инсан-и камил» (совершенный человек), применяющееся по отношению к личности, полностью очи-

Молотова Гультбахрем Максимовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы. E-mail: gmolotova@mail.ru; *Молотова Эльвира Максимовна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. E-mail: m.elvira_76@mail.ru.

Molotova Gulbakhrem M. — candidate of Philology, associate professor, chief researcher of the Department of Literature and Linguistics of Center of Uyghur Studies of the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: gmolotova@mail.ru; *Molotova Elvira M.* — candidate of historical sciences, senior researcher of the Department of Literature and Linguistics of Center of Uyghur Studies of the Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: m.elvira_76@mail.ru.

щенной от пороков, просвещенной и духовно возвышенной. Путь суфия связан с требованиями того или иного *тариката*. Согласно мировоззрению суфиев, человек, идущий по пути, ведущему его к Господу, в первую очередь должен придерживаться *шариата* (закон Божий). И. Насыров приводит мысли ал-Газали, который утверждал: «*Ислам и есть истинный и единственный мазхаб на практике и теории*»¹ Согласно этому высказыванию суфийского наставника, суфизм является неотделимой частью ислама. Часть, названная ал-Газали «*мазхаб на практике*», по-нашему мнению, соответствует суфизму. Здесь прослеживается тесная связь суфизма с канонами ортодоксального ислама. По этой причине делается акцент на знании основ *шариата*. Эту мысль И. Насыров сформулировал следующим образом: сосредоточенность на своем стремлении «*помогает организовать поведение людей* (имеются в виду суфии — Г.М., Э.М.) *в соответствии с требованием шариата*»² В целом, суфий, руководствуясь *шариатом*, соблюдает чистоту внешнюю и внутреннюю. Внешняя чистота достигается ритуальным омовением (*тахарат*), а внутренняя — путем борьбы со своей плотской душой (*нафс*). Суфий, как и все остальные мусульмане, соблюдает пост, совершает пятикратный намаз, после которого обязательно произнесение *зикра* (помяновение прекрасных имен и эпитетов Аллаха), способствующее очищению сердца верующего от ржавчины³. Очищение в духовном аспекте достигается путем практики *зикра*. Таким образом, ритуальное омовение способствует соблюдению телесной чистоты. Путем совершенствования знания, молитвой, *зикром салик* при непосредственном руководстве *муриида*-наставника достигает духовного возвышения.

Чистота помыслов — основное стремление суфия. На путь духовного совершенствования может стать не каждый мусульманин. *Саликом* можно быть только по призванию. Идея об избранности выдвигается в трактатах *шайхов*-наставников. Так, например, в сочинениях, приписываемых эпонию *тариката* Йасавийа — Хвадже Ахмаду Йасави, известному в мусульманском мире титулом *маша'их-и Туркестан* — выдвигается идея о том, что нельзя заставлять людей вставать на путь поиска Истины. В «Диван-и хикмат» отмечается:

Хэлклар ара кезиб йүрүб мурид истар
Мәңа мурид болғил тив хэлкни кистар⁴
В поисках ученика бродит среди народа
Говоря, будь моим учеником, принуждает народ

В этом *хикмате* Хваджа Ахмад Йасави разоблачает лже-*шайхов*, которые ради достижения славы количеством *муридов*, заставляют вступить к ним в ученики даже тех, кто не готов к этой стезе. Посредством *хикматов* поднимается проблема чистоты в рядах суфиев. Видимо еще в раннем средневековье проблема чистоты помыслов была актуальной. *Пир-и Туркестан* (старец из Туркестана — еще один из титулов Хваджи Ахмада Йасави) делает акцент на том, что народ, наслышанный о святости многих суфиев, попадает на уловки подобных лже-*шайхов*. Далее он советует держаться от них подальше, ибо они вместе с собой влекут в ад тех, кто поверил им. Кроме того, следует придерживаться пути про-

рока Мухаммада: «*‘Ақил ерсаң Мустәфани шәр ‘йин тутғил*» («Если ты разумен, то ты придержишься шариата Мустафы») ⁵. В своих произведениях Ахмад Йасави выдвигает идею о том, что вступать на путь поиска Истины нужно по призванию, а не потому, что кто-то заставляет тебя. Как видно, в эпоху Ахмада Йасави жили и аферисты, которые ради наживы выдавали себя за *шайхов*. Соответственно, он подвергал резкой критике подобных людей. Основная его идея — суфием становятся по призванию.

Известные своей святостью суфии-наставники подчеркивают, что выбор должен быть осознанным. Поведение человека, ставшего на путь, ведущий к Создателю, как выше отмечено, должен соответствовать Божьему закону. Чаще всего указывается, что *саликом* становится тот, кому это предназначено свыше. Повеление от Аллаха передается голосом из *гайба* (сокровенное, скрытое пространство). Так, в рукописи сочинения «Тазкира-йи Хаджа Кутб ад-дин Ираки» повествуется, как Хваджа Кутб ад-дин Ираки направляется в Бухару. Пропитание свое зарабатывает дозволенным путем — работая *хаммалом* (грузчиком). Услышав голос из *гайба*: «*қачанғичә өз мәқсудиңчә йүрүрсән вә йәнә әзиз өмрүңни зайә өткүрүрсән... бу рәвиштә қариң тәмам болмәс вә бу қилмишидә сәрәнжәмиң қолға келмәс*» («до каких пор будешь ходить по своей воле и также дорогую жизнь свою проведешь зря... в таком положении ты не завершишь свое дело, и поступая таким образом, ты не достигнешь порядка»), он отправился в пустыню ⁶. В этом повелении акцент делается на предначертанности его судьбы свыше: впоследствии он, усовершенствовав свое знание, должен заниматься передачей знания *муридам*. В пустыне он встречает наставника — пророка Хидра. Хадрат-и Хидр занимается воспитанием Хаджи Кутб ад-дина до достижения им 41 года. Только после этого святой Хидр передает ему повеление Аллаха отправляться в Кашгар ⁷. В источнике, к которому мы обратились, указывается на один из аспектов института передачи знания — воспитанием *мурида* занимается душа святого. В отношении данной традиции в науке используется термин концепция *увайси* ⁸. Соответственно, святой, получивший знание этим путем, называется *увайсом*.

Следует отметить, что *увайсы* играли заметную роль в распространении ислама на территории Восточного Туркестана, о чем свидетельствуют данные из агиографических сочинений. Одним из таких трудов выступает «Тазкира-йи Бугра-хан» ⁹ В данный письменный источник включены жизнеописания 40 старцев-*увайсов* и 12 стариц-*увайсов* ¹⁰. В фрагменте из сочинения «Тазкира-йи Хаджа Кутб ад-дин Ираки» речь идет о совершенствовании знания *муридов* Кутб ад-дином в Кашгаре. В нем подчеркивается, что большинство получает знание двумя путями: 1) явно воспитанием занимается Хаджа Кутб ад-дин и 2) скрытно — Хадрат-и Адам Сафи ¹¹. Первый путь — передача знания физически живым наставником, кем выступает Хваджа Кутб ад-дин Ираки, второй — передача знания персонифицированным духом умершего физически.

Выше уже отмечалось, что тот, кто встал на путь поиска Истины, сначала должен руководствоваться *шариатом* — Божьим законом, т.е. изучить его основы. Это обязательное требование к мусульманину. Второе — он может стать последователем определенного *тариката*, распространенного в ареале его проживания. *Салик*, следующий по этому пути,

приближаясь к свету Создателя, как писали суфии, может «пользоваться светом истины»¹². В этом высказывании суфиев выражено триединство: *шариат — тарикат — хакикат*, в целом создающее целостную картину пути. Прошедший этот путь достигает совершенства. Совершенный человек владеет четырьмя качествами: «*добрыми словами, добрыми деяниями, похвальным нравом и просвещенностью*»¹³.

Следует отметить, что ранними суфиями пропагандировалась идея отрешения от благ временного мира. Суфия не должны отвлекать ни семья, ни другие аспекты жизни в обществе. Он обязан быть всецело погружен в мир идеи приближения к Творцу. *Зикр* в этом процессе способствовал полной концентрации мысли. Когда суфий был занят *зикром*, его мысли были связаны только с Ним. Из числа ранних суфиев многие остались в истории мусульманского мистицизма как святые. *Инсан-и камил* входил в категорию святых. Совершенного человека называли шайхон-наставником. Он занимался совершенствованием других, был владыкой эпохи (*сахиб-и заман*), Полюсом (*Кутб*).

Согласно мировоззрению суфиев, существует иерархия святых, в которую входят 356 чел., она, в свою очередь, состоит из шести категорий. Каждая категория содержит: 1) триста, 2) сорок, 3) семь, 4) пять, 5) три и 6) одного человека¹⁴. Самую верхнюю ступень, как видно, занимает один человек. Он совершенен во всем. По отношению к нему используется также термин Полюс (*Кутб*) и он считается человеком, «*благодаря благословенному бытию которого прочно стоит земной мир. Если он покинет этот мир, если не будет человека, который бы его заменил, наступит конец света*»¹⁵.

В агиографических сочинениях есть упоминание о назначении Полюсом (*Кутб*) одного из суфиев, достигших уровня «*инсан-и камил*». Так, в «Тазкира-йи Хваджа Кутб ад-дин Ираки» о достижении Хваджой Кутб ад-дином Ираки этого ранга повествуется следующим образом: «*Тэрт нэмэдпуш киши кириб салам қилдилар. Булар ‘элэйк алдилар вэ олтурдилар вэ айдилар эй худаниң бэргузидэси сизга либас-и қутбиййэтни киймакғэ Ызқ Тэ ‘алладин фэрман болубдур*» («Вошли четверо, в одежде из войлока, поздоровались. Он (Хваджа Кутб ад-дин. — Г.М., Э.М.) ответил приветствием и сели, и сказали “Эй, избранный Бога, было веление Господа Всевышнего облачить Вас в одежду Полярности”»)¹⁶. В этом фрагменте сочинения упоминается о назначении Хваджи Кутб ад-дина Полюсом и косвенно указывается на существовавшую иерархию святых. Исходя из количества людей в одежде из войлока, можно понять, что категорию, стоящую ниже категории Полюса, составляет четверо святых. В иерархии святых, приводимой в труде «Абд ал-Хусайна Зарринкуба», численность совершенных людей, составляющих нижеследующую категорию, равна трем. После выбора одного среди нижеследующей ступени Полюсом, они пополняются из числа других нижеследующих категорий. Поэтому представителей нижних ступеней называют заменяющими (*абдал*). Здесь необходимо отметить, что неизменным является количество *Кутба* во всех вариантах. Численность «заменяющих» разнится.

Совершенный человек характеризуется следующим образом: несмотря на его величие и превосходство, он лишен могущества и живет «*в состоянии отчаяния, идя на компромисс со сложившейся ситуацией*»¹⁷.

Он совершенен с точки зрения знания и нравственности, хотя ущербен с позиции материального благополучия. В этом высказывании делается акцент на добровольную бедность, сознательно выбранную суфиями. Как известно, став на путь поиска Истины, ранние суфии отказывались от мысли о материальном обогащении. Чтобы не испытывать искушения, они старались уединиться в пустыне, в горах, посвящая себя служению только Аллаху. В истории известны имена таких личностей, как Ибрахим ибн Адхам¹⁸, Хайдар Кутб ад-дин (сын падишаха Туркестана, который стал последователем *тариката* Йасавийа), которые отреклись от трона и стали суфиями¹⁹. Ибрахим ибн Адхам, как пишет А. Д. Кныш, участвовал во многих священных войнах. Жил на границе с государством крестоносцев²⁰. И. Р. Насыров отмечает, что «*отрешенность Ибрахима ибн Адхама находила свое выражение в буквальном следовании религиозному требованию употреблять только “разрешенное” (халал)*»²¹.

В источнике «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» делается акцент на том, что Ибрахим ибн Адхам редко ел, ночами бодрствовал, проводя время за молитвой. В его образе ярко представлен образ суфия, полностью отрекшегося от благ этого мира и следовавшего принципам аскетизма «*’ахл аз-зухд*» (отрешенные от мирского — по И. Р. Насырову). Далее повествуется, что он особое внимание обращал на благотворительность. Когда правил Балхом, оказывал поддержку нуждающимся. Став на путь Истины, продавал на базаре Мекки дрова, которые приносил из пустыни. На вырученные деньги покупал хлеб, часть отдавал сиротам, часть — вдовам, третью часть — дервишам. Опираясь на сведения из «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам», можно установить, что Султан Ибрахим придерживался всех трех видов *зухд* (воздержание), о которых идет речь в труде И. Р. Насырова «Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция)»: 1) *зухд фард* — воздержание от запрещенного. Этот вид является обязательным *зухдом*; 2) *зухд фадл* — самоограничение в потреблении дозволенного «халал»; 3) *зухд фи аш-шубухат* — воздержание от сомнительного²². Ибрахим ибн Адхам достиг совершенства на выбранном им пути. Как отмечал А. Д. Кныш, «*добровольная нищета и богоданная мудрость, которой он достиг посредством суровых лишений, снискали ему известность, которой он так стремился избежать*»²³.

В трудах святых-наставников выражена философская мысль о взаимосвязанности микро- и макрокосмоса. Совершенный человек называется сердцем. Он знает обо всем. «*Человечество являются основным смыслом и целью Вселенной и плодами дерева бытия, а Совершенный человек — основным смыслом и целью бытия, как по форме, так и по содержанию*»²⁴. Таким образом, совершенный человек выступает тем стержнем, который держит человечество, как составная часть Вселенной. Особо следует отметить, что Полнос жил в обществе людей, не выделяясь ничем. Однако он стоял выше других благодаря своей набожности, нравственной чистоте и чистоте помыслов.

Триединство шариат — тарикат — хакикат в творчестве мыслителей раннего Средневековья. Как уже отмечено, в трудах известнейших суфиев четко прослеживается триединство. Знание закона Божьего обязательно для *салика*. В творчестве Хваджи Ахмада Йасави и Хваджи Ахмада Йугнаки (более известного как Адиб Ахмад) наблюдается общность

в выражении этой мысли. Они жили в эпоху широкого распространения ислама в тюркском мире. В этом процессе суфии выполняли миссию пропаганды идей ислама, норм поведения человека в обществе, которые основывались на заповедях *шариата*. В суфийской традиции стремление к знанию — это один из этапов длительного пути совершенствования человека (путь *инсан-и камил*). Знание сопровождает человека, посвятившего себя познанию Всевышнего. Образованность помогает ему познать суть *шариата* — божьего закона. Здесь делается акцент на сознательности выбора.

Идеал в суфийском учении основывается на трех китах: *шариат*, *тарикат* и *хакикат*. Эти идеи раскрыты в творчестве Хваджи Ахмада Йасави и Хваджи Ахмада Йугнаки. Это триединство отражено в *хикматах* Пир-и Туркестан следующим образом:

Шәри‘әтниц шараитин билгән ‘ашиқ
Тәриқәтниц мәқамини билур дустлар
Тәриқәтниц ишларини ада қилмақ
Һәқиқәтниц дәйәсиғә патар дустлар ²⁵
Влюбленный знает условия божьего закона,
Знает суть тариката, друзья
Выполняют требования тариката,
Утопают в море хакиката друзья

В главе «О пользе знания и вреде невежества» Адиб Ахмад советует потомкам учиться у образованного человека, ибо знание открывает дорогу к счастью:

Билиглиг урумән сөзүмгә ула
Билимлиггә йа дуст өзүңни ула
Билиг бирлә булнур сә‘адәт йоли
Билиг бил сә‘адәт йолини була ²⁶
Основа моих слов — знание,
Будь ближе к знающему, эй, друг,
Знанием достигается дорога счастья,
Приобретай знание, ищи дорогу счастья.

Хваджа Ахмад Йугнаки использовал сравнение, встречающееся только в его творчестве: человек, не имеющий знания, уподобляется кости без костного мозга: «*Билигсиз йилигсиз сүңәк тәғ һали*» («Положение [человека] без знания подобно кости без костного мозга») ²⁷. Это мнение поэта углубляется в следующей антитезе: «*Билиг бирлә ‘алим йуқар йоқлади Билигсиз әрни чөкәрди қуди*» («Знанием ученый возвысился. Мужчина без знания — унижен») ²⁸. Далее поэт приводит *хадис*, связанный с именем пророка Мухаммада: «*Билиг Чиндә әрсә сиз арқаң дәди*» («Если знание в Чине, вы отправляйтесь туда»), поскольку цена знания известна только образованному человеку: «*Билиг билдүрүр бил билиг қәдрини*» («Знание дает силу, знай цену знания») ²⁹.

Стремление к накоплению материального богатства порицается Хваджой Ахмадом Йасави. По мнению святого, человек в погоне за бо-

гатством забывает о божьем законе: «*Динни ташилаб дунйа малин қолғә алди Көрүб билиб өз эжанини отғә салди*» («Забыв о религии взялся за состояние. Видя, зная, бросил душу свою в огонь»)³⁰. Далее Хваджа Ахмад Йасави высказывает мысль о том, что человек, представ перед Создателем, держит ответ о совершенном им намазе, всегда ли был при *тахарате*, соблюдал ли *фарз*. В истории суфизма четко прослеживается стремление суфиев к соблюдению *фарза*. Суфий, ограничивая себя даже в «разрешенном» (*халал*), был сосредоточен на духовном росте. Развивая свою мысль, Пир-и Туркестан подчеркивает, что когда человек держит ответ перед Творцом, за него не заступятся ни дети, ни накопленное им богатство: «*Алтун күмүш зәрриң ара турмас*» («Не заступится ни золото, ни серебро, ни другое богатство»)³¹. Заступником выступит твоя молитва, совершенная днем и ночью: «*Кечә күндүз бир ухламай та 'әт қилсаң Та 'әт ичрә Аллаһ зикрин тинмай айтсаң Ул зикрәдин тек эҗәваб келар ермиши*» («Если молишься, бодрствуя днем и ночью, В молитвах не уставая поминаешь Аллаха, От этого поминания, говорят, приходит ответ»)³². Хваджой Ахмадом Йасави особо отмечается усердие молящегося в поминании прекрасных имен Аллаха, т.е. *зикр*. Наряду с *зикром* богоугодным считается благотворительность. Эти мысли поэта переданы в следующих строках:

Эгәр қилсаң тирикдә хәйр у иһсан
 Жәһандә йәхши атиң қалғусидур
 Қийамәт күн өтәрсән сән сиратдин
 Көрүбан барчә һәйран болғусидур³³
 Если при жизни делаешь добро и благодеяние
 В мире останется твое доброе имя,
 В день страшного суда пройдешь сират,
 Увидев это, все будут удивлены

В приведенном примере встречается упоминание о мосте «*مَيْقَاتِ سَمَلٍ*» (*сират ал-мустаким*), находящемся над адом на пути в рай, непроходимом для грешников. Поэт высказал мнение, что только тот, кто при жизни делал добрые дела, занимался благотворительностью и оставил после себя доброе имя, может пройти этот мост с легкостью. Все это — компоненты праведной жизни мусульманина. Таким образом, Хваджа Ахмад Йасави акцентирует внимание на благотворительной деятельности человека, ибо благодаря доброму делу человек не только достигает славы при жизни, эти благие дела зачтутся ему в вечном мире.

Борьба с нафсом. Путь к познанию Истины усыпан трудностями. Если знание *шариата* выступает первым требованием к *салику*, то, став последователем определенного *тариката*, он должен соблюдать определенные правила поведения. Под непосредственным контролем *шайхана*-наставника он приобретает навыки самоограничения. В этом выражается идея обуздания собственного эго (*нафс*). Только поборов желание материального обогащения, *салик* может заниматься духовным возвышением. В суфийской поэзии борьба с собственным *нафсом* называется *джихадом*. Эта борьба настолько важна для суфия, что она считается большим *джихадом* (*эҗәнг-и әкбәр*). Пока человек не сможет побороть желания

плотской души, он не имеет права совершать джихад с неверными. Относительно борьбы с *кафирами* применяется сочетание «*жәңг-и әсгәр*» — «малый джихад»:

Жәңг-и әсгәр болди ким кафир билан жәңг айламак
Жәңг-и әкбәрдур киши ким нәфс илэ қилсә жиһад³⁴

Война с неверными стала малой войной.

Если же *джихад* с *нафсом* ведет человек, то [это] великая война.

Выше приведены строки из поэзии суфийского поэта XIX в., последователя *тариката* Накшбандийа, Хушхала Гариби. Поэт удачно использовал сочетание: «*сәмум-и нәфс*». Ведь арабское слово «сәмум» (مومس) означает жаркий, губительный ветер пустыни. Он делает акцент на губительном воздействии желания, стремления *нафса* на *иман* человека. Борьба с собственным *нафсом* является обязательной для суфия. Поэтому на начальном этапе *мурид* должен учиться обходиться минимумом, больше думать о духовном росте. Разумеется, в этом ему оказывает поддержку *муриид*. О необходимости наставника в выбранном пути Хушхал Гариби пишет: «*Бәй 'әт айткандин сәдәфгә қәтрә дур болди нә мәвжә*» («Капля, признав верховенство раковины, стала жемчугом, а не волной»³⁵. Здесь четко раскрываются функции Института наставничества — полное подчинение воле *муриид*а. В поэзии Хушхала Гариби под понятием «капля» подразумевается ученик, волна — народ, жемчуг — вера человека. Только с помощью наставника можно достичь цели: «*Йәтмәгай болсә пирсиз һәдд мәнзила киши*» («Не достигнет без наставника те пределы, к которым он стремится»)³⁶, ибо слово наставника имеет глубокий смысл и нужно вникать в него. Поэт использовал выражение «*рәһбәр*» — «руководитель, путеводитель» по отношению к наставнику. Развивая свою мысль, Хушхал Гариби подчеркивает, что за каждым словом стоит дуновение Истины. Вникнув в его значение, человек совершает *джихад* над собственным *нафсом*, что является обязательным для суфия.

Хушхал Гариби при передаче силы защиты Создателя от пороков использовал традиционное сравнение «*тиг-и мужган*» — «меч ресниц»: «*Тиг-и мужган чәшм-и аһугә нигәһбан 'ақибәт*» («Меч ресниц глазам газели сторож, в конце концов»). Размышляя о губящей силе стремления к материальному обогащению, Хушхал Гариби сравнивает *нафс* с летучей мышью — образом вампира, желающего мук для жителей планеты. И спасением выступает лучезарная душа, спустившаяся с небес подобно ангелу:

Нәфс зулмати чу шәбпәр зулмәт истар йәр үзрә

Рух-и нурани фәләкдин чун мәләк нур олди³⁷

Гнет *нафса* подобно летучей мыши, желает гнета земному шару,

Лучезарная душа подобно ангелу стала лучом с небес

Проблема борьбы со своим *нафсом* и его обуздания нашла отражение и в *хикматах* Хваджи Ахмада Йасави: «*Нәфс-и жәнни мәһкәм қилиб татиб миндим Андин теғди бу тариқәт йоли мәнә*» («Крепко утянув, оседлал плотскую душу. Затем мне достался этот путь тариката»)³⁸.

В этих строках выражена мысль о том, что великий тюркский *шайх* тоже прошел через борьбу с собственным *нафсом*. Поборов желания плотской души, он смог стать на практический путь. Впоследствии создал свой *сулук*, ставший известным по всему мусульманскому миру как *тарикат* Йасавийа.

Таким образом, ступень «*инсан-и камил*» является самой высшей в иерархии святых. Этой цели *салик* достигает, поборов собственный *нафс*, освободившись от пороков. Преодолев все трудности, он возвышается духовно. Совершенный человек выступает связующим звеном между Создателем и его творением (человечеством).

Примечания

1. НАСЫРОВ И. Единство ислама и тасаввуфа (суфизма). В кн.: Материалы республиканской научно-практической конференции «Суфизм как фактор сохранения мира и стабильности». Махачкала. 2005, с. 98.
2. Там же, с. 97.
3. АКИМУШКИН О. Ф. Накшбанд. В кн.: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь (сост. и отв. ред. С. М. Прозоров). Т. 1. М. 2006, с. 300.
4. Диван-и Хваджа Ахмад. Рукопись фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз под инвентарным номером 1777, л. 45а.
5. Там же, л. 46а.
6. Тазкира-йи Хаджа Кутб ад-дин Ираки. Рукопись фонда Института восточных рукописей РАН. СПб, шифр В 737, л. 30б.
7. Там же, л. 40а-41б.
8. ХИСМАТУЛЛИН А. А. ал-‘Илм ал-ладуни. В кн.: Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь, т. 1, с. 157.
9. Тазкира-йи Бугра-хан. Рукопись Национальной библиотеки Парижа, шифр «Supplement turc 1286».
10. МОЛОТОВА Э. М. «Тазкира-йи Бугра-хан»: история и культура Караханидского государства. Алматы. 2016, с. 55.
11. Тазкира-йи Хаджа Кутб ад-дин Ираки, л. 58а.
12. ‘Абд ал-Хусайн Зарринкуб. Ценность суфийского наследия. СПб. 2012, с. 242.
13. Там же, с. 242.
14. Там же, с. 245.
15. Там же.
16. Тазкира-йи Хваджа Кутб ад-дин Ираки, л. 58а-59б.
17. ‘Абд ал-Хусайн Зарринкуб, с. 245.
18. Кисса-и Ибрахим ибн Адхам. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз., инв. № 4035/III. 121 л.
19. Наса’им ал-махабба мин шамайим ал-футувват. Рукопись Института восточных рукописей РАН, шифр D-97, л. 85б.
20. КНЬШ А. Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история. СПб. 2006, с. 25.
21. НАСЫРОВ И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М. 2012, с. 59.
22. Там же, с. 59—60.
23. КНЬШ А. Д. Ук. соч., с. 25.
24. ‘Абд ал-Хусайн Зарринкуб, с. 243.
25. Некмэт. Рукопись из коллекции Гуннар Ярринга, инв. № 42, л. 9а-9б.
26. Эдип Эхмэд бинни Мэхмут Йүгнэки. Этэбэтул һэкайик. Түзгүчиләр: Хэмит Төмүр, Турсун Аюп. Үрүмчи: Милләтләр нәшрияти. 1980, с. 18б.
27. Там же, с. 18.
28. Эдип Эхмэд бинни Мэхмут Йүгнэки. Этэбэтул һэкайик. Түзгүчиләр: Хэмит Төмүр, Турсун Аюп. Үрүмчи: Милләтләр нәшрияти. 1980, с. 20б.
29. Там же, с. 20.

30. Некмэт-и Нэзрэт-и Султан. Рукопись из коллекции Гуннар Ярринга, инв. № 404, л. 24а.
31. Там же.
32. Там же, л. 8б.
33. Там же, л. 17б.
34. Хушхал Гариби. Диван. Рукопись из частной коллекции Ш.Х. Вахидова, л. 42а.
35. Там же, л. 24а.
36. Там же, л. 24б.
37. Там же, л. 27а.
38. Диван-и Хаджа Ахмад. Рукопись, л. 48а.

Буддизм в истории Китая периода Южных и Северных царств

Л. Е. Янгутов, М. В. Орбодоева

Аннотация. Статья посвящена истории буддизма в Китае периода Южных и Северных царств (Наньбэйчао, 386—589). Показаны особенности развития буддизма на Севере и Юге, выделены три аспекта в его развитии: 1) отношение императоров царств к буддизму; 2) взаимоотношение государственного аппарата и буддийской сангхи; 3) процесс дальнейшего развития буддизма в Китае в контексте его адаптации к китайскому менталитету, сформированному на базе традиционного мировосприятия. Выявлено, что буддизм в контексте его адаптации к китайскому менталитету, как на Севере, так и на Юге в одинаковой степени развивался в русле традиций буддизма периода Восточной Цзинь.

Ключевые слова: буддизм, буддийский монах, монастырь, сангха, имперская бюрократия, императорская власть, переводческая деятельность, китайский менталитет, философско-мировоззренческие принципы.

Abstract. The article is devoted to the history of Buddhism in China during the period of the Southern and Northern Kingdoms (Nanbeichao, 386—589). The features of the development of Buddhism in the North and South are shown. Three aspects were identified: 1) the attitude of emperors of kingdoms to Buddhism; 2) the relationship of the state apparatus and the Buddhist sangha; 3) the process of further development of Buddhism in China in the context of its adaptation to the Chinese mentality, formed on the basis of the traditional worldview. It was revealed that Buddhism in the context of its adaptation to the Chinese mentality, both in the North and in the South, developed with the traditions of Buddhism of the Eastern Jin period to the same extent.

Key words: Buddhism, Buddhist monk, monastery, sangha, imperial bureaucracy, imperial power, translation activity, Chinese mentality, philosophical and world outlook principles.

Буддизм эпохи Южных и Северных царств (386—589 гг.) представляет собой малоизученный в отечественной науке период истории буддизма в Китае. Вместе с тем, этот период характеризуется завершением адаптации буддизма к политическим, социальным, культурным и ментальным

Янгутов Леонид Евграфович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: yanguta@mail.ru; *Орбодоева Марина Валерьевна* — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: orbodoevamv@yandex.ru.

Yangutov Leonid E. — doctor in Philosophy, professor, chief researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS. Ulan-Ude. E-mail: yanguta@mail.ru; *Orbodoeva Marina V.* — candidate of historical sciences, junior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS. Ulan-Ude. E-mail: orbodoevamv@yandex.ru.

традициям этой страны и формированием собственно китайских религиозных и философско-мировоззренческих принципов буддизма, зародившихся еще в период правления династии Восточной Цзинь (317—420 гг.).

С разделением Китая на Южные и Северные царства, экономическое, политическое и социальное развитие в них пошло по-разному. По-разному пошло и развитие буддизма ¹.

Деление Китая на Южные и Северные царства началось с захвата кочевыми племенами тобийцев северной части Восточной Цзинь (317—420). К этому времени правление династии Восточной Цзинь характеризовалось политическим хаосом, внутренними распрями, экономическим спадом, голодом и разрухой. Предводитель тобийцев Тоба Гуй (371—409) установил в завоеванной части севера Китая династию Северной Вэй (386—534). Впоследствии здесь, на Севере, были образованы четыре царства: Восточная Вэй (534—550), Западная Вэй (535—556), Северная Ци (550—577) и Северная Чжоу (557—581).

На Юге было образовано пять царств: Сун (420—479) ²; Южная Ци (479—502); Лян (502—557); Поздняя Лян (555—587) ³; Чэнь (557—589). Их образование явилось результатом продолжавшихся в империи Восточной Цзинь внутренних распр и противоречий. Основатель первого южного царства Лю Юй (прав. 420—422), низвергнув династию Восточной Цзинь, основал собственную династию Лю Сун. В отличие от северных пришлых династий, Лю Сун была китайской. Китайские династии продолжали господствовать и в других южных царствах.

Вместе с тем, завоевавшие северную часть Китая тобийцы добились определенных успехов в политическом и экономическом плане. Главным их достижением стало укрепление императорской власти, централизация аппарата управления. При этом, они во многом переняли опыт государственного обустройства оседлого Китая, основанного на конфуцианских принципах. Постепенно происходила китаизация тобийского государства и ассимиляция населения. С другой стороны, в административных структурах тобийцев все более увеличивалось число этнических китайцев ⁴. В целом, развитие государства, несмотря на внутренние интриги и распри, шло в русле усиления централизации аппарата управления и укрепления императорской власти. Особо в этом плане отличалось правление династии Северная Чжоу (557—581), которая смогла покорить Северное Ци (550—577), усмирить северных кочевников (гаочэ и жуаньжуней), захватить часть территории Юга, заложив тем самым предпосылки для объединения Севера и Юга Китая ⁵.

В южных царствах, где продолжали господствовать китайские династии, население в основном состояло из китайцев, которые потеснили местных аборигенов. Сюда, спасаясь от нашествий кочевых племен, бежало коренное население Китая, вытесняя местных жителей с плодородных земель, привнося на Юг страны земледельческий опыт, а также исконно китайскую культуру, в том числе и политическую, характерную для времен правления династии Восточной Цзинь (317—420). Власть здесь продолжала оставаться слабой и нерешительной ⁶.

Несмотря на сложившуюся обстановку на Юге и Севере Китая, буддизм тем не менее, не прекращал своего поступательного развития. Оно характеризовалось тремя основными факторами: отношением правите-

лей царств к буддизму; взаимоотношением государственного аппарата власти и буддийской сангхи; процессом дальнейшего развития буддизма в Китае в контексте их адаптации к китайскому менталитету, сформированному на базе традиционного мировосприятия.

Что касается отношения императоров к буддизму, то здесь следует отметить, что развитие буддизма в Китае еще со времен Троецарствия (220—280) во многом зависело от отношения к нему правителей. Особенно сильно это проявилось при Восточной Цзинь (317—420), когда буддизм занял прочное положение в высших слоях китайского общества.

Отношение к буддизму со стороны властей Северных царств было неоднозначным — от нейтрального до всемерной поддержки, от всемерной поддержки до жесточайших гонений. Здесь население представляло собой разнородную массу, включавшую, как собственно китайское, так и пришлое население из Центральной Азии, привнесившее в Китай собственные верования, которые сталкивались с местными — буддизмом, даосизмом и конфуцианством ⁷.

В условиях такого разнообразия верований, а также полиэтничности населения основатель династии Северная Вэй Тоба Гуи (Дао У-ди, 386—409) обратил особое внимание на буддизм, увидев в нем идеологическое средство для консолидирования разнотнического населения, что отвечало его политическим интересам и способствовало централизации власти. Буддизм, как и сами тобийцы, был пришлым учением, но вместе с тем, сумевшим пустить здесь свои корни. Сам Тоба Гуи был последователем даосизма, но при этом был знаком с буддийскими текстами ⁸. Интерес к буддизму, скорее всего у него был прагматическим, идеологически востребованным. Это проявилось в том, что он, в первую очередь, установил контроль над деятельностью буддийской сангхи и ее монахов, учредив контролирующий орган во главе с монахом Фа Го (法果). Иначе говоря, государство стало контролировать деятельность буддистов и их сангхи, чего не было при Восточной Цзинь. Такое положение в корне меняло принципы взаимоотношения буддийской сангхи и государственного аппарата власти, существовавшие в период двух Цзинь. Дело в том, что начиная с Западной Цзинь у буддийской общины — сангхи, имевшей в Индии свой специфический статус, позволявший буддийским монахам не кланяться государю, сложились непростые взаимоотношения с имперской бюрократией, построенной по конфуцианскому образцу. Эти взаимоотношения порой обретали характер резкого противостояния. Суть этого противостояния заключалась в том, что буддийская сангха отстаивала свое право не кланяться императору, а имперская бюрократия не могла допустить такого непочтения государю, имевшему в Китае сакральный статус сына Неба (Тянь цзы). Суть разгоревшейся дискуссии, которую начал конфуциански настроенный сановник имперской бюрократии Восточной Цзинь Юй Бин (296—344 гг.), сводилась не просто к вопросу почитания императора, но и к тому, чтобы буддисты подчинялись не только монастырскому уставу, но и светским законам ⁹. Юй Бин считал, что монахи не должны отличаться от прочего населения и не занимать особого положения. Он полагал, что правитель является верховным лицом, а его законы и предписания обязательны для всех.

Если следовать монастырским принципам, которые отличаются от светских, тогда в отношениях людей наступит «беспорядок и недоразу-

мение». Буддисты же утверждали, что они не занимают по отношению к государству враждебной позиции, что монашеская группа не представляет опасности для правительственной власти. Наоборот, буддисты, следуя своему учению, помогают императору тем, что не убивают, не крадут, не ведут себя аморально, в своих молитвах радеют за императора¹⁰. К этой дискуссии присоединился и знаменитый патриарх Восточной Цзинь — Хуэйюань, написав специальное сочинение «Шамэнь буцзин ванчжэ лунь» («Монах не должен быть почитителен к императору»), в котором «он признал обязательное почтение только для буддистов-мирян, но не для ушедших из мира монахов»¹¹. Он полагал: «Постигший высшую истину буддийского учения, монах, так же как и император, способен приводить в состояние гармонии весь мир и оказывать милосердие, спасая его из моря зла»¹². В таких дискуссиях буддисты, пользуясь слабостью цзиньских властей, могли отстаивать свои позиции.

Однако Тоба Гуй, занявшийся централизацией своей власти и рассматривавший буддизм как идеологическое средство ее укрепления, не мог позволить сангхе иметь относительную самостоятельность. И, несмотря на свое доброжелательное отношение к буддистам, заставил подчиниться требованиям властей. Назначенный на должность контролера за деятельностью сангхи монах Фа Го выдвинул тезис о том, что император является воплощением Будды Татхагаты, поэтому монахи должны кланяться императору, так же как и Будде¹³. Контроль за деятельностью сангхи и монахов, осуществляемый ведомством Фа Го, распространялся вплоть до регистрации монахов и регламентации их численности¹⁴.

Установив государственный контроль над сангхой, Тоба Гуй в определенной степени решил проблему противостояния сангхи и государственного аппарата в пользу последнего. Но это не означало, что буддизм оказался в немилости у правителей. Наоборот, его развитие получило широкий размах. Первые императоры Северной Вэй способствовали строительству новых монастырей. Сам Тоба Гуй построил новый буддийский храм Тасы (ок. г. Пинчен)¹⁵.

Наследник Тобы Гуя император Тоба Сы (Мин Юань-ди, 409—423) не только поддерживал буддизм, но стал ярким последователем этого учения. В четырех сторонах столицы он установил статуи Будды. Однако его наследник Тай У-ди (423—452), оказавшись под влиянием своего ближайшего окружения — даоса Коу Цзяньчжи и главного министра Цуй Фэнхао, ревностного даоса, изменил свое отношение к буддизму¹⁶.

Следует отметить, что соперничество между тремя учениями — конфуцианством, даосизмом и буддизмом, начавшееся с времен первоначального распространения буддизма в Китае, продолжалось в течении всей истории императорского Китая. Даже известный синкретизм (сань цзяо) этих религий до конца не примирил их. Особенно сильным оно было за влияние на правителей. Выслушав доводы Коу Цзяньчжи о негативной роли сангхи, которая все более усиливалась, в 438 г. император приказал расстричь монахов младше 50 лет и распространить на них воинскую повинность. В 444 г. он запретил чиновникам и простому народу тайно снабжать монахов. В 446 г. гонения на буддизм усилились в связи с тем, что в одном из монастырей Чананя были обнаружены запасы оружия и монахов заподозрили в поддержке мятежников. Монастыри были раз-

рушены, сожжены, монахи скрылись. Данные события явились первым гонением на буддизм в Китае. После смерти Коу Цзяньчжи и Цуй Хао все запреты, касающиеся буддизма, стали ослабевать¹⁷.

После императора Тай У-ди (423—452) буддизм вновь оказался в фаворе у правителей. Особенно ревностно к нему относились императоры Тоба Хун (Сянь Вэнь-ди, 466—471) и Юань Кэ (Сюань У-ди, 499—515). При Тоба Хуне была построена гигантская статуя Будды.

При Юань Кэ в Лоян прибыло немало иностранных монахов, был возведен храм Юнминсы, построено жилье для более тысячи иностранных монахов. Среди прибывших монахов были такие известные переводчики буддийской литературы как Таньмолиучжи (曇摩流支), Бодхиручи (Путилучжи, 菩提流), Ратнамати (Лэнамоти, 勒那摩提), Буддхасанта (Фотошаньдо, 佛陀扇多) и др.¹⁸

Развитие буддизма в северных царствах приобрело такие масштабы, что, согласно сведениям исторической записи, составленной Ян Сюаньчжи, — «Лоян целан цзи» («Записи о лоянских монастырях») — относящейся к периоду династии Суй (581—618), численность буддийских монахов к концу Северной Вэй достигла более 2 млн, а монастырей было более 30 тысяч¹⁹. Весьма примечательным фактом стала отправка императрицей Ху Чжи, которая являлась регентом при правлении Сяо Мин-ди (515—528), за канонической литературой Сун Юна и Хуй Шена. Дело в том, что все большее проникновение буддизма в широкие слои китайского населения требовало более глубокого постижения его философско-сотериологической сути, а это, в свою очередь, подразумевало наличие все большего количества буддийских текстов с его родины. Начало паломничества на Запад за буддийскими текстами китайская историография приписывает ханьскому императору Мин-ди (28—75), отправившему посольство во главе Чжан Цянем. Широко известны имена двух знаменитых путешественников Фа Сяна (337 — ок. 422) и Сюань Цзана (602—664), отправившихся на Запад за буддийской литературой и более глубоким знакомством с его учением.

Имя Сун Юна мало известно. Он побывал в 10 странах, затем остановился на 2 года в Учане. В 522 г. ему удалось получить сутры Махаяны «Дачэн цзин» в 170 главах и вернуться домой. Сун Юн и Хуй Шэн оставили записи о своем путешествии: Сун Юн «Вэй го и си ши и гоши» («Путешествие из Северной Вэй по 11 странам запада»; Хуй Шэн «Хуй Шэн син чуань» («Путешествие Хуй Шэна»). В это же время монах Дао Яо перешел через Памир и также побывал в Западных землях²⁰.

Вместе с тем, быстрый рост числа монастырей и благосостояния буддийских сообществ, которые владели необлагаемыми налогами землями, вызывал недовольство имперской бюрократии, которая интерпретировала усиление буддийской сангхи как потенциальную угрозу экономическим основам государства. Большое недовольство властей вызывал тот факт, что монастырские привилегии привлекали тяговых крестьян, укрывавшихся от налогов. Они сбегали со своих мест, ища приют в монастырях. Кроме того здесь находили приют бродяги и преступники²¹. Имперские чиновники настраивали правителей на ограничение прав и привилегий буддийской сангхи. В первый раз им это удалось в 446—452 гг., как было сказано выше, при правлении Тай У-ди (424—452), когда они спровоцировали гонения на буддизм. Вторые гонения были связаны с правлением

императора Северного Чжоу Юй Вэньюн (У-ди, 561—578). На этот раз преследовались не только буддисты, но и даосы. Император Юй Вэньюн, устроив диспут между конфуцианцами, даосами и буддистами, присудил победу конфуцианцам. Буддийских монахов император заставил платить налоги, запретил поклоняться буддийским божествам, которые не были зарегистрированы государственным аппаратом. Однако эти гонения были намного мягче, чем предыдущие ²².

На Юге Китая ничего подобного не было. Здесь продолжали господствовать китайские династии, которые, в русле политических и социальных традиций Восточной Цзинь, были погружены в междоусобные разборки, интриги и распри. Во всех четырех царствах Сун (420—479), Ци (479—502), Лян (502—557) и Чэнь (557—589) отношение императоров к буддизму, как и при Восточной Цзинь, было доброжелательным. Первый император Южных царств У-ди (420 г.), основавший династию Лю Сун, был приверженцем буддизма. Также известны поддержкой буддийского учения последующие императоры династии Лю Сун — Вэнь-ди (423—453) и Сяо Уди (454—464), оба они почитали буддизм. Так, придворные императора Вэнь-ди укрепили его в мысли, что буддизм способствует диалогу между государством и религией, после чего он часто дискутировал с Хуэй Янем, Хуэй Гуанем и другими монахами о буддийской доктрине. Кроме того император Вэнь-ди издал указы монахам Дао Ю, Фа Юань и другим достоверно толковать и проповедовать учение Дао Шэна ²³.

В период Южных царств буддизм достиг своего расцвета при правлении императора Лян У-ди. Вначале У-ди исповедовал даосизм, но после восхождения на трон в 504 г. он повернулся к буддизму. Будучи во дворце, император Лян У-ди принял основные обеты. В годы его правления число монахов достигало 20 тысяч. Он построил такие большие храмы, как Ай Цзин, Гуань Чже, Кай шан, Тун Тай. Также им были установлены статуи Будды: в храме Гуань Чже — высокая бронзовая статуя Будды Амитабхи, в храме Ай цзин — сандаловая статуя, в храме Тун Тай — серебряная статуя Будд десяти сторон. Также он учредил группы мирян, которые воздерживались от воды и пищи, соблюдали поминальный пост и т. д. Благословение сангхи было приравнено к семейному благословию. При императоре У-ди были изданы сотни томов, таких как «Да Нипань», «Да пин», «Цзин мин», «Да Цзи» и др. У-ди участвовал в дискуссиях о Нирване и Праджне в Храме Тун Тай. Император У-ди также придавал большое значение переводу буддийских текстов ²⁴.

Что касается взаимоотношения чиновнического аппарата и сангхи, то следует отметить, что императорская власть южных царств не была так сильна, как на Севере, поэтому спор между буддийской сангхой и имперской бюрократией однозначно решиться в пользу последней не мог. Попытки власти ограничить права буддистов заканчивались неудачей. Пользуясь слабостью власти, погрязшей в раздорах и интригах, буддийская сангха, как и при династии Восточная Цзинь, продолжала отстаивать свои позиции. В конце ее правления в 400 г. была развернута дискуссия между имперской бюрократией и сангхой, которая касалась социального статуса буддистов. Имперская бюрократия требовала от буддийских монахов выказывания почтения государю, а также освобождения сангхи от нежелательных элементов.

Под нежелательными элементами зачастую подразумевались, те, кто в условиях голода, разрухи и нестабильности, скрывались в стенах монастырей, а также крестьяне, укрывавшиеся от налогов и трудовых повинностей. Правительство считало, что монастыри стали местом сборищ преступников и бродяг. Оно предложило сангхе оставить в монашеском сане только тех, кто умел читать и объяснять значение сутр и кто прилежно выполнял моральные заповеди и т.п. Остальных оно предлагало лишить духовного сана и вернуть в мир²⁵. Эти требования были связаны с мероприятиями по закреплению крестьян за конкретными феодалами. В связи с этим были изданы указы, в которых запрещалось бродяжничество²⁶. В этой дискуссии буддисты делали определенные уступки, соглашаясь с требованиями властей избавиться от нежелательных элементов. Однако в отношении второго, главного требования, касающегося поклонения императору, они стояли на своем, сохраняя право не кланяться государю. В конечном итоге, дискуссия закончилась тем, что в 404 г. был выпущен эдикт, в котором за буддистами закреплялось право не отдавать почтение государю-правителю²⁷.

В 462 г. во времена правления императора Сяо Уди (454—464) вновь была предпринята попытка заставить буддистов оказывать почтение императору. Но и на этот раз буддийская сангха сумела отстоять свое право не делать этого²⁸.

В борьбе между китайской традицией с ее культом императора как сына Неба и буддийской традицией, не позволяющей кланяться государю, буддисты продолжали сохранять свои исконные позиции. Это объяснялось, с одной стороны, слабостью императорской власти, с другой, — доброжелательным отношением самих императоров к буддизму, поощрявших строительство монастырей и увеличение числа монахов.

Что касается третьего фактора — процесса дальнейшего развития буддизма в Китае в контексте его адаптации к китайскому менталитету, сформированному на базе традиционного мировосприятия, — то здесь развитие буддизма, как на Севере, так и на Юге, происходило в русле тех тенденций, которые были намечены в Восточной Цзинь. В Восточной Цзинь к моменту распада страны на Южные и Северные царства, большую значимость имела переводческая деятельность буддийских монахов, которые передавали суть санскритских текстов на китайском языке. Эта деятельность достигла своих вершин при Дао Ане (312/314—385) и Кумарадживе (344/350—409/431), которые довели технику перевода до такого уровня, что китайцы начали знакомиться с текстами буддизма практически в том виде, в каком они были изложены в оригиналах. В центре внимания находились тексты Праджняпарамиты с их концепцией о «пустоте» («шуньяте», кит. «кун»), и «праджне» — мудрости, приводящей к постижению пустоты. Возникали различные группы, по-разному толковавшие суть понятия пустоты²⁹. Кроме того китайцы постепенно начали знакомиться с текстом «Нирвана сутры», на базе которого Дао Шэн — ученик Кумарадживы — выдвинул свой знаменитый тезис о мгновенном достижении состояния Будды (Дунь у чэн Фо), который во многом определил сотериологическое направление формирования школ китайского буддизма.

Традиция переводческой деятельности Восточной Цзинь была продолжена в Южных и Северных царствах. Однако в отличие от Восточ-

ной Цзинь, где основное внимание уделялось текстам Праджняпарамиты, переводческий акцент переместился на тексты йогачары. Особо проявили себя на этом поприще прибывшие из Индии на Север Китая Дхармаручи (Таньмолючжи), Бодхиручи (Путилючжи), Ратнамати (Лэнамоти) Буддхасанта (Фотошаньдо). Они привозили с собой сутры йогачары, которые создавались в Индии, известные как сутры «второй волны», а также шастры Асанги и Васубандху, разъясняющие суть содержания сутр йогачары. Наиболее известными стали их переводы «Дашабхумика-сутра-шастры» (Шици цзинлунь), написанной Васубандху, «Ланкаватара — сутры» (Жулэнцзя цзин), «Махаяна самграхи» (Шэдачэн лунь)³⁰. Здесь особо следует отметить, что в Северных царствах Дхармакшемой был осуществлен полный перевод «Нирвана сутры». Отдельные положения этой сутры переводились и ранее. В них содержалась идея о том, что природа Будды содержится во всем сущем, что дало возможность Дао Шэну сформулировать свой тезис о внезапном достижении состояния Будды. Однако полный перевод ее был осуществлен именно в период Северных царств. Свою популярность в Китае сутра приобрела только после ее полного перевода.

Следует отметить, что переводчики Северных царств придавали большое значение повторным переводам с ханьского времени сутр, используя выработанные Дао Анем и Кумарадживой методологию и технологию. Повторные переводы отражали более точный смысл содержания буддийских текстов, что давало возможность китайцам осваивать тонкости буддийской философии и сотериологии, а также развивать комментаторскую деятельность этнических китайцев, осмысливающих буддийские тексты в контексте собственных ментальных установок.

В Южных царствах наиболее известными переводчиками были Таньмомидо (Дхармаматра), Цюнабатоло (Гунабхадра), Калаяшас (Цзянлянешэ, Фотоши (Буддхаджива) и Парамартха. Как и на Севере, здесь придавалось большое значение переводу текстов йогачары, а также повторному переводу предыдущих работ. Так, Калаяшас перевел сутру «Гуань уляншоу цзин, «Сутру о созерцании Будды Амитаюса»³¹. Эта сутра была посвящена Западному раю или же Чистой земле Будды Амитабхи. Культ этого Будды был учрежден патриархом Восточной Цзинь Хуй Юанем. Основанная на базе этого культа школа цзинту (школа чистой земли), имела огромную популярность в Китае, особенно среди простых верующих.

Наиболее известным переводчиком текстов йогачары стал Парамартха (Чжэньди, 499—569 гг.). За 23 года своего пребывания в Китае он перевел 49 текстов объемом в 142 цюаня. Среди них тексты Асанги «Махаяна — санпариграха — шастра» (Шэ дачэн лунь), Васубандху «Комментарий к Махаяне» или «Махаяна санграха бхашья» (Шэ дачэн луньши), «Трактат о пробуждении веры в Махаяну» или «Махаяна — шраддхотпада — шастра», которая приписывается Ашвагхоше³². Текст «Махаяна — шраддхотпада — шастры» имел огромное значение для дальнейшего развития буддийского учения в Китае. Он стал одним из канонических текстов школы фасян, которая была сформирована в Китае на базе текстов йогачары. Содержание этой шастры оказало большое влияние на формирование философской концепции школы тяньтай, представляющей собой собственно китайскую школу буддизма.

При этом, необходимо отметить, что переведенные буддистские тексты вызывали неоднозначное толкование. Большие споры вызывала трактовка «Дашабхумика шасты», которая в будущем станет одним из значимых текстов школы фасян и хуаянь. Продолжались споры вокруг понимания проблемы пустоты, начатые еще в период Восточной Цзинь. Постепенно вокруг той или иной версии понимания пустоты складывались группы единомышленников, которые получили название «шесть школ и семь направлений» («Люцзяцицзун»). Именно они дали толчок формированию школ китайского буддизма в Китае³³.

Буддийский монах Южных царств династии Сун (420—479) Тань Цзи написал сочинение «Лю цзя ци цзун» («Шесть школ и семь направлений»), в котором проанализировал учения групп, ведущих споры вокруг понимания понятия пустоты, назвав их шестью школами и семью направлениями³⁴. Этот труд был утерян, но сохранились упоминания о нем в ряде сочинений. Одно из первых упоминаний приходится на период династии Лян (502—557) Южных царств³⁵.

Таким образом, продолжая традиции Восточной Цзинь, буддисты обоих царств внесли свой вклад в развитие буддизма в Китае, хотя оно протекало не всегда гладко. Что касается взаимоотношения буддизма и императоров, то на Севере буддизм не всегда поддерживался и даже подвергался гонениям. На Юге буддизм испытывал неизменную поддержку императоров. Взаимоотношения имперской бюрократии и сангхи в обоих царствах шли совершенно по-разному. На Севере государственный аппарат установил контроль над деятельностью сангхи, на Юге сангха в определенной степени отстояла свой независимый статус. Однако при этом, несмотря на политические и социальные различия и различия во взаимоотношениях сангхи и имперской бюрократии, а также этническом составе населения, процесс развития буддизма в контексте адаптации к местным условиям в обоих царствах протекал практически одинаково. Была завершена подготовка к формированию школ китайского буддизма, начатому в период Восточной Цзинь. Учения этих школ представили собой китаизированный вариант буддизма на Дальнем Востоке.

В конечном итоге, в 581 г. на Севере была низвергнута власть императора Северной Чжоу, после которой, как уже было сказано, была провозглашена Ян Цзянем (Вэнь-ди) династия Суй (581—618), сумевшая присоединить Юг Китая, покончив тем самым с делением страны на Южные и Северные царства. Взяв курс на централизацию власти и создание единой империи, суйские правители переняли опыт северных правителей по отношению к буддийской сангхе. Их отношение к буддизму, как и отношение первых правителей Северных царств, было прагматичным, что заставило их взять под контроль деятельность буддийской сангхи. Преемник императора Ян Цзяня, император Ян-ди в 606 г. издал указ, предписывающий буддийским и даосским монахам кланяться императору³⁶. Таким образом, проблема противостояния имперской бюрократии и сангхи была окончательно решена в пользу бюрократии. Была узаконена зависимость сангхи от государства, которая в эпоху Тан еще более усилилась.

И, наконец, в эпоху Суй была сформирована первая школа китайского буддизма — тяньтай, создание которой открыло новую страницу

в развитии буддизма на Дальнем Востоке, окончательно завершив процесс китаизации буддизма.

Примечания

- Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3. Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии, номер госрегистрации № АААА-А17—117021310263—7).
1. ТАН ЮНТУН Ван жи цза гао (Рукописи прошлых лет). Пекин. 1963, с. 2.
 2. Оно также известно как царство Лю Сун.
 3. В китайской историографии Поздняя Лян не всегда выделяется.
 4. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 3. 2014, с. 129—130.
 5. Там же, с. 142.
 6. Там же, с. 448.
 7. Там же.
 8. Чжунго фоцзяо. Китайский буддизм. Шанхай. 1996, с. 63.
 9. К.К. СН'ЕН. The Chinese transformation of Buddhism. Princeton. 1973, p. 69—73.
 10. Ibid., p. 70—71.
 11. ЯНГУТОВ Л.Е., ЦЫРЕНОВ Ч.Ц. О взаимоотношении буддизма с конфуцианством в период его становления в Китае в эпохи Вэй (220—265 гг.н.э.), двух Цзинь (265—410 гг.н.э.), Южных и Северных царств (420—589 гг.н.э.). (По материалам сочинений средневековых мыслителей). — Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015, № 4 (63), с. 67.
 12. КОМИССАРОВА Т.Г. «Монах не должен быть почтительным к императору». Из буддийской полемики в Китае в IV—V вв. В кн.: Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М. 1987, с. 49.
 13. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 72.
 14. Ibidem.
 15. Чжунго фоцзяо. (Китайский буддизм). Шанхай. 1996, с. 68.
 16. Чжунго фоцзяо, с. 69.
 17. Чжунго фоцзяо тунши (Всеобщая история китайского буддизма). Т. 2. Цзянсу. 2010, с. 65.
 18. Чжунго фоцзяо, с. 70.
 19. Цит. по: Чжунго фоцзяо, с. 70.
 20. Там же, с. 71.
 21. История стран зарубежной Азии в средние века. М. 1970, с. 60.
 22. Чжунго фоцзяо, с. 71.
 23. Чжунго фоцзяо тунши, с. 143.
 24. Там же.
 25. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 72.
 26. История Китая с древнейших времен до наших дней. М. 1974, с. 56.
 27. К.К. СН'ЕН. *Op. cit.*, p. 76.
 28. Ibid., p. 78.
 29. См.: ЯНГУТОВ Л.Е. Традиции праджняпарамиты в Китае. Улан-Удэ. 2007, с. 76—84
 30. См.: ХУЭЙ-ЦЗЯО. Гао сэн чжуань (Жизнеописания достойных монахов) (пер. с китайского, исслед., коммент. и указатели М.Е. Ермакова): в 3-х т. Т. I (Раздел I: Переводчики) (отв. ред. Л.Н. Меньшиков). М. 1991.
 31. Там же.
 32. Чжунго фоцзяо, с. 72.
 33. Подробно об этом см.: ЯНГУТОВ Л.Е. *Op. cit.*, с. 76—84.
 34. Чжунго чжэсюэ ши (ред. Жэнь Цзюйюй). (История философии китайского буддизма). Т. 1. Пекин. 1981, с. 217.
 35. Там же.
 36. SHI PAN. A chronicle of Buddhism in China (581—960 a. d.). Santiniketan. 1966, p. 19.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi94 ББК 63.3(0)6

Политические партии России в общественно-политическом дискурсе в постперестроечный период (к истории вопроса)

С.С. Степанова

Аннотация. Целью данной статьи является исследование проблемы российской специфики партогенеза в общественно-политическом дискурсе в постперестроечный период. Особое внимание уделяется вопросам формирования и развития партийной системы в современной России. Подчеркивается наличие содержательной связи между этапом возникновения многопартийной системы в период Российской империи, послереволюционным советским периодом, когда утверждалась однопартийная система, и, наконец, современной многопартийной системой, складывающейся в Российской Федерации.

Ключевые слова: политическая система, политические акторы, современная демократия, персоналистский режим, политические партии, электорат, партийная демократия, политическое отчуждение.

Abstract. The purpose of this article is to study the problem of the Russian specifics of partogenesis in modern socio-political discourse. Particular attention is paid to the formation and development of the party system in modern Russia. The presence of a meaningful relationship between the stage of the emergence of a multi-party system in the period of the Russian Empire, the post-revolutionary Soviet period when the one-party system was approved, and, finally, the modern multi-party system in the Russian Federation.

Key words: political system, political actors, modern democracy, personalistic regime, political parties, electorate, party democracy, political alienation.

Политические партии призваны играть в демократической политической системе ключевую роль, поскольку они представляют собой ключевой инструмент во властной структуре. Именно партии обеспечивают на практике представительство интересов всех социальных групп общества в политических процессах. Ставя своей конечной целью приход к власти, партии обеспечивают формирование конкурентной среды, в которой соз-

Степанова Светлана Сергеевна — младший научный сотрудник научно-исследовательского института Управления цифровой трансформацией Государственного университета управления. E-mail: stepanova93@mail.ru.

Stepanova Svetlana S. — junior researcher at the Institute State University of Management. E-mail: stepanova93@mail.ru.

даются оптимальные условия для политического участия и демократического развития общества.

Для Российской Федерации проблема эффективности и демократичности власти имеет принципиальное значение в контексте относительной новизны проекта строительства демократических институтов страны и проявившейся в последние десятилетия тенденции к смещению баланса сил в пользу персонализированной высшей государственной власти. В этой связи важным представляется рассмотрение процесса становления современной отечественной партийной системы, совершенствования института политических партий как на федеральном, так и на региональном уровне.

В современной России эффективная многопартийная система все еще не сформирована, достаточно низким остается уровень доверия к партиям со стороны большинства населения. Процессы развития политических партий и политической системы в целом указывают на то, что партийное строительство в стране является долгосрочной задачей. В этой ситуации неизбежным, с нашей точки зрения, становится преодоление в ближайшей перспективе того политического отчуждения, которое по разным причинам усиливается среди большей части населения по отношению к современным российским политическим партиям.

Стало хрестоматийным утверждение, что политические партии являются основой современного демократического общества. Согласно Федеральному закону от 11.07.2001 N95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О политических партиях», «политическая партия — это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»¹.

Здесь следует отметить, что российское законодательство не признает за политическими партиями цели прихода к власти. Между тем, классические политологические определения политических партий называют приход к власти естественным стремлением. Так, согласно одному из академических определений, «политическая партия — это стабильная иерархическая политическая компания, объединяющая на добровольной основе лиц с общими социально-классовыми, политико-экономическими, национально-культурными, религиозными и иными интересами и идеалами, ставящая перед собой цель завоевания политической власти или участие в ней»².

Можно привести и другие, отличающиеся от приведенного выше, определения политической партии. Так, по мнению Б. Констана, давшего, как считается, одно из первых определений политической партии в начале XIX в., партии представляют собой «общность лиц, публично исповедующих одну и ту же политическую доктрину»³.

По мнению же Дж. Мэдисона, причисляемого к отцам-основателям американской конституции, возникновение партий явилось результатом «постоянной борьбы различных интересов, существующих в обществе из-за неравного распределения собственности»⁴.

Немецкий исследователь М. Вебер определял политику через властные отношения, подчеркивая стремление к участию во власти или оказанию влияния на власть»⁵ Он рассматривал политические партии прежде всего как инструмент «вербовки» избирателей с конечной целью завоевания власти партийным руководством.

Среди исследователей трансформационных преобразований партий на политическом ландшафте современной России можно выделить политологов Г.М. Михалёву⁶, О.В. Попову⁷, А.К. Сковикова⁸. В своих работах они приходят к единому мнению: сами партии в той или иной степени участвуют в осуществлении политической власти, будь то путем формирования правительства или осуществления функции оппозиции.

Партийные системы можно разделить на три большие категории: двухпартийные, многопартийные и однопартийные. Такая классификация основана не только на количестве сторон, действующих в конкретной стране, но и на множестве отличительных признаков. Двухпартийные и многопартийные системы представляют собой средства организации политических конфликтов в плюралистических обществах и, таким образом, являются частью аппарата демократии. Однопартийная система обычно действует в ситуациях, когда подлинный политический конфликт не допускается.

Формирование основ многопартийной системы в России было заложено еще в период империи. Первая российская революция привела к появлению политических партий, которые пытались отстаивать свои интересы в возникшем в ходе революции новом представительном органе — Государственной думе. Данный период продолжался относительно недолго, и политические партии, по существу, не играли существенной роли в политическом процессе. После свержения монархии в России партийное строительство заметно активизировалось. Однако этот период был еще короче, и ситуация резко изменилась после Октябрьской революции и начала Гражданской войны. Окончательное установление Советской власти покончило с остатками многопартийности, и на протяжении последующих семидесяти лет в стране господствовала однопартийная политическая система. Роль Коммунистической партии Советского Союза казалось незыблемой.

Перемены начались во второй половине 1980-х гг., в период объявленной М.С. Горбачёвым «перестройки» и в первые годы постперестроечной России. В то же время, в этот период, в русле провозглашенного новым партийным и государственным руководством страны возвращения к «ленинской модели социализма», два новых представительных органа — Съезд народных депутатов СССР (1989—1991 гг.) и Съезд народных депутатов РСФСР (позднее Российской Федерации (1990—1993 гг.)) — обходились без традиционной партийной борьбы. Первый был избран в полном соответствии с советской Конституцией 1977 г., которая, даже с учетом внесенных в нее в 1988 г. некоторых существенных изменений, по-прежнему сохраняла за Коммунистической партией Советского Союза статус «руководящей и направляющей» силы советского общества⁹.

Статья 6 Основного закона СССР, закреплявшая монопольное положение КПСС в советской политической системе Советского Союза,

была отменена только в марте 1990 г. — между двумя турами парламентских выборов. Никакие новые партии не могли быть созданы и зарегистрированы достаточно быстро, чтобы присоединиться к избирательному процессу.

В этой связи фракции, образованные на Съезде народных депутатов РСФСР, представляли собой рыхлые образования со сравнительно небольшими «ядрами», отдаленно напоминающие подлинные политические структуры, которые на практике, по мнению исследователей, действовали как «депутатские клубы», а не как настоящие парламентские партии. Часто члены одной и той же партии принадлежали к разным фракциям, и наоборот.

Конституционная реформа, последовавшая за роспуском парламента в 1993 г., предусматривала, что Государственная дума избиралась на основе смешанной избирательной системы (одна половина депутатов — по мажоритарным избирательным округам, другая — по партийным спискам).

Согласно принятой в декабре 1993 г. новой российской Конституции, в Российской Федерации признавалось идеологическое многообразие: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность»¹⁰.

Так, в 1995 г. в России накануне выборов в Госдуму второго созыва правом участия в выборах обладало небывалое количество политических организаций в лице «общественных объединений» — 273¹¹. Количество же собственно политических партий, входивших в данные общественные объединения, оценивалось в 50—55 единиц¹².

Вместе с тем, установлено, что политические партии в конечном счете предназначены для мобилизации политической поддержки. В практике демократических режимов — в первую очередь к электоральной поддержке, которая может быть обеспечена двумя способами: либо организацией активистов, которые взаимодействуют с соответствующими социальными группами (что характерно для классических кадровых и массовых политических партий), либо путем контроля над информационным пространством средств массовой информации. Последнее позволяет обойтись без посредников и обратиться непосредственно к электорату.

В условиях переходного периода в России мобилизация через средства массовой информации оказалась гораздо более эффективной, чем традиционные методы партийной работы. Это было очевидно уже во время «перестройки», когда газеты и журналы выступали против политической монополии КПСС и преобладали над электронными СМИ. После 1991 г. электронные средства массовой информации перешли к новой властной элите, которая, с социологической точки зрения, была в значительной степени контрэлитой в терминах В. Парето¹³. Печатные СМИ были быстро отодвинуты на задний план.

У зарождавшихся и пока еще слабых политических партий не было средств контроля над СМИ: они могли иметь доступ к печатным СМИ, но телевидение было монополизировано политической и экономической элитой. КПСС была практически запрещена ко времени распада СССР

и возродилась (в новой форме) только через полтора года; фактически, она появилась на публичной политической сцене только после выборов в декабре 1993 г. в форме Коммунистической партии Российской Федерации¹⁴.

В этих условиях политическая борьба в некотором смысле сводилась к борьбе за средства массовой информации. Группы политических элит, имевшие доступ к электронным средствам массовой информации, получали возможность для формирования общественного мнения. В российском политическом дискурсе того времени это положение вещей нашло свое отражение в таких расхожих слоганах, как «партия Березовского» и «партия Гусинского», хотя группы, возглавляемые или представленные двумя медиамагнатами, ни в коем случае не были политическими партиями в классическом смысле¹⁵.

Преобладание электронных СМИ в российской публичной политике было зафиксировано на президентских выборах 1996 и 2000 годов. В обоих случаях результат был предопределен средствами массовой информации посредством их уникальной возможности формирования общественного мнения.

Альтернативой этой «электронной демократии» является деятельность партийных организаций, ищущих поддержку через социальные сети. На протяжении 1990-х гг. парламентские фракции демонстрировали все более высокую консолидированность, поскольку произошла избирательная реформа, которая заменила чисто мажоритарную систему выборов 1990 г. смешанной пропорционально-мажоритарной системой с 5-процентным барьером доступа на выборах 1993 и 1995 годов¹⁶.

В начале XXI в. (с 2000 по 2009 г.) развитие многопартийной системы перешло в новую стадию. В первую очередь, произошла консолидация проправительственных сил. Изменения коснулись законодательства. К настоящему времени оно определяет для политических партий необходимость иметь региональные отделения не менее чем в половине субъектов Российской Федерации и не менее пятисот членов¹⁷.

Важнейшим этапом стало формирование основной проправительственной партии «Единая Россия», занявшей господствующие позиции в парламенте. Партия была образована в 2001 г. и заняла ту нишу, которую традиционно занимала Коммунистическая партия.

В Уставе партии говорится о ее ключевых целях: благополучие человека, единство и суверенитет страны, лидерство и развитие России¹⁸.

О роли партии в политической жизни страны говорит то обстоятельство, что в нее входят практически все представители политического руководства России во главе с президентом В. Путиным. В условиях начавшегося подъема экономического развития и восстановления международных позиций страны это практически сразу сделало партию «Единая Россия» основной силой в парламенте при том, что к настоящему времени имеется 49 зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации политических партий¹⁹.

В то же время, на политическом поле России действуют и такие партии, как Коммунистическая партия Российской Федерации, Либерально-демократическая партия России, «Справедливая Россия», и некоторые другие. Идеологический спектр этих партий достаточно широк.

Коммунисты продвигают традиционные и уже полумифические идеи коммунизма, социализма, марксизма-ленинизма, с более обновленными версиями «демократического социализма», «обновленного социализма», патриотизма, секуляризма и при этом свободы вероисповедания ²⁰.

Либерал-демократы России утверждают в своих программах националистические и панславянские идеи, отмечая необходимость государственничества и неоимпериализма, продвигая антикоммунизм. Вся работа с электоратом строилась преимущественно в популистской форме.

«Справедливая Россия» говорит о построении справедливого, свободного и солидарного общества, перемежая эти цели их с достаточно абстрактными задачами, вроде «содействия реализации стратегических задач развития страны» ²¹.

Однако до подлинной многопартийной системы в российских условиях еще далеко. В качестве одной из главных причин, затруднявших ее формирование, исследователи называют ряд изменений, произошедших в политической системе обновляющейся России в начале нулевых годов и приведших к «жесткой вертикали власти» в стране. По мнению специалистов, внесенные в Закон «О политических партиях» 2001 г. изменения, с одной стороны, усложнили регистрацию партий, с другой стороны, усиливали административный контроль над ними, сделав партии финансово зависимыми от федеральной администрации. В этих условиях создание новых партий без одобрения и поддержки администрации президента стало практически невозможным.

Важной особенностью российского законодательства о политических партиях стало установление запрета на создание региональных и межрегиональных партий. Одновременно с этим запрещалось образование политических партий на профессиональной, расовой, национальной или религиозной основе, что, по мнению законодателя, должно было исключить ситуации социальных расколов, которые в свое время приводили к возникновению партийных демократий в Западной Европе.

Запрет региональных партий значительно ослабил влияние региональных политических элит на политику. Отныне, чтобы участвовать в выборах и получать места в законодательных органах разных уровней, региональные политики должны были иметь членство в той или иной федеральной партии.

В то же время закон сделал партии единственной категорией общественных объединений, имеющих право выдвигать кандидатов на выборах в Государственную Думу и региональные законодательные/представительные органы государственной власти.

Начиная с 2003 г., господствующие позиции в общественно-политической жизни страны занимает партия «Единая Россия», и с каждым новыми выборами в парламент ее позиции по сравнению с остальными только усиливаются. Представители «Единой России» оправдывают свое доминирование ссылкой на насущную необходимость укрепления государства. В то же время, анализируя содержание и способы реализации стратегий легитимации правящей партии, можно убедиться, что дискурс, используемый представителями «Единой России», представляет собой не что иное, как попытку нормативно определить политическую деятельность, в которую они сами вовлечены.

Не будучи уверенными в жизнеспособности модели созданной партийной системы, российские власти вернулись к идее Б. Ельцина о создании системы двух основных лояльных партий, которые заняли бы избирательное пространство, вытеснив остатки оппозиции. Власти понимали, что для устойчивости системы нужна еще одна конкурирующая партия, которая наберет значительный вес на левом фланге, но в то же время не создаст никаких проблем для правительства. Эту функцию возложили на «Справедливую Россию» во главе со спикером Совета Федерации Сергеем Мироновым²².

Однако противостояние «Справедливой...» и «Единой России» весьма условно. Когда в 2010 г. Сергей Миронов рискнул раскритиковать некоторые социальные инициативы Владимира Путина в ночной телевизионной программе, «Единая Россия» пригрозила уволить его с поста спикера Совета Федерации. Конфликт был «урегулирован» подписанием совместной декларации о безоговорочной поддержке В. Путина²³.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что современная многопартийная система Российской Федерации является многопартийной только по своей форме. На практике конкуренция между партиями жестко ограничена, а доминирующие позиции «Единой России», так же, как и ее главного оппонента «Справедливой России», не подвергаются сомнению. Все это затрудняет определение формальной и фактической типологии существующей партийной системы в России, к тому же политическая система страны все еще находится в состоянии трансформации²⁴.

Сложившаяся ситуация дает основания ряду исследователей говорить о существовании в обществе некоей институциональной ловушки. С одной стороны, значительная часть российской элиты и широкая общественность считают, что политическая модернизация является насущной необходимостью для страны, сталкивающейся с постиндустриальным миром, и стремятся предотвратить тенденцию к стагнации. В то же время, институциональная структура, созданная административно-бюрократическим режимом, чтобы гарантировать его сохранение и самовоспроизводство, делает любую попытку его преобразования, по меньшей мере, рискованным делом для базовой идеи, заложенной в основу ее существования²⁵.

Более того, существует мнение, что нынешние российские политические институты в принципе несовместимы с демократическим управлением и верховенством права, а демократизация и политическая модернизация, если таковые имеются, возможно, требуют не их эволюции, а демонтажа и замены другими, более подходящими для целей реформ. В то же время, чем дольше сохраняется текущее статус-кво, тем меньше шансов успешно выйти из этого порочного круга.

Перед политической элитой стоит непростой выбор — отказаться от политической модернизации в пользу поддержания стабильности или попытаться изменить направление развития в пользу свободной политической конкуренции. Тем не менее, опасение, что открытие политической конкуренции может привести к неконтролируемому развитию, которое еще больше дестабилизирует общество и ухудшит управляемость стра-

ны, делает поведение элиты по меньшей мере двойственным. С одной стороны, руководство страны критикует «Единую Россию» за то, что она превращается в придаток исполнительной власти, и выступает за публичную, свободную и честную политическую конкуренцию, а, с другой стороны, «Единой России» позволено использовать исключительный ресурс при мобилизации избирателей на выборах, чем подтверждается ее доминирующий статус и подрываются шансы других политических партий. Это не исключает создания новых псевдоопозиционных партийных проектов для того, чтобы имитировать политическую борьбу и смягчать социальную неудовлетворенность.

Неофициальные группы социального протеста выступают против определенных злоупотреблений местных и региональных властей и особых случаев социальной несправедливости. Обычно они не выдвигают последовательных требований об изменении политического режима. Они фрагментированы и в настоящее время не имеют координации на национальном уровне. Тем не менее, они формируют гражданское общество снизу и увеличивают социальный капитал, несмотря на неблагоприятную институциональную структуру²⁶.

В такой ситуации решение проблемы находится в верхних эшелонах власти, которая по большей части занимается не столько поиском путей и механизмов перехода власти в будущем, сколько разработкой планов по предотвращению передачи власти и укреплению режима с «Единой Россией» или без этого.

В течение многих лет не было ни новых лиц, ни нового контента, ни изменений ни в самом парламенте, ни в «Единой России». Каждый год партия «угрожает» запустить несколько проектов, которые звучат как «помощь людям», «продвижение молодежи» или «разворот партии лицом к народу». Однако все эти инициативы остаются на бумаге²⁷.

Таким образом, сложившаяся политическая система в России не предусматривает эффективной многопартийной системы, в которой существовала бы реальная конкуренция в борьбе за власть. Сами партии избегают терминов, связанных с конечной целью любой действенной политической партии — прихода к власти, подчеркивая тем самым искусственность своего положения. Формально существующая система нуждается в реформах.

Следствием существования нынешней политической системы остается крайне низкий уровень доверия населения к политическим партиям как действенному политическому институту. Кроме прочего, в значительной мере это объясняется тем, что современные российские политические партии имеют только косвенное, как считают специалисты, отношение к процессу принятия политических решений, а подчас и к акторам политического участия. В сложившейся ситуации первоочередными мерами, направленными на совершенствование партийной системы и развитие подлинной конкурентной среды в политической жизни России, могли бы, на наш взгляд, стать, с одной стороны, упрощение законодательства, регулирующего деятельность российских политических партий, с другой стороны, комплексная работа по его оптимизации. Без этого вряд может быть сформирована подлинно «инклюзивная» политическая система в современной России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19—311—90046.

1. Федеральный закон от 11.07.2001 N95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О политических партиях». — Справочная система Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/6503b753e1e72a738f4f2fc522dcfe3cf08e4a10/
2. Современная российская политика: Учебное пособие (под общей ред. В.И. Коваленко). М. 2013, с. 231—234.
3. Политические партии современной России: федеральные тренды, региональные возможности: Учебное пособие (А.В. Петров). Иркутск. 2014, с. 4—6.
4. Там же, с. 7.
5. ВЕБЕР М. Избранные произведения. М. 1990, с. 236—240.
6. МИХАЛЁВА Г.М. Уличные акции в инструментарии партий. — Коммуникология. 2016. Т. 4. № 4, с. 104—115; ЕЕ ЖЕ. Сравнительная характеристика современных российских и европейских политических партий. — Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2(4), с. 135.
7. ПОПОВА О.В. Гендерные партии в современной России: проблемы и перспективы. — Политическая наука. 2015. № 1, с. 134—135.
8. СКОВИКОВ А.К. Политические партии и молодежь: диалог взаимодействия в развитии гражданского общества. — Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84).
9. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) С изменениями и дополнениями от 1 декабря 1988 г. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478733/
10. Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 г. — Информационный портал Президента России. URL: <http://Constitution.Kremlin.Ru/>
11. КОРГУНЮК Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М. 2007, с. 343—344.
12. Там же, с. 321.
13. ПАРЕТО В. Социалистические системы. — М. 2019, с. 55—62.
14. BELYAEV A., BIRYUKOV N., SERGEYEV V. The Making of Parliamentary Parties in Contemporary Russia. International Conference on Democracy in Russia. Uppsala, Sweden. 2002, p. 23—25.
15. Ibid., p. 37—39.
16. ШУМИЛОВ А.В. Влияние электоральной активности молодежи в Интернете на электоральные процессы 2011/2012. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12—1; 18. ЕГО ЖЕ. Политические партии в современном мире на рубеже XX—XXI вв. Чебоксары. 2011, с. 135—137.
17. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О политических партиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/6503b753e1e72a738f4f2fc522dcfe3cf08e4a10
18. Устав партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/rules/>
19. Список зарегистрированных политических партий. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>
20. ШУТОВ А.Ю. Политические партии и трансформация правящих элит в новейшей истории России. В кн.: Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Ростов-н/Д. 2013.
21. КЫНЕВ А.В., ЛЮБАРЕВ А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М. 2011, с. 523—526.
22. KULIK A. Political parties and democracy in post-Soviet states. — Revue d'études comparatives Est-Ouest. France. 2011. Vol. 42. Issue 1, p. 130—131. URL: https://www.cairn.info/Revue-Revues-D-Etudes-Comparatives-Est-Ouest1—2011—1-Page-115.Htm?Try_Download=1
23. Ibid., p. 143—145.

24. КЫНЕВ А.В., ЛЮБАРЕВ А.Е. Ук. соч., с. 649.
25. LEDYAEV V., CHIRIKOVA A. Power in the local Russian Communities: Patterns of Interaction Between Legislative and Executive Branches of Local Government. — *Urban Affairs Review*. 2017. Vol. 53. No. 6.
26. GAMAN-GOLUTVINA O. Parliamentary representation and MPs in Russia: historical retrospective and comparative perspective/ In: *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe* (ed. by E. Semenova, M. Edinger and H. Best). London. 2014.
27. SHKLIAROV V. United Russia is Dead. — Foreign Policy Research Institute. Philadelphia, 2019. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/12/united-russia-is-dead/>

Коррупция и борьба с ней в исторической ретроспективе

П. И. Иванов, А. С. Шитов

Аннотация. В статье рассматривается понятие «коррупция» на различных этапах становления российской государственности. Особое внимание уделено разграничению понятий «коррупция» и «взятничество». С использованием исторических документов раскрываются истоки данного социального явления, а также принципы борьбы с ним.

Ключевые слова: коррупция, генезис, мздоимство, противодействие.

Abstract. The authors consider the concept of corruption in each stage of the formation of the Russian state. A special attention is paid to the difference between bribery and corruption. On the base of historical documents the origins of corruption and the mechanism for fighting it are disclosed.

Key words: corruption, genesis, bribery, counteraction.

Историки и криминологи доказали, что коррупция как социальное явление уходит своими корнями в глубокое прошлое¹. Так, наказание за взяточничество предусматривалось еще законами Хаммурапи (около 4 тыс. лет назад). Древнегреческий философ Аристотель писал: «Самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»².

Чтобы понимать сущность, структуру и содержание понятия коррупции, важно проанализировать природу этого явления, выявить его движущие начала. Для этого необходимо обратиться к истокам его зарождения³.

Термин «коррупция» восходит к латинскому «*corruption*». В русском языке это слово имело многозначный характер: переводилось и как подкуп, и как порча, и как разложение, и как злоупотребление служебным положением в корыстных целях^{4, 5}. По этой причине единого понимания коррупции, несмотря на наличие определения в законодательстве, не существует.

Иванов Пётр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru; *Шитов Артём Сергеевич* — адъюнкт 3-го факультета Академии управления МВД России. E-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru.

Ivanov Petr I. — doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher at the Scientific Research Center Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru; *Shitov Artyom S.* — postgraduate student at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: Bab13.92Ash@yandex.ru.

Среди криминологов бытует мнение, что коррупция аналогична взяточничеству. На наш взгляд, это не совсем так, иначе можно было бы использовать в качестве синонима термин «взяточничество»⁶. Издавна на Руси слово «взяточничество» ассоциировалось прежде всего с получением государственным служащим конкретной взятки (часто на основе вымогания) за какие-то определенные, заранее оговоренные деяния, с мздоимством и лихоимством. Мздоимство, по дореволюционному российскому законодательству, — получение взятки чиновником или иным лицом, состоящим на государственной или общественной службе, за действие (бездействие), выполненное им без нарушения служебных обязанностей; лихоимство — те же действия, но связанные с нарушением служебных обязанностей^{7, 8}. В этой связи нельзя не отметить одно обстоятельство: Петр I определил наказание дающим взятку (лиходателям) наравне с получившими взятку (лихоимцами).

Впервые мздоимство упоминалось в русских летописях XIII в. По мнению историков, зарождение «легальной» коррупции относится к IX—X вв., когда возник так называемый институт «кормления», который распространялся на представителей государственной власти и обеспечивался общиной.

На сегодняшний день имеется достаточно монографических и иных работ, посвященных истории коррупции в России^{9, 10, 11}. Учитывая это, мы не ставили перед собой задачу в рамках статьи охватить все периоды ее развития и остановились лишь на отдельных исторических тенденциях и закономерностях явления коррупции, а также особенностях борьбы с ней.

Существует точка зрения, согласно которой коррупция на Руси не восходит к системе «кормления», а определяется традициями общества. В частности, С. А. Алимпиев отмечает, что «появление коррупции в России как социального явления тесно связано с традициями общества в период становления и возникновения Древнерусского государства в IX—XI веках»¹². Однако, на наш взгляд, основную причину коррупции следует искать не только в существовавших в то время в обществе обычаях, но и в «узаконенной» системе «кормления», которая рядом авторов рассматривается именно как разновидность традиций.

Основным сборником правовых норм в Древней Руси являлась «Русская Правда». Она охватывала практически все отрасли древнерусского права, в первую очередь уголовного¹³. Система управления также была закреплена специальными нормами. Князь выступал в роли законодателя, военного предводителя, верховного судьи и сборщика налогов¹⁴. Местные органы управления существовали благодаря «кормлению». Сбор дани нередко носил характер насильственных поборов. Размеры дани определялись потребностями князя, а они, как правило, не поддавались учету¹⁵.

Судебник 1550 г. устанавливал ответственность должностных лиц за получение взятки: определял перечень должностных лиц; криминализацию факта получения взятки; наказание, исходя из тяжести деяния, не судом, а главой государства; законодательно разграничивал «лихоимство» и «мздоимство»^{16, 17}. Под «лихоимством» в Судебнике понималось получение должностным лицом судебных органов разрешенных

законом пошлин свыше нормы, установленной в законе, под «мздоимством» — выполнение действий по службе должностным лицом, участником судебного разбирательства, при рассмотрении дела или жалобы в суде, которое оно выполнило вопреки интересам правосудия за вознаграждение¹⁸.

В период правления Петра I российское законодательство подверглось некоторым изменениям:

– исходя из сложившейся криминогенной ситуации иначе стали толковать понятия «лихоимство» и «мздоимство». Под «лихоимством» начали понимать принятие должностным лицом органов государственной власти и управления взятки за совершение действия (бездействие) по службе, если при этом происходило нарушение этим лицом своих служебных обязанностей. Если же должностное лицо органов государственной власти и управления за полученное не предусмотренное законом вознаграждение совершало действие (бездействовало) в пределах своих полномочий по службе, то такое преступление называлось «мздоимством»¹⁹. Эти понятия трансформировались в дальнейшем в царских указах. При Петре I были фактически уравнены наказания для дающего взятку (лиходателя) и получившего взятку (лихоимца);

– стал актуальным вопрос защиты от коррупционных преступлений не одной отдельно взятой государственной структуры, а всего государства. Это было связано с тем, что объектом преступлений, совершаемых чиновниками, стали не интересы правосудия (как это было до реформы Петра I), а интересы государства в целом;

– наряду с конфискацией имущества, была введена смертная казнь за взяточничество;

– порядок прохождения государственной службы для воевод претерпел существенные изменения. В частности, срок службы был увеличен на два года и более;

– в связи с увеличением денежного содержания чиновников было окончательно покончено с системой «кормления» (указ Петра I от 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов»). На наш взгляд, эта реформа способствовала преодолению взяточничества и других корыстных злоупотреблений со стороны должностных лиц;

– была введена должность фискала для «взыскания всех безгласных дел», а также борьбы со взяточничеством и казнокрадством (указ Петра I от 1714 г. «О фискалах и о их должности и действии»);

– в целях осуществления общего гласного контроля за своевременным исполнением указов и повелений императора и Сената в 1722 г. была учреждена должность генерал-прокурора («ока государева»), установлена строгая подчиненность ему, начиная с обер-прокуроров в Сенате и в Синоде и заканчивая прокурорами губерний. Такой статус генерал-прокурора позволял ему в полном объеме осуществлять функцию общего надзора.

Заслугой Петра I стало выстраивание борьбы с коррупцией на системной основе, что включало анализ причин и условий, способствовавших коррупционным проявлениям, принятие дополнительных уголовно-репрессивных мер, создание оптимальной структуры специализированных государственных органов, наделенных в том числе функ-

цией контроля. Особо следует подчеркнуть, что эти мероприятия при нем впервые были претворены в жизнь.

Упорядочение структуры и компетенции государственного аппарата отразилось в «Табели о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных» (1722 г.). Стоит отметить, что многие реформы Петра I явились примером для его последователей (Екатерины II, Александра I, Александра III и др.).

На каждом историческом этапе проблему борьбы с коррупцией пытались разрешить с позиции системности. Это включало:

- изучение меняющихся форм подкупа-продажности (попытку определения прежде всего их причин). Среди основных причин назывались стесненное материальное положение государственных служащих, несоразмерность степеней наказания со степенями совершенных деяний. Были установлены причинно-следственные связи между коррупционными проявлениями в среде государственных служащих и изменением их имущественного положения;

- оценку подверженности подкупа-продажности принимавшимся в то время мерам, считавшимся оптимальными;

- определение стратегии борьбы с лиходеательством и лихоимством на основе анализа условий коррупции (выработку концепции борьбы с подкупом-продажностью)^{20, 21};

- разработку системы мер борьбы с коррупцией. Предполагался даже негласный надзор за государственными служащими, в первую очередь — возможными лихоимцами. Таким путем собирались достоверные сведения об их имущественном положении и приращении богатства. Между тем, как отмечают исследователи, формы подкупа-продажности стали более латентными и менее общественно опасными (латентные проявления не попадали под уголовно-правовые запреты).

Император Николай I, учитывая сложившееся положение, в 1832 г. принял свод законов, в котором предлагалась система мер по борьбе с широким спектром коррупционных деяний и который дифференцировал наказания за коррупционные преступления и правонарушения. Если за правонарушения в качестве взыскания могли назначить временный арест или временное отстранение от должности, то наказание за лихоимство было шире — от лишения всех прав состояния до ссылки на поселение или на каторжную работу. Впрочем, несмотря на все эти меры, добиться коренного перелома в борьбе с коррупцией Николаю I не удалось.

Особенностями описываемого периода явились:

- возникновение, несмотря на превентивные меры, новых форм коррупции, которые по степени общественной опасности были аналогичны традиционным лихоимственным преступлениям;

- латентный характер новых форм подкупа-продажности, связанных с акциями и товариществами;

- частое вынесение оправдательных судебных решений по делам о лихоимстве;

- отсутствие результата от принятых мер, направленных на ограничение участия чиновников в хозяйственном обороте.

Говоря о хозяйственном обороте, нельзя не упомянуть Уложение 1845 г., которое криминализировало такие действия чиновников, как за-

ключение договоров на подряды и поставки, прием поставляемых в казну вещей публичная продажа посредством принятия специальных норм (ст. 514—517, 519, 523, 527 Уложения). Таким образом, следует отметить высокую степень гибкости уголовно-правовой политики как адекватную реакцию на изменение среды коррупционных проявлений.

Согласно Уложению 1845 г., и взятодатели, и взятополучатели несли уголовную ответственность²². Однако впоследствии в отношении лихохдателей существовавшая норма была исключена.

Развитие капитализма в России (с середины 1850-х гг.) наложило свой отпечаток не только на коррупцию, но и на систему превентивных и карательных антикоррупционных мер, реализуемую посредством разработки и принятия нормативных правовых актов. К особенностям этого времени следует отнести:

- принятие Уголовного уложения 1903 г., установившего ряд уголовно наказуемых деяний, связанных с совершением имущественной сделки (их криминализация);

- установление дисциплинарной и административной ответственности за нарушение чиновниками служебных обязанностей (считалось, что они порождают коррупцию и могут послужить одной из антикоррупционных мер);

- ведение информационно-аналитической деятельности (регистрация сведений о лицах, уволенных с государственной службы по причине нарушения своих служебных обязанностей), что помогало пресекать попытки таких лиц продолжить службу в другом ведомстве. Одновременно с помощью представительных органов власти осуществлялся комплекс организационных и социально-профилактических мероприятий в целях исключения прогнозируемых последствий коррупции;

- участие служащих в коррупционных схемах по собственной инициативе (в целях улучшения материального благополучия). Это обстоятельство потребовало исключения из Уложения 1845 г. постановления об уголовной ответственности за дачу взятки, не сопровождавшуюся склонением служащего к совершению преступления;

- наметившаяся негативная тенденция судопроизводства с участием присяжных, которая была вызвана их стесненным материальным положением. Стала явной возможность подкупа присяжных. Возросло количество оправдательных вердиктов суда присяжных в отношении судимых за коррупцию. Таким образом, сама среда определяла степень распространенности коррупции, она же способствовала возникновению новых ее форм, выходящих за пределы прямых служебных злоупотреблений;

- низкая эффективность превентивных антикоррупционных мер, принимаемых в средствах массовой информации, в условиях постепенного распространения коррупции на все сферы общественной жизни. Созданию такой ситуации способствовали высокопоставленные чиновники: указания периодических изданий на реальные факты коррупции в органах государственной власти и управления не воспринимались должным образом, а за публикации о противозаконных деяниях должностных лиц СМИ подвергались штрафным санкциям;

– двойственный характер используемой коррупционной выгоды. С одной стороны, чиновник получал личную прибыль, с другой — скрывал этот факт и таким образом мог уйти от ответственности;

– самостоятельный характер коррупции, ее способность самостоятельно создавать необходимые условия для своего существования;

– контроль и координация правительственными органами борьбы с коррупцией в предреволюционной России. Непосредственное участие в этом принимали все ветви власти, поскольку коррупция угрожала безопасности существовавшего строя. Это был один из приоритетов государственной политики.

Анализ работ отечественных историков показывает, что коррупция серьезно препятствовала становлению и укреплению государственности на всех этапах и вопрос поиска оптимальных средств борьбы с ней всегда стоял на первом плане. Изучая данную проблему, исследователи пытались прежде всего усмотреть наличие системного подхода к ее решению ²³.

Советская власть, несмотря на отрицание коррупционных проявлений в системе государственной службы (хотя взяточничество и иные корыстные злоупотребления имели место), в 1918 г. приняла декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О взяточничестве». С этого момента взяткодатель, взяткополучатель, подстрекатель, пособники и иные сообщники несли уголовную ответственность, причем в равной степени. Взятничество считалось одним из опаснейших пережитков прошлого, и наказывали за него весьма сурово.

Упомянутый декрет был одним из первых законодательных актов Советской России, полностью посвященных борьбе со взяточничеством в системе государственной службы. Вскоре стало понятно, что одними уголовно-правовыми средствами решить эту проблему не удастся по двум основным причинам: низкое денежное содержание государственных служащих и несовершенный порядок отбора на государственную службу. В системе госслужбы отмечался рост коррупции. Это обстоятельство вынудило принять дополнительные меры. Совнарком РСФСР 27 июля 1918 г. принял постановление «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях». Через четыре года Советом труда и обороны было подписано постановление о мерах борьбы со взяточничеством. При Совете труда и обороны в сентябре 1922 г. была образована Комиссия по борьбе со взяточничеством. Вскоре было утверждено положение «О ведомственных комиссиях по борьбе со взяточничеством».

Небезынтересен в этом плане циркуляр Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, в котором приводился исчерпывающий перечень деяний, подпадающих под взяточничество. Например, преступлением считалось использование сотрудниками рабоче-крестьянской инспекции своего служебного положения для перехода на службу в подотчетное учреждение.

Борьба со взяточничеством предполагала также укрепление дисциплины в государственном аппарате. Этому вопросу уделялось особое внимание в 1920—30-х гг. XX в., о чем свидетельствуют постановления ВЦИК РСФСР от 7 июля 1923 г. «Положение о дисциплинарных судах», ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г. «О дисциплинарной ответ-

ственности в порядке подчиненности», которые в первую очередь были направлены на недопущение противоправных действий со стороны государственных служащих.

В конце 1950-х гг. заговорили о новом всплеске коррупции, а в 1962 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальный указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». Однако для искоренения взяточничества необходимо было принимать более радикальные меры на системной основе.

Характерной чертой периода становления рыночной экономики в России стало зарождение и постепенное воплощение в жизнь идеи верховенства закона, в том числе в сфере противодействия коррупции. Суть этой идеи заключается в том, что закон стал приобретать значение первичного регулятора общественных отношений в правовом государстве.

Понятия «коррупция» и «противодействие коррупции» впервые получили законодательное закрепление^{24, 25}. Несмотря на наличие законодательного определения коррупции, в учебниках по криминологии приводятся разные толкования этого понятия, например: «явление таких подкупа-продажности, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение, наделенный определенными полномочиями, подкупается другим субъектом ради того, чтобы соответствующие служебное положение и полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны»²⁶.

Исследователи утверждают, что новые условия — переход к рыночной экономике — объективно вызвали всплеск коррупции.

Аналитики отмечают, что коррупция в России стала своеобразным бизнесом. Если в 1990-е гг. предприниматели должны были платить различным преступным группировкам, чтобы обеспечить себе «крышу», то в настоящее время функции «крышевания» осуществляют в основном должностные лица²⁷. Многие специалисты склонны считать, что коррупция перешла из открытой в скрытую фазу.

Меры по борьбе с коррупцией принимаются государством на постоянной основе, поскольку она, наряду с теневой и криминальной экономикой, представляет угрозу экономической безопасности Российской Федерации²⁸. К числу таких мер следует отнести образование Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. В его основные задачи входит как подготовка предложений главе государства, так и контроль за осуществлением мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции²⁹. В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации создано Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции, которое выполняет функции по обеспечению экономической безопасности государства, противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности^{30, 31}.

Как показывает правоприменительная практика, в настоящее время распространение получили новые формы коррупции: реализация преступных схем при осуществлении закупок товаров, услуг для государственных или муниципальных нужд; подкуп должностных лиц различных государственных органов; вымогательство денежных средств у участников конкурсов при размещении государственных заказов; вымо-

гательство должностными лицами взяток в виде «откатов» за выделение предприятиям (организациям) бюджетных средств.

Подведем некоторые итоги:

– коррупция, будучи социально-правовым явлением, уходит корнями в историю. Становление и возникновение коррупции историки связывают с Древнерусским государством IX—XI вв.;

– нормативно-правовые предпосылки формирования понятия коррупции и противодействия этому явлению связаны со становлением Древнерусского государства (Судебники 1497 и 1550 гг.);

– на развитие отечественного антикоррупционного законодательства повлияли социально-экономические и политические перемены в обществе, в том числе исторические события в Древней Руси (ее дробление и последующее объединение);

– эволюция коррупции неразрывно связана с историей государства.

Зная истоки появления коррупции, намного легче познать ее закономерности, этапы развития и их особенности. Обширный исторический материал нуждается в глубоком теоретическом осмыслении в целях конструирования современной модели противодействия данному явлению. Движение к этой цели, безусловно, не станет быстрым и в значительной мере будет зависеть от укрепления государственной власти, развития гражданского общества, соблюдения конституционных принципов законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Примечания

1. В рамках настоящей статьи в целях понятийного единообразия нами используется термин «коррупция», хотя в российское законодательство он был введен лишь в начале XX в.
2. СИНЮКОВА Т.Н. Понятие и подходы к содержанию коррупции. — Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29), с. 333.
3. Впервые в России термин «коррупция» в научный оборот ввел в 1913 г. А.Я. Эстрин. Он рассматривал как административные, так и уголовно наказуемые коррупционные деяния. См.: ЭСТРИН А.Я. Взятничество. — Труды кружка уголовного права при Санкт-Петербургском университете. СПб. 1913, с. 181.
4. Криминология: Учебник для юридических вузов (под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина). СПб. 1999, с. 404.
5. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (под рук. Г.А. Сагарова). М. 1998, с. 1.
6. Криминология: Учебник (под общ. ред. А.И. Долговой). 4-е изд., перераб. и доп. М. 2016, с. 803.
7. АСТАНИН В.В. Борьба с коррупцией по законодательству Петра I. Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М. 1999, с. 246—248.
8. КАБАНОВ П.А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск. 1995, с. 9.
9. АЛЕКСАНДРОВ С.Г. Юридическая дефиниция «коррупция»: понятие, особенности методологического познания. — История государства и права. 2007. № 11, с. 2—5.
10. ФИАЛКОВСКАЯ И.Д. Исторический опыт противодействия коррупции в системе государственной службы России. — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 4, с. 139—143.
11. СИНЕЛЬЩИКОВ Ю.П. Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы. М. 2017.

12. АЛИМПИЕВ С. А. Эволюция уголовно-правовой нормы о получении взятки по законодательству России в дореволюционный период (IX—XIX века). — Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13, с. 21.
13. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9 т. Т. 1 (отв. ред. В. Л. Янин; под общ. ред. О. И. Чистякова). М. 1984, с. 28.
14. РЕПИН И. А. История правового регулирования налоговых отношений в России в IX — начале XX в. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2015.
15. САХАРОВ А. Н., БУГАНОВ В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений. М. 1995, с. 46.
16. ТОМСИНОВ В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства. — Проблемы истории государства и права: Сб. науч. трудов. М. 2009, с. 259—287.
17. Справедливости ради следует отметить, что предпосылки для формулирования юридической конструкции получения взятки были созданы Судебником 1497 г.
18. КАБАНОВ П. А. Ук. соч., с. 10.
19. АЛИМПИЕВ С. А. Ук. соч., с. 26.
20. КУВАЛДИН В. Как русские цари боролись с лихоимством. — Чистые руки: Будущее без коррупции. 1999. № 1, с. 79—81.
21. МОРДВИНЦЕВ Б. Что в другом государстве считается преступлением, то в России бы-вает обычаем, к духу народа принадлежащим. — Чистые руки: Будущее без коррупции. 1999. № 3, с. 59—66.
22. В Уложении закреплялись следующие виды коррупционных правонарушений: неприве-дение в исполнение именных или объявляемых в установленном порядке высочайших указов и повелений; неприведение в исполнение указов Правительствующего сената, других присутственных мест; необъявление поступавших к чиновникам или рассылае-мых для обнародования указов и постановлений; превышение власти; бездействие вла-сти; присвоение; растрата; подлог; неправосудие; мздоимство; лихоимство.
23. АСТАНИН В. В. Борьба с коррупцией в России XVI—XX веков: развитие системного подхода. М. 2003.
24. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 24.04.2020) «О противо-действии коррупции».
25. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О вве-дении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, исполь-зуемых при формировании статистической отчетности». Текст указания официально опубликован не был. Перечень № 23 указания включает преступления коррупционной направленности.
26. Криминология: Учебник (под общ. ред. А. И. Долговой), с. 801.
27. URL: <https://0pages0.livejournal.com/504340.html>
28. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
29. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы».
30. ИВАНОВ П. И., КУСТОВ А. М. Служба экономической безопасности системы МВД Рос-сии: историческая ретроспектива. — Вопросы истории. 2020, № 8, с. 237—245.
31. Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации». Текст приказа официально не публиковался.

Опыт борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями в годы новой экономической политики

В. О. Лапин

Аннотация. В статье дается краткая характеристика основных положений новой экономической политики советского государства, которые оказали существенное влияние на криминализацию хозяйственных отношений, складывавшихся в советском государстве рассматриваемого периода. Рост количества хозяйственных и должностных преступлений, а также низкая эффективность их расследования поставили перед правоохранительными органами серьезную задачу совершенствования следственной деятельности. На основе изучения уникальных работ (1926, 1928 и 1931 гг.) ученого-криминалиста В. И. Громова сделаны выводы и приведены наиболее существенные рекомендации, имеющие не только историческую ценность, но и практическое значение для совершенствования практики расследования экономических преступлений на современном этапе.

Ключевые слова: новая экономическая политика, экономическая, хозяйственная, должностная преступность, хищения, социалистическая собственность, лжекооператив, криминалистика, расследование преступлений, криминалистическая методика.

Abstract. The article gives a brief description of the main provisions of the new economic policy of the Soviet state, which had a significant impact on the criminalization of economic relations taking shape in the Soviet state of the period under review. The increase in the number of economic and official crimes, as well as the low efficiency of the investigation of crimes, put before law enforcement agencies a serious task to improve investigative activities. Based on the study of the unique works (1926, 1928 and 1931) of the forensic scientist V. I. Gromov, the conclusions are drawn and the most significant recommendations are given, which have not only historical value, but practical value for improving the practice of investigating economic crimes at the present stage.

Key words: new economic policy, economic, economic, official crime, theft, socialist property, false cooperative, forensics, crime investigation, forensic techniques.

Период новой экономической политики советского государства сопровождался восстановлением народного хозяйства, индустриализацией и коллективизацией. Одним из решений того времени было предусмо-

Лапин Вячеслав Олегович — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. E-mail: lapin78@mail.ru.

Lapin Vyacheslav O. — candidate of jurisprudence, associate professor, head of department of the Research center at the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. E-mail: lapin78@mail.ru.

тreno: «... создать условия наибольшего благоприятствования в первую очередь для тех отраслей мелкой и кустарной промышленности, которые обслуживают нужды крупной промышленности или работают по заданиям государства или для потребительской кооперации»¹ Существенными факторами развития стали замена продрозверстки продналогом, свободная розничная торговля, применение всех видов кооперации и восстановление финансовой системы государства.

В этот период субъектами преступлений выступали создатели и участники лжекооперативов², которые действовали под прикрытием договоров подряда с государственными организациями, предприятиями и фактически выступали как их полномочные представители по выполнению заготовительных работ, реализации продукции, ремонту и строительству различных объектов народного хозяйства, снабжению их необходимыми материалами³.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 30.09.1921 «О государственных подрядах и поставках (Положение)»⁴, подрядчик обязался на свой страх и риск выполнить определенное задание государственного учреждения или предприятия (возведение и ремонт сооружений, заготовка дров, перевозки и т. п.), последнее же обязалось выплатить определенное вознаграждение за выполнение задания. Проводя аналогию с современным временем, можно рассматриваемые положения условно соотнести с системой государственных закупок, многие принципиальные положения (например, публичные торги, авансирование подрядчика или поставщика, залог как обеспечительная мера и др.) которой уже были известны более ста лет назад. В то же время предусматривалось положение, по которому недобросовестный подрядчик или поставщик, независимо от имущественной несет также уголовную ответственность.

Как и в настоящее время система государственных подрядов и поставок выступала зоной риска и сопровождалась множеством правонарушений, в том числе совершаемых уполномоченными должностными лицами. Декретом СНК РСФСР от 26 октября 1921 г. «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарно-обменных и заготовительных операций» потребительским кооперациям были предоставлены значительные льготы и преимущества при заключении договоров с государственными учреждениями на заготовку сельхозпродуктов, при приобретении товаров у государства, в области налогового обложения⁵.

Нередко частные предприниматели, стремясь использовать предоставленные кооперации льготы для уклонения от контроля финансовых органов, образовывали под вывеской кооператива частные организации и предприятия. Значительное распространение лжекооперативы получили в сельском хозяйстве страны (создание лжеколхозов, лжеартелей, сельскохозяйственных производственных лжекооперативов). Используя предоставленные государством кооперативам льготы, предприниматели получали различные товары, сырье, денежные средства, присваивая большую их часть⁶. Рост количества хищений социалистического имущества в сфере кооперации и государственных поставок в рассматриваемый период вынудил государство и правоохранительные органы выра-

ботать ответные меры борьбы с подобными преступлениями, в том числе посредством совершенствования следственной практики.

Так, СНК СССР 28 декабря 1928 г. принял постановление «О мерах борьбы с лжекооперативами», в котором констатировалось, что «вытесняемые, вследствие успехов государственной и кооперативной промышленности и торговли, из важнейших отраслей народного хозяйства капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности. Это имеет место в особенности в сельскохозяйственной, промысловой и инвалидной кооперации, главным образом, вследствие недостаточного хозяйственного и организационного охвата первичных кооперативов соответствующими союзами»⁷.

В целях борьбы с этим явлением Совет Народных Комиссаров Союза ССР разъяснял, что следует считать лжекооперативами: если в числе их учредителей или членов выборных органов имеются лица, которым это воспрещено законом, или: если в них преобладающее влияние имеют капиталистические (кулацкие) элементы, использующие кооперативную форму в своих классовых целях, или: если деятельность их уклоняется в сторону, противную интересам социалистического строительства⁸.

Отмеченное явление во многом напоминает, конечно, с определенной долей условности, современные «фирмы-однодневки», используемые в качестве средства совершения разнообразных мошеннических действий, вывода активов кредитных организаций, уклонения от уплаты налогов и многих других преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Кроме того, государственным органам давались конкретные указания по усилению контроля за работой кооперативов, проведению обследований и ревизий, принятию мер, направленных на оздоровление их деятельности, исключая принудительную ликвидацию. Также предусматривалось усиление уголовной ответственности организаторов и фактических руководителей лжекооперативов, а также должностных лиц государственных органов и кооперации, оказывающих лжекооперативам содействие в их работе⁹.

Для пресечения наиболее общественно опасных форм лжекооперации и участия в ней должностных лиц, в сентябре 1929 г. Уголовный кодекс РСФСР был дополнен новыми статьями: 111-а и 129-а¹⁰. Так, в соответствии со ст. 129-а УК РСФСР, предусматривалась ответственность за учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов, а со статьей 111-а УК РСФСР, наказывалось содействие должностными лицами государственных органов или кооперации в организации лжекооперативов или попустительство их дальнейшей деятельности. Проблемы борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями предопределили поиск новых, более эффективных способов и приемов выявления и расследования таких преступлений. Как показала история, существенный вклад в решение этой задачи внесли ученые-криминалисты.

Вопросы истории развития криминалистических методик расследования преступлений системно отражены в трудах таких ученых-

криминалистов как Р.С. Белкин¹¹, И.А. Возгрин¹², Ю.П. Гармаев¹³, С.Ю. Косарев¹⁴, А.М. Кустов¹⁵, С.Н. Чурилов¹⁶, А.В. Шмонин¹⁷ и др.

В работах указанных авторов проведен глубокий анализ исторических источников, раскрыты особенности развития научных знаний и представлений о методике расследования преступлений на различных исторических этапах; отражен процесс наращивания научных знаний о методике расследования преступлений, ее целях и задачах. Признавая несомненную ценность изученных источников, отметим, что наиболее полно и детально вопросы истории развития методик расследования преступлений экономической направленности, в том числе в годы новой экономической политики советского государства, нашли отражение в работе А.В. Шмониной¹⁸.

Вместе с тем, для полной и объективной оценки результативности расследования необходимо ясно понимать, в каких условиях формировалась и воспроизводилась хозяйственная и должностная преступность на соответствующем историческом отрезке времени (С.В. Богданов¹⁹,

А.Ю. Епихин и О.Б. Мозохин²⁰), а также знать существовавшие в то время особенности организации работы органов предварительного расследования (А.В. Шмонин²¹). С учетом комплексного подхода к изучению вопросов борьбы с хищениями социалистической собственности, хозяйственными и должностными преступлениями, остановимся более подробно на тех вопросах и исторических источниках рассматриваемого периода, которые, по-нашему мнению, представляют наибольший интерес.

Так, одной из первых научных работ, в которой затрагивались вопросы расследования хозяйственных и должностных преступлений, является руководство для органов дознания и народных следователей «Дознание и предварительное следствие: теория и техника расследования преступлений», подготовленное В.И. Громовым в 1925 г. и переизданное уже в 1926 году²². В этой работе рассматриваются достаточно сложные для того времени вопросы. Например, отмечается проблема разграничения уголовной и дисциплинарной ответственности должностных лиц: «Трудность расследования должностных преступлений увеличивается и тем, что согласно новелл 1923 года, Уголовный Кодекс в последней редакции относит одни и те же служебные правонарушения то к деяниям, за которые закон грозит уголовной ответственностью, то к нарушениям, которые преследуются в дисциплинарном порядке (ст. 105—109 и 117 УК РСФСР). Между тем, на практике разграничить однородные деяния чрезвычайно трудно, тем более провести точно самую грань между уголовной и дисциплинарной ответственностью»²³.

Преступные действия должностного лица должны были иметь системный характер, совершаться по мотивам корыстной или личной заинтересованности, а также носить тяжкие последствия. Отсутствие указанных признаков могло свидетельствовать лишь о наличии признаков дисциплинарного проступка. Также «при обнаружении и расследовании должностных преступлений по каждому делу, прежде всего, необходимо устанавливать точно пределы полномочий данного должностного лица, в действиях которого подозреваются злоупотребление, превышение или бездействие власти или служебная халатность, то есть выяснять объем

прав и обязанностей, которые присвоены его должности. Точно так же необходимо выяснять пределы полномочий каждого отдельного члена коллегиального органа, которому в целом вменяется в вину совершение тех или других злоупотреблений»²⁴.

Определены существенные признаки, требующие доказательств в рамках установления злонамеренного характера неисполнения договорных обязательств. При расследовании преступного неисполнения договорных обязательств с государством необходимо провести анализа договора, точно вскрыть существо обязательств, принятых на себя контрагентом, выяснить фактическую выполнимость их контрагентом в указанные в договоре сроки с точки зрения самого контрагента и в условиях его собственного хозяйства, его денежных или материальных ресурсов в момент принятия на себя обязательств по договору. Бывает, что следствием устанавливается явная несообразность этих обязательств с силами, средствами и возможностями контрагента, и притом заведомая для последнего.

В работе содержатся и другие методические рекомендации и советы для следователей, сохраняющие актуальность и в настоящее время.

Спустя лишь несколько лет вышло в свет практическое пособие В.И. Громова и Н.О. Лаговиера «Расследование хозяйственных и должностных преступлений»²⁵, адресованное органам дознания и следствия. Как отмечают современные ученые-криминалисты, данное пособие, «созданное на основе глубокого анализа практики расследования указанной группы преступлений, явилось значительным (по настоящему еще не оцененным) событием в истории отечественной криминалистики». «Это была первая отечественная полновесная криминалистическая методика расследования, и этим все сказано!»²⁶

Полагаем, что с такой оценкой в целом можно согласиться. Особенно отметим заслугу авторов в том, что им удалось выявить наиболее существенные проблемные вопросы, возникающие при расследовании хозяйственных и должностных преступлений, а также предложить алгоритм их разрешения. При знакомстве с указанной работой невольно возникают ассоциации и параллели с современной организацией расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Практическое пособие «Расследование хозяйственных и должностных преступлений» является комплексной работой по систематизации накопленного эмпирического материала и авторских рекомендаций по организации работы следователя. Несмотря на то, что структура работы еще далека от современных представлений о криминалистической методике расследования преступлений, наиболее важные ее элементы нашли свое отражение в пособии.

Рассмотрим ключевые моменты указанной работы.

Во-первых, авторами в рамках поводов к возбуждению уголовного дела детально анализируется проблема изучения материалов ревизий, методы их проверки и последующего использования в процессе расследования, причины низкого качества и полноты материалов ревизий. «Причина этого лежит отчасти в том, что при ревизионных обследованиях ревизионные органы преследуют иные задачи, чем органы следственной власти, которым приходится начинать расследование по актам

ревизий и обследований: ревизоры собирают и устанавливают факты, необходимые им лишь для общей оценки деятельности того или другого подконтрольного хозяйственного или административного аппарата управления. Потому в процессе своей работы они не всегда могут, да и не обязаны, точно и четко устанавливать обнаруженные при обследовании преступные факты, злоупотребления и правонарушения, из которых одни подлежат судебному рассмотрению, другие преследуются в дисциплинарном порядке. Кроме того, самые методы установления основных фактов, необходимых для выводов ревизии, — совершенно иные, отличные от тех методов, которыми пользуются органы расследования»²⁷. Так, к числу существенных дефектов ревизионных материалов следует отнести следующие: в материалах не имеется надлежаще полной и исчерпывающей экспертизы для выяснения сумм убытков, причиненных действиями хозяйственников или должностных лиц; не приобщены к делу документы, имеющие значение вещественных доказательств; нет объяснений или актов опроса заподозренных в совершении преступных действий должностных лиц и т.п. Отметим, что указанная проблема остается актуальной и в наши дни. Например, вопрос качества и полноты сведений, отраженных в актах проверок и ревизий, передаваемых из контролирующих органов (подразделений ФНС, Центрального банка, ГК «АСВ», ФАС и др.) в правоохранительные для принятия решения о возбуждении уголовного дела, остается нерешенным и в настоящее время.

Во-вторых, вводится в научный оборот понятие «расхищение государственного или общественного имущества, в частности, путем заключения невыгодных сделок лицом, руководящим государственным или общественным учреждением или предприятием, совершенное по соглашению с контрагентами этих учреждений или предприятий».

Следовательно необходимо произвести анализ сомнительных сделок, заключенных с контрагентами, и установить наличие возможного соглашения руководителя хозоргана с контрагентами, а также взаимную корыстную заинтересованность его и контрагентов в заключении таких сделок. Установление невыгодности заключенной сделки может последовать только после подробного ее рассмотрения, анализа отдельных пунктов и предварительного сбора и истребования необходимых сведений и документов для выяснения поводов и оснований для заключения сделки, финансового состояния хозоргана, экономической конъюнктуры, в условиях которой была заключена сделка и т.п. По делам указанной категории в основе расследования лежит анализ сделки и договорных взаимоотношений, а лучшими и верными методами установления доказательств по таким делам являются бухгалтерская и хозяйственная (через специалиста-экономиста) экспертиза²⁸.

Эти весьма ценные рекомендации актуальны и в настоящее время по делам о преступлениях, связанных в невозвратом заемных, кредитных средств, выводом активов кредитных организаций, мошенничеством, совершенном по принципу «финансовой пирамиды» и др.

В-третьих, изучается проблема расследования «мошенничества, связанного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности» (в современной интерпре-

тации), которая была актуальна в рамках правоприменения ст. 131 УК РСФСР, то есть «неисполнения обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаружен злонамеренный характер неисполнения». Автором детально проанализирован состав преступления, а также предложены рекомендации по расследованию.

Изучение вопросов расследования неисполнения обязательств по договору в настоящее время весьма актуально в свете обеспечения органами внутренних дел дополнительных гарантий субъектам предпринимательской деятельности, вовлеченным в процесс уголовного судопроизводства. Существующие проблемы привлечения к ответственности за неисполнение договорных обязательств, а также обвинения в адрес органов внутренних дел в использовании уголовного законодательства в целях оказания давления на бизнес требуют поиска адекватных мер реагирования и, прежде всего, с использованием, как и сто лет назад, потенциала криминалистики, в том числе посредством изучения опыта следственной работы в различные исторические периоды. Особое значение такой опыт приобретает в свете предложений, выдвинутых министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцевым на заседании расширенной коллегии МВД России 26 февраля 2020 г.: «Требую от руководителей обеспечить неукоснительное соблюдение законных прав и интересов хозяйствующих субъектов при проведении проверочных мероприятий. Категорически неприемлемо наше вмешательство в какие-либо гражданско-правовые споры между коммерческими организациями. Считаю целесообразным процессуально рассматривать обращения от одной из указанных сторон лишь после решения арбитражного суда. Таким образом, раз и навсегда объективно исчезнет возможность руками сотрудников полиции добиваться определенных целей в сугубо корпоративном споре и все неминуемые при этом потери списывать на государственные органы с формулировкой “кошмарят бизнес”»²⁹.

Именно редакция ст. 131 УК РСФСР (1926 г.) и порядок ее применения свидетельствуют о том, что указанный опыт имелся в правоприменительной практике советского государства.

Анализ рассматриваемой работы позволяет выделить ряд разъяснений и рекомендаций. Так, по смыслу уголовного закона того периода, злонамеренное действие или бездействие приобретает общественно-опасный характер и является преступлением. Однако законодатель признал, что нельзя допустить широкого обращения потерпевшей от неисполнения договора стороны непосредственно к уголовному суду, так как это вызвало бы (как это и было при действии статьи 130 УК РСФСР 1922 г.) частое и неосновательное возбуждение уголовных дел при одном предположении или подозрении, может быть, добросовестно-заблуждающейся заинтересованной в договоре стороны (госучреждения или общественного предприятия) в том, что в данном случае неисполнение договора имеет «злонамеренный» характер.

Вот почему для возбуждения уголовного дела за злонамеренное неисполнение обязательств по договору (ст. 131 УК РСФСР 1926 г.) закон ставит непременным условием, чтобы предварительно при рассмотрении

дела о неисполнении договора в порядке гражданского судопроизводства был обнаружен злонамеренный характер неисполнения.

Определение гражданского суда не избавляет следователя от сбора доказательств «злонамеренности» неисполнения. Следователь, рассматривая конкретные действия обвиняемого, привлеченного за злонамеренное неисполнение обязательств по договору, должен учесть как весь комплекс действий обвиняемого, так и злонамеренно-субъективную сторону этих действий, установив не только в какой степени контрагент не выполнил данное обязательство и в каком размере этим невыполнением причинен убыток хозоргану, но и какие причины помешали выполнить то или другое обязательство полностью или частично. В случае указаний со стороны привлеченного на выполнение значительной части обязательств по договору и на оставшиеся невыполненными обязательства в остальной части в силу каких-либо исключительных причин, от воли контрагента не зависевших, следователь обязан проверить объяснения обвиняемого³⁰.

Совершенно логичным выглядит и вывод авторов о том, что только полнота обследования всех существенных элементов инкриминируемого обвиняемому обвинения может привести следователя к ясным и бесспорным выводам о том, имеется ли в данном случае злонамеренное неисполнение доказательств по договору или же есть лишь совокупность таких последствий, которые дают основание потерпевшему хозоргану урегулировать свои правоотношения по договору в порядке гражданско-исковых требований. Важнейшим решающим моментом для оценки действий обвиняемого в подобных случаях являются, с одной стороны, причинение контрагентом реального ущерба государственному или общественному предприятию, а, с другой стороны, — намеренное, при полной возможности, неисполнение обязательств из корыстных или личных выгод, каковы бы эти выгоды ни были и в чем бы они ни заключались.

Изменения, внесенные в 1929 г. в УК РСФСР, в части установление ответственности за деятельность лжекооперативов и лжеколхозов, о которых говорилось ранее, повлекли за собой не только наработку следственной практики, но и ее научное переосмысление. Так, в 1931 г. вышла в свет новая научная работа В.И. Громова «Техника расследования отдельных видов преступлений»³¹, в которой автор, изучив материалы правоприменительной практики по лжекооперативам и лжеколхозам, дал советы следователям по квалификации состава, а также алгоритм действий по расследованию преступлений рассматриваемой категории. Особый интерес автора к проблемам расследования хозяйственных и должностных преступлений, его богатейший опыт как судебного следователя позволили уже в то время выявить сущностные закономерности указанных видов преступлений, их тесную взаимосвязь и взаимообусловленность. С годами эти факторы не только не ослабли, но и получили новое развитие, что проявилось в сращивании экономической и коррупционной преступности, появлении организованных преступных сообществ, контролирующих не только отдельные субъекты предпринимательской деятельности, но и их объединения, группы в рамках сфер и отраслей экономики³². Выводы и рекомендации по расследованию хозяйственных и должностных преступлений стали важной научной основой для повышения эффективности работы следователя и заложили фундамент последующего разви-

тия и совершенствования в советский период частных криминалистических методик расследования преступлений против социалистической собственности и должностных преступлений³³.

Таким образом, работы В. И. Громова послужили основой для развития науки криминалистики и появления в ее структуре самостоятельного раздела «криминалистическая методика расследования преступлений». Многие положения, выводы и рекомендации по расследованию хозяйственных и должностных преступлений остаются не только актуальными, но и находятся в числе приоритетных задач органов внутренних дел, например, — недопущение вмешательства последних в разрешение гражданско-правовых споров хозяйствующих субъектов.

Уникальный опыт борьбы с хозяйственными и должностными преступлениями в годы новой экономической политики является весьма актуальным, в особенности с учетом современной повестки противодействия предпринимательской преступности. Полагаем, что его внимательное изучение как представителями бизнес-сообщества, так и сотрудниками правоохранительных органов позволит найти взвешенные решения, обеспечивающие необходимые гарантии защиты субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного уголовного преследования, а также обеспечит надлежащий уровень защиты от преступных посягательств иных участников экономических отношений — граждан, организаций и государства в целом.

Примечание

1. РСФСР. Совет народных комиссаров. Наказ Совнаркома о проведении в жизнь начала новой экономической политики. В кн.: Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М. 1944, с. 696—700.
2. Декрет СНК РСФСР от 25.11.1921 «О товариществах (артелях) ответственного труда». — СУ РСФСР. 1921, № 77, ст. 641; Известия ВЦИК. № 271, 02.12.1921.
3. ШМОНИН А. В. Общие положения и методика расследования преступлений экономической направленности: учебно-практическое пособие. М. 2011, с. 50.
4. Декрет СНК РСФСР от 30.09.1921 «О государственных подрядах и поставках». — СУ РСФСР. 1921, № 69, ст. 549; Известия ВЦИК. № 230, 14.10.1921.
5. Декрет СНК РСФСР от 26.10.1921 «О порядке привлечения потребительской кооперации органами государства к выполнению товарообменных и заготовительных операций». — СУ РСФСР. 1921, № 72, ст. 576; Известия ВЦИК. № 248, 04.11.1921.
6. ШМОНИН А. В. Ук. соч., с. 51.
7. Постановление СНК СССР от 28.12.1928 «О мерах борьбы с лжекооперативами». — СЗ СССР. 1929, № 3, ст. 28; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 11, 13.01.1929.
8. Постановление СНК РСФСР от 27.03.1929 «О мерах борьбы с лжекооперативами». — СУ РСФСР. 1929, № 29, ст. 305; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 79, 06.04.1929.
9. Там же.
10. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»). — СУ РСФСР. 1926, № 80, ст. 600.
11. БЕЛКИН Р. С. История отечественной криминалистики. М. 1999.
12. ВОЗГРИН И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб. 2003.
13. ГАРМАЕВ Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дисс. докт. юрид. наук. М. 2003.

14. КОСАРЕВ С.Ю. Криминалистические методы расследования преступлений: (история возникновения и развития). СПб. 2004.
15. КУСТОВ А.М. История криминалистической практики и науки (X в. — середина XX в.): монография. М. 2019.
16. ЧУРИЛОВ С.Н. Криминалистическая методика: История и современность. М. 2002.
17. ШМОНИН А.В. Методика расследования преступлений. М. 2006.
18. ЕГО ЖЕ. Общие положения и методика расследования преступлений экономической направленности...
19. БОГДАНОВ С.В. Российское государство против экономической преступности (1917—1991). Кн. 1. От Октябрьского переворота 1917 г. — до свертывания нэпа: монография. М. 2018.
20. ЕПИХИН А.Ю., МОЗОХИН О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921—1928). М.
21. ШМОНИН А.В. История органов, расследующих преступления экономической направленности: учебное пособие. Ч. 2. Советский период. М. 2016.
22. ГРОМОВ В.И. Дознание и предварительное следствие: теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей (под ред. Н.В. Крыленко). М. 1926.
23. Там же, с. 249.
24. Там же, с. 250.
25. ГРОМОВ В.И., ЛАГОВИЕР Н.О. Расследование хозяйственных и должностных преступлений: практическое пособие для органов дознания и следствия. М. 1928.
26. КОСАРЕВ С.Ю. История и теория криминалистических методик расследования преступлений (под ред. В.И. Рохлина). СПб. 2008, с. 126, 128; ШМОНИН А.В. Общие положения и методика расследования преступлений экономической направленности..., с. 60—61.
27. ГРОМОВ В.И., ЛАГОВИЕР Н.О. Ук. соч., с. 16—17.
28. Там же, с. 51—52.
29. Материалы заседания расширенной коллегии МВД России, состоявшейся 26 февраля 2020 года. URL: <http://www.kremli№.ru/catalog/perso№s/310/eve№ts/62860>
30. ГРОМОВ В.И., ЛАГОВИЕР Н.О. Ук. соч., с. 62.
31. ГРОМОВ В.И. Техника расследования отдельных видов преступлений (под ред. и с предисл. М.С. Строговича). М. 1931, с. 31—34.
32. ДОЛИНКО В.И. Уголовно-правовая охрана экономической безопасности стран — членов Содружества Независимых Государств. — Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52), с. 46—55.
33. ЕГО ЖЕ. Исторический аспект уголовно-правовой охраны экономической безопасности российского государства. — Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49), с. 80—87.

Польские ссыльные глазами современников (по материалам мемуаристики второй половины 1860-х — 1910-х гг.)

В. Н. Шайдуров, Д. А. Коско

Аннотация. Статья посвящена анализу отношения представителей русского общества к польским ссыльным во второй половине XIX — начале XX в. на территории Западной Сибири. На основе широкого круга источников личного происхождения автор приходит к выводу, что большая часть представителей русского общества в Сибири положительно относилась к ссыльным полякам. Местные жители с удовольствием брали их на службу, со стороны администрации так же исходило лояльное отношение к участникам Январского восстания. Отдельно стоит отметить представителей русского общества, которые находились в ссылке вместе с поляками. В большинстве своем это были участники народнического движения и, как следствие, интеллектуальная часть русского общества. Народники поддерживали польское освободительное движение, выступая против политики царизма на территории Польши.

Ключевые слова: польский вопрос, народничество, Западная Сибирь, Январское восстание, польское освободительное движение.

Abstract. The article is devoted to the attitude of Russian society towards the participants in the uprising in the Kingdom of Poland of 1863—1864 in the territory of Western Siberia. Based on a wide range of sources, the author concludes that most of the representatives of Russian society in Siberia were positive about exiled Poles. Local residents gladly took them to the service, the administration also proceeded loyal to the participants in the January uprising. Separately, it is worth noting the representatives of Russian society who were in exile with the Poles. For the most part, these were participants in the populist movement, and, as a result, the intellectual part of Russian society. The Narodniks supported the Polish liberation movement, opposing the policy of tsarism in Poland.

Key words: Polish question, populism, Western Siberia, January uprising, Polish liberation movement.

Разделы Польши последней четверти XVIII — начала XX в. позволили России, Австрии и Пруссии значительно расширить свои границы. Но для Российской империи приобретение новых территорий обернулось появлением во внутренней политике острых национальных вопросов, среди которых польский был одним из наиболее болезненных.

Польское восстание 1863—1864 гг., как и восстание 1830—1831 гг., было направлено на восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года. Однако его поражение спровоцировало новую волну антипольских действий со стороны российских властей. Самые активные

участники восстания были казнены, а остальные сосланы на территорию Западной Сибири. По разным подсчетам от 8,2 до 12,5 тыс. чел. было отправлено в ссылку, арестантские роты или на каторгу.

Тема польской ссылки в Сибирь неоднократно поднималась на страницах разных изданий. Уже со второй половины 1860-х гг. она звучала в публицистических произведениях. После Первой русской революции 1905—1907 гг. в условиях смягчения цензуры в журналах «Минувшие годы», «Сибирские вопросы» и других были опубликованы воспоминания бывших ссыльных народников.

В первые годы Советской власти мемуары участников революционного движения печатались в журнале «Каторга и ссылка». Некоторые воспоминания вышли отдельными изданиями. В них авторы высказывали собственное мнение как о событиях 1863—1864 гг., так и делились впечатлениями от общения с участниками Январского восстания во время сибирской ссылки.

В настоящее время сохраняется интерес к изучению образа польских ссыльных в зеркале общественного мнения России. Примером тому может служить статья Т.Г. Недзелюк, в которой автор реконструирует это явление на материалах периодической печати ¹.

Надо сказать, что Польское восстание породило неоднозначную реакцию со стороны русской общественности. Польский вопрос играл важную роль как во внешней, так и во внутренней политике России XIX века. Он выступал дестабилизирующим фактором внутри Российской империи, вызывая бурную реакцию среди представителей образованного населения. Однако наиболее ярко было выражено отношение к польскому вопросу со стороны жителей столиц — Санкт-Петербурга и Москвы.

Стоит отметить, что вне зависимости от того, к какому лагерю принадлежали представители интеллектуальной элиты Российской империи (будь то западники или славянофилы), большая ее часть придерживалась негативного отношения к освободительному движению на территории Польши. Так, литературный критик и публицист М.Н. Катков в своих статьях неоднократно заявлял о том, что польские земли являются «исконными областями» России ². Кроме того, Катков даже критиковал политику царских властей на польских землях за чрезмерный либерализм: «Нас упрекают в жестокости; мы скорее должны упрекать себя в том, что мы слишком уступчивы, слишком расположены к угодливости» ³.

Шайдуров Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, профессор кафедры истории России, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: s-w-n@mail.ru; *Коско Данила Александрович* — магистрант факультета истории и социальных наук, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: dkoskoo@gmail.com.

Shaidurov Vladimir N. — doctor of historical sciences, associate professor, head of the scientific and educational center for historical research and analysis, professor of the Department of Russian history, Pushkin Leningrad State University. E-mail: s-w-n@mail.ru; *Kosko Danila A.* — master's student of the faculty of history and social Sciences, Pushkin Leningrad State University. E-mail: dkoskoo@gmail.com.

Историк и публицист К. Д. Кавелин в своем обращении к Александру II характеризовал подавление польского восстания 1863—1864 гг. как благодеяние и «бескровное торжество над европейскою коалицией по польскому вопросу»⁴.

Известный мемуарист и либеральный цензор А. В. Никитенко высказывался за проведение на польских землях политики умиротворения, но рассматривал нахождение Польши в составе Российской империи как вполне естественное явление: «Россия и Польша — это понятно и естественно. Но Россия или Польша — нелепо, глупо и противоестественно»⁵.

В мемуаристике второй половины XIX в. — начала XX в. важное место занимают труды региональных авторов. Обсуждение «польского вопроса» протекало не только на страницах столичных газет и «толстых» журналов. Со временем российская провинция включилась в эту дискуссию. Однако мнения высказывались не на страницах периодических изданий, а преимущественно в дневниках и воспоминаниях, многие из которых были опубликованы только в советское время.

В данной статье будет проанализирована позиция некоторых представителей сибирского социума к Январскому восстанию и участникам польского освободительного движения, оказавшимся в Сибири. Среди авторов выделяются представители администрации, участники русского революционного движения, оказавшиеся в сибирской ссылке, путешественники, посетившие Сибирь в начале XX века.

На протяжении XVII—XIX вв. Сибирь была местом ссылки государственных преступников. Общий образовательный уровень даже во второй половине XIX в. был невысок. Именно ссыльные зачастую представляли собой региональную интеллектуальную элиту. Именно по этой причине авторами источников личного происхождения, в которых представлена интересующая нас информация, были ссыльные участники русского революционного движения, среди которых народники составляли большинство.

Русский революционер, участник организации «Земля и Воля» С. Г. Стахевич застал первую волну ссыльных участников Январского восстания и следующим образом вспоминает их: «... партии поляков, привезенных из Варшавы в тобольскую тюрьму; и все эти партии производили на меня такое же впечатление зажиточности, благообразия и культурности. Совершенно другой вид имели поляки, прибывавшие в ту же тюрьму из Вильны и вообще из литовских губерний». Подобная характеристика разных партий ссыльных вполне объяснима, т. к. из белорусско-литовских губерний везли в основном приговоренных к поселению в Сибири представителей крестьянства и мещанства.

Проживая в Тобольске в 1864 г., Стахевич отмечал факт сочувствия горожан к ссыльным со стороны горожан. Здесь были и немногочисленные участники национально-освободительного движения 1830-х-1840-х гг., которые после амнистии 1857 г. предпочли остаться в Сибири. Особо следует выделить отношение к соотечественникам одного из выдающихся польско-сибирских предпринимателей, «водочного короля» А. Ф. Поклевского-Козелла. В своих мемуарах Стахевич отмечал, что «в числе тобольских жителей есть несколько польских семейств, постоянно поддерживающих дружеские отношения с поляками, находящимися в тюрь-

ме. Эти городские семейства помогали нуждающимся соотечественникам, находящимся в тюрьме, и вещами, и деньгами». Свое же отношение к польскому вопросу революционер выразил в диалоге с представителем польской шляхты — неким Чапским: «Тем не мене е, если вы любопытствуете, я скажу вам, что мое впечатление в общем благоприятно для поляков, очень благоприятно. Я думаю, что, как ни тяжелы времена, переживаемые ныне Польшей, но такой народ никогда не погибнет, не может погибнуть»⁶.

Стахевич был далеко не единственным представителем народничества, который положительно оценивал стремление польских патриотов к независимости. Российский социолог и публицист, один из идеологов народничества В.В. Берви-Флеровский с большим сочувствием относился к ссыльным участникам восстания 1863—1864 годов. В 1864 г. вместе с семьей он был переведен на поселение в Кузнецк, откуда через год смог перебраться в Томск. Как и Стахевич, он был свидетелем появления поляков в Сибири. Позднее он отмечал в своей работе: «Я знал такое множество людей, участвовавших в восстании, как рядовых, так и передовых, как из Западного края, так и из Царства Польского, что мне пришлось не увидеть, а перечувствовать всю жгучесть их боли. Очутившись в их среде, я имел перед собою самый несчастный из всех народов, принадлежащих к западно-европейской цивилизации. Перечислите все эти народы, ни одного из них нельзя сравнить с поляками по злополучию их судьбы»⁷.

Публицист целиком и полностью поддерживал желание поляков восстановить независимость своих земель: «Я смотрел в лицо этим закованным в цепи полякам и думал: “Одну минуту вы осмелились мечтать о том, что вы снова завоюете себе свободное отечество, что это отечество, снова заблестает яркою звездой между великими народами — и вот теперь до чего вы дожили! Счастливы те между вами, которые пали на поле битвы, они нашли себе вечное успокоение среди надежды и восторга — а вы?»⁸

Берви-Флеровский не скупится на обвинения в адрес России, называя ее «варварской империей», которая отняла у Польши все ее культурное наследие: «Она уничтожила ваши университеты, ваши библиотеки, ваше просвещение и взамен получила только ту кору загрубения, которая нарастает на всяком злодее, когда он безнаказанно совершает великие преступления»⁹. Кроме того, идеолог народничества высказывал мнение, что представители русского общества не решились выступить против политики царизма на территории Царства Польского из чувства страха: «Александр II-ой терзал теперь злополучных поляков, а мы русские не смели сказать ни слова в осуждение этой политики. Мы могли только думать про себя: сегодня их очередь, а завтра наша»¹⁰.

В своих воспоминаниях Берви-Флеровский негативно оценивает политику царских властей на территории Польши: Александра I он обвиняет в нарушении прав и свобод польского народа, вместо того чтобы развивать их. Николая I он также винит в подавлении просвещения, благосостояния и свобод польской нации, и, как следствие, в жестком подавлении польского восстания.

Берви-Флеровский дает жесткую характеристику императору Николаю I: «Когда он вызвал польское восстание дурным своим управлением,

он должен был бы чувствовать за это свою вину перед нами и должен был бы исправить свою ошибку, а он с наглостью неисправимого преступника стал считать виноватыми поляков, а не себя, и управлял после этого Польшею хуже какогонибудь монгола-завоевателя. Клеймо позора тебе за это от истории — зверь на престоле!»¹¹ Говоря о поляках в Сибири, Берви-Флеровский, как и Стахевич, отмечает тот факт, что население Сибири было положительно расположено к участникам Январского восстания: «Прежде всего, мне бросилось в глаза, что в Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ»¹².

Еще один участник организации «Земля и Воля» — Л.Ф. Пантелеев — также отмечал хорошее отношение к польским ссыльным в Сибири: «Польская ссылка николаевского времени оставила по себе добрую память в Сибири; в огромном большинстве она представляла высококультурный элемент. Потому, когда началась ссылка по делу 1863 г[ода], первые партии везде встречали не только доброжелательное отношение со стороны местного общества, но и посильное содействие к облегчению участи... Случалось даже, что, узнав о приближении партии, в которой находились почему-нибудь выдающиеся личности, целые компании из местных жителей отправлялись навстречу ей»¹³.

Пантелеев сохранил в мемуарах позицию не только сибирского обывателя, но и некоторых представителей сибирской администрации. Особо он выделил Тобольского губернатора Деспота-Зеновича, который, как и местные жители, был положительно расположен к участникам Январского восстания. В частности, он дал ему следующую характеристику: «Поляк, хотя и получивший воспитание в русском семействе Тучковых. Пользуясь большим доверием генерал-губернатора Дюгамеля, он делал все возможное, не выходя из пределов закона, чтобы облегчать участь ссыльных»¹⁴.

Однако не все представители народничества были готовы поддерживать стремления польских патриотов. Так, участник организации «Народная Воля» М.П. Овчинников в одной из бесед с польскими ссыльными высказал мнение о том, что Польша сможет достигнуть своего благополучия именно в составе Российской империи. Он вспоминал позднее, что «с Избицким и Потапенко доказывали равенство и братство всех народов, проводили космополитические идеи и указывали, что все хождения “до лясу” ничего не дадут полякам, кроме вреда. Благосостояние Польши должно покоиться на благосостоянии России»¹⁵.

Именно Избицкий высказал еще более категоричную позицию относительно сепаратистских настроений в Польше. Как отмечал Овчинников, он «в конце речи пламенно обрушился на поляков, бесполезно погубивших во время своих восстаний тысячи невинных жертв во имя насильнической и несообразной с действительностью идеи о восстановлении Польши от моря до моря, с поглощением малороссов, белоруссов, литовцев и галицких русин». Кроме того, по мнению Избицкого, полякам, основываясь на полученном горьком опыте, давно следовало бы выбрать другой путь развития, однако они продолжают выступать против «ига русского правительства»: «а сами в то же время стремятся поработить малороссов, белоруссов, литовцев, латышей и даже русских. У них нет ровно никаких понятий о свободе, равенстве и братстве народов. Нет, они

враги наши и враги сознательные, по отношению к ним не может быть никакой пощады»¹⁶.

Участник российского революционного движения С.Л. Чудновский отмечал, что в Западной Сибири проживало много поляков. В отличие от Стахевича и Берви-Флеровского, он находился в сибирской ссылке в конце 1870-х-1880-е гг., когда поляки проживали в Сибири уже длительное время. Ссылные поляки из числа инженеров, юристов, студентов пользовались большим спросом на местном рынке труда. Следует вспомнить упомянутого выше Берви-Флеровского, который непродолжительное время служил одному из богатейших томских купцов — Б.Л. Хотимскому. Именно сибирские предприниматели активно брали на службу поляков из числа ссыльных. Так, А.Ф. Поклевский-Козелл пристраивал их на разные должности в своих многочисленных лавках и конторах.

Но не только частная служба позволяла ссыльным выжить в трудных сибирских условиях. Несмотря на существовавший на законодательном уровне запрет на прием ссыльных на казенную службу, «сама администрация отнюдь не брезговала услугами политических ссыльных. Культурно-просветительное значение их для Сибири почти все администраторы признавали если не тотчас по прибытии в Сибирь, то в самом скором времени после поступления их там на службу».

Интересно наблюдение, сделанное Чудновским в отношении ссыльных поляков, оставшихся в Сибири: «Эта группа ссыльных поляков весьма мало интересовалась современной русской политикой, держалась совершенно в стороне от политических ссыльных позднейших формаций и погружалась целиком в интересы местной обыденно-практической жизни»¹⁷.

Писатель, журналист и революционный деятель В.Г. Короленко оказался в сибирской ссылке в 1880-е годы. Позднее он, как и Чудновский, отмечал нежелание польских ссыльных принимать какое-либо участие в освободительном движении: «Чувства, вызванные в польском обществе восстанием ... постепенно испарились, уступая место «отрезвлению». Поляки мечтали теперь лишь об экономическом подъеме и накоплении богатств»¹⁸.

Не только ссыльные революционеры оставили воспоминания об участниках Январского восстания. Представителем противоположного лагеря выступал западносибирский генерал-губернатор А.О. Дюгамель. Стоит отметить тот факт, что в 1830—1831 гг. Дюгамель участвовал в подавлении восстания на территории Царства Польского, где отличился в сражениях при Калушине, Вавре и Грохове, за что и получил ряд наград. Уже во второй половине 1860-х гг. ему вновь пришлось столкнуться с польскими восставшими, но уже в качестве их надзирателя в ссылке.

Позиция генерал-губернатора Дюгамеля в отношении ссыльных была хорошо известна не только в Сибири, но и в столице. Он неоднократно подвергался нападкам за либеральное обращение с участниками Январского восстания. В своих воспоминаниях он писал: «Но когда в Польше вспыхнуло восстание и тысячи поляков были отправляемы в ссылку в Сибирь, моим противникам было не трудно взводить на меня разные обвинения. Они стали проповедывать на все тоны, что с поляками обходились в Сибири слишком хорошо»¹⁹.

Одной из причин такого отношения к ссыльным может быть тот факт, что по своему вероисповеданию Дюгамель был католиком, однако, по мнению самого генерал-губернатора, он исходил из соображений человеколюбия, «считая за гнусность всякое преднамеренное ухудшение в положении этих несчастных и принимая некоторые меры с целью предохранить их от голодной смерти»²⁰.

Либерализм Дюгамеля отмечали и некоторые ссыльные революционеры. Так, упомянутый выше Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях писал, что Дюгамель делал все возможное, чтобы облегчить участь ссыльных: «... ему удалось подобрать и полицейский персонал из людей порядочных и нестяжательных»²¹.

В Сибири был проездом и известный художник-баталист В. В. Верещагин, который в своих воспоминаниях отмечал, что после Январского восстания на территории Западной Сибири оказалось очень много ссыльных поляков: «Поляков в Западной Сибири было такое множество, что какой-то шутник назвал эти губернии польским королевством»²². Художник также весьма резко выступил против ссылки, назвав ее «болезненным наростом» на теле Российской империи: «Конечно, нет худа без добра, но все-таки желательно..., чтобы страна избавилась от болезненного нароста, язвы ссылки. Заселять окраины необходимо, но добровольцами, и это составляет теперь злобу дня, для которой новые железные пути в Сибирь и Туркестан должны сослужить большую службу»²³.

Русский журналист и писатель И. П. Белоконский отмечал несколько стереотипные взгляды в отношении ссыльных поляков со стороны жителей Сибири. Так, Белоконский вспоминал эпизод из жизни, в котором молодой поляк «нанимал у одной обывательницы квартиру», та, в свою очередь начала интересоваться у него за что он попал в Сибирь. Узнав национальность съемщика, хозяйка отреагировала забавным образом: «Обывательница взглянула на допрашиваемого с состраданием и, грустно покачав головой, произнесла: “Такой молодой, а уже поляк”. Очевидно, обывательница считала слово «поляк» названием неизвестного ей, какого-то тяжкого преступления». Но, несмотря на это, хозяйка сдала квартиру поляку, что говорит о некоторой лояльности со стороны местного населения к ссыльным участникам Январского восстания, хоть и на бытовом уровне²⁴.

В 1906 г. небольшой сибирский город Ялуторовск посетил юрист, писатель и политический деятель С. С. Анисимов. В своих путевых записках он отметил, что этот город «после каждого широкого порыва к свободе в России непременно приобщался к истории революции, принимая в свои недра часть ее жертв». Здесь Анисимов познакомился с отставным ялуторовским казначеем, который и рассказал писателю о ссыльных поляках.

Участники Январского восстания первое время не брались за какую-либо работу в Сибири и жили одной только идеей об освобождении Польши. Так, старый казначей вспоминал некоего пана Ревусского, который только и говорил о революции и освобождении Польши. Казначей же с большим недоумением относился к идеям, которые озвучивал пан Ревусский, однако признавался, что поддавался под их влияние: «Даже он, русский, сибиряк, взрослый и трезвый человек, начинал сдаваться, как

же в таком случае этот ссыльный повстанец влиял на своих?»). Некоторое время спустя Ревусский заболел воспалением легких, старый казначей забрал его в свой дом и ухаживал за больным, но тот скончался. Безымянный казначей сходится во мнении с Чудновским и Короленко о том, что со временем ссыльные участники Январского восстания свыклись со своей участью и перестали верить в польское освободительное движение, на территории Сибири их охотно брали на службу благодаря образованности.

«Многие потом привыкли к Сибири, — говорил он, — некоторые поступили на службу к здешним тузам в уезде на всякие заводы и промыслы... Другие устроились попроще. Многие поступили по селам волостными писарями. Правда, большое начальство не раз писало циркуляры и бумаги и воспрещало брать их в писаря, но начальство поменьше никогда на самом деле этому не мешало. И то сказать, что поделаешь, когда негде было взять грамотного человека, а тут, глядишь, в селе жило два, а то и три, а то и больше образованных ссыльных».

Сам же Анисимов с большим сочувствием относился к польскому освободительному движению и с живым интересом обращался к их жизни в Сибири. Он отмечал, что «для поляка, для старого повстанца 1863 г. чуждая ему Сибирь была прежде всего холодная пустыня, стоящая под командой все той же ненавистной власти царя и бюрократии. Затем, это была страшная для него страна, население которой стояло против них, поляков-ссыльных, заодно с начальством и войсками, усмиряя их восстание на Кругобайкальском тракте»²⁵.

Таким образом, анализируя мемуаристику второй половины 1860-х — 1910-х гг., можно сделать вывод, что большая часть представителей русского общества в Сибири положительно относилась к ссыльным полякам. Местные жители с удовольствием брали их на службу, со стороны администрации также чувствовалось лояльное отношение к участникам Январского восстания. Одной из причин такого явления был тот факт, что волна ссылки 1860-х гг. хоть и стала одной из крупнейших, но не была первой. Так, в 1830-е гг. на территорию Сибири были сосланы участники Ноябрьского восстания, и сибиряки уже были знакомы с представителями польской нации, которые успели хорошо зарекомендовать себя, находясь в ссылке. Другой причиной была образованность ссыльных поляков, что являлось большой ценностью в те времена, и благодаря чему многих поляков без проблем брали на службу.

Отдельно стоит отметить представителей русского общества, которые находились в ссылке вместе с поляками. В большинстве своем это были участники народнического движения и, как следствие, интеллектуальная часть русского общества. Именно они оставили большую часть воспоминаний об участниках Январского восстания в ссылке. Народники не только положительно относились к полякам на «бытовом» уровне, как и жители Сибири, но и поддерживали польское освободительное движение, выступая против политики царизма на территории Польши. Исключение составил Михаил Павлович Овчинников, который полагал, что Польша сможет достичь своего благополучия именно в составе России.

Вместе с тем возникает вопрос: почему жители столиц единогласно выступили против независимости Польши, в то время как ссыльные

представители русской интеллектуальной элиты в большинстве своем с сочувствием и поддержкой отнеслись к польскому освободительному движению? С одной стороны, причиной может быть революционная деятельность как русского народнического, так и польского патриотического движений, что дало возможность сплотиться приверженцам обоих лагерей в Сибири на почве непринятия царизма. Другой же причиной может быть цензура, которая существовала в Российской империи и не позволяла искренне высказываться по таким актуальным проблемам, как польский вопрос. В то время как людям, находившимся в ссылке, ничто не препятствовало быть откровенными в своих воззрениях. Не случайно находившийся за границей А.И. Герцен открыто высмеивал верноподданнические настроения в Российской империи и призывал признать равенство и самобытность Польши и России²⁶. Так, еще в 1831 г. русский критик и публицист П. А. Вяземский усомнился в искренности поддержки подавления Ноябрьского восстания со стороны русского общества, считая авторов стихотворений на взятие Варшавы подверженными влиянию «лживой атмосферы» в стране: «Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича»²⁷.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20—59—00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19—20 вв.»

The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20—59—00010 «Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX—XX centuries».

1. НЕДЗЕЛЮК Т.Г. Польские ссыльные в общественном мнении россиян во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам периодической печати). — *Almanach Historyczny*. 2018. Т. 20, s. 77—84.
2. КАТКОВ М.Н. Избранные труды. М. 2010, с. 283.
3. Там же, с. 288.
4. КАВЕЛИН К.Д. О нигилизме и мерах против него необходимых. — *Исторический архив*. Т. 5. М.-Л. 1950, с. 35.
5. НИКИТЕНКО А.В. Записки и дневник. В 3-х тт. Т. 2. М. 2005, с. 432.
6. СТАХЕВИЧ С.Г. Среди политических преступников (Из моих воспоминаний). URL: [http://russianway.rhga.ru/upload/main/10\)%20%D0%A1.%20%D0%93.%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%85%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/10)%20%D0%A1.%20%D0%93.%20%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%85%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf)
7. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ В.В. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. М. 1929, с. 332.
8. Там же, с. 335.
9. Там же.
10. Там же, с. 337.
11. Там же.
12. Там же, с. 338.
13. ПАНТЕЛЕЕВ Л.Ф. Из прошлого польской ссылки в Сибири. Воспоминания. М. 1958, с. 561.
14. Там же, с. 561—562.
15. ОВЧИННИКОВ М.П. Из воспоминаний моей канской ссылки. — *Сибирский архив*. 1913. № 4, с. 193.
16. Там же, с. 194.

17. ЧУДНОВСКИЙ С.Л. Из давних лет: Воспоминания. М. 1934, с. 236—237.
18. КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_istoriya3_olderfo.shtml
19. ДЮГАМЕЛЬ А.О. Автобиография А.О. Дюгамеля. Омск. 2001, с. 185.
20. Там же, с. 187.
21. ПАНТЕЛЕЕВ Л.Ф. Ук. соч., с. 561—562.
22. ВЕРЕЩАГИН В.В. Листки из записной книжки. Листок 10-й. М. 1898, с. 103.
23. Там же.
24. БЕЛОКОНСКИЙ И.П. По тюрьмам и этапам: очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел. 1887, с. 212.
25. АНИСИМОВ С.С. Исторический город [Ялуторовск Тобольской губернии]. М. 1930, с. 154.
26. ГЕРЦЕН А.И. Поляки прощают нас! Собр. соч. Т. 12. М. 1957, с. 89.
27. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Записные книжки. М. 2017, с. 76.

Гражданская война и международная интервенция на Русском Севере: критическое суждение о книге израильского историка

ПРАЙСМАН Л.Г. *1917—1920. Огненные годы Русского Севера*. СПб. Нестор-История. 2019. 400 с.

В канун столетия Гражданской войны на Севере в издательстве «Нестор-История» в Санкт-Петербурге была опубликована книга израильского историка, выходца из СССР, Л.Г. Прайсмана под звучным названием «1917—1920. Огненные годы Русского Севера». В аннотации указывается, что она является продолжением книги этого же автора «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге». Указанная книга уже подвергалась критической оценке российских историков¹. Предметом этой рецензии является книга Л.Г. Прайсмана, посвященная Северу России.

Знакомство с коротким (2,5 стр.) Введением книги, на страницу состоящим из ставящихся вопросов и на полторы из обзора источников, свидетельствует о стремлении автора, наряду с известными и уже широко использовавшимися ранее документами фондов и коллекций Государственного архива Российской Федерации, ввести в оборот материалы архива Гуверовского института Стэнфордского университета и неиспользовавшиеся ранее коллекции МИД Франции. Указывается на привлечении при подготовке книги дневников американских солдат и офицеров из архивной коллекции исторической

библиотеки Бентли университета Мичигана и публикацию нескольких дневников в приложении к рецензируемому изданию.

В книге содержится перечень опубликованных источников и литературы, который свидетельствует о знании и использовании автором части существующей российской литературы по теме, а также некоторых зарубежных изданий. Перечислены здесь и наименования нескольких ранее уже активно использовавшихся историками архивных фондов и коллекций Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также некоторые периодические издания разных лет, издававшиеся в России/СССР и за рубежом, в частности, в эмиграции.

В аннотации рецензируемой книги содержится утверждение, что история революции и Гражданской войны на Русском Севере исследована «советскими и большинством современных российских историков несколько односторонне». Но историографический анализ существующей литературы, как отечественной, так и зарубежной, в книге Л.Г. Прайсмана просто отсутствует, что говорит не в пользу автора. Он не знает современных работ, в том числе монографий и иных публикаций исто-

риографического и исторического характера о Гражданской войне в России и на Русском Севере ². Анализ публикуемого в рецензируемой книге списка используемых источников и литературы убеждает в том, что это, как правило, работы, изданные десять и более лет назад ³.

Используя термин «Русский Север», автор, на наш взгляд, не раскрывает его ни концептуально, ни содержательно, ни территориально (географически).

Рецензируемая книга состоит из восьми глав, и уже первая из них — «Архангельск в конце XIX — 1-й половине 1918 г.» — удивляет поверхностностью, легковесностью суждений, длинными цитатами или, напротив, утверждениями без ссылки на источник. Например, Л.Г. Прайсман утверждает, что Архангельск «был, наверное, самым космополитическим российским городом», что на многих российских деятелей культуры, попадавших в него, производило отрицательное впечатление. Кто эти «многие» непонятно. Автор ссылается лишь на В. Немировича-Данченко, посетившего Архангельск в 1870-х гг. и назвавшего его «немецким городом» (с. 10), не дав при этом ссылки на источник.

К сожалению, события 1917 — первой половины 1918 г. в Архангельске Прайсман описывает во многом упрощенно. Чего стоит, например, следующее утверждение автора: «Многими из рабочих двигало элементарное чувство наживы. Они хотели овладеть предприятиями, продать все, что на нем есть, до последнего болта, совершенно не заботясь о том, что с ними самими будет завтра» (с. 23—24). Ограничиваясь поверхностным описанием событий в Архангельске, автор, к сожалению,

не пытается ни здесь, ни в следующей главе раскрыть процессы, происходившие не только в этом городе, но и в целом в губерниях Европейского Севера России. Возможно автору следовало сослаться на уже изданные монографии российских историков последних лет, подробно раскрывающие затрагиваемые им процессы. К сожалению, с большей частью из них он очевидно не знаком, что печально ⁴.

Странное впечатление производит вторая глава «Верховное управление Северной области». Первый параграф (3,5 стр.), названный «Создание антибольшевистских организаций», ограничивается лишь упоминанием о создании «Союза возрождения России» и «Союза защиты Родины и Свободы», но не более. Второй параграф этой главы, касающийся «клубка противоречий» в России и на Русском Севере, затрагивает самые разные сюжеты, но перегружен цитатами вместо глубокого авторского анализа проблем и процессов.

Третий параграф второй главы назван многозначительно «Освобождение Русского Севера» и начинается словами о прибытии 24 мая (1918 г.) в Мурманск «талантливого военного генерала Ф.К. Пуля» (с. 51). Оставим на совести Л.Г. Прайсмана утверждение о его «талантливости» (это не делал ни один из российских или зарубежных авторов, писавших о Пуле и его деятельности на Севере), но сам автор рецензируемой монографии в дальнейшем неоднократно использует в отношении событий на Севере слова «подготовка переворота», «захват» Архангельска, Онеги и т.д., что более правомерно, нежели «освобождение». Описывая вступление солдат Антанты в Архангельск 2 августа

1918 г., якобы, дружно приветствуемых жителями города, Л.Г. Прайсман ссылается лишь на описание Е. Фрезер, но игнорирует другие свидетельства, дававшие более сложную и не столь однозначную картину. Так, американский консул в Архангельске Д. Янг докладывал в госдепартамент, что толпа, встречавшая иностранные войска, состояла целиком из представителей буржуазии и зажиточного крестьянства. «Рабочий класс явно отсутствовал»⁵, — добавлял он.

Заключительные параграфы этой главы, посвященные деятельности Верховного управления Северной области (ВУСО) и сентябрьскому (1918 г.) перевороту в Архангельске, раскрывают коллизии взаимоотношений в антибольшевистском лагере и конфликты ВУСО и союзников, как Прайсман, вслед за противниками большевиков той поры, именует интервентов. Впрочем, ничего принципиально нового в описании событий августа-сентября 1918 г. в Северной области в рецензируемой книге нет, а оценки и выводы автора не отличаются оригинальностью и новизной.

Третья глава книги называется «Временное правительство Северной области» и посвящена политическим и социально-политическим аспектам его деятельности. Внимательно знакомясь с ее содержанием, можно обнаружить лишь мелкие подробности и детали, дополняющие уже хорошо известную историкам картину событий. Эти элементы новизны касаются, например, характеристики ряда деятелей антибольшевистского лагеря, работы союзной контрразведки или вводимых в оборот французских материалов, связанных с разгромом большевистского подполья в Архангельске в 1919 году.

Не вызывают возражений выводы этой главы: «После ухода союзных войск Северная область была обречена. Поражение Белого движения в России предопределило это. Внутренние противоречия, раздиравшие Русский Север, ускорили падение области» (с. 173). Но в данном случае автор опять лишь повторяет то, что уже давно сказано историками.

Четвертая глава «Вооруженные силы Северной области» содержит в основном уже известные материалы. К тому же, целый ряд тезисов, высказанных автором, вызывает сомнения. Например, Л.Г. Прайсман начинает главу с утверждения о «беспрецедентном успехе создания белой массовой армии» на Севере (с. 179), хотя в самом тексте приводится много свидетельств о ненадежности этой армии, а специальный параграф посвящен восстаниям в ней. Своеобразный парадокс развития Северной области заключался в том, что чем более многочисленными становились ее вооруженные силы, тем ближе она была к гибели. Это было обусловлено, в частности, массовыми и принудительными мобилизациями в белую армию, широким вовлечением в ее ряды пленных красноармейцев и т.д., о чем пишет и сам автор рецензируемой книги. Крах Северной области в феврале 1920 г. произошел из-за массовых солдатских восстаний, разрушивших в течение нескольких дней Северный фронт.

Заключает главу весьма противоречивый тезис: «Что бы ни делало правительство Севера для своей армии и населения, массы предпочитали дикую диктатуру, но эта диктатура была своя. Противники большевиков в России, несмотря на всю помощь, которую они получали из-за границы,

были обречены» (с. 224). Дело в том, что исторический и современный международный опыт свидетельствует, что так называемые «гуманитарные интервенции», осуществляемые под видом продвижения демократии, ни в одной стране мира не увенчались успехом.

Пятая глава называется «Северный фронт» (но в верхней части ее страниц по ошибке содержится наименование предыдущей главы) и дает описание военного противостояния на Севере, что лишь частично дополняет уже существующую и созданную ранее историками картину событий.

Небольшая по размерам шестая глава посвящена фрагментарному описанию пребывания американских военнослужащих на Русском Севере (на основе их дневников и воспоминаний), их взаимоотношениям с местными жителями и с англичанами. Справедливо констатируя, что «американцы совершенно не понимали, зачем их послали в эту холодную и негостеприимную страну» (с. 288), Л.Г. Прайсман в конце главы выражает сожаление, что их участие в интервенции признано самими ее участниками ошибкой (с. 290). Учитывая большой объем литературы, посвященной участию США в интервенции в России и на Русском Севере, которая издана в нашей стране и за рубежом, вряд ли можно говорить о каком-либо серьезном вкладе автора рецензируемой книги в изучение этой проблемы.

В главе, посвященной участию Финляндии в российской Гражданской войне («Почему в 1919 г. финны не заняли Петроград?»), содержится немало спорных и вряд ли приемлемых суждений. Это касается, например, оценки Маннергейма как «ос-

вободителя Финляндии», в котором, по мнению автора рецензируемой книги, «финский и русский патриотизм сочетались органически и не противоречили друг другу» (с. 293), или утверждения со ссылкой на «ряд историков» (приводится мнение лишь одного финского автора) о том, что якобы главной целью Маннергейма было освобождение России (с. 295) и, прежде всего, Петрограда.

Знание о жестоком белом терроре в ходе и по окончании Гражданской войны в Финляндии, в ходе которого пострадали и погибли многие русские подданные, вызывало даже у части видных деятелей Белого движения в России решительные возражения против похода белофиннов на Петроград, ввиду опасения повторения там подобного. Но автор книги, даже цитируя такие заявления, либо иронизирует в отношении них, либо считает их «абсурдом» (с. 305—306). Вряд ли можно согласиться с подобными оценками израильского историка.

Л.Г. Прайсман цитирует часть заявления Маннергейма от 23 февраля 1918 г. о намерении изгнать большевиков из Беломорской Карелии, но не касается в полном объеме экспансионистских планов белофиннов и их действий, направленных на создание «Великой Финляндии от моря до моря» с включением в ее состав территории не только Карелии, но и Кольского полуострова, а при благоприятной ситуации — и большего. Этих целей белофинны стремились добиться в течение нескольких лет, используя как вооруженные, так и иные методы. Но, видимо, для израильского автора утрата обширных российских территорий на Севере и Северо-Западе видится вполне приемлемой платой Финляндии за «освобождение от большевиков».

Пытаясь писать о сложных перипетиях финно-карельско-российских отношений в условиях Гражданской войны, но существенно, на наш взгляд, упрощая их, Прайсман вынужден в то же время признавать сложный комплекс противоречий в отношениях Финляндии со странами Антанты и белогвардейскими режимами в России. При этом он сожалеет, что у Колчака и Деникина якобы отсутствовало «элементарное государственное чутье», и они поставили территориальную целостность России выше уступок Финляндии (с. 309). Касаясь политики Великобритании в отношении России и Финляндии, Л.Г. Прайсман явно не понимает и не воспринимает ее лейтмотив — «разделяй и властвуй».

В последней, восьмой, главе рецензируемой книги излагаются в целом уже хорошо известные по опубликованным источникам и литературе подробности падения Северной области, которые автор дополняет некоторыми материалами и свидетельствами из вводимых им в оборот документов.

Парадоксально и противоречиво звучит короткое, двухстраничное заключение рецензируемой книги. С одной стороны, автор приходит к выводу о предопределенности победы большевиков в Гражданской войне всем ходом русской истории, довольно подробно аргументируя это. «Так же как на Волге в 1918 г., третий путь на Севере России потерпел поражение», — констатирует Прайсман (с. 350). С другой стороны, он, так или иначе, хочет оправдать действия стран Антанты на Севере, и ему кажется удивительным, что «подавляющее большинство российских историков, пишущих о Гражданской войне на Севере, и в основном мест-

ных жителей, по-прежнему считают союзников интервентами» (с. 351).

На самом деле чуть ранее автор писал, что «отношение британцев к русскому населению как к жителям колоний усиливало ненависть к иностранцам», (с. 350) или же, задаваясь вопросом, фактически констатировал: «подавляющее большинство жителей края и военнослужащих ненавидели союзников, особенно англичан, лютой ненавистью» (с. 179). Добавим, что с иностранными солдатами в Северную Россию пришли многие социальные и медицинские проблемы. В частности, ими была завезена в регион страшная болезнь — испанка, унесшая жизни тысяч северян.

Автор рецензируемой книги отмечает, что «благодаря союзникам и правительству Северной области» ее жители «жили лучше всей остальной страны» (с. 350). Видимо, ему не известно горькое признание председателя ВПСО Чайковского, сообщавшего в Омск в канун 1919 г.: «Работать на таком пайке не могут. Положение унижительное, невыносимое»⁶ И если продовольственная ситуация в городах была лучше, то в сельской местности Северной области население нередко жило впроголодь. В этой ситуации, чтобы спасти семьи от голодной смерти, мужчины нередко вынуждены были откликаться на призывы о мобилизации в белую армию, чтобы в летний полевой сезон (1919 г.) дезертировать или поднять восстания и вернуться домой.

Подчеркнем, что северяне — свободолюбивы и не привыкли жить под иностранной колониальной опекой или при оккупационном режиме. Именно так характеризовал ситуацию в Северной области командую-

щий ее войсками и член правительства генерал В.В. Марушевский: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его “оккупацией”. Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми»⁷ И он был далеко не одинок среди видных деятелей Северной области в этом утверждении.

Первоначальное восприятие солдат стран Антанты и США как союзников (по Первой мировой войне) имело место среди части населения Севера. Но этот образ быстро тускнел, как исчезали и связанные с ним надежды в ходе развития событий на Мурмане и в Архангельске уже летом — в начале осени 1918 года. Печальной реальностью было то, что вчерашние союзники по мировой войне, ставшие интервентами, спровоцировали широкомасштабную Гражданскую войну на Севере России, обернувшуюся для северян тяжелыми последствиями. Уход же интервентов неизбежно обрекал Северную область на скорое поражение.

Так кому же союзниками были на Русском Севере военнотружущие Антанты? Даже у части представителей руководства Северной области, белых генералов и офицеров иллюзии, связанные с пребыванием иностранных войск на Севере, в 1919 году исчезли. Они были направлены на Русский Север, чтобы реализовать цели и интересы руководства западных стран: военно-стратегические (связанные с возвращением России в мировую войну), геополитические, экономические. И когда стало очевидно, что достичь их не удастся, иностранные войска были поспешно эвакуированы с Севера.

Термины «интервенция» и «интервенты» в отношении действий войск

Антанты и США в России и на Русском Севере в период Гражданской войны с давних пор и правомерно используются как в отечественной, так и в зарубежной историографии. А сегодня, в канун столетия иностранной интервенции и Гражданской войны в России, хотелось бы подчеркнуть важный исторический урок, вытекающий из прошлого. Ведущие западные державы вмешивались и вмешиваются в дела других стран обычно под благовидными предлогами, но прежде всего ради реализации собственных целей. Так было и не только в Российской революции и Гражданской войне, но повторяется сегодня и, увы, использование интервенционистского оружия вряд ли прекратится завтра. Поэтому в решении сложных и актуальных политических и иных проблем современности не следует прибегать к «помощи» иностранцев, а решать их собственными усилиями, посредством диалога общества, граждан и власти.

К сожалению, рецензируемая книга страдает множеством субъективных оценок и умозаключений. Так, причины победы красноармейцев над превосходящими силами интервентов и белогвардейцев объясняются исключительно большевистской пропагандой и ощущением голода, которое постоянно испытывали красноармейцы, так как большевики следовали принципу Чингисхана: «Чем меньше собаку кормить, тем она злее будет» (с. 229—230).

Израильскому автору везде видится антисемитский след. В частности, одной из причин покушения на члена ВУСО А.И. Гуковского автор называет его национальную принадлежность (с. 172), хотя на Русском Севере никогда не были сильны антисемитские настроения. Проживавшие

здесь евреи имели тесные контакты с местным населением и активно занимались предпринимательской деятельностью. В годы Первой мировой войны, на фоне возраставших антисемитских настроений в центральных и южных регионах страны, многие евреи нашли убежище в Архангельской губернии.

Вызывает недоумение утверждение автора рецензируемой книги о том, что «Русский Север стал первым в Советской Республике районом, где была создана система концлагерей, в дальнейшем распространившаяся по всей стране» (с. 343). Общеизвестно, что первый пример создания системы концентрационных лагерей в России и на Севере, в частности, показали именно иностранные интервенты. Созданный ими в августе 1918 г. концентрационный лагерь на острове Мудьюг менее чем за год существования унес сотни жизней его узников, а местное население до сих пор именуется Мудьюг «островом смерти».

Это констатация исторической реальности, а все разновидности террора — интервентов, белых и красных — безусловно, относятся к числу тяжелых последствий интервенции и Гражданской войны. Сложившаяся система Северных лагерей принудительных работ, а позднее ГУЛАГа, уже не первое десятилетие является предметом изучения, в том числе северных историков⁸.

К сожалению, в рецензируемой книге много ошибок фактического характера, в т.ч. связанных с наименованиями местности (Печора, а не Печёра, Олонец, а не Олонец, и др.), фамилий действующих лиц (например, полковник М.А. Куроченков, а не Курочкин — с. 55). Это проистекает из недостаточного знания автором

книги местности, о которой он пишет, и действовавших там лиц. Удивляет невысокая издательская культура рецензируемой книги, когда многие ее страницы публикуются, например, без разделения на абзацы.

Можно ли говорить всерьез о новизне, теоретической и практической значимости рецензируемой книги израильского историка? Наверное, вряд ли. Ей скорее соответствовал бы подзаголовок: «Взгляд из Израиля», ибо книга представляет собой видение автора, который никогда не был на Русском Севере, не знаком с его историей, укладом жизни, традициями, менталитетом его жителей в прошлом и сегодня, но пытается, основываясь на знакомстве с частью существующей литературы и источников, дать некую картину его истории в крайне сложный, запутанный и противоречивый период. Увы, получилось это, мягко говоря, не лучшим образом.

В.И. ГОЛДИН

(д.и.н., проф. Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова)

Ф.Х. СОКОЛОВА

(д.и.н., проф. Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова)

А.Е. ШАПАРОВ

(д.полит.н., проф. Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова)

Примечания

Рецензия подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18—09—00237 «Глобальные изме-

нения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917—1918 гг.»)

1. РЫНКОВ В.М., СУСЛОВ А.Ю. Рец. на: ПРАЙСМАН Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция на Волге. СПб. 2015. — Историческая экспертиза. 2016. № 3, с. 215—226.

2. Подробный историографический анализ изданной в России/СССР и за рубежом литературы о Гражданской войне и интервенции на Севере, начиная с 20-х гг. представлен, например, в монографии В.И. ГОЛДИНА «Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск. 2018, с. 11—46; теме «Гражданская война в России: региональное измерение. К 100-летию начала Гражданской войны» посвящен специальный выпуск «Historia Provinciae», журнала региональной истории (Череповец). 2018. Т. 2. № 4. Из книг последних лет об историографии (и истории) Гражданской войны в России, неизвестных Л.Г. Прайсману, назовем, например: ГОЛДИН В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск. 2012; ЕГО ЖЕ. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб. 2018; ЕГО ЖЕ. Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг.:

очерки истории и историографии. М. 2018; ЕГО ЖЕ. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб. 2019.

3. Из более чем 150 изданий книжного формата о Гражданской войне и интервенции на Севере России, опубликованных в России/СССР и за рубежом, в приводимом перечне названы лишь порядка сорока.

4. ТРОШИНА Т.И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск. 2011; ТРОШИНА Т.И. Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск. 2014; ГОЛДИН В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск. 2018, и др.

5. РОТШТЕЙН Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М. 1982, с. 114.

6. ГА РФ, ф. 17, оп. 1, д. 14, л. 58.

7. МАРУШЕВСКИЙ В.В. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.). — Белый Север. Архангельск. 1993, с. 340.

8. УПАДЫШЕВ Н.В. ГУЛАГ НА Архангельском Севере: 1919—1953 годы. Архангельск. 2004; ЕГО ЖЕ. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск. 2007, и др.

ДАВЫДОВ А.Ю. *Третий фронт гражданской войны в России. Мешочничество*. СПб. Евразия. 2019. 672 с., илл.

Свою очередную книгу Александр Юрьевич Давыдов посвятил истории российского мешочничества, иначе — нелегального снабжения или хоdacества (от хоdоков за продуктами). Оно представляется ему мощным общественным движением. В отдельные периоды в него вовлекалось подавляющее большинство российского населения. Причина массовости обнаруживается в том, что оно оказывалось основным или единственным средством удовлетворения базовых потребностей населения — прокормиться и прикрыть наготу.

В XX в. периодически наступали времена, когда народ запасался мешками и начинал курсировать из хлебонедостаточных районов в плодородные и обратно. В этих упаковках, сшитых из мягкого материала, перемещались на дальние расстояния миллионы тонн товаров.

А.Ю. Давыдов определяет причинно-следственные связи, отразившие процесс эволюции нелегального снабжения. Первое: уязвимая в условиях гигантской России снабженческая и распределительная системы периодически разрушались. Второе: причиной обвалов становились попытки власти реализовать доктринерскую экономическую политику, смысл которой состоял в отстранении широких слоев населения от распределения продуктов и товаров. Власть стремилась упразднить свободу торговли, цен-

трализовав всю распределительную работу в своих руках. Справиться с маркитантскими обязанностями государственные мужи оказывались не в состоянии. Третье: государство кормить жителей не могло, однако от своего прожекта не отступалось; в итоге народ брался за мешки, а власть ему всячески препятствовала. Четвертое: отняв из идейных соображений у плебса право на самоснабжение, государство встречалось с народным сопротивлением, вступая в острый конфликт с частью граждан. Возникало массовое и нелегальное снабжение. Мешочники не просто перевозили продукты, но и преодолевали сопротивление власти или торможение с ее стороны.

Думается, изучение заявленной темы относится к разряду *исследований народной жизни*. Все-таки до сих пор сохраняется перекоc в сторону изучения истории начальников: на первый план выдвигаются деяния политиков, вождей, полководцев. Тем не менее в последние два-три десятилетия некоторые историки серьезно скорректировали направления исследовательского поиска, к их числу относится и автор представленной монографии. При этом внимание ученого вовсе не поглощено историей повседневности. Он предпринял успешную попытку выявить доминанту народной жизни и поставить ее в центр исследования. Был сформулирован вывод о том, что

мелкое нелегальное самоснабжение на ряде этапов выступало тем стержнем, вокруг которого систематизировались многочисленные факты из повседневности большинства простых людей.

Мешочничество Александр Юрьевич рассматривает в контексте своеобразного понимания так называемой диссипативной системы. Последняя — это любая сложная и открытая система, которая в ходе развития утрачивает и восполняет энергию. Российский социум представляет таковую конструкцию, постоянно утрачивавшую энергию, не успевавшую пополнять ее запасы. Мешочничеству в данном контексте отведено значимое место, поскольку оно проявляло себя на протяжении всех десятилетий XX в. в России. Применительно к советскому периоду автором выявлены четыре этапа нелегального снабжения: гражданская война, великий перелом, конец войны и послевоенный период, 1970-е-1980-е годы. То есть значительную часть столетнего периода россияне посвящали занятиям тяжелым, изнурительным самоснабжением; при этом их деятельность противоречила государственным установкам. Учтем, что одновременно на долю отечественного населения в этом роковом столетии выпали и другие невероятные испытания — войны, всевозможные социальные преобразования, форсированные и скачкообразные коллективизации и индустриализации, репрессии. Думается, энергия из социума уходила. Испытания изнуряли народ.

Особое значение имеет попытка автора обратиться к рассмотрению темы на основе привлечения фактов из воспоминаний его отца — Юрия Александровича Давыдова. По сло-

вам историка, мешочническая тема оформилась в его сознании в начале 1990-х годов. Однако истоки ее он обнаруживает в детских эмоциях. Отец рассказывал ему, как в конце Великой Отечественной войны он — подросток из небольшой деревеньки в Вологодской области — голодал (голодали и соседи). Появилась водянка, сильно опухли суставы. Мать ездила в Прибалтику, привозила оттуда еду и так спасла сына.

Автор отмечает, что он долгое время посвятил поиску фактов, подтверждающих рассказ отца. Наконец, в фонде Центрального государственного архива историко-политической истории СПб был обнаружен документ — отправленная в Ленинградский обком ВКП(б) в августе 1945 г. докладная записка одного из начальников железнодорожной милиции — подполковника Москвина. Из ее содержания видно, как огромные массы крестьян Севера и Северо-Запада России устремлялись в Прибалтику, Польшу и Германию. Они везли остатки денег, промтовары для обмена на продукты. Зачастую отправлялись в дорогу с серпами и косами, поскольку надеялись завербоваться батраками в частные хозяйства тех районов, которые совсем недавно находились под властью гитлеровцев или просто были Рейхом. Москвин пишет, что советских граждан останавливали в дороге, ссаживали с поездов, однако вместо возвращения домой они многие сотни километров шли пешком — туда же, на Запад. Подполковник тревожился из-за политической опасности: еще бы, ведь победители отправлялись батрачить на немцев, на крестьян Эстонии, Латвии. О массовости движения мешочников-батраков свидетельствует указание Москвина на то, что

милиция не справляется, надо мобилизовать всех (вплоть до «колхозного актива»).

Специфической особенностью новой работы автора стало рассмотрение мешочнического движения в перспективе эволюции отечественного социума в целом в XX веке. Однако основная часть текста появилась в результате исследования «классического» ходачества на этапе «русской смуты» конца 1917—1921 года. Речь идет о времени, последовавшем после Октябрьской революции, когда обнаружился процесс интенсивно углублявшейся экономической архаизации и распада общественных связей; он постоянно возобновлялся и расширялся. Доминантой хаотизированности общества автор считает коммунистическую власть с ее утопиями и беспочвенными прожектами. Ею был выдвинут светлый идеал (равенство и всеобщее счастье), но финал всей истории стоит отнести к категории катастроф. Напомним мудрое высказывание Григория Померанца: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело».

В монографии вводится положение о трех фронтах гражданской войны на советской территории. Первый фронт — это внешний фронт борьбы советской власти с «демократической» контрреволюцией и «белыми» генералами; именно его и принято чаще всего считать Гражданской войной. Масштабы его преувеличены. В рецензируемой книге приведены соответствующие данные. Например, в 1918 г. красные войска, применявшиеся на Восточном фронте, по численности бойцов существенно уступали разным реквизиционным частям, воевавшим против нелегального рынка.

Второй фронт — крестьянский — на некоторых этапах был основным. Автор справедливо полагает, что главным смыслом большевистского эксперимента (вплоть до 1930-х гг.) стало усмирение и подчинение крестьянства, составлявшего три четверти населения. На большевистском Олимпе задумывались над вопросом: *как его представителей сделать послушными и коммунизировать? И находили ответ: надо крестьян лишить самостоятельности, то есть права распоряжаться урожаем; нужно деревню отрезать от рынка, не позволить сельчанам продавать зерно.* Большая часть производившегося продовольствия была им не нужна для личного потребления и выращивалась для продажи. Лишение крестьян права вывозить продукты своего труда на рынок делало бессмысленными все аграрные реформы и наделение их землей. Торговая блокада деревни должна была сельских тружеников усмирить и заставить пойти со своим хлебом на поклон к Наркомпроду. Поэтому вся история Гражданской войны представляет в том числе хронологию попыток власти блокировать деревню. Создаются многочисленные продовольственные, реквизиционные, заградительные формирования, в задачи которых входит не выпустить хлеб из деревень на рынок.

И тут на первый план выходит мешочническое движение, представившее *третий фронт — мешочнический, союзный крестьянскому.* Этот фронт и стал предметом исследования в монографии А.Ю. Давыдова. Горожане и многочисленные жители хлебобопотребляющих районов промышленного центра и севера, а также и сами крестьяне — владельцы урожая — двинулись в плодородные об-

ласти и обратно. В дороге их ожидали многочисленные агенты государства. Возникали миллионы коллизий. Борьба была ожесточенной и выражалась в разных формах: перестрелки групп мешочников с красными отрядами, распропагандирование самоснабженцами красноармейских воинских формирований (состоявших из вчерашних мешочников) и совместные погромы частей Наркомпрода, привлечение мешочниками отрядов дезертиров для борьбы с заградительными отрядами, всяческие виды обмана контролеров мешочниками, использование фальшивых документов. Важнейшую роль играла взятка (существовали даже таксы на услуги заградительных подразделений и чекистских формирований). В итоге применения комплекса многообразных мер мешочнический фронт неизменно побеждал. Блокада деревни прорывалась то и дело. Продовольственная диктатура проваливалась.

Определив место «третьего фронта» в концепции Гражданской войны, автор подробно остановился на содержании феномена мешочнического движения. Последнее явилось атрибутом той внутренней политики, которая получила название *военный коммунизм* — комплекс мер по централизации хозяйства и по отказу от не директивных методов организации экономики. Народным хозяйством комиссары нередко руководили по телефону или письменными приказами — без всяких банков, кредитов и хозрасчета — и угробили его. Ведутся споры о том, что военно-коммунистическая политика собой представляла: то ли она была выражением присущей военным обстоятельствам и вынужденной методологии централизации всех

сфер экономической (в значительной мере — общественной в целом) жизни и подчинения их государству. То ли она стала самой масштабной попыткой реализовать ускоренно и насильственно коммунистический проект (без капиталистов — буржуазии, частной собственности, эксплуатации — и без торговли, рыночного распределения). Отвлекаясь от текста книги А.Ю. Давыдова, стоит отметить, что данный военно-коммунистический проект реализовывался в общем на протяжении существования всей советской власти, просто темпы реализации были на разных этапах разные.

Александр Юрьевич выступает сторонником признания сугубо доктринального характера изучаемого им комплекса политических мероприятий. Им приводятся многочисленные данные, подтверждающие такой вывод: «антимешочническая» и антирыночная политика неизменно имела следствием голодную катастрофу, но из-за этого никак не модифицировалась. Приход «белых» с их свободой торговли связывался с улучшением продовольственного обеспечения, приход «красных» с их диктатурой совпадал с началом голода. Никакие соображения рациональности или гуманности никто из революционных властителей в расчет не брал, поскольку магистральным направлением было выбрано движение к коммунизму. Автор — наряду с прочим — ссылается и на выразительные высказывания революционного деятеля В.А. Антонова-Овсеенко и специалиста по лесному хозяйству С. Либермана: первый в ходе ареста членов Временного правительства рассуждал о вступлении России в эпоху «интересного социального опыта»; второй назвал

заседание Совнаркома, на котором ему довелось присутствовать, «собранием подпольного нелегального комитета».

Александр Юрьевич аргументирует положение о несовместимости реализации масштабного идеологического проекта и решения сложной проблемы обеспечения населения продовольствием. Примечательны высказанные В.И. Лениным осенью 1917 г. слова: «О хлебе я, человек не выдавший нужды, не думал, хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде продукта писательского труда». Деятельность подобного рода дилетантов, узурпаторски захвативших власть и вступивших в конфликт с ведущими общественными силами, привела к развалу заготовительно-распределительного аппарата. Продовольственное обеспечение миллионов потребителей — это самый сложный процесс. Он отнюдь не ограничивается согласием/несогласием крестьян поступиться частью хлеба, а включает в себя учет, складирование, охрану, хранение, транспортировку, распределение. Даже малую часть всех этих задач оставшиеся в одиночестве ленинцы выполнить никак не могли. В результате всякая провизия быстро исчезла в городах и промышленных губерниях. Движение самоснабженцев стало массовым, поскольку выявилась общественная потребность в его расширении.

А.Ю. Давыдов занимается изучением истории российского нелегального снабжения на протяжении четверти века. Являясь своего рода первым «мешочниковедом», он постоянно развивает и совершенствует свой концептуальный подход к изучаемой теме. В своей последней книге он изобразил мешочничество

в новом виде. Раньше мешочники рисовались им преимущественно в виде жертв большевистского режима: голодные и несчастные страдалцы в поисках хлеба двигались в плодородные области и подвергались насилию со стороны заградительных отрядов. Такие мешочники не могли представлять серьезной опасности для большевиков. Становилось непонятно, почему и зачем власть, напрягаясь, мобилизовывала для борьбы с ними весьма значительные силы. В этом случае ни о каком мешочничестве «фронте» говорить не приходилось.

В новой книге автор делает акцент на организованности мешочников и обнаруживает в этом явлении серьезную угрозу для доктринерской власти. При этом он исходит из своеобразного понимания рыночной экономики в период военного коммунизма. Как известно, несмотря на политику правительственной администрации, рынок никуда не делся. Более того, он сохранился в целостном виде, хотя и замаскировался, благо это было нетрудно — большевистское «протогосударство» оказалось крайне слабым и спрятаться от него ничего не стоило. Существовали спрос и предложение, конкуренция, товарные биржи в виде крупных рынков, логистика, склады, магазины, охранники. Нелегальное снабжение и его агенты представляются узловым элементом и ключевыми фигурами рыночной экономики. Благодаря им в общем массового голода в стране не возникало. Рынки были переполнены покупателями. Население в основном снабжалось за счет теневой экономики, государственные пайки занимали малую часть в рационе питания жителей Советской России. Мелкая и частично

национализированная средняя промышленность продолжала трудиться для рынка (хотя по-настоящему национализированные предприятия чаще всего бездействовали). Там же, куда большевики по-настоящему распространили свой контроль, работа промышленности зачастую останавливалась.

Энергичными деятелями такой рыночной экономики и являлись многие мешочники. Они должны быть отнесены к разряду предпринимателей, частных дельцов и спекулянтов. На рынке каждый субъект действует для получения личной прибыли, зато рыночная экономика удовлетворяет общественные потребности. Мешочники осознанно шли на лишения для собственного обогащения, они хотели хорошо заработать. Ходоки действовали ватагами, и каждый привозил из «челночной» поездки в среднем по 10 пудов провизии. Они и внешне отличались — были сытыми, хорошо одетыми. Они представляли собой серьезных врагов комиссаров. Часто имели оружие, располагали фронтовым опытом, преимущественно в недавнем прошлом были солдатами. Это были сильные, отчаянные, очень терпеливые и выносливые люди.

А.Ю. Давыдов прослеживает этапы и выясняет перипетии мешочнического пути. Например, из Москвы на крыше вагона приходилось пробираться на юг в мороз, встречая в дороге заградительные отряды и банды грабителей. То и дело все должны были покидать вагоны, так как поезда меняли направление движения. В пути из-за тифа гибли тысячи нелегальных снабженцев. Разместившиеся на крышах вагонов нередко разбивали головы о мостовые перекрытия. Мешочническая

эпопея стала серьезным испытанием для народа.

Ходокам была присуща организованность. Иногда они создавали артели. Иногда работали под началом хозяина, который сам — вместе с другими — выполнял функции мешочника. Источники, на которые ссылается А.Ю. Давыдов, позволяют присмотреться к тому, как споро мешочнические коллективы работали, загружая в считанные минуты мешками целые вагоны. Понятно, что при встрече с такими коллективами заградительным формированиям приходилось плохо.

При этом «маленькие» мешочники, то есть голодные самоснабженцы, никуда не делись. Выявляются два основных потока мешочнического движения: потребители и спекулянты. Первые — это и есть те самые несчастные и одинокие граждане, отправившиеся на свой страх за хлебом. Их грабили все, кому не лень, прежде всего заградительные отряды. Однако для рынка они значения не имели. Они путались под ногами. И всем мешали. Вместе с тем во многих случаях процесс выглядел следующим образом: начиная как «маленькие» мешочники-потребители, граждане нередко входили во вкус и становились закоренелыми спекулянтами.

В очередной книге Александра Юрьевича Давыдова раскрыта еще одна сторона сложного процесса — повседневной жизни российского народа на переломном этапе в условиях острого конфликта с доктринерски ориентированной властью.

С.И. ПОДОЛЬСКИЙ

(канд. ист. наук, ассистент кафедры истории ФГБ ОУ ВО Санкт-Петербургского Горного университета)

Е.В. ПЧЕЛОВ, И.М. АФОНАСЕНКО. Гербы российских кавалеров в гербовниках датских королевских орденов. М. Старая Басманная. 2020. 224 с., илл.

Рецензируемая книга стала результатом научного сотрудничества двух историков-геральдистов — заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института РГГУ, кандидата исторических наук Евгения Владимировича Пчелова и независимого исследователя, магистра истории Игоря Михайловича Афонасенко. Монография посвящена геральдике датских королевских орденов и является первым в российской исторической науке опытом комплексного исследования темы гербов российских кавалеров в орденских гербовниках Дании. В основу работы положены королевские рыцарские гербовники — «Elefantordenens Våbenbog» и «Dannebrogordenens Våbenbog», орденские статуты — «Elefant Ridder Ordens Statuter» и «Dannebrog Ridder Ordens Statuter», а также дополнительные протоколы к обоим арморалам — «Vincents Lerches protokol» и «Herman von Hams koribog». Большое значение, помимо самих орденских гербовников, имеет обширный комплекс письменных источников, привлеченных авторами, как актов, так и нарративных. Особую ценность представляют архивные материалы Капитула датских королевских орденов (De Kongelige Ridderordeners Kapitel). В числе вещественных памятников основным в исследовании

стал уникальный геральдический комплекс королевского замка Фредериксборг (De Kongelige Danske Ridderordeners Kapel i Frederiksborg Slotskirke).

Система датской фалеристики сравнительно проста и включает в себя два королевских ордена — орден Слона и орден Даннеброг.

Датский рыцарский орден Слона (Elefantordenen) является одной из старинных и в значительной степени уникальных королевских наград Европы. Его история начинается, по меньшей мере, с середины XV века. Официально наименование «Орден Слона» и свой современный вид этот орден приобрел в середине XVII в., в правление Фредерика III. Король Кристиан V своими указами 1679 и 1691 гг. кодифицировал существование ордена, а 1 декабря 1693 г. утвердил его Статут. В отличие от ордена католического времени, который являлся религиозным братством, орден со времен Фредерика II стал орденом светским и рыцарским.

Согласно Статуту, каждый рыцарь ордена обязан был представить в Капитул орденскому секретарю цветной рисунок и девиз своего герба для помещения его в кавалерский гербовник, а также на специальный медный щит в орденской капелле королевского замка Фредериксборг. История гербовника началась в июне 1690 г. и продолжается до наших

дней — четыре тома содержат более 800 гербов. В настоящее время доступны только первые три тома. Кавалерами высшей награды датской монархии стали в общей сложности 47 российских подданных (от светлейшего князя Меншикова до великого князя Кирилла Владимировича), их гербы также украшают орденский гербовник.

В монографии подробно анализируются уникальные варианты русских родовых гербов, большое количество ранее нигде не встречавшихся личных и фамильных девизов, многочисленные случаи нарушения геральдических норм и традиционных правил в орденском гербовнике, проблемы с перерисовкой и пониманием датскими художниками эмблем русских гербов. Анализ гербовых изображений русских кавалеров рыцарского ордена позволяет проследить эволюцию гербов русских дворянских фамилий, проблемные моменты и особенности их встраивания в датскую геральдическую традицию, а также бытование личных вариантов родовых гербов.

Второй орден — датский королевский рыцарский орден Даннеброг (Dannebrogordenen) — в наградной иерархии стоит рангом ниже, чем орден Слона, но, тем не менее, также считается одним из самых престижных орденов Европы. Наименование ордена происходит от названия государственного и национального флага Дании — красного полотнища с белым крестом, происхождение которого также овеяно легендами. Согласно орденской легенде, король Вальдемар II Победоносный во время сражения с эстами при Линданисе, неподалеку от недавно заложенного замка Ревеля, 15 июня 1219 г. якобы обрел

красное полотнище с белым прямым крестом, упавшее с неба, и после этого одержал победу. Сам же орден Даннеброг исторически известен с 12 октября 1671 г., когда его учредил Кристиан V в ознаменование рождения своего первенца, будущего короля Фредерика IV.

Как и в случае с орденом Слона, каждый рыцарь Dannebrogordenen обязан был представить в Капитул рисунок или описание своего герба для помещения его в кавалерский гербовник, а также на специальный щит в орденской капелле. За годы существования ордена Даннеброг им было награждено более 220 подданных Российской империи (от боярина Измайлова до барона Буксгевдена), однако гербы далеко не всех кавалеров, по тем или иным причинам, попали на страницы орденского гербовника. Большая часть геральдических композиций в «Dannebrogordenens Våbenbog» соответствуют своим оригиналам, однако те уникальные исключения, которых также немало (гербы А.А. Нартова, В.А. Петрова, А.М. Кумани), представляют огромный интерес для историков и геральдистов.

В монографии отмечается что, в отличие от гербовника ордена Слона, орденский гербовник Даннеброга содержит изображения гербов более широкого круга кавалеров датской королевской награды (как в национальном, так и в сословном плане). Это определялось постепенной демократизацией второго в иерархии датского королевства рыцарского ордена. Именно поэтому, в «Dannebrogordenens Våbenbog» нет гербов значительного числа русских кавалеров — они на момент награждения не были дворянами. Другая часть российских рыцарей Данне-

брога, представители благородного сословия, или не имели высочайше утвержденных гербов, или представляли их рисунки в капитул с большим опозданием. Отсутствие гербов некоторых известных фамилий пока не поддается объяснению (Кавелины, Лобановы-Ростовские, Ливены). Однако те русские гербовые эмблемы, которые все же попали на страницы орденового гербовника, во многом являются уникальными памятниками российской дворянской геральдики конца XVII — начала XX в. и представляют огромный интерес для исторической науки.

Гербы, изображенные на щитах в орденовой капелле королевского замка Фредериксборг, основываются на орденовых гербовниках, существующих в рукописном формате. Поскольку создатели рисунков для гербов в замке опирались на орденовые гербовники, капелла и лестницы замка представляли собой своего рода вторичный стенной гербовник. Однако в некоторых случаях в отдельных деталях воспроизведения гербов на щитах оказывались иными. Кроме того, гербы далеко не всех кавалеров из орденовых гербовников были перенесены на щиты на стены замка. В целом, щиты с гербами охватывают период с рубежа XVII—XVIII вв. и до начала XXI в., но гербы представлены за весь этот период весьма выборочно (для наиболее раннего периода представлены гербы в основном датских и иных скандинавских, иногда германских, кавалеров). Гербы на стенах замка и капеллы имеют в ряде случаев самостоятельное значение и демонстрируют новые варианты

геральдических изображений и отдельных элементов гербов.

Гербовники орденов Слона и Дانهброг являются уникальными источниками по геральдике не только европейских стран, но и практически всего мира. Среди кавалеров ордена Слона в XX в. было немало особ королевского происхождения, однако, орден жаловался и иностранцам, прежде всего, главам государств (не обязательно монархических). Довольно часто в орденовые гербовники (а равно и в стенной гербовник замка Фредериксборг) вносились государственные гербы тех стран, во главе которых стояли кавалеры (Масарик, Парванов, Тито). Обозначение кавалеров национальными эмблемами применяется и в отношении неевропейских стран (Мубарак, Мандела). Если награжденный глава или представитель иностранного государства имеет свой дворянский герб (Черчилль, Хорти, барон Скальфаро), то именно его и помещали на страницы гербовника, однако, не менее примечательны и недворянские гербы президентов различных стран (Эйзенхауэр, Миттеран, Макрон). В монографии на конкретных примерах авторы показывают неисчерпаемое многообразие геральдики, способной преодолевать все культурные и национальные границы.

М.К. ШЕЛКОВЕНКО

(член Геральдического совета при губернаторе Рязанской области, Заслуженный художник РФ, Почетный гражданин города Рязани, в 2004—2019 гг. член Геральдического совета при Президенте РФ).

ХОДЯКОВ М.В. *Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы*. 3-е изд. СПб. Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2019. 312 с.

Известный петербургский историк М.В. Ходяков занимается изучением денежного обращения в России уже несколько десятилетий. Результаты его изысканий нашли свое выражение в многочисленных статьях и в исследовательской монографии «Деньги революции и Гражданской войны», которая выдержала уже третье, значительно переработанное и дополненное сравнительно с предыдущими, издание¹. Интерес к этой книге имеет в значительной степени психологические корни. Булгаковский Воланд как-то прозорливо заметил: «...они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или из золота...» Богато украшенная и иллюстрированная книга профессора М.В. Ходякова дает читателю визуальное представление о том, как совершенно по-разному выглядели денежные знаки эпохи «Русской смуты» — отметим, что многие из представленных ассигнаций и бон представлены в личной коллекции ученого, начавшего ее создавать еще в студенческие годы.

Историк констатирует, что к 1914 г. денежное обращение страны «находилось в устойчивом состоянии» (с. 16), однако вступление России в Первую мировую войну резко из-

менило состояние финансов, «вырос спрос на наличные деньги, среди населения началась паника. Золото и серебро стали быстро исчезать из обращения» (с. 22). Громадные расходы на войну приводили к тому, что правительство несколько раз расширяло эмиссионное право Госбанка: с первоначальных 1,5 млрд руб. к декабрю 1916 г. оно выросло до 6,5 млрд руб., а к началу 1917 г. сумма кредитных билетов в обращении превысила 9 млрд руб. и продолжала стремительно увеличиваться (с. 29). Временное правительство перещеголяло в печатании денег царское правительство: при новой власти эмиссионное право Госбанка расширилось пять раз, достигнув в октябре 1917 г. величины 16,5 млрд руб. За восемь месяцев пребывания «временных» у власти денежная масса увеличилась в два раза (с. 29). В результате, по утверждению исследователя, к Октябрю «российские финансы находились в глубочайшем кризисе» (с. 47—48).

В книге показано, как и каким образом деньги эмитировались и циркулировали в эпоху кровопролитной Гражданской войны в России. Распад единого государства закономерно привел к исчезновению единого рублевого пространства. Центральная власть была не в состоянии обеспе-

чить финансами регионы огромной страны. В результате появились многочисленные эмиссионные центры (с. 9). Автор анализирует феномен «деньготворчества», иначе говоря, сепаратные эмиссии, процветавшие на окраинах бывшей империи: правительства «государственных новообразований», как называли их в ту пору, наперебой упражнялись «в изготовлении и выпуске в обращение суррогата денежных знаков» (с. 49). Однако представление о практически безденежных отношениях, якобы царивших в этот период, не соответствует действительности. Покупательная способность денежных знаков, эмитированных тем или иным правительством, зависела преимущественно от успехов или неудач на полях сражений. Так, в конце лета 1919 г. в распоряжении генерала Н.Н. Юденича оказались изготовленные в Швеции денежные знаки полевого казначейства Северо-Западного фронта, именовавшиеся «петроградками» или «крылатками» (с. 142—143). В октябре 1919 г. «юденьки» как платежное средство принимались в ревельских и нарвских лавках соседней Эстонии и ценились чуть ли не на вес золота (с. 145). После провала наступления на красный Петроград они столь же стремительно упали в цене, потеряв всякую покупательную способность.

На протяжении длительного времени специалисты по изучению бумажных денежных знаков, а также ряд экономистов обсуждали волнующий многих вопрос о том, печатались ли большевиками в годы Гражданской войны «царские» или «романовские» денежные знаки. То, что эти деньги активно использовались в повседневной жизни, было известно многим, не случайно, что они

пользовались доверием у населения, считавшего их «крепкими» деньгами и предпочитавшего именно в них хранить свои сбережения (с. 10). В давно уже ставшей классической работе «Наше денежное обращение» под ред. Л.Н. Юровского приведены данные о количестве «романовских» рублей, находившихся в обращении².

Для того, чтобы выяснить, сколько «царских» денег было эмитировано в 1917—1921 гг., автор книги обратился к материалам Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, занимавшейся изготовлением денег. Фонд Экспедиции сохранился в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Результаты подсчетов, проведенных автором, продемонстрировали динамику изготовления «романовских» денег в первые годы советской власти. Не менее важным стало и то, что ученый показал каналы для использования денег свергнутого режима: от выплаты немцам печально известной контрибуции в 6 млрд марок по договору от 27 августа 1918 г. (являвшемуся дополнением к Брестскому миру, заключенному 3 марта 1918 г.) до финансирования революционного подполья на занятых белогвардейцами территориях, раздувания мирового пожара и осуществления коммерческих операций на рынках Ближнего и Среднего Востока через систему потребительской кооперации (с. 79—96).

Отметим также раздел книги, посвященный циркуляции русских денег в чужой стране, а именно — выработку подготовительных мер, направленных на выпуск в обращение в полосе отчуждения КВЖД денежных знаков Русско-Азиатского банка и Китайско-Восточной желез-

ной дороги (с. 192—196). Документы, позволяющие более детально проследить, как принималось решение о данной эмиссии, были извлечены автором из фонда КВЖД, хранящегося в РГИА. Материалы ряда совещаний, состоявшихся в конце 1917 — начале 1918 г. с участием крупных представителей делового мира, свидетельствуют о том, что выпуск Русско-Азиатским банком собственных бон в начале 1919 г. стал тонким продуманным шагом, направленным на сохранение финансовых позиций банка и жизнеспособности железной дороги. Подписанные управляющим банком А.И. Путиловым и управляющим КВЖД генералом Д.Л. Хорватом бонны имели высокую покупательную способность, сравнимую с «романовскими» денежными знаками. Однако уже в мае 1920 г. «хорватовские» рубли стали изыматься из обращения и концентрироваться в Харбинском отделении Русско-Азиатского банка, который не отвечал за их обесценение и не собирался оплачивать в золоте те кредитные билеты, которые остались на руках у населения.

Новое издание книги содержит ряд чрезвычайно редких и ценных изображений денежных знаков: Высочайше утвержденные образцы кредитных билетов 1905 и 1909 гг. с автографами известных государственных деятелей — министра финансов В.Н. Коковцова и председателя Совета министров П.А. Столыпина. Не менее любопытны проектные рисунки государственного казначейского знака достоинством 100 руб. Сибирского Временного правительства (1919 г.) и эскиз государственного казначейского знака Омского правительства достоинством 1000 руб. (1919 г.). В разработке рисунков новых видов «колчаковок» принимал уча-

стие художник-скульптор И.Д. Шадр (с. 207).

Автор книги, опираясь на архивные материалы, первым из историков (еще в издании 2009 г.) воспроизвел описание так называемого «пролетарского кредита» — советских денег, разрабатывавшихся в 1918 г. отечественными специалистами (денежные знаки с советской символикой, именовавшиеся «расчетными знаками», появились лишь весной 1919 г.). На купюрах «высших достоинств» (100, 250, 500 и 1000 руб.) планировалось поместить портрет Карла Маркса. Однако проблемы технического характера не позволили в тот момент времени осуществить эту эмиссию. В 3-м издании книги благодаря сотрудникам Выставочного комплекса АО «Гознак» эскизный проект государственного кредитного билета с портретом К. Маркса был опубликован. Это дает нам возможность увидеть, как могли выглядеть денежные знаки образца 1918 года.

Отдельно рассматривается вопрос о денежном обращении на белом Юге России. Действительно, финансовый вопрос стал одной из наиболее серьезных проблем, стоявших перед белогвардейскими властями. А.И. Деникину так и не удалось объединить финансовые системы на всей территории, контролируемой его властями, унифицировать денежное обращение, воссоздать единый Государственный Банк и единое эмиссионное право³. При этом на всем протяжении существования южнорусского Белого движения расходы любого из белогвардейских правительств превышали его доходы (с. 160). Будучи диктатором, наделенным по сути неограниченной властью, Деникин не мог решить даже

«экзистенциальные» проблемы Белого движения: так, например, части Добровольческой армии по 3—5 месяцев не получали причитавшегося им и без того скудного содержания (с. 163). Выпуск знаменитых «колокольчиков» (другое название — «ленточки») — 1000-рублевых банкнот с изображением Царь-колокола и георгиевской ленты — не мог решить проблем белогвардейского режима: по справедливому утверждению М.В. Ходякова, деньги эти «не имели никакого реального обеспечения. Их хождение основывалось лишь на распоряжении властей, инерции и доверии населения. Единственным постоянным ресурсом армии оставался печатный станок» (с. 164—165).

Преемник Деникина на посту Главкома ВСЮР генерал П.Н. Врангель унаследовал от своего предшественника груз поистине неразрешимых проблем, к числу которых принадлежали и финансовые: «крепость Крым», как нередко называли в ту пору последний белый форпост газетчики, отчаянно нуждалась во всем самом необходимом, включая, конечно же, деньги. Несмотря на усиленную эмиссию, их в ведении полевых казначейств по-прежнему катастрофически не хватало (с. 169). За короткое время, отведенное историей для врангелевской эпопеи, барон успел отметить выпуск в обращение билетов Государственного казначейства достоинством в 100, 250 и 500 руб. с изображением на них новгородского памятника «Тысячелетие России» и подписью начальника Управления финансов М.В. Бернацкого и начальника кредитной части управления Б.К. Сувчинского. К середине июня 1920 г. денежных знаков с изображением на них микешинского шедевра находилось в обраще-

нии на сумму до 9 млрд руб. (с. 171). Отчаянные усилия врангелевского правительства по выправлению финансового положения успеха не имели, к тому же в ноябре 1920 г. белые вынуждены были поспешно оставить Крым, успев все же вывести с собой часть выпущенных денег, прежде всего деникинских «колокольчиков». Доверия к ним ни у кого за пределами «последней обители» белых — Крыма — не было, что наглядно иллюстрирует следующая история: с 4 (17) по 8 (21) ноября на Константинопольский рейд подходили и останавливались суда с эвакуированными из Крыма частями Русской армии и беженцами. На всех кораблях, кроме позывных, подняли сигналы: «Терпим голод» и «Терпим жажду». Как справедливо отметил московский историк Н.Д. Карпов, «Это были не просто сигналы, это был крик десятков тысяч людей о помощи»⁴ Вокруг русской эскадры беспрерывно сновали лодки торговцев, переполненные хлебом и сладостями, которые «за бесценок обменивались изголодавшимися на обручальные кольца, нательные кресты и т.п.»⁵ Дело в том, что, как вспоминал белогвардеец Ю.К. Мейер, «"Колокольчики" (ассигнация достоинством 1000 руб. с изображением Царь-колокола, имевшая хождение на территории ВСЮР. — А.П.) и голубые 500-рублевки были у многих толстыми пачками, но турок они не интересовали. Обмен шел на мелкие золотые и серебряные вещи. Курс был, конечно, грабительский. На веревочке спускалось в ялик золотое колечко, по всей вероятности, связанное с трогательными воспоминаниями, а обратно тянули жареного цыпленка...»⁶ «Наши бумажные деньги здесь были совершенно бесцельны, а "валюты" из нас почти ни-

кто не имел. Можно с уверенностью сказать, что если бы мы вместо наших бумажных денег привезли с собой такое же количество совершенно чистой белой бумаги, то эта бумага могла бы здесь для нас оказать более полезной, чем наши бумажные деньги. У кого оказались при себе драгоценности и вообще ценные вещи, то те платили за купленный у лодочников хлеб и за булку хлеба весом в 1—2 килограмма отдавали лодочнику-торговцу: револьвер или серебряный портсигар, серебряные или даже золотые часы, драгоценные кольца, офицерские бинокли и прочее», — писал белогвардеец Ф.П. Бурцев ⁷. Белогвардейские кредитные билеты целыми тюками без особой охраны лежали на палубах кораблей русской эскадры. Реализовать их на чужбине у изгнанников не получалось: «практичные греческие и турецкие торговцы быстро разобрались в сомнительной ценности этой “валюты” и вскоре, к нашему огорчению, признали ее совсем лишней цены. “Колокольчики” потом в галлиполийском лагере были все же применены, правда, по неожиданному назначению — в армейских лагерных уборных», — вспоминал эмигрант Д. Мейснер ⁸.

Подводя итог своему исследованию, М.В. Ходяков правомерно утверждает: «Масштабы Гражданской войны в России, огромные размеры территории, неимоверная сложность обстановки в различных регионах, образование национальных правительств и многие другие факторы способствовали широкой эмиссионной практике белогвардейских правительств. Однако важнейшей составляющей, которая побуждала очередное правительство, приходившее к власти в том или

ином уголке огромной страны к выпуску денег, становилось его стремление подтвердить собственную легитимность, поддержать престиж. Деньги в этом случае играли важную политическую роль. Отсюда появление на денежных знаках Белой гвардии узнаваемых всеми образов: Царь-колокола, Московского Кремля, памятников Минину и Пожарскому, “Тысячелетие России”, Медного всадника и т.д.», однако, «военные поражения сводили на нет все попытки белых генералов укрепить свой престиж посредством многочисленных эмиссий» (с. 296). М.В. Ходякову удалось подготовить основательное и глубокое исследование, которое по праву ожидает признание специалистов; книга будет интересна и любому читателю, интересующемуся проблемами новейшей истории России. Без сомнения, монографию петербургского историка, выдержавшую уже третье издание, следует признать классическим исследованием истории финансового обращения в годы революции и Гражданской войны.

А.С. ПУЧЕНКОВ

(д.и.н., профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

Примечания

Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19—09—00430 «Врангелевский Крым в 1920 году: опыт государственно-культурного строительства и этно-конфессионального диалога».

1. См. публикации: ХОДЯКОВ М.В. Эмиссия «романовских» кре-

- дитных билетов в годы Гражданской войны. 1918—1922 гг. В кн.: Мавродинские чтения. Сб. статей. СПб. 2002, с. 358—382; ЕГО ЖЕ. Сомнительные деньги: фальшивомонетки в годы революции и гражданской войны. — Родина. 2002. № 7, с. 72—75; ЕГО ЖЕ. Орел с опущенными крыльями. — Родина. 2008. № 3, с. 49—52; ЕГО ЖЕ. Украинская стихия Гражданской войны. — Российская история. 2015. № 1, с. 171—175; ЕГО ЖЕ. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917—1920 гг. СПб. 2009; ЕГО ЖЕ. Деньги революции и Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. СПб. 2018; ЕГО ЖЕ. «Приходится тратить немало денег для сохранения конспиративности»: Петроградская губернская ЧК периода гражданской войны в материалах финансовых органов. — Новейшая история России. 2012. № 2 (04), с. 7—23; ЕГО ЖЕ. Китайско-Восточная железная дорога и эмиссия бон Русско-Азиатского банка в 1918—1919 гг. — Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2, с. 355—367; KHODYAKOV M.V. Money of the Russian Revolution. 1917—1920. Newcastle upon Tyne, 2014 URL: <http://www.cambridgescholars.com/money-of-the-russian-revolution>
2. Наше денежное обращение: Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг.: (по материалам Валют. упр. Нарком. Финансов СССР) (под ред. и с предисл. проф. Л.Н. Юровского). М. 1926.
 3. ХОДЯКОВ М.В. Украинская стихия Гражданской войны. — Российская история. 2015. № 1, с. 172.
 4. КАРПОВ Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М. 2002, с. 20.
 5. ПОПОВ В. Две эвакуации — Исход Русской Армии генерала Врангеля из Крыма (составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова). М. 2003, с. 568.
 6. МЕЙЕР Ю.К. Записки последнего кирасира. — Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Выпуск VI. М. 1995, с. 634.
 7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5881, оп. 2, д. 277, л. 29.
 8. МЕЙСНЕР Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М. 1966, с. 101.

Contents

For teacher of history: **V.V. Kalinovskiy, A.S. Puchenkov**. “The last chord of the Silver Age”: science and culture in Crimea in 1920; **L.N. Lobchenko**. Formation and development of environmental education in Russia of the 19th—20th centuries: historical and legal analysis. People. Events. Facts: **S.B. Makeeva, V.G. Datsyshen**. The history of the activities of joint Russian-Chinese enterprises in the Russian Federation and the North-East of the PRC (2000—2010s); **S.A. Butorov, A.S. Butorov, O.M. Kanygina**. US socio-political thought on the forms of government in the post-Soviet states; **Yu.M. Guseynov**. Radicalization of Dagestan’s youth in the post-Soviet period; **R.V. Kostyuk, E.P. Katkova**. Franco-Yugoslav relations in the context of the evolution of world politics in the 1970s-1980s; **N.M. Ignatova**. The functioning of settlements for forced migrants in the protocols of meetings of special commandants of the Vologda Oblast in 1954-1955; **S.V. Vinogradov, Yu.G. Eshchenko**. Industry of the Astrakhan region during the Great Patriotic War; **A.E. Bedel, M.V. Mikheev**. The copper industry of the Sverdlovsk region in 1940—1953 (statistical information); **V.V. Kulachkov, I.V. Goncharova, G.S. Chuvardin**. The role of social communications in the modernization of the Russian village in the 1920s (based on the materials of the Bryansk, Smolensk, Gomel, Oryol and Kursk provinces); **L.S. Adzhyieva, S.V. Doletskaya, Ya.A. Ivleva**. Development of balneology in Yevpatoriya in the last quarter of the 19th — first third of the 20th centuries; **M.-P.B. Abdusalamov**. On the question of feudalism in the Kумыk state formations (16th—18th centuries); **R.M. Valeev**. Forms of trade development in Volga Bulgaria in the 9th — early 15th centuries; **I.I. Bakhshiev**. Cultural stratigraphy of the Bronze Age settlement of Olair in the Bashkir Trans-Urals; **Zhou Guochang, Sun Yizhi**. Liquidation of the Soviet presence in Shanghai (1927—1928); **Teng Yue**. Shi Jing culture of the song dynasty in China - song dynasty Ci in a musical context. History and fates: **M.V. Novikov, T.B. Perfilova**. “It was a man of labor”: in memory of M.M. Khvostov; **L.A. Ivkina**. Patriot and Humanist: In memory of the Cuban scientist Emilio Roig de Leuchsenring (1889—1964); From history of religions: **V.V. Mashkovtseva**. Children of the “Old Believers” as an object of the confessional policy of regional authorities in the second quarter of the 19th century (based on materials from the Vyatka province); **V.V. Mikhailov, K.V. Losev**. Transition of the Rusins of Austria-Hungary to the bosom of Orthodoxy in the end of 19th - beginning of 20th century: Lost perspective for Russia; **G.M. Molotova, E.M. Molotova**. The concept of “*insan-i kamil*” in the teaching of Sufi; **L.E. Yangutov, M.V. Orbodoeva**. Buddhism in the history of China in Southern and Northern kingdoms. From history of political parties: **S.S. Stepanova**. Political parties of Russia in the socio-political discourse in the post-perestroika period (to the history of the issue). History and law: **P.I. Ivanov, A.S. Shitov**. Corruption and the fight against it in historical retrospect; **V.O. Lapin**. Experience in combating economic and official crimes in the years of the new economic policy. Historiography: **V.N. Shaidurov, D.A. Kosko**. Polish exiles through the eyes of contemporaries (based on memoirs of the second half of the 1860s - 1910s); **V.I. Goldin, F.Kh. Sokolova, A.E. Shaparov**. Civil War and international intervention in the Russian North: a critical review of the book by an Israeli historian; **S.I. Podolsky**. The third front of the Russian Civil War. Bagging; **M.K. Shelkovenko**. Coats of arms of Russian Cavaliers in the coats of arms of Danish Royal orders; **A.S. Puchenkov**. Kolokolchiki”, “yuden’ki” and “vranglevki”.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 10(4), 2020

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.09.2020. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 4350-2020. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»